

Г. М. АЛЕКСАНДРОВ

YMCA-

-PRESS

я увожу
к отверженным селениям...

ДАНТЕ, АД, песнь III

Г. М. Александров

Я УВОЖУ К
ОТВЕРЖЕННЫМ
СЕЛЕНИЯМ

роман в двух томах

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève. Paris (5).

© World Copyright YMCA-PRESS 1978.

Том II

земля обетованная

Глава 1.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Четвертая лагерная больница лежит в тридцати двух километрах от небольшого поселка, знаменитого только тем, что на окраине его нашла себе место пересылка, а в центре, по соседству с покосившимися от старости домиками, красуется серое здание управления лагеря. Почему четвертую больницу назвали четвертой, об этом не догадывался никто. От рядового охранника до генерал-майора Орлова все знали, что ни второй, ни третьей, не говоря уж о первой, больниц нет и никогда не было. И все же, очевидно для эффекта, продолжали называть единственную больницу лагеря четвертой. Всякая больница начинается с приемного покоя, но лагерная больница — с вахты. Уже полчаса Рита и те, кто был с ней, ждали на вахте прихода врача. Лида забилась в уголок. Ефросинья лежала на полу, изредка шевеля кистями рук, сложенных крест на крест на груди. Возле нее стояла Катя, иногда она наклонялась к больной и шепотом успокаивала ее.

— Потерпи немножко. Скоро... — Лицо Ефросиньи оставалось неподвижным, она не слышала ничьих слов. Елена Артемьевна дважды пыталась сесть рядом с Ефросиньей, но надзиратель всякий раз поднимал ее окриком.

— Не рассказывайся! Не на курорт приехала!

— Кого мы ждем? — тихо спросила Рита. Елена Артемьевна пожала плечами.

— Врача или начальство.

— Где Любовь Антоновна? — Елена Артемьевна что-то хотела ответить Рите, но ее перебила Катя.

— Где Гвоздевский, там и она. Ей не до нас.

— Какая ты злая, — прошептала Рита.

— Заткнись! — посоветовал надзиратель и, подумав немного, пообещал: — Мозги вышибу!

Минут через сорок на вахту пришел какой-то начальник, судя по погонам — майор. Увидев его, надзиратели вскочили.

— Вольно! — махнул рукой майор. — Что тут за кодла на вахте?!

— Товарищ майор! Прибыли больные заключенные из семьсот семнадцатого лагпункта в количестве пяти человек. Доктор, который...

— Я сам доктор, — перебил надзирателя майор. — У вас тут не караульное помещение, а бардак. Одна разлеглась, или это ты ее положил?

— Никак нет, товарищ майор! Старуха она!

— Сам вижу, что не молодая. Девчонку бы на лавке положил, а со старухой и на полу можно? Когда уж научитесь уважать старость? Где их конвой?

— В казарму пошли отдохнуть с дороги, товарищ майор.

— Формуляры заключенных у них?

— Так точно, товарищ майор!

— Позвать их! Пускай забирают больных и везут назад, откуда привезли.

— Вот тебе и больница, — уныло прошептала Катя.

— Начальник семьсот семнадцатой здесь?

— В палате товарища полковника, товарищ майор, — доложил надзиратель.

— Позвать ко мне!

— Куда же нас? — громко спросила Рита.

— Домой, — спокойно пояснил майор. — Больные нашлись. Эту старуху, — майор шевельнул носком сапога Ефросинью, — приму: она живо койку освободит. А у тебя что? — спросил майор Катю, тыкая ей пальцем в глаз.

— Чахотка, — ответила Катя, откидывая голову назад.

— Я думал — слепая. Хорошо видишь. Тубики по полгода в больнице живут, жди, когда сдохнет. Друзья называются. Только и думаю, чтоб в больнице помереть, а товарищ хоть пропандай. Ты с чем, старуха? — майор слегка щелкнул по лбу Елену Артемьевну. — Звенит. Пустая у тебя голова. Чо молчишь?

— Я отвечу доктору, — устало проговорила Елена Артемьевна, не опуская глаз под насмешливым взглядом майора.

— Гра-а-а-мотная... Расплодились контрики, как клопы! У меня врач вот где! — майор сжал кулак. — Осталась бы у меня — я б тебя в карцер! Больничного трюма еще не пробовала?

Язык проглотила? Распустил вас капитан Лютиков. Ну а ты с чем сюда попала? — майор дернул Риту за волосы и провел пятерней по лицу. От его потных пальцев пахло табаком и бензином.

— Я не знаю, — прошептала Рита.

— Я за тебя знать буду? Больная не помнит, чем болеет! Фокусники! Как в том анекдоте: пришел симулянт к доктору и говорит: «У меня болит нога». «Какая, — спрашивает доктор, правая или левая?» «Пока шел к вам, забы», — отвечает симулянт. В глубинке вспомнишь, что закосить надумала.

— А ты что мне козью морду строишь? — строго спросил майор, хватая Лиду двумя пальцами за нос.

— Больно, — заплакала Лида, — я маленькая...

— Сумасшедшая, а больно. Ты мне черноту не лепи! Морду строишь, как чокнутая, а к носу притронулся — и больно. Скажи спасибо, что красные сопли тебе не пустил. На больницу не надейся! Чокнутых ни одна зона назад не берет. В вольную больницу уголовных чокнутых принимают, а вас, контриков, нет. У меня трое таких в зоне бегают. Одна стекло толченное жрет, другой без штанов бегают, а третий...

— Товарищ майор! Вы звали меня?

— Звал, капитан. Түфту ты мне привез, а не больных.

— Я не врач, товарищ майор. Со своей командировки я имею право по плану послать до нового года в больницу пять человек.

— По плану, по плану... У меня мест нет! Одну старуху приму и хватит.

— Я обжалую ваши действия, товарищ майор, полковнику Гвоздевскому.

— Он болен, капитан.

— Этих больных я привез по приказу полковника. Позавчера он утвердил список больных. Их осматривал доктор.

— Я сам почище докторов понимаю, кто больной, а кто здоровый. С сумасшедшими и чахоточными задаром возиться не стану.

— Я не пойму, товарищ майор, о какой оплате идет речь. Спрошу у полковника Гвоздевского.

— Не лезь в бутылку, капитан. Я сказал задаром... ну... вроде бы напрасно. Пользы от этих больных не будет никакой.

— Я обжалую ваши действия начальнику управления лагеря.

— А кто тебе разрешит с ним говорить?

— Попрошу разрешения у товарища полковника. Вот и мои конвоиры, — воскликнул капитан, увидя входящих на вахту конвоиров. — До моего возвращения от зоны больницы не отходить ни на шаг. Заключенных больных обратно не этапировать, даже если вам скажут, что они не приняты в больницу. Я доложу начальнику управления, товарищ майор, что вы самовольно, без осмотра врача, отказались принять больных.

— Ты с ума сошел, капитан! Какое дело начальнику управления до зеков! Больные они, здоровые... живые, умерли — это нас не касается. Важно одно — работа! А в больнице они даром едят хлеб.

Капитан громко хлопнул дверью. Майор поспешил за ним.

— Ты не бужи! — заговорил майор, догоняя капитана. — Какой врач примет зека без моего согласия! Кто они такие эти врачи! Зеки! Запищат — я их на штрафняк погоню!

— Ты обещал, майор... — мрачно напомнил капитан.

— Да ведь и ты обещал... Забыл?

— Я с этих зеков копейки не взял.

— Темнишь, капитан! С уголовников — поверю, их и без лапы в больницы направляют. А с контриков... бабушке своей расскажи. Что я, всю лапу себе в карман кладу? Разбогатею! С верхотурой не поделюсь — мне по мягкому месту влепят. Ты мне, а я — им, ну и себе немного оставляю... Так и живем, капитан. С самого веру указание вышло, чтоб контриков поменьше лечить. Такие люди приказали, что сам Орлов тянется перед ними. У меня в больнице двенадцать барачков. Одиннадцать — бытовиков и один — контриков. Попробуй я хоть одного контрика сверх плана прими, знаешь, что мне запоют? Такую клизму поставят! Ого-о!

— Этих контриков приказал отправить Гвоздевский.

— Что ж, он сам с них брал?! Полковник с нас берет, а мы — с зеков. Еще скажи, — майор понизил голос до шепота, — что сам Орлов с зеков лапу берет. Он от нас с тобой не возьмет из рук в руки: ему Гвоздевский дает и другие.

— В прошлом году полковник дома заболел. К нему вызвали заключенную врачиху, она в то время на пересылке сидела. Эта врачиха спасла полковника.

— А при чем тут твои зеки?

— А при том, что эта докторша, ее фамилия Ивлева, она со вчерашнего дня возле полковника сидит, она просила Гвоздевского отправить зеков в больницу.

— Каких зеков?

— Тех, что у тебя на вахте сидят.

— Чтоб полковник из чувств, — майор хмыкнул, — из чувствительности, хо-хо-хо! врачиху твою послушал! Он ее в глубинку загнал и он же по ее просьбе контриков отправил. Сюда они или доходягами попадают, или у вас на командировке концы отдают. Полковник мужик идейный, лапу любит побольше нас с тобой.

— Зайдете со мной, товарищ майор? — спросил капитан, когда они подошли к небольшому домику, стоявшему между двумя бараками.

— Зайду, — охотно согласился майор, лукаво взглянув на капитана.

В жарко натопленной комнате у кровати Гвоздевского сидела Любовь Антоновна. Увидев начальство, она запахнула потуже белый халат и предупредила:

— Беспокоить больного не разрешаю.

— Не состоится разговор, капитан! — майор с удовольствием потер руки.

— У меня служебное дело, доктор! Прибыли пять больных заключенных с моего лагпункта. Они отправлены в больницу по приказанию товарища полковника. Их не осмотрели врачи. Начальник больницы, майор Погорелов, заявил, что врачи заняты и не примут их в больницу. Я должен спросить товарища полковника, изменит ли он свой приказ.

...Что я наделала... Он спит... Я сказала, что его нельзя тревожить... Можно!...

— Ваши служебные дела не имеют ко мне никакого отношения. Сколько времени, гражданин начальник? — спросила Любовь Антоновна, стараясь, чтоб голос ее звучал спокойно и буднично.

— Пять минут седьмого, — нетерпеливо ответил майор, мельком взглянув на свои часы.

— Я на пять минут опоздала сделать инъекцию, — суетливо заговорила Любовь Антоновна. — Шприцы прокипячены, а санитаря я отпустила поужинать. Мне не дали часы — и вот результат.

— Может подождете с уколом? — упавшим голосом попросил майор.

— Ни одной минуты! Помогите мне! Я не могу ждать прихода санитаря. Если мне не дадут часы, я доложу начальнику управления лагеря и заявлю, что отказываюсь нести ответственность за несвоевременные инъекции.

— Санитаря завтра же на общие работы пошлю, — злобно пообещал майор, обнажая руку полковника.

— Санитар не виноват. Виновата я и часы! — отрезала Любовь Антоновна, вгоняя тонкую иглу в дряблое тело Гвоздевского.

— Товарищ полковник! Прибыли пять заключенных больных с семьсот семнадцатого лагпункта. Позавчера вы лично распорядились, чтобы эти заключенные были отправлены в больницу. Помните? — спросил капитан. Веки Гвоздевского дрогнули и медленно поползли вверх, но полковник смотрел не на капитана, а на Любовь Антоновну. Его безвольный потускневший взгляд словно спрашивал доктора: Кто ты? Что нужно тебе? Говори!

— Я вам о них напоминала, гражданин начальник. Вернее, просила, чтобы эти заключенные остались в больнице. Они очень плохо себя чувствуют, — твердо сказала Любовь Антоновна.

— Майор Погорелов заявляет, что в больнице нет свободных врачей, а поэтому прибывших заключенных врач не глядел. Прикажете отправить их обратно в зону? Нет? — лицо капитана просветлело. — Оставить здесь? Разрешите от вашего имени, товарищ полковник, позвонить начальнику управления, если майор Погорелов не примет этих больных?

— Раз-ре-ша-ю... — выдавил полковник.

В эту минуту в комнату вошел заключенный, одетый в поношенные ватные брюки и порыжевшую от времени рубашку. Увидев начальство, он вытянул руки по швам.

— Как стоишь, курвец! — набросился майор на вошедшего. — Полюбуйтесь на него, капитан. Мотня расстегнута, пуговицы на рубашке оторваны, одна штанина короче другой. И это называется санитар. Капитаном корабля до заключения служил. Признавайся! Служил?

— Признаюсь, гражданин начальник! Служил! — в глазах бывшего капитана промелькнуло подобие улыбки, а лицо осталось сухим и бесстрастным.

— Гражданин начальник! — заговорила Любовь Антоновна, обращаясь к Гвоздевскому. Полковник продолжал неподвижно лежать. — Я к вам, гражданин полковник, — повысила голос Любовь Антоновна. — Разрешите мне принять больных с семьсот семнадцатого лагпункта. — Гвоздевский страдальчески сморщился и с трудом кивнул головой.

— Зачем же тебе... вам беспокоиться? — спросил майор, злобно взглянув на Любовь Антоновну.

— Я еще раз спрашиваю, гражданин полковник... — начала Любовь Антоновна, но майор ее перебил.

— А кто же останется с больным?

— Начальник управления лагеря приказал звонить к нему, если возникнут трудности. Я выполняю его приказ. У больного вместо меня останется другой врач. Вы разрешите позвонить начальнику управления?

— Звоните, — ответил майор и, немного подумав, добавил, — Я приказываю вам осмотреть прибывших больных с семьсот семнадцатой командировки.

— Есть осмотреть больных, — послушно повторила Любовь Антоновна.

— У меня к вам личный разговор, доктор. Один на один. Насчет его здоровья, — счел нужным пояснить майор, кивнув в сторону полковника. — Вы дура, Ивлева! — заговорил майор, когда они вышли из домика. — Восемь лет в лагерях и ума не набрались. Я тебя врачом штатным хотел у себя оставить, а ты мне в суп серешь. Боишься своего начальника? Ты к нему не попадешь. Держись за меня, выгоднее.

— Разъясните, гражданин начальник.

— Любой, кто в лагере пробыл полгода, понял бы. А ты: «разъясните!» Где не надо — вы умные, а где надо — дураки. Видишь, что я против зеков с семьсот семнадцатой... а ты мазу

за них держишь. Выздоровеет полковник и на глубинку загремишь. Тут тебе платье ситцевое дали, халат чистый, сыта. А там? Почему защищаешь зеков? Они твои подельники или ты снюхалась с ними?

— Я по делу иду одна, гражданин начальник. Капитан мне безразличен.

— Жалеешь? Подружки они твои?!

— Никак нет, гражданин начальник. В моем возрасте поздно обзаводиться подругами. Я на них и глядеть не хочу. Я человек интеллигентный, а они... «Какой бред...» Одна обругала меня. Из-за другой в карцер посадили. С третьей я вообще не разговаривала.

— Почему же ты просила полковника за них? Ну есть там одна гра-а-а-мот-ная... — последнее слово майор протянул с отвращением, как особо обидную ругань.

— За нее я бы не стала просить никогда. Она придерживается ложных взглядов, мы с ней ссорились с первого до последнего дня.

— Знаю я, что вы, грамотные контрики, лагаетесь меж собой. Но почему ж просила?

— Честно сказать, гражданин начальник?

— Только по-честному, Ивлева. Меня не обманешь.

— Одна из них получила богатую передачу и отдала ее мне.

— Так бы сразу и сказала. Ты, оказывается, умная. Другие из себя святых корчат, а ты... правильно! Ты мне нравишься! Однако сюда ты приехала без ничего. Где же дачка? Слопала?

— Украли ночью, гражданин начальник.

— А говорят у контриков не воруют... Такая же шпана, как и уголовники. Признавайся до конца, Ивлева! Ты баба с головой! Беззубая, да зубастая. За одну дачку за них бы не попросила полковника. Что они тебе еще дали?

— От вас не скроешь, гражданин начальник... Не скажу...

— Говори, дура! В тепле спать будешь! Жрать от пуза! Врачам отдельно готовят.

— Вы обещаете, а потом...

— Слово майора Погорелова! Ты мне не веришь?! — оскорбленно спросил майор.

— Как я смею вам не верить?

— Хочешь забожусь?

— Золотое кольцо.

— Молоток, старуха! По-моему действуешь... Я думал, что ты по дурости за капитана мазу держишь. Заключенным золото не полагается... И украдут его у тебя! Отдай мне его для сохранности. Оно у меня как в госбанке будет лежать, не пропадет!

— Примете больных — и отдам.

— А может сейчас?.. — нетерпеливо спросил майор. — Зайди в уборную и достань. Потеряешь, Ивлева...

— Только после того, как примут больных.

— Тебя и обыскать могут.

— Кольца при мне нет. Я перепрятала его в зоне. Если его даже найдут, оно вам не достанется на сохранение, гражданин начальник. Придется делиться с надзирателями.

— Ох, и башковитая ты, стервоза! Не строй рожу, как та дурочка, что на вахте. Я тебя любя стервозой назвал. Цени.

— Оценила, гражданин начальник!

— Дура ты или умная? Если в голове масло есть, должна понять, что не выгодно спорить со мной из-за каких-то доходов. Ну, дали они тебе дачку и кольцо... Не приму я их, вы больше и не увидите.

— Мне еще жить и жить в лагере. На больнице вечно не буду. Расскажут они другим заключенным, что я взяла у них кольцо, а обещание не сдержала — мне прохода не дадут. О себе подумать надо, гражданин начальник.

— Какая ты умница! Все учла. Только без тупты принимай их! Что есть, то и напишешь.

— Я бы сама рада всех их не принять, но если они больны — не смогу.

— С тобой можно дело иметь! Долго с ними не кочевряжься! Раз-два — и в дамках! Чокнутую не принимай... И чахоточную... Разоблачи их, — попросил майор, когда они подходили к вахте.

— Сумею — разоблачу!

— А колечко-то не медное?

— Золото девяносто шестой пробы, — успокоила Любовь Антоновна взволнованного майора. — Старинное кольцо, тяжелое.

— Жду! Поскорее бы схоронить его, — вслух мечтал майор, пропуская Любовь Антоновну на вахту.

— Гражданин начальник! Я не могу при посторонних осматривать женщин. Или предоставьте мне отдельное помещение, или прикажите всем мужчинам уйти, — потребовала Любовь Антоновна.

— А чо их рассматривать!? — удивился майор. — Здоровых от больных в миг отличишь. У меня глаз — алмаз: стоит — здоровый, лежит — больной.

— Все могут на вахте баб осматривать, а она не может, будто врачи что-то тумкают в больных. На то начальник есть. Захочет — выгонит, захочет — положит, — преднамеренно громко сказал один из надзирателей. Он явно рассчитывал на то, что его слова услышит Любовь Антоновна. Она подошла к Ефросинье, прощупала пульс и коротко сказала:

— Принять! Состояние очень тяжелое. — Любовь Антоновна обернулась к Кате. Катя выпрямилась и, громко засопев, открыла рот, что-то намереваясь сказать, но доктор заговорила первой:

— Кровохарканье?

— Зачем вам это? Пишите здорова, — тяжело дыша, ответила Катя.

— Сама говорит, что здорова, — весело подхватил майор. — У нее т-б-ц, тащи бревно целиком, вот какой у нее туберкулез, — надзиратели весело заржали.

— Туберкулез в открытой форме. Принять! Или дайте мне возможность выслушать ее с помощью стетоскопа.

— А с чем его едят, ваш староскоп? — нагло усмехнулся надзиратель.

— С бычиными мозгами, гражданин надзиратель, — не оборачиваясь пояснила Любовь Антоновна.

— Хватит, доктор. Нам ваши слова до лампочки. Поглядите на этих трех и скажите сразу, без финтиклюшек: принимать или не принимать, — потребовал майор.

— Все пятеро нуждаются в стационаре.

— Мест для всех нет. Ну ладно. Этих четверых в землянку. Там раньше шорники жили, полы деревянные.

— Нары есть в землянке, гражданин начальник?

— Сплошные... так и быть, мы им пару матрасов подбросим. Пусть гужуются.

— Не два, а на каждого по матрасу.

— Жирно будет, доктор!.. Хорошо, хорошо... Дадим по матрасу. А куда эту чокнутую, — майор указал на Лиду.

— Вместе со всеми в землянку, — посоветовала Любовь Антоновна. — У вас больные работают санитарями. Этим трем, — Любовь Антоновна указала на Катю, Риту и Елену Артемьевну, — вменить в обязанность присматривать за душевнобольной.

— Вы как по нотам все расписали. Запускай их в зону! А вы, доктор, ступайте к своему больному.

— Есть идти к своему больному!

Катя попыталась что-то сказать. Рита робко протянула руки к Любви Антоновне. Елена Артемьевна спрятала в ладонях лицо. Лида улыбалась растерянно и счастливо. Любовь Антоновна, не посмотрев на своих пациентов, размеренным шагом шла к маленькому домику, где на белоснежных простынях, их меняли каждый час, лежал умирающий полковник.

— Вот мы и на месте, — вздохнула Елена Артемьевна, входя в землянку. Два небольших окошка смотрели в деревянную ограду, едва заметную в синих сумерках наступающего вечера. Во всю длину землянки шли сплошные одноэтажные нары. Посредине стояла железная печка, но дров не было. Возле окна — ведро, на дне его поблескивала вода. На подоконнике — жестяная круглая банка, наполненная каким-то вонючим жиром. Из банки выглядывал кончик обгоревшего фитиля.

— Каганец. Свет будет, — обрадовалась Лида, увидев банку, и тут же испуганно замолчала.

— Копилка, — поправила ее Катя. — Чадит она... в бараке редко зажигать дозволяли.

— Тут тоже не зажжешь без огня, — заметила Рита, тоскливо вздохнув. — Я с детства боюсь темноты.

— Нам матрасы обещали, — вспомнила Лида и поспешно добавила. — У меня был брат...

— Не надо, Лида, — попросила Катя. — Кто у нас на вахту побежит? Я? Рита? Елена Артемьевна?

— Я доктора испугалась. Это она меня насчет брата научила, — призналась Лида. — Как ты сказала, что она донесет, у меня поджилки задрожали.

— Катя ошиблась, — сухо и холодно проговорила Елена Артемьевна. — Свет, по-моему, нам не нужен. В камере надоело спать при свете.

— Кто-то идет, — предупредила Лида, стоявшая у окна.

— Чертова дверь! — выругался вошедший, потирая ушибленный лоб. — Вот где вы разместились... Без света сидите. Сумерничаете.

— Спичек нет, гражданин начальник, — отозвалась Катя.

— А зажигалка на что? Где ваша коптилка?

— На окне, — подсказала Катя.

Вспыхнул синий язычок пламени. Фитиль затрещал и крохотный огонек осветил землянку.

— Заходите, доктор. Что вы за порогом стоите? — пригласил хозяин зажигалки. Любовь Антоновна, слегка наклонив голову, вступила на порог землянки.

— Не утруждайте себя, Игорь Николаевич, я сама, — протестовала Любовь Антоновна. Но Игорь Николаевич, бережно взяв ее за руку, помог спуститься с высокого порога.

— Показывайте, как вы тут устроились. Ночи прохладные, печку растопите. Матрасов нет, я так и знал...

— И дров тоже, — осторожно подсказала Катя.

— Минут через двадцать найдем матрасы и дрова, — пообещал Игорь Николаевич. — Вы ужинали? — Никто не решился ответить. — Жалобы есть? — услышав последний вопрос, Лида мелко задрожала всем телом, Катя закашлялась и алые брызги полетели в сторону Игоря Николаевича. Рита еще ниже опустила голову. Елена Артемьевна порывисто вскочила на ноги.

— Жалоб никаких нет, гражданин начальник! — заслоняя Риту, выкрикнула Елена Артемьевна.

— Гражданин главврач! — зазвенел голос Любови Антоновны.

— Бог с вами, доктор... простите... Не подумал, — оправдывался Игорь Николаевич, отступая к дверям. — Успокойтесь, Любовь Антоновна... Я — пятый год главврачом... Забыл, что значит этот вопрос...

— Зато они хорошо помнят. Этот вопрос позавчера им задал мой пациент, полковник Гвоздевский.

— Какое недоразумение... Вы прибыли в воскресенье. Я был за зоной. Завтра все улажу. В больничных корпусах мест нет. Завтра позвоню Орлову, может быть удастся что-нибудь выбить. Запирайте покрепче двери. Если ночью постучатся надзиратели, скажите, что главврач не велел никого впускать. Я сам поговорю с ними. А сейчас дам команду, чтобы вам принесли дров. За матрасами сходите сами.

— Я пойду, — вызвалась Рита.

— И я, — подхватила Катя.

— Вот и чудесно. Поскорей выздоравливайте, девушки! И — в обучение к Любови Антоновне. Она из вас семь потов выжмет, пока медсестрами сделает. Скучать не даст и ошибок не простит. Чуть не так — и неуд в зачетки. Я не забыл ваш неуд, профессор.

— Я бы за такую палату и кол не поставила, — отпарировала Любовь Антоновна, указывая на грязные стены со следами подтеков.

— Крышу починим. Стены побелим, девушки нам помогут. Заглядывайте через недельку, увидите, какой я мастер, — балагурил Игорь Николаевич. — Где думаете отдохнуть сегодняшней ночью?

— Если разрешите, Игорь Николаевич, здесь.

— Ваша воля... я в грязь лицом не ударю. Сейчас землянка на карцер смахивает, а часа через два...

— Если бы нашлось отдельное помещение... — задумчиво проговорила Любовь Антоновна.

— Найдем.

— Не мне, Игорь Николаевич. Ей, — Любовь Антоновна указала на Ефросинью.

— Есть запасная комнатка, туда ее и поместим.

— Прекрасно. Я ночью буду проведывать ее, — пообещала Любовь Антоновна.

— Мы случайно с вами не коллеги? Простите, как ваше...

— Заключение Денисова, гражданин главврач.

— Я такой же заключенный, как и вы, а не гражданин главврач, — вспылал Игорь Николаевич. — Я бывший студент профессора Ивлевой. Скверный студент, нерадивый. Вы не доверяете мне. Я живу за зоной, без конвоя. Я слышал, как вас приняли на вахте. А что я могу сделать? Простите, сейчас

не время для объяснений. Познакомимся поближе и... Пошли за матрасами, девушки.

— Тебе не стыдно, Катя, за доктора? — спросила Рита. Они шли позади Игоря Николаевича. Он о чем-то оживленно беседовал с Любовью Антоновной.

— Стыдно, Рита. Я обозлившись на всех. Не верю никому.

— А я верю Любовь Антоновне.

— Эх, Ритка! Что как с мое пробудешь тут, матери родной не поверишь... Попрошу прощения у нее. Простит?

— Она все-все знает. Даже, что думаем мы с тобой. Я в мыслях тоже... ей открою... Что плохо думала.

— Она, видать, на воле знала этого главврача. Чудной он. Я в лагерях таких не видела. Ему власть большую дали. Я второй раз в больнице лежу. Заключенных докторов никто во внимание не берет. Скажет что поперек — и на общие работы. Этот пришел и как начальник командует. Почему бы это? — вслух рассуждала Катя.

Поздно вечером, когда на вахте пробили отбой, в дверь землянки кто-то осторожно тихо постучался. Елена Артемьевна с сожалением оторвала взгляд от печки, в ней весело потрескивал огонь, и, машинально одернув платье, подошла к окну. «Любовь Антоновна... Так поздно... Не боится ходить после отбоя», — удивилась Елена Артемьевна.

— Спят они? — шепотом спросила Любовь Антоновна, присаживаясь на охапку дров.

— Спят. Что ж вы так поздно?

— У Ефросиньи задержалась. Скоро уйдет она... туда, «где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, но жизнь бесконечная»... Ее похоронят без церковных обрядов. Даже могильного холмика не останется от нее... Какая для нее трагедия умереть так... без попа, без пения... Мертвым все равно... Но она живая и знает, как ее схоронят... Спасти ее невозможно. Игорь Николаевич хотел ей ампутировать руку, я отсоветовала: лишнее мучение. Он опытный хирург.

— Вы давно его знаете?

— Семнадцать лет. Он тут имеет огромное, я бы сказала фантастическое, влияние. На моих глазах распекал начальника больницы за то, что он так обошелся с вами. Они его все боятся... А вот почему — не знаю. Хороший он был юноша.

Крикливый немного, вздорный, но простой. Обещал, что со мной ничего не случится, если даже Гвоздевский умрет. Святая простота! Неужели послушают какого-то заключенного врача, будь он дважды гением и трижды Гиппократом. В БУРе свободное место найдут и ему. Но самое странное, что он говорит уверенно. Не пойму, чего тут больше — хвастовства или...

— А вдруг?..

— Тогда — чудо или... подлость. В чудо не верю, от подлеца помощи не приму.

— Какая подлость?

— Он может вступить за меня, если за его спиной стоит управление лагерей. Даже если он мне окажет помощь бескорыстно, а человек, связанный с лагерной администрацией, бескорыстно не ступит и шагу, я такой помощи не приму. Мне кажется, мое опасение напрасно. Он от чистого сердца, с лучшими намерениями успокаивает меня.

— А его положение?

— Я спросила его об этом.

— И он?..

— Смугился и пообещал на досуге «открыть секрет» — так он шутливо высказался.

— Мы уже ощутили его заботу. Нам принесли почти новые матрасы, соломенные подушки, одеяла и даже простыни. Такой роскоши я не ожидала. Три охапки дров, по полной миске супа и... ложки... Я ужинала как истый сибарит. Девочки наелись, уснули. А я сижу, топлю печку.

— У меня к вам неприятное дело, Елена Артемьевна. Сегодня начальник больницы не хотел вас принимать. Он, наверно, ждал взятку от капитана. Я пообещала отдать ему ваше кольцо.

— О чем вы говорите, Любовь Антоновна. Для меня оно потеряно. Отдали — и на душе легче.

— Не успела я. Когда возвращалась с вахты, меня встретил Игорь Николаевич. Он сразу узнал меня. Я не ожидала такой встречи. Обнял и чуть не плачет. У него хорошая зрительная память. В первую минуту я не могла понять, в чем дело. Подумала, очередная шутка пьяного или обкурившегося начальства, они тут от скуки зачастую курят анашу. Но он

припомнил кой-какие детали семнадцатилетней давности, и мне пришлось поверить, что передо мной Игорь. Мы с ним пошли к вам, потом я была занята с Ефросиньей. Кольцо пока у меня. Я чувствую, что если скажу Игорю, он уладит с начальником по-другому, без кольца. Но удобно ли это?

— Оно мне не нужно. Вы лучше объясните вчерашнее.

— Проще колумбова яйца. Я приняла какое-то посильное участие, чтобы нас привезли сюда. На мне полковник Гвоздевский. Умрет он — репрессии обрушатся на меня, не оставят в покое и вас. Мне практически ничего не сделают, разве что облегчат переход из одной...

— Не повторяйте слов Гвоздевского, — вздрогнув от отвращения, попросила Елена Артемьевна.

— Извините... Могли погибнуть молодые девушки. Мне жаль Риту. Она сирота. Варварский самосуд... глубинка... Она очень тяжело пережила смерть Ани. Я сама плакала, как последняя девчонка, а ведь они с Аней дружили... и такая смерть... Представьте себе Риту в БУРе: воровки, лесбиянки и веревка... То же самое ждало бы и Лиду... А Катя?.. А вы? Я дала себе слово спасти всех. Сегодня чуть все не сорвалось. Я не ожидала, что за сутки с небольшим вас успеют привезти сюда. Вдруг входят капитан и начальник больницы. Мне хотелось побыть одной. Гвоздевский измучил меня своими слезами... Трус и неженка. Он спал. Капитан хотел разбудить его — я не разрешила. Капитан стал говорить, что привезли вас. Я сообразила, что разбудить можно с помощью инъекции и заставила их помочь мне. Майор решил, что я выслуживаюсь перед капитаном. А я сказала ему, что помогаю вам за взятку. Вы мне подарили передачу и золотое кольцо. Передачу украли, а кольцо я готова вручить майору на сохранение, чтоб его не украли лагерная шпана, вроде нас с вами. Это сегодня. А вчера я думала о завтрашнем дне. Узнают в больнице, что мы друзья, и вам всем несдобровать. Тяжело мне досталась эта роль... Катя поверила мне и по своему обыкновению выругала. Мужественная женщина, честная. Лида уверовала в слова Кати, решила, что я ее выдам и принялась твердить, что она маленькая. Я надеялась, что поговорю с вами и вы сумеете повлиять на Лиду. Сейчас я вам скажу самое неприятное. Имейте мужество выслушать. После смерти полковника меня здесь не

будет и я ни в чем не смогу помочь вам. Игорь Николаевич сейчас хорохорится, как молодой петушок, но помочь он мне не сумеет. Перед Орловым он бессилён. Игорь дал мне честное слово, что Риту и Катю сперва сделает санитарками, а потом медсестрами. Он обещал позаботиться о Лиде. Вы посоветуйте ей выздороветь недели через две. В больнице есть опытный психиатр. Официально она числится работницей кухни. С психиатром о Лиде поговорит Игорь. Беда в том, что меня здесь не будет... Не перебивайте. И не пытайтесь меня уверить в обратном. Я все взвесила, и шансов нет никаких. Это закономерно и гуманно. Я устала и лишние два года жизни обозлят меня. Я не хочу умирать обозленной. Игорь — человек совестливый или... я сильно ошиблась в нем. Но он человек... Может забыть... Напомните Игорю, о вас я ему говорила... о Рите и Лиде. Пристыдите его... Потребуйте от моего имени. Скажите, что это моя последняя просьба, желание... Каприз выжившей из ума старухи! Если хоть под конец я не спасу этих девчушек, зачем же я прожила эти последние восемь лет?

— Доктор! — закричала Рита, вскакивая с нар.

— Ты... не спишь? — растерянно спросила Любовь Антоновна.

— Я все слышала... все поняла... Вас убьют? Да? Убьют?

— Глупости! Кто тебе мог это сказать! Сейчас же спать!

— Я не уйду от вас! Доктор... Милая... — Ритины руки обвили шею Любви Антоновны. — Я вас люблю... как тетю Машу... Я с вами вместе... В БУР...

— Ложись, Рита! — приказала Любовь Антоновна.

— Не лягу. Все погибают в лагере... Ася... Аня... И вы?! Я побегу в запретку, как Ася... Вы не умрете!.. Я — девочка... дурная, неграмотная. Вы людей спасаете! Лучше я! Лучше я! — иступленно повторяла Рита.

— Не плачь, Рита, — уговаривала Любовь Антоновна. — Со мной ничего не случится. Я врачом здесь буду работать. Помогите мне уложить ее, Елена Артемьевна... Я старая болтливая дура.

Катя молча подошла к ним и они все вместе уложили Риту.

— Полежите со мной, — попросила Рита.

— С условием, что ты будешь спать. За мной могут прийти с минуты на минуту, а я хочу выспаться. Не мешай мне. И без всхлипываний!

— Не уходите...

— Не уйду, дай мне поспать.

ТАЙНА ИГОРЯ

Поздно ночью в окно землянки постучали. Любовь Антоновна, она не спала уже третью ночь, бесшумно встала и босиком подошла к двери.

— Кто там? — прижавшись лицом к решетке окна, спросила Любовь Антоновна.

— Главврач за вами послал. Велел поскорее.

— Тише. Больных разбудите. Идите и скажите, что я сейчас приду.

— Главврач не велел отпускать вас одних. Дежурные ночью поймают в зоне, избыют или в карцер посадят.

— Вы будете драться с ними, если они остановят меня? — с досадой спросила Любовь Антоновна.

— Знают меня надзиратели. Я вроде адъютант у Игоря Николаевича. Со мной не тронут вас.

«Почетный эскорт... Лестно... — усмехнулась Любовь Антоновна, надевая ботинки. — Впрочем, меня и так охраняют лучше, чем главу правительства. Почести воздают, а я все чем-то недовольна...»

— Доктор!

— Ты проснулась, Катя? Встань, закрой за мной дверь.

— Мне словечко вам надо сказать. Я не спала, когда вы говорили с Еленой Артемьевной... Вы оговорили себя... Ради нас... Я...

— Не мели чепуху, Катя. Ты — я — какая разница. Все мы в одном котле варимся. Запри дверь и ложись.

Увидев Любовь Антоновну, Игорь Николаевич встал из-за стола и пошел навстречу ей. Несмотря на поздний час, он был в своем светло-шоколадном костюме.

— Гвоздецкий умирает. Пульс почти не прослушивается, — озабоченно сообщил Игорь Николаевич. — Хорошо, если дотянет до утра... Я сумею поговорить с управлением. А сейчас, ночью, с начальником больницы договориться трудно... Каждые два часа к Гвоздевскому заходит надзиратель. Он доложит начальнику о его смерти и...

«Туманно говорит Игорь... Ночь... утро... А если полковник умрет в полдень, что изменится?»

— Вы меня не поняли, Любовь Антоновна?

— Нет.

— Орлов приказал начальнику больницы, об этом я узнал очень поздно, чтобы в случае смерти Гвоздевского немедленно отправить вас на сорок седьмую командировку. Пешком, днем или ночью. Тут всего километров пять. Вы в лагерях не первый год и наверно догадываетесь, что ночью вас не доведут.

— А днем? Разве нет безрассудных беглецов, готовых бежать днем?

— Завтра я дозвонюсь в управление и вы останетесь в больнице.

— Химера, Игорь. Если Орлову надо, чтобы я бежала...

— Сегодня он услышит, что я побегу вместе с вами.

— Сколько вам лет, Игорь?

— В декабре стукнет сорок. Не поумнел за последние семнадцать лет. Я запомнился вам легкомысленным и самоуверенным. Да таким я и был в свои двадцать три года. Я кипятился, спорил с вами, что-то доказывал. Было, Любовь Антоновна, все было. Но за последние восемь лет я поумнел и не обещаю того, чего не могу выполнить.

— Сообщите немедленно о смерти Гвоздевского. Заключение Ивлева, временно исполняющая обязанности врача, к этапу на сорок седьмую командировку готова. Прикажете вернуть одежду, в которой я прибыла в больницу. В этой, — Любовь Антоновна указала на платье и новые, по ноге, ботинки, — неудобно бежать, гражданин главврач четвертой лагерной больницы.

— Я не ожидал от вас другого ответа. В ваших глазах я или наивный мечтатель, или подлец. Так думают обо мне многие. Пять лет я — главврач, бесконвойник. Одет с иголочки... и уж, конечно, не за мое врачебное искусство. Тут вы правы.

Я мальчишка по сравнению с теми, кто здесь работает на кухне. Они бы еще подумали, прежде чем меня взять ординарным врачом. И все же я кое-что делаю для людей. Делаю без подлости.

— Честный человек не сможет нарушить приказ Орлова, а тем более добиться его отмены.

— А я добьюсь — значит мерзавец.

— Если вы не тот, за кого я вас приняла... то завтра меня...

— Завтра вы примете седьмое отделение. И все же я не сексот, не бегаю в управление с доносами. Больше того — я вреден им.

— Фантазия? Бред? Или...

— Провокация. Ни то, ни другое, ни третье. Простое совпадение... Как вы посмотрите, Любовь Антоновна, на лошадиную дозу танина? Продержится полковник до утра?

— Решайте сами...

— Нечаянно ошибиться вы не могли...

— В чем?

— Хороший студент не перепутает отравление с перитонитом. Я был средним студентом, знаниями не блещу и сегодня, но такие простые вещи понятны даже мне. Можете выслушать мнение коллег. Они работают здесь санитарями, истопниками на кухне... Но некоторые из них мало в чем уступают вам. Я говорил с ними. Все в один голос утверждают, что у Гвоздевского отравление.

— Они не мои коллеги. Ваши. Дешево вы их купили... Должность санитаря, лишняя миска супа...

— Они мне доверяют, а вы... Вы оскорбили людей, Любовь Антоновна. Я имел неосторожность пообещать вам... Вы не верите мне. Следовательно, для вас безразлично, умрет полковник ночью или утром.

— А для вас?

— То же самое. В субботу утром я ушел за зону. О болезни полковника ничего не знал... Лагерная охрана сумела разыскать меня только вчера вечером. Я уверен в отравлении. Чем? — покажет вскрытие. При перитоните больные живут максимально двенадцать часов, если не вмешаемся мы, хирурги. Полковник прожил около двух суток. Могут произвести вскрытие, а могут и нет. Это зависит от окончательного диагноза. Опыт-

ного, да и неопытного патологоанатома больница не имеет. Заключенных не вскрывают, а если иногда и случается, то обычно орудует топором пьяный сторож: он разрубает грудную клетку, вынимает содержимое, смотрит, нюхает и зашивает. Тело полковника могут отправить в областную больницу, и патологоанатом безошибочно установит причину смерти. Вот почему, даже не доверяя мне, вы ничего не теряете, если Гвоздевский доживет до утра. Если я захочу, правда так или иначе выйдет наружу.

Любовь Антоновна тщательно осмотрела полковника, попыталась заговорить с ним, но он не отвечал. Сделав назначение, два врача, медсестра и санитар неотлучно дежурили в палате Гвоздевского, она вернулась в кабинет Игоря Николаевича.

— Утром позвоните начальнику управления, что больной Гвоздевский умер, а заключенная Ивлева к этапу готова.

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— А женщины? Ваши протеже?

— Я больше ничего не могу для них сделать. Они в вашей власти.

— Теперь я вам верю. Сколько раз меня предавали... доносили... Я совсем разуверился в людях... Кто за миску баланды, кто и подороже совесть продает... А вы потребовали, чтоб я вам открыл самую большую тайну. Я — не вы... много боюсь. Боюсь, что пошлют на общие работы, боюсь, что будут издеваться и бить, боюсь остаться голодным... ох, как боюсь, Любовь Антоновна. Но хуже всего я боюсь, что в больницу вместо меня придет другой. Я нарочно ушел в субботу и не появлялся два дня, они готовы были объявить меня в побеге, а я сидел у одного охотника в избе и рассказывал ему старые анекдоты.

— Зачем?

— Я узнал о болезни на десять минут раньше майора и посчитал за лучшее уйти. В том, чтобы выздоровел полковник, мягко говоря, я не заинтересован. Компрометировать себя безразличным отношением к нему — нет смысла.

— Как?..

— Узнал? От надзирателя. Он по селектору разговор услышал о Гвоздевском. Селектор — не телефон: говорит один, а слушают все, кому не лень. Я охрану спиртом балую, а они

меня — свежими новостями. Я в курсе почти всех лагерных дел. А теперь слушайте, почему я так твердо обещал вам, что завтра вы не пойдете на этап. Орлов — мой двоюродный брат.

— Что?!

— Да, вы не ослышались. Об этом не знают даже всемогущие чекисты. Он старше меня на пять лет. Его мать — родная сестра моей матери. В детстве Орлова звали Ленькой. Ленькина мать умерла, когда ему было два года. Отец его спился, где-то проворовался и вскоре умер на каторге. С восемнадцатого года Орлов в своих анкетах пишет, что папа его социал-демократ, погиб за святое дело революции. Ему, конечно, не верят. До сорокового года встречались воры с дореволюционным стажем, которые познакомились с его папой в арстантских ротах и прекрасно знали, что политикой от отца Орлова и не пахло. Начальство Орлова тоже знает цену его отцу, а моему дяде, к слову сказать, но делает вид, что верит Орлову. Сохранились полицейские архивы. Совсем недавно еще были живы свидетели. Архивные документы спрятали, на случай, если Орлов заартачится, свидетели умерли, или не вовремя пытались бежать, и их пристрелили. Ленька почти всегда возглавляет новые лагеря. На самом верху знают, откуда он пришел, но он человек нужный, выполняет любые приказы своего и не только своего начальства. Меня он не боится. Захотел бы убрать, давно бы зарыли меня, для верности раздробив череп. Никто не знает, что Орлов рос в нашей семье. Сын революционера — эффектно. Бывший беспризорник и даже мелкий воришка, а Ленька припел себе даже и это, — милости просим, для вас любая дорожка открыта. Если б узнали, что он вовсе не беспризорник и даже не вор, а был усыновлен и тринадцать лет жил в доме рядового учителя гимназии, мой отец преподавал латынь, то его бы живо попросили с теплого места. Меня он по-своему любит. В детстве он привязался ко мне, защищал от соседских мальчишек. Драться Ленька умел. В восемнадцатом умер отец. Кому в то время нужна была латынь? Заработать отец не мог, у него распухли и покраснели кисти рук — полиартрит, а хлебных карточек нашей семье не дали. Отец ослаб. Мы с матерью кормили его, чем могли. Но революция требует жертв, и отца не стало. Через полгода случайно нелепо погибла мать. Она пошла на

базар, хотела обменять на картошку парадный вицмундир отца. Маму убили на улице.

— Грабеж?

— Нет. То ли банду какую-то ловили, их тогда развелось в изобилии, то ли, напротив, бандиты за кем-то охотились, точно не знаю... На улице открыли стрельбу, и маму принесли домой мертвую. Мне шел четырнадцатый год, Ленке девятнадцатый. До последнего дня, пока не убили маму, он жил у нас. Отец жалел его больше меня: Леонид — сирота, а я... я — сын. Отец боялся, что Лешка может подумать, будто его обижают как пасынка и он тайком от нас с мамой подсовывал Лешке куски от себя. Недели через три после смерти матери Орлов ушел... Я его не видел лет десять. Трудно мне пришлось. Работал грузчиком, подсобником, подносил вещи на вокзалах, дрался с беспризорниками за объедки и даже воровал сам.

В двадцать третьем встретил одного бывшего коллегу отца. Он через знакомого устроил меня учиться. Когда мы встретились с Лешкой, я его сразу узнал. В разговоре он мне выложил своего ужасно революционного папашу и заодно сообщил, что служит в ГПУ. Мать рассказывала мне, кто был на самом деле его отец, и я прямо в глаза сказал об этом Орлову. Он попытался припугнуть меня, напомнил, что в его заведении затыкают рот и не таким мямлям, как я. Я разозлился и стал орать, что мне наплевать, где он работает и кем. Лешка сменил тон. Он попросил прощения, что бросил меня, сослался на трудные времена и признался, что все десять лет разыскивал меня и не мог найти. Оно и не мудрено: до двадцать третьего я работал и жил, где придется, без документов, разумеется. В двадцать третьем сменил фамилию: сыну учителя гимназии, этой отрыжке мрачного прошлого кровавого царизма, учиться бы не разрешили нигде. А мне очень хотелось стать врачом. Поэтому найти меня, даже с его связями, было нелегко. Орлов говорил мне, что несчастлив в личной жизни, обещал любую помощь. Я дал ему слово, что никому не скажу о его жизни в нашей семье. Через два месяца я переехал в другой город. Вторично я повстречал Ленку незадолго до ареста.

ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ ДО ВСТРЕЧИ

— Прошу прощения, Игорь Николаевич. Я перебыю вас, как случилось с вами...

— Вы помните профессора Анциферова? Смешная фамилия. Мы, студенты, часто зубоскалили над ней. Блестящий ум. На его лекции мы шли, как на праздник. В тридцать седьмом я работал с ним в одной клинике. К тому времени его лишили кафедры и он, как и я, переехал в Харьков.

— Его застрелили в сорок третьем на Колыме. Я в то время была там.

— Кто?

— Работа полковника Гаранина.

— Я слышал о его смерти. В сорок третьем погиб бывший президент Сельскохозяйственной Академии Вавилов... Причина смерти... Ну конечно же сердечная недостаточность... Недавно такой диагноз умудрились поставить одному... беглецу. В голове у погибшего от сердечной недостаточности беглеца застряла пуля, две огнестрельные раны в области грудной клетки и живота... но эти раны, очевидно, приняли за побочные явления при сердечной недостаточности... Сколько у нас лагерей... Мариинские лагеря, Красноярские, Карагандинские, наши... Бұхта Ванина, Печора, Колыма, Игарка, Бұхта Находка... В нашем лагере заключенные живут не хуже, а лучше, чем во многих других...

— Вы отвлеклись, Игорь Николаевич. Если мы с вами начнем перечислять все лагеря, у меня не хватит срока. Освобожусь — и придется еще лет на десять жизнь продлить, хотя и без этого гуманное правосудие продлило мне жизнь с избытком. Рассказывайте...

— Анциферова арестовали в конце тридцать седьмого. До его ареста я молчал и терпел. Кукиш в кармане покажу, а сам в кусты. В душе-то я чист как родник: доносов не пишу, своим взглядам не изменяю... смел, лъву за мной не угнаться, ругаю

их в мыслях и даже очень сердито, а при людях молчу, улыбаюсь, хоть и не поддакиваю, и даже до такой безумной храбрости дошел, что на митинги, где осуждали врагов народа, не являлся. Возьму освобождение от работы, благо коллеги знакомые выручат, и болею демонстративно, пока они там проклинаят врагов. Низость... А мне казалось — чуть ли не подвиг: не расправляюсь сам, значит и не виноват... А молчу? Молчание — золото... подлое золото, Любовь Антоновна. А я им упивался. Анциферова я любил. Он иногда позволял приходить к себе домой. Выслушивал мои легкомысленные рассуждения, а его жена поила нас чаем и угощала вкусным украинским борщом. Какой я был самонадеянный балбес. Не слушал, перебивал его, вставлял свои, с позволения сказать, критические замечания и вел себя, как гимназист, отпущенный на каникулы. И вдруг Анциферова арестовали. К тому времени взяли чуть ли не всех. Уже после вашего ареста, я узнал об этом случайно, я перестал считать свой кукиш верхом геройства. А когда забрали Анциферова, я высказался. Меня выслушивали человек двадцать. Я далеко не оратор, но в тот раз произнес единственную в жизни речь. Говорил, что погибает интеллигенция, что молчать нельзя, хотя бы уж потому, что любого из нас может постигнуть та же участь. Сказал о детях, их вместе с родными угоняли на север, напомнил, как стыдно глядет в глаза им, сказал, что тот, кто молчит, хуже преступника. Слушали, и даже кое-кто прослезился.

— А результат?

— Обычный. Одни, обгоняя друг друга, побежали в ближайшее НКВД, чтобы их не привлекли за соучастие и недонесение, другие сделали вид, что ничего не слышали, третьи скорбно вздохнули, четвертые смахнули слезинки и мелкой рысью потрусили к коллегам, чтобы на всякий случай заручиться свидетельством о болезни... так-то оно безопаснее. Самое удивительное, что первое выступление сошло мне с рук. Вызвали, предложили каяться.

— А вы?

— Не покаялся, и не арестовали. В беседе меня попросили, чтобы я высказал свою точку зрения публично, на собрании. «А если мы коллективно обжалуем арест своих товарищей?» — спросил я своего собеседника. «Кто это «мы»? Свое мнение

может высказать советский народ, а народ его уже высказал. Читайте газеты, дорогой товарищ! Коллективные жалобы запрещены». Я взорвался: хвалить коллективно можно, а жаловаться нельзя? «Ура» — кричат хором, а «караул! убивают!» — в одиночку? «Во-первых, вас никто не убивает, а во-вторых, я вас серьезно попрошу прекратить ненужный спор». На этом мы и разошлись. Я тогда не знал, что мое дело попало на глаза дружку Орлова, а он случайно проболтался Леониду. Леонид сочинил на ходу какую-то историю, чуть ли не сынишку его я спас от смерти, и попросил меня не трогать. Если б я успокоил себя отговорками, вроде: как все, так и я, против силы не попрешь, что пользы говорить без толку, придет время — скажу... то меня бы оставили в покое. До сих пор носился бы я со своим невидимым кукишем, скорбел, негодовал, возмущался... в душе. И молча жил, утешаясь, что и другие говорят не больше глухонемых от рождения, а я полез в драку. Состоялся заурядный митинг врачей и медсестер по поводу очередного разоблачения врага народа. Я вышел, и первое, что сказал, — это пришедший мне на память афоризм: «Бывали хуже времена, но не было подлей». Договорить не дали. В ту же ночь я ночевал в камере. На допросе предложили на выбор пять иностранных разведок, в пользу которых я работал. Я заупрямился. Сперва последовало банальное битье, даже неосторожно сломали руку, одиночка, карцерный режим и прочее. На это у меня сил хватило. Пригрозили, что примут меры к жене и сыну, ему в то время пятый пошел. Вы понимаете, что значит на их жаргоне принять меры. Я согласился признаться, что сотрудничал с иностранной разведкой, однако и тут не выдержал, чтоб не показать им кукиш. Я ничего не знаю о Японии и, озорства ради, признался, что сотрудничал именно с японской разведкой. Следователь обрадовался: в то время японские шпионы были в моде, но пожадничал. Он стал убеждать, чтоб я не забыл и немецкую разведку, но я с негодованием отверг такой вариант. «Никаких немцев — скупые, грубые, самовлюбленные, спесивые». «А японцы?» — спрашивает следователь. «Японцы — это Восток, экзотика, загадка, и к тому же я очень люблю японские деньги, вот только забыл, как они называются». С японцами у нас чуть конфуз не вышел: я с иностранными языками не дружен, отец латынь препода-

вал, с детства зубрил, и то чуть не провалился на экзаменах, а тут японские имена запоминай. Попотел я, пока выучил, кто мне деньги давал и сколько, а вот за что, следователю самому измыслить пришлось: пыхтит он, платочком лысину вытирает, на меня смотрит жалобно. «Может быть, — спрашивает он, — вы планы военных заводов японцам передавали?» «Может быть, — соглашаюсь я, — давайте подпишу». «Не поверят, — уныло простонал следователь. — Может быть, вы какое-нибудь врачебное изобретение им продали?» Я опять соглашаюсь. «Давайте подпишусь, что за триста тысяч продал врачебное изобретение государственной важности». «Дорого», — говорит следователь. «Японцы — люди не жадные, — разъясню ему. — Вам жаль их денег? Ну так и быть, за двести. Пусть капиталистам сто тысяч останется. Начальство узнает, что вы такие деньги дарите буржуйам, не помилует вас». «А какое изобретение?» — полюбопытствовал следователь. «Вы сами придумайте. Я — пасс. Мое дело подписать, ваше — вину измыслить. Дались вам эти разведки. Антисоветская агитация у меня есть, срок мне обеспечен, план на человекединицу выполнен. Чего же вам больше?» А он мне: «Агитаторами пруд пруди, их за единицу не считают. Шпионов требуют, особенно немецких. А вы... к японцам полезли. У немцев имена попроще и деньги понятней, а тут сиди с книжкой и запоминай иены ваши. Грамотный человек, а сочувствия ни на грош. Мучаете вы меня».

До вечера я беседовал с этим недоумком. Потом пришел другой, средних лет, подтянутый, корректный, с ним мы мирно решили, что я с целью подрыва государства обязался явно и тайно пропагандировать превосходство японской медицины над нашей и, кроме того, обязался продать японским разведчикам, но не успел выполнить свой гнусный замысел...

— Что же вы им хотели продать? — слабо улыбнулась Любовь Антоновна.

— Еще не изобретенное лекарство, предназначенное для борьбы с гангреней. Поскольку, как думали тогда, возможна война с Японией, я потенциально спас девяносто тысяч еще не раненных японских солдат, и в результате их боевых действий погибло десять тысяч красноармейцев. Чувствуете, какой размах? Я даже гордость испытал. И за себя, что так крупно играл, и за наших солдат: каждый девять японцев щелкнул.

Меня приговорили к расстрелу. В камере смертников просидел двадцать пять дней. Жутко. Особенно ночью. К каждому шороху прислушиваешься. Всю ночь не смыкаешь глаз. Ждешь, вот вызовут, вот вызовут... Корпус в той тюрьме, где я сидел, Т-образный. Там, где большая черта, общие камеры, где маленькая — одиночки для смертников. В каждой одиночке человек семь-восемь сидело. Как ночь — собирайся с вещами. И ждешь, ждешь, ждешь... Днем надзиратели не давали спать. Говорить между собой запрещали. В камере тесно, душно, ослабили мы. Сидишь и думаешь, когда же вызовут? А ночью слышишь, как уводят из соседних камер, видишь, что забирают твоих товарищей, и ждешь утра или вызова. Мне заменили расстрел двадцатью пятью годами. В лагере попал в БУР. Там командовали ссученные воры. Так называемые честные воры на руководящие должности в лагерях не идут. Им не положено по закону. Ссученные воры, или нечестные, могут работать где угодно, вплоть до самоохраны. Наш воспитатель был ссученный вор. Зимой он любил нам читать газеты. Мороз градусов сорок, а то и выше. Выгонят нас из бараков разутых и раздетых, а воспитатель стоит в меховой дохе, в меховых пимах и в руках газета. Вокруг нас его верные помощники ходят, он их называл фортыцерами, нечто вроде прислуги за все. У каждого фортыцера толстая палка, на ней вырезаны три буквы КВЧ — культурно-воспитательная часть, чтоб мы не дай Бог не подумали, будто нас наказывают этими палками. Нас не наказывали, а воспитывали в духе преданности. Мы стоим, дрожим, жмемся, а воспитатель читает по складам нараспев. Руки потрешь, нагнешься — тебя сразу палкой по спине угостят, в чувство приводят, кричат: «Тебе что, сюка, — они мягко слово сүка выговаривают, нежно, — не интересно слушать воспета?» Иной раз до того усердствовали, что люди падали на землю замертво. Упавших волокли к вахте или в барак, если они подавали признаки жизни. Запомнился мне один случай. В нашем лагпункте был крупный ученый, генетик, звали его Иван Харитонович.

— В те годы вся лагерная администрация была из преступного мира?

— А у вас как ? В женских лагпунктах?

— У нас больше надзиратели командовали.

— А у мужчин — ссученные воры. Такое самоуправление практикуется во всех лагерях. Ссученным вора́м отдают на перевоспитание заключенных и, в первую очередь, политических. Вы прибыли из глубинки и, наверно, думаете: «Какое варварство! Как беспоща́ден конвой!» Конвоиры-солдаты — хорошие люди по сравнению с самоохраной. Надзиратели — голуби рядом с комендантом и нарядчиками. Ссученный вор ненавидит весь мир. Кого ему любить или хотя бы испытывать... не симпатию, нет... а простое равнодушие. Честные люди презирают его как вора, воры — ненавидят смертной злобой за измену. Свои же суки готовы разорвать за лишний кусок хлеба. Лагерная администрация грозит выдать вора́м, если он ослушается. Вечный страх, не выдадут ли вора́м на правех. Зависть: Димка Нос живет лучше меня. Ненависть к честным людям: да как они смеют считать себя выше меня! К вора́м: они убьют, лучше я их убью. И где-то прячется презрение к себе самому: Васек Фиксатый честный вор, а я — сука. Неизвестность: что буду делать, если даже выскочу на волю? Работать — не хочу, милиция жить спокойно не даст, честная девушка замуж не пойдет, воры убьют, если встретят. И у него появляется безысходная тоска, злоба и одно неистребимое желание на ком-нибудь выместить свое несчастье, кого-нибудь унижить, оскорбить, увидеть, как он плачет, молит о пощаде. Даже в БУРе, где власть в руках воров в законе, не творится и десятой доли той подлости, какую допускает сучья администрация. Вора́ в законе уважают такие же, как и он сам. Он гордится сознанием своей честности, превосходства над теми, кто в его власти, и в будущем, если его не убьют, вора́ ждет безоблачная жизнь в лагере и непробудное пьянство на воле. Значит, можно не зверствовать на каждом шагу. Лагерное начальство, отдавая политических сукам, остается непричастным. Мы беззакония не свершаем, рассуждают они, а заключенные?.. что ж ждать от этих подонков... Орлов говорил мне как-то раз, что идею использовать сук впервые высказал один крупный начальник. Он доложил наверх, шефы посоветались, внесли его ценное предложение еще выше, и там дали «добро».

— Вы хотели рассказать о Иване Харитоновиче, — напомнила Любовь Антоновна.

— Милый человек он был. Комендант дознался, что у Ивана Харитоновича припрятаны деньги. Его раздели догола, обыскали. Деньги нашли в брюках, и ради смеха отхлестали брюками по лицу. Комендант попытался заставить кричать Ивана Харитоновича: «Я целоваться хочу, коменданта поцелую, три рубля плачу». Он отказался. Опричники коменданта схватили Ивана Харитоновича за ноги и окунули головой в парашу. Мы не выдержали, поднялись. Надзиратели во главе с начальником командировки встали на защиту коменданта и его своры. Мне разбили голову, кой-кому сломали руки, ноги... Ночью Иван Харитонович повесился. Вскоре нашу командировку посетило высокое начальство из центра и, заметьте, начальство не лагерное. К ним подошел один заключенный, рассказал о суках, о чтении газет, о тех, кто окончил жизнь в запретной зоне или повесился. Начальник из центра ответил ему: «Все, что делает лагерная администрация, сделано правильно. С вами обращаются излишне мягко. Я рекомендую более жесткий режим, а недовольных и тех, кто жалуется, накажут вдвойне». Начальник уехал, а того, кто жаловался, отправили в побег. Я пробыл на общих работах меньше двух лет. Потом меня забрал к себе Ленья. С тех пор я работаю врачом, вернее, завхозом: выбиваю матрацы, подушки, открыв в больнице плотницкую, там делаю топчаны, достаю бинты и даже лекарства. Опирирую редко. Если заключенный отрубил себе кисть — ампутация, впрочем, таких редко привозят сюда живыми, а если и останется жив, его ждет суд и приговор. С язвой желудка и сердечными болезнями умирают в зоне.

КОМУ РАЗРЕШЕНО БОЛЕТЬ?

- Кто принимает больных?
- По документам — врачи.
- А фактически?
- Начальник больницы. Без взятки он мало кого принимает.

— Кто ж дает ему? Больные?

— Начальники лагпунктов.

— Откуда же люди берут деньги? — задумчиво спросила Любовь Антоновна.

— Взятку берут не со всех. Исключение делают для активированных. Остается человеку жить меньше года, в зоне от него пользы никакой...

— А здесь?

— И здесь тоже. Однако неудобно в документах отмечать, что смерть наступила в зоне.

— Этих документов никто из посторонних не видел и не увидит. Те, кто читает их, знают больше того, что написано.

— У нас везде стремятся к бумажному благополучию.

— Но вы сказали об исключении.

— Их немало. Я знаю, что до нового года в больнице не доживет процентов тридцать политических. Они и считаются активированными, их приняли без взяток.

— А остальные?

— За счет остальных кормится лагерная администрация.

— Но откуда же они берут деньги на взятку?

— По плану, а его часто не довыполняют, на пятьсот работающих политических болеть полагается одному. Половина больных получает освобождение от работы в зоне. Сюда приезжают умирать, а не лечиться. Политическим разрешаются посылки раз в год. Матери, отцы, жены подкармливают их. В посылках иногда прячут последние дорогие вещи, если они есть. Многое из посланного начальство находит, а кое-что попадает по назначению. Ценные вещи никто не хранит, их отдают за право попасть сюда, в мои владения, — Игорь Николаевич горько усмехнулся. — Сейчас в больнице сто пятьдесят каторжников. Пятьдесят из них умирают, а остальные дали взятки, хотя и они тяжело больны. Половина взяток прилипла к рукам майора и начальников лагпунктов, вторую половину взял себе Гвоздевский и поделился с Орловым, а он, Орлов, в свою очередь презентует подарки тем, кто стоит выше его.

— Майор мог бы не принять женщин, тех, что приехали со мной?

— Обязательно не принял бы. Ему ничего не дали.

— Он всегда обращается так с вновь поступающими больными?

— Как так? — удивился Игорь Николаевич.

— Риту рванул за волосы, Елену Артемьевну щелкнул по лбу...

— Хуже, Любовь Антоновна, много хуже... Вашим друзьям повезло. Майор был полупьян. Пьяный он приходит на вахту с вещмешком и бьет им больных. Выдержал удар — назад в зону, упал — принимает. Иногда появляется его супруга, особа сварливая и тяжелая, пудов на шесть весом. Начинается семейная потасовка: она его лупит, а он удирает в зону. Изредка ей удается прорваться в зону, и там они бегают вокруг барака. Майор вопит, супруга еще громче, надзиратели смеются, заключенные прячутся, а больные на вахте ждут. В такой день, понятно, их не принимают, и конвой, тот, что привел их, отыгрывается на больных.

— А вы?

— Я не все могу, Любовь Антоновна. Сколько доносов на меня сыпется в управление!.. Обвиняют в том, что много помогаю политическим, создаю им курортные условия, держу санитарями каторжан. До гнусных анекдотов порой дописываются. Донесли в управление всех лагерей, будто я любовник Орлова...

— А Орлов?

— А что он может сделать? В управлении лагеря есть люди, что по команде сверху официально доносят на него. Он это знает, но изменить ничего не может.

— При чем же тут вы?

— Я — его протеже. Удар по мне — подножка ему.

— И кто же пишет?

— Работники управления, надзиратели, заключенные, майор и даже его супруга.

— И она? Почему?

— Седина в бороду, а бес в ребро. Я думал, что эта пословица применима только к мужчинам. Ошибся. Эту почтенную шестипудовую матрону потянуло к амурам. Объектом ее влечений стал я. Последовало негодование отвергнутой... Пошлая и грязная мелодрама. Если бы не Орлов, меня бы отправили

в БУР, она бы этого добилась. Все доносят на всех. Мой брат — на своих подчиненных, они — на него. Начальники командировок — на надзирателей, надзиратели — друг на друга. Заключенные-сексоты — на заключенных...

— И многие соглашаются?..

— Доносить? Есть, Любовь Антоновна. Один — ради куска хлеба, другие — в надежде на досрочное освобождение, третьих соблазнили легкой работой, четвертые — из зависти: другие живут, а я чем хуже, пятые преданность проявляют, а есть и такие, что от злобы: мне плохо, пусть и другому еще хуже будет. Надзиратели выслуживаются или просто пакостничают. Иные без доноса и дня не проживут. Начальники на повышение надеются или, на худой конец, хотят на своем месте удержаться, если кто не прочно сидит. Всех не назовешь. И все же основная причина повальных доносов кроется глубже. Люди уверены, что, донося, они делают доброе дело, потому что мы окружены врагами и этих врагов следует выкорчевывать. Впрочем, это тема большая, лучше ее не затрагивать. На меня пишут, а Леонид отстаивает своего непутевого брата. Отписывается, что я хороший хозяйственник и прочее. Не обходится, конечно, без подарков с его стороны. Он как-то упрекнул меня, что я ему в месяц обхожусь дороже, чем он нашей семье за двенадцать лет. Досаждают майор. Пьяный плохо, а трезвый — еще хуже: придирается к больным и чуть что — в карцер.

— Вы попросите, чтоб его перевели.

— А кого пришлют? С ним я сработался, а с другим? Я давно хотел поговорить с кем-нибудь по душам. Никто, кроме вас, не знает об Орлове. Я вам не хотел рассказывать, но когда увидел, что вы готовы идти на этап, полностью поверил вам. Мне очень трудно, Любовь Антоновна. Братец укоряет, многие коллеги не доверяют, считают меня предателем, больные в глаза льстят, а в душе завидуют. Меня два раза пытались убить.

— Охрана?

— Заключенные. Один раз воры в законе, а второй — суки. Те, кто попал в лагерь за мелкую кражу, или еще что-либо натворил, в больницу попадают или по-настоящему больными, или изувечив себя. Бедному майору доходов от них ни

копейки. Другое дело воры в законе. Дав солидную взятку, они приезжают сюда отдохнуть, а бывает и так, чтоб обсудить животрепещущую воровскую проблему. Устраивают сходки, нечто в роде подпольных собраний, вносят поправки и добавления в тот или иной воровской закон, в общем, творчески трудятся. Порой решают частные проблемы: считать ли сукой такого-то вора, убить ли его, и если да, то как это лучше сделать. Иногда обсуждают программные вопросы: можно ли вору под принуждением вскапывать запретную зону или работать на кухне. По этим вопросам они пока не пришли к единодушному решению. Сук присылает начальство. Пока трудовой отпуск для них не предусмотрен, вот они и отдыхают в больнице. Рядовых сук бесплатно не принимают, а комендантов, нарядчиков, воспитателей присылают месяца на полтора, на два. Ни воры, ни суки не удосуживаются придумать какую-нибудь правдоподобную болезнь. Спросишь его, на что жалуется, а он оскорбленно ворчит, что дал начальнику и не мое собачке дело знать, зачем он приехал. Я часто, чаще, чем того бы хотелось майору, отказываюсь принимать воров и сук. За первых — он взятку получил, вторых — управление прислало. Майор втайне объясняет им, что виноват я. Они затаили на меня злобу и решили отомстить. Как-то вечером я шел по зоне и меня сзади ударили топором. К счастью, лезвие пошло вскользь, рассекло кожу на затылке. Второй раз — ножом под левую лопатку, отлежался, выздоровел. Воры и суки — полбеды. Ненавидят коллеги. Как объяснишь, кто ты. Узнают про родство с Орловым — не сносить головы. Пока он разрешает мне работать, начальство смотрит сквозь пальцы. Орлову по чину положено иметь двух-трех любимчиков, а я у него один. Да, заговорились мы с вами, Любовь Антоновна. Минут через десять заглянет надзиратель, а вы ничего не сказали мне о диагнозе. Кого вы защищаете? Начальника семьсот семнадцатой? Его тут некоторые больные знают.

— Капитан не лучше других. Но все же я хочу, чтоб не было вскрытия. Сегодня днем к Гвоздевскому приезжал...

— Знаю. Майор Емельянов, следовательно из управления. Емельянов спрашивал меня, не подозреваю ли я, что полковник отравлен?

— О том же он спрашивал и меня.

— И вы?..

— Я сказала, что если он отравился, то только в пятницу утром. Такая версия меня вполне устраивает.

— Почему, Любовь Антоновна? Вы не доверяете мне?

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ОХРАННИКОВ

— Я слушала вас... Вы говорили искренно. Я отвечу вам тем же. На семьсот семнадцатой умирала женщина, ее зовут Ефросинья. Лекпом мужского лагпункта, своего лекпона у нас не было, не дал ей освобождения от работы. Елена Артемьевна каким-то чудом спрятала обручальное кольцо. В понедельник заболела жена начальника семьсот семнадцатой. Дорогу размыло, а ей срочно нужна помощь. Капитан пригласил меня к жене. Я поставила условие — буду лечить, если отправят в больницу Ефросинью. Он согласился. Вернувшись в зону, я узнала, что Елена Артемьевна отдала капитану кольцо. Ночью убежала Аня, подруга Риты, а Риту посадили в карцер. Вечером убитую Аню принесли в зону. Нас выстроили, а Риту и Катю Болдину, она сейчас в землянке, подвели к мертвой. Катя закричала: «Лечите собаку, доктор!» — это за то, что я лечила жену капитана. Я и Елена Артемьевна вышли из строя, стали кричать на капитана. Я сказала, что он украл кольцо. Капитан ударил меня и всех четверых посадил в карцер. На другой день жена капитана, Лиза, упрекнула мужа за меня. Он вызвал меня из карцера, пообещал отправить в больницу всех пятерых с условием, что я помирю его с женой. Я согласилась. Лиза, очень милая женщина, рассказала мне кое-что интересное и вернула кольцо. Позавчера вечером приехал полковник. Лида, она тоже в землянке, в ответ на вопрос «Жалобы есть?» перечислила ему свои претензии и упомянула о том, что я назвала капитана вором. Гвоздевский посадил Лиду в карцер, произнес речь, осмотрел зону, а вернувшись, вызвал меня и потребовал, чтобы я призналась во лжи и извинилась перед капитаном. Я отказалась и меня снова посадили в кар-

цер. Полковник пошел к капитану ночевать. Лиза узнала от лейтенанта, как он обошелся со мной. Она поругалась с Гвоздевым и отравила его поганками.

— Вы ничего не путаете?

— Нет.

— Но отравить Гвоздевого?..

— В этой истории замешана не только я. Лиза избил Гвоздевого, а капитан, спасая жену, полковник чуть не пристрелил ее, ударил Гвоздевого по руке. Полковник решил по-своему отомстить им обоим. Услав Лизу ставить самовар, он сделал грязный намек, что Лиза не прочь сблизиться с лейтенантом, и потребовал, чтоб капитан отправил меня в побег, а лейтенанта пристрелил на охоте. Лиза подслушала и поняла, что если муж убьет лейтенанта, Гвоздецкий сведет счеты и с капитаном. Спасая семью и себя, она решила на отравление. Лиза знала, что охотника и его жену убил не беглец, а надзиратель Малявин...

— Не может быть. Беглеца нашли в доме охотника мертвым. Кто же убил беглеца?

— Малявин, по сговору с мужем Лизы, а он получил такое задание...

— От моего брата...

— Очевидно, так. Ругаясь с полковником, Лиза сказала ему о Малявине. Ничего хорошего от живого полковника она не ждала и угостила его поганками. Она их приберегла для мужа, когда узнала о Малявине. Вот почему я хочу, чтоб отравление случилось утром.

— Вы не знаете, Любовь Антоновна, где Гвоздецкий завтракал?

— На сорок первой.

— Я слышан о начальнике этой командировки. Мерзавец, даже среди своих. Вот-вот придет надзиратель. Я с вами пройду к полковнику. Дадим ему что-нибудь тонизирующее, чтобы он минут на десять пришел в сознание. При врачах спросите Гвоздевого, что он ел утром. При надзирателе повторите вопрос.

Разбудив задремавших врачей, Игорь Николаевич сам, не доверяя никому, сделал полковнику укол.

— Большой! С вами хочет говорить доктор Ивлева, — возвысив голос, обратился Игорь Николаевич к Гвоздевскому.

— Мне важно знать, что вы ели в последний день перед болезнью. И как следует вспомните время. Мы решили назначить вам новый курс лечения, — Любовь Антоновна указала на Игоря Николаевича, который держал в руках двадцатиграммовый шприц. — Если вы ошибетесь, кончится плохо. И тогда...

В палату вошел надзиратель. Любовь Антоновна, услышав позади себя шаги, взглянула на Игоря Николаевича. Он медленно прикрыл глаза. — Что вы ели за день до болезни? — как можно громче спросила Любовь Антоновна.

— Грибы, — прохрипел Гвоздевский.

— Я вам объясняла, больной, если вы перепутаете время, лечение не даст нужного эффекта. Когда вы ели грибы? В обед?

— Нет...

— Вечером? — наступило долгое тягостное молчание.

— Ни-ет...

— Утром?

— Да.

— Картина ясна. Мое окончательное мнение — утренний завтрак, — заключила Любовь Антоновна.

— Пройдите в мой кабинет, доктор Ивлева. Нам следует обсудить вопросы, касающиеся дальнейшего лечения больного Гвоздевского. А вы, — Игорь Николаевич взглянул на надзирателя, — если желаете, тоже зайдите ко мне. Я нашел лекарство, о котором вы меня просили.

— При ней? — смущенно спросил надзиратель, указывая на Любовь Антоновну.

— Она обождет, — ответил Игорь Николаевич, направляясь к своему кабинету. Любовь Антоновна осталась в коридоре. Минут через пять из кабинета главврача вышел надзиратель. Карманы его брюк заметно топорщились.

— Seriously болен ваш пациент, — усмехнулась Любовь Антоновна, заходя в кабинет Игоря Николаевича.

— Куда серьезней... Для полного излечения я выдал ему два поллитра неразбавленного спирта, — пояснил Игорь Николаевич.

— На одного? Такая доза лекарства...

— На четверых. Выпьют и до утра сюда не заглянут. Я сказал ему один секрет.

— Какой?

— Чтоб он не закусывал грибами. Возможно, добавил я, что с полковником случилось несчастье из-за грибов. Утром поел, а на другой день плохо. Я подчеркнул «утром», да он и сам слышал вашу беседу с Гвоздевым. Попросил не разглашать секрет. Он поклялся, что сохранит тайну до смерти и еще шесть часов после смерти будет молчать.

— Промолчит?

— Кроме его собутыльников и всего управления никто не узнает. По пьянке расскажет им, втайне поговорит с друзьями по селектору. Часам к десяти утра этот секрет полишинеля станет известен всей лагерной администрации.

— Зачем же вы?

— Еще вечером на вахту подбросили записку, что полковник, возможно, отравлен. Это сделал кто-то из заключенных. Писал явно не врач, но сексот, автор записки что-то пронюхал, поэтому Орлов и приказал отправить вас на сорок седьмую. Ему не хочется возбуждать уголовное дело против своих сотрудников. Убийство полковника Гвоздевского начальником командировки даром моему братцу не пройдет. Он и решил избавиться от вас, как от ненужного свидетеля.

— Кто же написал анонимку?

— Врачи догадывались об отравлении. Неосторожно поговорили между собой, их подслушали — и донос готов.

— Какой же вам был смысл рассказывать надзирателю, что Гвоздевский отравлен.

— Орлов поймет, что секрет — больше не секрет и ликвидировать вас нецелесообразно.

— А вы?

— Мало ли где надзиратель мог это услышать? Он намекнул, что знает доносчика и свалит на него. И самое главное, будет повторять, как попугай, что отравление случилось утром. Майор поторопится лично рассказать обо всем Орлову. Утром поедет на дрезине в управление. Такой случай выслужиться он не упустит. Начальник сорок первой не отперется, что Гвоздевский завтракал у него грибами. Нелепый случай... трагическая оплошность. Поганка попала по недосмотру, никто не виноват, и вечная память полковнику Гвоздевскому.

— Вы рискуете. Орлов узнает, кто рассказал надзирателю.

— Не я, а сексот. За лишнюю болтовню сексот пойдет в БУР или в побег. Чище воздух — легче дышать. Но если и узнают... Я часто рискую... Обозлятся надзиратели и убьют за зоной. Дознаются, что я родственник Орлова — и конец тот же. Приму больного, какого не следовало бы принимать... а чем это кончится? Вылечим, кому умереть велено, и опять жди... Я осторожен...

— Вчера вечером...

— Да... я разоткровенничался. Увидел вас и подумал: если вы за этих женщин просите, ничего со мной плохого не случится... В третьем отделении лежит один каторжник. Кто он — я не знаю. В графе, где обычно проставляют статью и срок, слова: «До особого распоряжения». Его привезли без сознания около месяца назад с лагерной пересылки. Он рассказал мне, когда пришел в себя, что на пересылке его посадили в карцер за карты...

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

— Он играл?

— Подбросили ему. В карцере его хотели убить. Я так понял, что воры в законе действовали не сами. Кстати, один из воров, Падло Григорич, оказался на поверку суккой. Сейчас он комендантом на сорок первой, там уголовники, но я слышал, что скоро его переведут к политическим...

— Как его зовут?

— Больного? Федор Матвеевич.

— Мне говорила о нем Елена Артемьевна. В ту ночь, когда его пытались убить, она сидела в карцере.

— Кто его спас?

— Рита и Ася, девушка одна. Асю хотели отдать суккам. Она побежала в запретную зону. Ее убили.

— Рита?! Та, что приехала с вами?

— Да. Она слышала весь разговор этой шпаной. Падло говорил, что Федора Матвеевича им приказал убить начальник пересылки. Рита подняла шум. Ася подожгла карцер.

— Ася политическая?

— Воровка. Она ехала в одном вагоне с Еленой Артемьевой. В пути рассказывала, что ее отец бывший капитан корабля, арестован в тридцать седьмом...

— Какие люди погибают... Мне тысячу раз наплевать, что она была воровкой... ее сделали такой, заставили воровать... Может, и моего сына ждет то же. О Рите... Не буду ничего обещать... Но пока я здесь, ее не обидит никто.

— Спасибо, Игорь Николаевич. Позаботьтесь и о других.

— Любовь Антоновна!

— Я так привыкла к ним...

— Я вам дал слово. Завтра познакомлю с Федором Матвеевичем. О прошлом он не рассказывает ничего. Очень культурный, интеллигентный человек. Умница. Орлов прямо сказал, что Федор Матвеевич должен умереть в больнице, но умереть вполне rispetабельно. Как видно, Федор Матвеевич известен не только у нас. Опасаются скандала. Вот и решили обставить его смерть со всей видимостью закона, а он не умирает им назло. Долго так продолжаться не может. Найдется иуда, я не догложу — и... несчастный случай... Только Орлов, наверно, заберет его на днях. А я... я бессилен... Помочь больному — бессилен, спасти человека — бессилен... Даже защитить вашу Лиду — и то приходится идти на подлог... В кого нас здесь превращают?

— Начальника сорок первой не накажут?

— Узнаю вас, Любовь Антоновна: забота о людях и всепрощение... Вам в душе жалко его. Жена, двое детей... Начальник он над уголовниками... поделом вору и мука. Если б вору... Я бы сам создал им такие условия. Но сколько настоящих воров сидит в лагере? Воры в лагере едят лучше рабочего, предают своих товарищей, и, если те не успеют убить изменника, он уже комендант или воспитатель. И опять карты, водка и мальчишки. А сколько таких, что попали сюда за два килограмма картошки, за стакан муки и за катушку ниток... Они пухнут от голода, и наказывают только их. Им, больным, не дают освобождения от работы... А суки и воры едут сюда и ради женщин. А на мужских командировках шпана утешается с мальчишками. В третьем отделении лежит один пацан, ему

лет шестнадцать. По закону он должен в малолетке быть, а его ко взрослым посадили. Осудили его за ботинки.

— Украл?

— В начале сорок пятого, зимой, его забрали в ФЗО. Там голодно, не топят, он и убежал домой в казенных ботинках. Не успел отогреться на печке, нагрянула милиция — и парнишку под суд. За побег и кражу ботинок ему дали восемь лет. Месяца четыре назад, на пересылке, он попал в руки Падлы, тогда еще Падло считался вором. Мальчишка с месяц спал на перине с самим Падлой, потом надоел ему, и Падло прогнал фезеушника. Парнишка пошел по рукам. Насладятся им вволло, он мне говорил: «аж спину грызли» — и пинком. Заключение наложников не любят. Вскоре отправили мальчишку на двадцать пятую командировку. Голод, насмешки, дразнят «петух», «красная косыночка», не выдержал он — отрубил себе кисть. Вылечим его здесь — и двадцать лет. Погиб парнишка. Жизнь дешевле ботинок. Таких, как он, среди уголовников немало. Если бы осуждали только за настоящие преступления... А кто бы тогда дорогу строил?.. Придет время и нашу дорогу назовут чьей-нибудь ударной стройкой... Конечно, не все уголовники такие, как этот несчастный саморуб. Есть среди них, и немало, убийцы, воры, бандиты и прочее отребье. Однако настоящие преступники устроились неплохо в лагере. Им присылают богатые передачи и деньги, к ним приезжают на свидание родные, у них легкая работа, а иногда и досрочное освобождение по ходатайству задобренной лагерной администрации. Дней пять назад с сорок первой привезли одного паренька, Андрея Петрова. Не окажись я на вахте, списали бы Петрова как умершего.

— Он вор?

— Не поож. Осужден на три года за нарушение паспортного режима. С ним приехали еще трое. У одного, Монахова Станислава, алиментарная дистрофия, второй, Саня Лошадь, нарядчик сорок первой, третий — Шигидин, душевнобольной. Монахов рассказывал мне, за что избили Петрова. Андрей дружил с Шигидиным. Они познакомились на фронте. Шигидина ранили в живот, а из госпиталя откомиссовали домой. Шигидин вернулся домой и узнал, что к его жене, пока он был на фронте, заглядывал председатель. Шигидин добрался домой ночью и застал любовника жены в избе. Скандал... драка...

Попало, конечно, Шигидину. Разве справится израненный солдат с раскормленным здоровым мужиком? Председатель обнаглел и продолжал захаживать к его жене в гости. Летом Шигидин встретил председателя на улице и они подрались. Председатель присмирел, перестал заглядывать, но затаил на Шигидина злобу. Прошлой осенью деревенские детишки, женщины, старики, больные, калеки высыпали на поле подбирать упавшие колоски. Собирали ночью, днем не разрешали. Пусть лучше честно и законно зерно сгниет в земле, чем съедят голодные детишки. О том, что по ночам собирают упавшие колосья, узнали в районе. Оттуда спустили директиву: устроить показательный суд над расхитителями колхозного имущества. Проще всего приказать, поймать и осудить. А кого ловить, если вся деревня колоски собирает. Председатель вспомнил о Шигидине. Он пригрозил трем бабам и одному калеке, что отдаст их под суд, если они не поймают жулика Шигидина. Шигидина поймали и судили. Учили службу в армии, боевые награды, ранения и дали всего лишь пять лет. На сорок первой он встретил своего односельчанина. Тот рассказал Шигидину, что его жена сошлась с председателем, сынишка умер, а слепую мать его бывшая жена выгнала из дома. Восьмилетнюю дочь Шигидина отчим бьет и грозит отдать в детдом. После встречи с земляком Шигидин никого не узнает. Толкнут его — улыбается, бьют — тоже смеется. Я сам видел, как надзиратель пинал его ногой.

— Промолчали?

— Выкупил за поллитра спирта. Ругаться с больничным начальством, звать Орлова на помощь — долго не проживу. Душевнобольных майор принимает с боем: взятки за них никакой, где держать неизвестно. Психбольница принимает уголовников, но не сразу. Осужденные по году свободного места ожидают. Не так-то просто попасть в сумасшедший дом. Очередь, везде очередь. Больным — все равно, а майору хлопоты. Пока Шигидина держали на сорок первой, Петров ему помогал. Петров — парень начитанный. Меня уверял Монахов, что Петров «тискает романы, как читает». Я от Монахова все подробности узнал.

— А он от кого?

— Стасик — односельчанин Шигидина. Присяжные лагерные рассказчики обычно увеселяют поваров, каптеров, комендантов, лекпомов и прочих аристократов. За это им платят баландой, хлебом, а бывает, что и освобождением от работы. Петров с лагерной аристократией не знался, хотя они и соблазняли его. Он рассказывал только своим товарищам по бараку. Надо владеть, и довольно искусно, даром слова, чтобы увлечь усталых, голодных людей. До рассказа ли им, если они не знают, что их ждет завтра. Заключение слушали Петрова до полуночи и просили рассказать еще. Как-то вечером Падло позвал Монахова к себе. Он разрешил ему вылизать миски и заставил чесать себе пятки. Падло большой любитель такого времяпрепровождения. Пяткочесателей он не кормит, разрешает им только вылизывать пустые миски.

— Отдает обедки?

— Обедки он дарит своим любовникам, мальчишкам. На сорок первой Падло завел двух мальчишек, одного назвал Дашкой, другого Нинкой. Надел на них женские косынки и ревновал их к своей своре. Сегодня Дашку объявит законной женой, а Нинку наложницей, а завтра наоборот. Стравит пацанов, они сидят и ругаются, спорят до драки, а Падло хохочет. В тот вечер, когда пригласили Монахова, в комнате Падлы был Шигидин.

— А его-то зачем туда?

— Им развлекались падловцы. Они хватали Шигидина за уши и били его головой о стену, а он смеялся. Кто-то из падловцев заявил, что оторвет Шигидину уши. Старался, пыжился, и ничего не получилось. Потом затеяли игру, кто сильнее ударит Шигидина о стену. Результат определяли по звуку. Падло, как верховный судья, никого не назвал победителем. Монахов попросил Падлу, чтоб не мучили Шигидина, и получил удар ногой в лицо. В это время привели Петрова. Падло предложил ему «тиснуть роман». Петров потребовал, чтобы Падло распустил всех по баракам. Вы представляете, как взбесился этот мерзавец! Ему, Падле, какой-то лагерный доходяга ставит условия! Сперва Падло хотел проучить Петрова немедленно, но потом, трудно предположить, что Падло подумал потом, он неожиданно пустился с Петровым в переговоры. Воз-

можно, Падло посчитал Петрова ненормальным, и он решил с ним поразвлечься, а возможно, Петров пришелся ему по душе своей смелостью. Падло предложил Андрею неслыханную сделку: он сказал, что назначает Петрова своим помощником и в его отсутствие комендантский взвод и прочее будут подчиняться Петрову. Андрей заявил, что комендантский взвод ему не нужен, а рассказывать «рѳманы» он будет только в общем бараке. Хочет Падло послушать, пусть приходит, «если, — добавил Петров, — у меня не пропадет охота рассказывать при виде тебя».

— Не может быть, чтоб так он ответил коменданту.

— Не может, но было. Я сам не поверил Монахову. Саня Лошадь, он был в комнате Падлы, когда били Петрова, почти слово в слово повторил рассказ Монахова.

— И этот подонок Саня здесь?

— Я выписал его за неимением мест. Я многое повидал в лагере, давно перестал удивляться, но Петров... Девять бандитов, вооруженных ножами, палками, безнаказанностью, а он один плюет в глаза их хозяину. Падло заорал: «Раздеть его, подвесить вниз головой!» Петров схватил полено и Саня Лошадь получил превосходный удар по голове.

— А Падло?

— Ускользнул мерзавец. Петрова били долго, ожесточенно и умело. Проломили череп, сломали руку, два ребра и выбросили из окна. До утра Андрей валялся на земле, истекал кровью, а надзиратели не разрешали отнести его в барак. Утром пришел начальник и на глазах заключенных пинал Петрова ногами и орал: «Ты ценного человека чуть не убил!» Сперва хотели схоронить Петрова тут же в зоне, а потом решили, что все равно он не выживет и привезли в больницу. Таков начальник сорок первой. А вы боитесь, что пострадает невинный человек. К нам прибывали десятки искалеченных заключенных с его командировки, сам он мало кого бил, зато натравливал коменданта и его взвод.

— У начальника сорок первой жена, двое детей. Дети не виноваты, жена тоже.

— А Петрова ждет мать, а может быть и невеста. А погибшие на сорок первой? Их разве не ждал никто? Их дети не остались сиротами? Умирать с мудрой улыбкой всепрощения

очень красиво и заманчиво. Не жалеешь себя, твое дело. Но позволяя себя убить, ты утверждаешь бандита в мысли, что любое преступление сойдет ему безнаказанно, превращаясь из его жертвы в сообщника. А помогать двуногому зверю не имеет права ни один честный человек. Так что не терзайте себя, Любовь Антоновна, если начальник сорок первой лет на двадцать поселится в глубинке.

— Разрешите я просмотрю историю болезни Петрова.

— Я сам хотел попросить вас об этом... Может, взглянете на него самого?

— Он спит?

— Наверно, нет. Пятые сутки его кормят с ложки. Днем терпит, ночью стонет.

— Если вы разрешите, я буду дежурить возле него... лишь бы благополучно кончилась вся эта история с Гвоздевским.

— Вам нужен отдых, Любовь Антоновна.

— У меня старческая бессонница. Где он лежит?

— За стеной. В маленькой комнатке.

— Почему не в общей палате?

— В больнице много ссученных воров. Ночью удушат Петрова, и не найдешь кто. А если и найдут, то убийцу выпишут и назначат комендантом или воспитателем.

Игорь Николаевич и Любовь Антоновна с трудом втиснулись в крошечную комнатку. Любовь Антоновна подошла к изголовью больного. Возле Андрея сидела пожилая женщина лет сорока пяти. Услышав, что кто-то подошел, она испуганно вскинула голову, протерла глаза и сказала охрипшим от сна голосом:

— Сюда нельзя. Главврач не велел. — Но, увидев у двери Игоря Николаевича, женщина смущенно потупилась. — Извиняйте. Вздремнула. Устала ведь.

— Хотите поспать — садитесь возле двери, — строго заметил Игорь Николаевич.

— Я чтоб поближе... Напитесь попросит, вмиг подам.

— Я вас прошу, Вера Кондратьевна, ставить табуретку у входа. Облокотитесь спиной на дверь, и никто не откроет. Будут рваться — зовите на помощь.

— Т-с-с, — погрозила пальцем Любовь Антоновна, — он, кажется, спит.

В эту минуту из-под белых бинтов повязки сверкнула узенькая щель полуоткрытых глаз. Любовь Антоновна часто смотрела в глаза больных, она видела и предсмертную муку, и боль, и упрек, и жалобу. Она видела негодование и злобу, бывает, что больной в последние минуты ненавидит врача за то, что он не в силах освободить его от жгучей, всепоглощающей боли. Но никогда она не видела, чтоб кто-нибудь смотрел на нее с такой затаенной мукой. Глаза Андрея говорили о страдании, но ничего не просили. В них угадывались глубоко спрятанный гнев и даже вызов, словно Андрей хотел сказать: «Да, мне тяжело, невыносимо тяжело, но я терплю. Зачем пришли ко мне? Срывать бинты?» Любовь Антоновна протянула руку к больному, она хотела поправить одеяло, но Андрей, заскрипев зубами, поднял забинтованную голову и тут же беспомощно уронил ее на подушку.

— Не прикасайтесь к нему, — испуганно попросил Игорь Николаевич.

— Он бредит?

— Вы новый человек. К нему уже пытался ворваться Лошадь.

— Но я женщина... Неужели он подозревает и меня?

— Успокойся, Андрей, — мягко попросил Игорь Николаевич. — Здесь я. Никто из них не подойдет к тебе близко. Это новый врач. Она должна осмотреть тебя.

— Он... говорил... заколят... — отрывисто прошептал Андрей.

— О чем он? — Любовь Антоновна взглянула на Игоря Николаевича, но тетя Вера поспешила объяснить слова больного.

— Намедни, когда тот бандит в двери ломился, он грозил Андрюшке, что задарит докторшу и она ему даст смертельный укол. Вас-то, Игорь Николаевич, не приметил он, с глазами у него неладно, вот и подумал, что докторша пришла травить его.

— Он плохо видит, — подтвердил Игорь Николаевич. — Последствие травмы черепа.

Тщательно выслушав больного, Любовь Антоновна задумалась.

— Мое мнение, — заговорила она, но в это время в проеме дверей показалась голова доктора, дежурившего в палате Гвоздевского.

Игорь Николаевич! У полковника пропал пульс. Зрачки не реагируют на свет, торопливо сообщил дежурный врач.

— Летальный исход? — заметно волнуясь, спросил Игорь Николаевич.

— Кажется, да.

— Не торопитесь с выводами, доктор, — неприязненно оборвал Игорь Николаевич дежурного врача. — Вы проверили ахиллов рефлекс?

— Нет.

— Совсем разучились работать, — заворчал Игорь Николаевич, выходя из комнаты Андрея. — Идите, — приказал он ожидавшему его врачу, — я вас догоню. Мы с доктором на минуту зайдем в кабинет. — Любовь Антоновна, подавленно вздохнув, пошла вслед за Игорем Николаевичем.

— Возьмите ключ, запиритесь и не пускайте никого. Постучит кто, не отвечайте. Погасите свет и молчите, — приказал Игорь Николаевич, доставая из тумбочки две поллитровые бутылки. — Лекарства, — пояснил он, пряча бутылки в карман. — Осмотрю Гвоздевского — и сразу на вахту. Врачи не донесут, что Гвоздевский мертв. Лишь бы не прорвался сексот. Кто он?? Возле вахты будет дежурить мой помощник. Заметит, что кто-то крадется, поднимет шум. Открыто подойти к надзирателям сексот не посмеет. Постараюсь задержать охрану подольше. Орлов приходит на работу в девять и тогда я сумею с ним договориться.

— Но подозрение падет на вас, Игорь Николаевич. Орлов поймет, что вы преднамеренно разгласили тайну об отравлении Гвоздевского.

— Ничего он не поймет. Я вам уже объяснил, от кого Орлов узнает секрет. Спокойной ночи, Любовь Антоновна.

Игорь Николаевич скрылся за дверью.

МЫСЛИ И СОН

Любовь Антоновна, дважды повернув ключ, вынула его из замочной скважины и положила в карман халата. Не раздеваясь, она прилегла на топчан. «Скоро рассвет... Сумеет ли Игорь предупредить Орлова... Захочет ли Орлов вступить за меня... Игоря могут разоблачить... Даже Орлова не простят за помощь Игорю... Родственные чувства... дружба... брат... Тех, кто остался братом для осужденного брата, сыном угнанного отца, женой арестованного мужа, преследуют... Люди прожили вместе всю жизнь... любили друг друга... страдали, веселились... одинаково думали, ссорились... мечтали быть вместе до конца, и вдруг... Любить воспрещается. Твой брат или отец преступник, отрекись от него... Напиши, что ты его осуждаешь, толкни его, брось в него камень, а не то сам пойдешь вслед за ним... Трусливые бросают, а тех, кто не согласен, отправляют в ссылку... Трусливые... У женщины трое детей... что она должна делать? Ехать с детишками на север? Вот и пишет она о своем презрении к недостойному мужу... проклинает отца своих детей... Жену благодарят за гражданское мужество, злорадствуют: заставили-таки обругать врага народа... негодуют, как это такого зверя, как ее муж, земля-то терпит, если жена и дети прокляли его... возмущаются: а почему жену не забрали вместе с супругом? и гордятся: вот какие мы хорошие и честные, не то что ее муж... А что же думают сыновья и дочери, когда их вынуждают подписывать эти пасквили? Плачут? Презирают себя? Или отделяются рассуждениями: как все, так и мы... Хуже всего детям: отец любил его, рассказывал сказки, мастерил игрушки, плакал, прощаясь... Но ребенок отказывается и от матери, если обвинили ее... Мать родила его... не спала ночей... А дочери? Моей Иринке было двадцать четыре, когда меня арестовали... Она без памяти любила своего Семочку, они поженились только в тот год... Ирочка была беременна... она подписала. Как хорошо Ирочка спала, когда была маленькой... раскинет ручки, улыбается во сне, причмокивает губами... И это письмо... За что? За то, что я водила ее

в школу за руку?.. за то, что на всю жизнь я осталась одна?.. Я не хотела другого отца для Ирочки... и для Коли... Он не подписал... А она?.. Мне читали ее письмо... Мороз, выюга... Тысячу человек выстроили... Начальник командировки читает... Я стою одна возле него... Обмороженные женщины падают, на них не обращают внимания... и чтение... Я ругала Ирочку в душе... Бедная девочка... Она-то в чем виновата? У нее ребенок, муж... А я старая, мне хуже от этого не будет... Мне — нет... А тем, кто слушал? Тем, кто ждал, когда прочтут их письма?.. Ирочка... Она нелепо погибла... попала под трамвай... Серебряков рассказывал... Его в сороковом арестовали... Сема отказался от сына... Внучок мой... Вадик... Я тебя так и не увидела... И папа твой бросил тебя... государство прокормит... хочу воспитывать, хочу брошу, как тряпку грязную... Общественность... Покричат, поругаются, назовут прохвостом, донжуаном... А Вадика — на воспитание в детдом... Дон Жуанов не судят... Если он слово лишнее скажет — пожалуйте сюда... А сына бросит... Растреленный тип... прижжем его каленым железом презрения, и прочие словесные громы и молнии... Может, Сема с умыслом оставил Вадика? Внук врага народа... Мать хоть и раскаялась, а до конца ли? Вдруг утаила что? Лучше избавиться от вражеского отпрыска... Жизнь хороша... солнце светит... А сын? Какая польза от него? Маленький... плачет, пеленки пачкает... Девушек много, детей нарожают... у меня еще все впереди... В детдоме хорошо кормят... Няньки... чистое белье... Кто приласкает Вадика? Кому он пожалуется, когда его обидят? Для кого он поплачет?.. Кто посадит его на колени?.. Кто?! Была бы хоть бабка... Я... Он бы шалил. Мальчишки озорники. Все разбросано. Я собираю и ворчу... сержусь. Какое счастье так сердиться... Он вырастет один... Чему научат его? Не плачьте, доктор. Никто не знает будущего... А прошедшее я знаю?.. Жив Вадик? Где он? С кем? Если б вокруг меня жили счастливые люди... Горько... Завидно... и... радостно... Горько, что страдаю только я. Завидно: мы все в душе завидуем чужому счастью. И радостно, что я одна со своим горем и больше никого не коснулось оно... Но кто же счастлив?.. Капитан? Ему впору плакать от такого счастья... Гвоздевский? — его нет... А живой он был счастлив?.. Пустопорожние речи... он не верил ни одному слову... равнодушные к страданиям людей... жадность, взят

ки и ненависть. А награда? Сытый желудок... удобная квартира и... вечный страх потерять эти блага... По-нищенски мало заплатили ему за проданную душу... А было ли что и продавать?.. Орлов... Доносы... травля... и убийства с его благословения... Это — преступления Орлова... Чем же наградили его?.. Лесть подчиненных: «Слушаюсь!», «Исполню!», «Что прикажете?», «да ради вас...», «вы для меня...»... Под старость приличная пенсия... и мемуары в литературной обработке беспутного писаки... Предстанет Орлов перед молодым читателем рыцарем без страха и упрека... А закон возмездия? Даже больших преступников не щадит этот закон... Грозный был наказан безумием, пыткой страхом и сыновьями. Одного убил сам, другого — неизвестно кто... третий — слабоумен... Как накажет закон возмездия сегодняшнего Грозного? Детьми? Но тогда этот закон не справедлив: почему дети должны платить по счету отцов? Что случится с Грозным нынешнего века, я не узнаю... А с Орловым? Он не Грозный и даже не Грозенький... Винтик... поддерживает жернова, помогает им молоть... Но для чего мелют эти жернова? И что получится из смелотых зерен? таких, как я, Игорь, Елена Артемьевна, Рита, Катя? Мұка будущего или только мұка настоящего? Горькое тесто замесят из этой мұки... А испекут ли из нее хлеб? Не отравятся ли им, как Гвоздевский поганками Лизы? Игорь продержится до утра? Главное не во мне... Я не успела отдать кольцо... Обыщут... найдут у мертвой... Но майору оно не попадет... Он обозлится и отомстит Рите и всем... Живешь — боишься, умираешь тоже со страхом... Как быть, если придут братья? Открыть дверь? Лучше не думать о том, чего нет... Спать, доктор... Вы три ночи без сна... Много и для старухи... Рассветает... Усну... Силы нужны... Зачем?..

Но это последнее «зачем» отодвинулось во тьму и спряталось в ней, как прячется в чаще леса охотник, стерегущий добычу. Мысли тоненьким ручейком плыли в широкую реку сновидений. Ударившись о волны ее, ручеек расплескался разноцветными брызгами, а река, сотканная из причудливых образов, бесшумно и стремительно мчалась в таинственную глубину неизведанного мира, туда, куда не долетает голос человека, где ни единый звук не нарушает покоя беспечной страны снов. Любовь Антоновна шла по голубому полю, и цветы, и трава, и теплая земля под ногами излучали прозрачную голубизну, уди-

вительно нежную и мягкую. Летнее небо, разбуженное светом ранней зари, где-то далеко-далеко сливалось с цветущей землей. Широкие чашечки прозрачных цветов касались рук Любови Антоновны. «Какие высокие цветы, — удивлялась она. Почему они все голубые?» И странное дело: Любовь Антоновна раздвоилась. По полю шла она, а рядом с ней шла тоже она, одетая в скромное черное платье. Та, другая, внимательно присматривалась к Любови Антоновне, разглядывала каждую морщинку ее лица и даже чуть заметное родимое пятнышко на щеке. Любовь Антоновна знала о мыслях той, другой. Она читала их, как открытую книгу. «Мама умерла», — прошелестел голос двойника. «Убили», — подумала Любовь Антоновна. «Убили, — как эхо повторил двойник. — Ты всегда хочешь быть права... Ты сделала перевязку ему». Любовь Антоновна поняла, что двойник говорит об убийце матери. «Мы вместе делали, — возразила Любовь Антоновна. — Ты — это я, а я — это ты». «Неправда, доктор! Я похожа на тебя, но не во всем. Я родилась вместе с тобою, но тебя видят все, а меня никто. Я запретила тебе помогать убийце, а ты меня не послушала». «Запретила! — закричала Любовь Антоновна. — Ты остановила мои руки, когда они бинтовали его?» «У меня нет сил схватить тебя за руку, — возразил двойник. — Я — только совесть, невидимая людям. Я просила тебя не помогать Гвоздевскому». «Его уже нет». «Но он жил по твоей воле, посмотри, что он сделал». Перед глазами Любови Антоновны возник человек. В правой руке он держал отрубленную кисть и что-то напевал вполголоса. Рядом с ним стоял худой и черный мужчина. Он заливался смехом, а чья-то рука, только одна рука, без туловища и головы, вырывала у незнакомца волосы, прядь за прядью, и бросала их вверх, навстречу восходящему солнцу. Приплясывая и кривляясь, к ней шел пухлый мальчишка, выкрикивая на ходу: «Женитесь на мне!» и толпа людей. Они кричали, их голоса, высокие и низкие, грубые и пискливые, слились в единый вопль: «Жи-и-и-ть! Жи-и-и-ть!» И Катя... она протянула Любови Антоновне кусок изъязвленного легкого, хотела что-то сказать — и исчезла. «Все это сделала я? — в ужасе спросила Любовь Антоновна. — Неужели ни одного доброго дела?! Я никому не помогла?» «Прочь! — прогремел чей-то голос и двойник исчез. — Это не совесть твоя, а твои заблуждения. Ты мучаешь

себя, а ты — доктор милостью Божьей. Забудь об этих призраках... Они не твои... Взгляни, что ты сделала». Любовь Антонова увидела ребенка. Он полз к ней, тянул руки, бессмысленно пускал пузыри. А рядом с ним стоял мужчина, высокий, светловолосый, со счастливым смехом он смотрел на ребенка. «Этот бы ребенок не родился, — сказал голос, — если б ты не спасла его отца. Взгляни на других». Толпа людей окружила доктора со всех сторон. Среди них были хмурые, озабоченные, печальные и равнодушные, но многие, очень многие, смеялись беспечно и счастливо, как тот, светловолосый. И все они протягивали к ней руки, просили подойти к ним. Среди них были Рита и Катя, но теперь Катя протягивала доктору охапку душистых цветов, а Рита держала в своей маленькой ладони крохотную незабудку и шептала: «Это вам, доктор. Будьте мне мамой». И дети... Весело смеясь, они бежали к ней, переступали запретную черту, ее не могли перейти взрослые. Они обступили Любовь Антоновну, тормозили ее, радостно вскрикивая: «Поиграй с нами, бабушка! побегай! догони!..» И, весело галдя, мчались по полю и вновь возвращались к ней. «Это дети тех, кого ты спасла, за кого мучилась в лагере». «А где же Вадик? — спросила Любовь Антоновна. Но невидимый голос ничего не ответил. — Его нет в живых? Последнюю былинку вырвали из сердца. А я? Я? За что я приговорена жить?» «Ты нужна, доктор! Нужна другим, — снова заговорил голос. — Ты сильная». «Освободите меня от жизни», — умоляла Любовь Антоновна. «Взгляни сюда!» — приказал голос. Доктор увидела, что к ней идет Рита. Она подходила все ближе и ближе, и вдруг голубые цветы, что покорно стлались у нее под ногами, вытянулись, и стебли их безжалостно хлестнули Риту по лицу. На щеках Риты остались кровавые полосы. «Они пьют кровь! — крикнула Любовь Антоновна. — Цветы-кровопийцы!» Любовь Антоновна шагнула к Рите. Цветы отпустили девушку. И снова ребенок. Он ползет по полю. И вдруг лицо его синее. «Спасите ребенка, доктор! — приказал голос. — И ее». Любовь Антоновна увидела девочку лет семи с коротко остриженными волосами. Она бежала вприпрыжку по полю, а стебли цветов схватили и опутали детское тельце. «Кто они?» — спросила Любовь Антоновна. «Нерожденные дети. Их нет и не будет, если умрете вы. Велико наказание жить так, как живете вы,

но велика и награда. Вы дарите жизнь людям». И властный голос приказал ей взглянуть на цветы. Из каждой чашечки выглядывала искаженная морда. Между цветами идут люди. Одних она встречала когда-то, по ту и по эту сторону колочей проволоки, других не видела никогда. Глаза у людей закрыты. А зубы чудовищных цветов впиваются в грудь и шею идущих. Сладострастно визжа, они грызут живые тела, чавкают, жуют, глотают, давятся и снова грызут. Кто-то из чудовищных морд насытился или устал. Они старательно размалывают зубами каждый кусок, вырванный из трепещущего от боли тела. Люди кричат, беспомощно машут руками, но они не видят, кто терзает их, и бьют друг друга. Гулкие удары разносятся по полю, а люди остервенело избивают людей, безумея от гнева. Цветы-убийцы с тупой радостью смотрят на драку. «Ха-ха-ха-ха!» — гулко и раскатисто смеется чудовище, то, что совсем рядом с Любовью Антоновой. «Хо-хо-хо-хо!» — жирным басом подхватывает второе. «Хи-хи-хи!» — тонко и заливисто смеются головы цветов. Стебли их мелко дрожат, а лепестки, проворные и гибкие, как паучьи лапки, хватают людей, тянут к себе, душат и швыряют в толпу слепых. Искалеченные люди с яростью набрасываются на своих собратьев, рвут и топчут их на части. Лица людей вытягиваются, это не лица, а безобразные злобные морды. Лепестки чудовищных цветов щедро дарят новорожденным мордам куски людского мяса, а те, кто недавно был людьми, сперва робко и с омерзением, жуют плоть человеческую, а потом на их обезображенных губах расплываются сытые улыбки, глаза наливаются кровью и злобой, тело вытягивается стеблем... Ряды людей редуют, а цветы-кровопийцы вырастают там, где была голая поляна. Любовь Антонова бросилась к чудовищам, глаза ее открыты. Если ударить по стеблю, то голова убийцы покатится по земле. «А-а-а-а!» — взвыли морды, увидев Любовь Антонову. Они тянутся к ней. Когда сотни и тысячи их сплетены в один клубок — они могучи. Но каждый в отдельности труслив, слаб, беспомощен. «Не гуманно! — вопят они, увидев, что Любовь Антонова смело ударила по одному из стеблей. — Мы убьем тебя!» — чудовища плюются, пытаются схватить ее, но она ускользает. Но вот сзади ее обхватывают лепестки. Они жадно тянут доктора к себе, и поле дрожит от торжествующего рева. «Закрой глаза! Закрой!» «Пусть открывает шире!»

ПРОБУЖДЕНИЕ

— Откройте, Ивлева! Откройте! — и Любовь Антоновна проснулась. Чей-то голос, Любовь Антоновна спросонья не угадала чей, нетерпеливо повторял за дверью: — Откройте, Ивлева! Я вам приказываю!

«Майор» — узнала Любовь Антоновна. Она услышала, что кто-то настойчиво советует:

— Прикажете сломать дверь, товарищ майор.

...За мной... Гвоздецкий умер... Уже день... Игорь не велел открывать. Они обозлятся и приведут из землянки всех... Приведут ли? Нет. Майор уверен, что я просила за них только ради передачи и кольца... Вышвырнуть кольцо в окно?.. На окнах решетки... Скорее сломают дверь... А кольцо? Может, они набросятся на него и забудут обо мне? Майору оно почти не нужно... Делиться с надзирателями хлопотно и мало выгоды... что если... Да-да... Они найдут меня мертвой... успокоятся... В суматохе забудут о землянке...

— Не валяй дурака, Ивлева! Открывай! На этап пойдешь! — гремел за дверью голос майора.

...Что с Андреем?.. Он думает, рвутся к нему... Сломаны ребра, рука... Он ждет, когда добьют... Открыть двери? Мне вывернут руки, сорвут одежду и протащат по всей зоне...

— В последний раз спрашиваю: не выйдешь добровольно? нет? Выволокем! — предупредил майор, яростно трахнув ногой в дверь.

...Где же Игорь?.. Задержали на вахте?.. Струсил?.. Обманул?.. Трах!

Трах! Трах! — Дверь содрогнулась от сильных и частых ударов.

...Обозлятся и набросятся на Андрея... Как он там?.. Ждет... Вспомнят о землянке и всех пятерых вернут в зону... Рита

умрет... И Катя... Елена Артемьевна не выдержит... Лида наделает глупостей... Ефросинья? — Она обречена...

— Дверь толстая, товарищ майор, ногами не вышибешь.

— Тащи лом, отожмем!

...Затихли... Надолго? Игорь не обманул... Наверно, ему не дали поговорить с Орловым... Лучший выход — покончить с собой и перед этим открыть дверь... Приказ Орлова выполнят, и они успокоятся... Им тоже такие приказы обходятся не дешево... Приходится платить... Чем? Зачем мне знать, чем и кому заплатят за меня? Много думаете о себе, доктор... Придумайте, как вернее все кончить и успеть открыть дверь... Если им не давать в руки свой последний козырь? Пусть глумятся... увидят все... И... станут еще покорнее... Времена костров прошли... люди смотрели, проклинали... сочувствовали... А теперь? Тащат старуху, растрепанную, оборванную, сумасшедшую... Не захотела идти на этап... Трагедию научились превращать в комедию... человека окунают головой в парашу или заставляют руками выгребать людские экскременты... Умереть с веревкой на шее в пламени костра? — хоть у кого останется осадок... А с куском человеческих испражнений в руках? — жалко, смешно, стыдно... Тщеславие? Красивой смерти пожелали, доктор? Нет! Такая смерть наруку им... глупая, унижительная, трусливая... И даже такой не увидит никто, а тот, кто увидит, обязуется молчать... Не найду ничего подходящего, тогда... поясок от платья... Противно... Не будьте разборчивой, доктор... Посмотрю в тумбочке... Эфир... не нужен... Морфин... — слишком долго... Не успею уснуть — и ворвутся... Скальпель! Почетная смерть... Очень почетная... Вы тщеславны, доктор... Гонитесь за почестями... Римляне любили вскрывать себе вены... Роскошь, цветы... молодые рабыни, музыка, вскрытая вена и горячая ванна... Думайте о деле, доктор! Сонная артерия... не зашьют... Да и кому нужно возиться... Игоря придержат на вахте, а других врачей не подпустят... Хватит ли сил?.. Хватит. Как можно глубже... Я прожила неплохо... Были Ирочка и Коля... У Ирочки — Вадик... Их нет... Что я думаю, старая дура?!.. Коля, может, жив... И Вадик... Он не знает меня... Зачем я ему нужна?.. Кто я ему?.. Чужая бабушка... Успею ли открыть дверь?..

— Товарищ майор, я лом притащил, — доложил за дверью надзиратель.

— Щель узкая, не лезет. Бей по дверям! Погоди! Шумну еще раз. Открывай, Ивлева! Тебя, дура, никто не тронет!

— А, может, ее вовсе нет? — усомнился незнакомый голос.

— Доложили, что тут сидела всю ночь и не выходила.

— Констрики ушлые, товарищ майор. Она рванула когти отсюда, а мы даром ломимся. В окно бы заглянуть.

— Под юбку девке своей загляни, — посоветовал майор.

— Я с ней без заглядок. В темную шурюю, — хихикал надзиратель.

— И тут в темную действуй. Окно изнутри занавешено. Дали волю Игорю! Двери запирает, окна занавешивает, как вольный!

— А если ее нет...

— Ломай! Не рассуждать!

— Есть ломать и не рассуждать, товарищ майор.

Дверь затрещала. Любовь Антоновна провела пальцем по скальпелю.

— Крепка, в рот ее... — выругался надзиратель.

— Крепче садани!

— Топором бы, товарищ майор!

— Топор есть?

— В коридоре положил, на всякий случай в кухне прихватил.

— Тащи и руби! — приказал майор.

Двухдюймовые доски прогнулись под ударами топора. Ждать не имело смысла.

— Отойдите от двери, — заговорила Любовь Антоновна, поднося скальпель к горлу.

— А что я говорю! — торжествующе крикнул майор. — Открывай, Ивлева!

— Отойдите от двери, открою.

— Торгуешься, сука старая? Меня от двери гонишь? Руби! — исступленно закричал майор.

...Все... — блестящее жало скальпеля коснулось шеи доктора.

— Что за безобразие?!

— Игорь!

— Прочь от дверей! — взревел взбешенный майор. — Подумаешь, главврач нашелся! В карцер посажу!

- Вас вызывают к селектору... — перебил Игорь Николаевич, но майор не дослушал его.
- Приду, когда надо! Ломай двери! В карцер тебя!
Трах! Трах! Трах!
- Начальник управления лагеря Орлов! — закричал Игорь Николаевич.
- Нажаловался? Отставить! — разочарованно приказал майор.
- Любовь Антоновна, не выпуская скальпеля, бессильно уронила руку.
- Буду жаловаться! — кричал Игорь Николаевич.
- Контриков защищаешь?
- Нет, гражданин начальник. Я сам — контрик. Делайте с ними, что хотите, но я буду жаловаться.
- За что? — обескураженно спросил майор.
- За то, что вы дверь в мой кабинет чуть не сломали! Государственное имущество портите, гражданин начальник! Я не могу спокойно смотреть, когда наносят вред казенным вещам!
- Успокойтесь, Игорь Николаевич, — попросил майор, — что дверь? Тьфу! Новую поставим.
- Для вас «тьфу», а у меня сердце болит. Такая дверь! — сокрушался Игорь Николаевич.
- Вы обманули меня. Сказали, что Ивлевой в вашем кабинете нет, а она тут.
- Зачем мне ваша Ивлева, гражданин начальник! Где я толстые доски достану?! — не унимался Игорь Николаевич.
- Вы о двери промолчите, а я об Ивлевой. Идет?
- Подумайте, гражданин начальник.
- Кто вас к селектору допустил? — поинтересовался майор.
- Гражданин начальник управления лагеря приказал позвать меня к селектору. Вы осуждаете его действия?!
- Что вы?! Что вы?! — испуганно забормотал майор. — Я побегу к селектору, а надзиратели останутся здесь.
- И я с вами, — спокойно сказал Игорь Николаевич.
- А вы-то зачем?
- Гражданин начальник управления лагеря приказал мне доложить ему о состоянии больных на сегодняшний день.

— Я не велел выпускать вас с вахты, — неожиданно вырвалось у майора.

— Начальник управления лагеря отменил ваш приказ по селектору. Обжалуйте его действия, если считаете незаконными.

— Чтоб я на самого начальника управления жаловался?! Он мне дороже себя! Я за такого человека куда хочешь пойду! Чего нам ругаться, Игорь Николаевич! Из-за кого?!

Голоса за дверью смолкли. Любовь Антоновна опустила глаза на топчан. Ей не хотелось ни о чем думать. За дверью кто-то ходил, но Любовь Антоновна слышала и не слышала их шаги.

— Вас зовет начальник больницы, — кому-то сказал Игорь Николаевич. — Отоprite, Любовь Антоновна! Это я!

...Игорь... Он не велел никому открывать... Вы с ума сходите, доктор... Ему-то вы можете открыть... Что со мной?.. Два раза за одну неделю я стояла на краю... Ноги подгибаются...

— Мне... трудно... подойти... — слабым голосом ответила Любовь Антоновна.

— Это я, — повторил Игорь Николаевич, — в замочной скважине торчит ключ, откройте. Нажмите плечом!

Дверь распахнулась. Игорь Николаевич, еще не успев переступить порога, крепко обнял Любовь Антоновну и порывисто расцеловал ее.

— Они ушли. Что это у вас? — Любовь Антоновна попыталась спрятать скальпель за спину. — Дайте его сюда! — грубо приказал Игорь Николаевич, молниеносным движением ловя руку Любовь Антоновны. — Мне он нужен! Я — хирург! — бормотал Игорь Николаевич, разжимая заостренвшие пальцы доктора. — Я его спрячу подальше. Не успел, Любовь Антоновна... Пока дозвонился, этот выродок ушел к вам. Недели через две заедет Орлов, попрошу сменить майора. Что вы молчите?

— Как в землянке?..

— Туда никто не заходил, кроме меня. Я разговаривал с Сарой Соломоновной.

— Кто она?

— Врач. Я ей поручил землянку. Я отлучусь, а вы отдохните.

— Я спала.

— Что ж вам снилось? — шутливо, с коротким смешком спросил Игорь Николаевич. Но смех прозвучал вымученно, а в глазах притаилась старая многолетняя грусть.

— Кошмар... Поле... цветы-убийцы... толпы людей.

Игорь Николаевич что-то хотел сказать, но раздумал. Выйдя в коридор, он напомним:

— Ждите меня. Часа через два я вернусь. О женщинах не беспокойтесь. К вечеру мы навестим их. Я бы предложил вам пройтись со мной, но... лучше запритесь покрепче..

...Спаслась... Дорого мне обошлась больница... Я помогла пятерым... Пятеро... как мало... Что я сделала для них? Ефросинья умрет на днях... Катя — весной... Елена Артемьевна не доживет до конца срока... Амнистия? После войны пройдутся гребнем погуще... Хорошо, что я не увижу их конец... За что люди терпят? Время тяжелое? Но если только время виновно во всем, то можно оправдать рабство и право первой ночи... детский труд и столыпинские галстуки... Рабовладельцев и Столыпина ругают много и ругают заслуженно. Но почему же не оправдают их беззаконие временем? Прошлое дозволено только хаять, настоящее — хвалить... Обезьяний народ Киплинга кричал: «Мы — самые умные. Мы самые смелые. Мы так говорим и поэтому все это правда». Над ними смеялись, их презирали. Нет! Никто не посмеет смеяться над нами. Слишком много дал мой народ миру: от Державина до Пушкина, от Лобачевского до Менделеева, от Ломоносова до Достоевского, всех не перечтешь... Сколько погибло людей на моих глазах... Не может так продолжаться вечно. Если завинтить крышку кипящего котла — он взорвется. Кипящего? А кипит ли он? Дров нет, огонь погас... а холодной воде все равно, сколько времени томиться под любой самой плотной крышкой... Вы лжете, доктор. Народ не холодная вода. Он скажет свое слово, когда запоют петухи. «Петухи поют на святой Руси»... Поют ли. Может, бросили в котел последнего. Не отчаивайтесь, доктор! Вы должны работать не покладая рук. Здесь? в лагере? Сизифов труд... Но когда-нибудь камень не вырвется из рук Сизифа и останется на вершине горы... Что будет с Ритой и Лидой? Какими они выйдут отсюда? Ненавидящими? Злобными? Умереть бы здесь своей смертью... Только бы не на глазах у них...

Риту ждет мало радости. Лида, если вырвется отсюда живой, забудет о лагере. А Рита — нет. За что я ее люблю? А за что мы любим детей? Солнце? Счастливые лица? Любим и все. Скорей бы вечер... Я отдохну в землянке вместе с ними...

Глава 2.

БЕНЗОНА

ВЕЧЕРНЕЕ ДЕЖУРСТВО

— Ты хорошо себя чувствуешь, Рита?

— Очень хорошо, Любовь Антоновна. Мне уж стыдно ничего не делать. Десять дней здесь, а я лежусь с утра до ночи. Поем и спать. Надоело.

— Завтра я возьму тебя к себе. Работа не легкая. Санитарам приходится кормить тяжелобольных, выносить за ними судно. Не побрезгуешь?

— Ой, что вы, Любовь Антоновна!

— Не обижайся. Ишь ты какая капризная... Слово тебе нельзя сказать, — заворчала Любовь Антоновна.

— Вы до позднего вечера работаете. Ночью к Ефросинье ходили, пока она жива была... Она сильно мучилась перед тем как... помереть?.. — Лицо Риты побледнело. Пушистые ресницы взметнулись вверх.

— Не спрашивай, Рита, — попросила Любовь Антоновна. — Мне трудно... Заболею я, слягу, кто присмотрит за мной? Чужие санитары не доглядят, а ты...

— Доктор! Я не нарочно. Мне очень жалко Ефросинью...

— Хватит. Завтра я погляжу, как ты себя чувствуешь и...

— Я сегодня пойду. Можно? Возьмите, доктор! — упрашивала Рита, заглядывая в глаза Любви Антоновне.

...Рита должна работать... Физически она здорова. Ее угнетает сознание собственной ненужности... — думала Любовь Антоновна, ласково трепля густые волосы Риты. — Посажу ее возле Андрея. Днем он на глазах, а ночью... Санитары часто засыпают. Сара Соломоновна советовала трудовую терапию... Она невропатолог... При нервных потрясениях самое целесообразное — труд, если нет под руками надежного лекарства. А какое надежное лекарство есть у невропатологов?.. А у психиатров?.. Грустно... Психиатрия топчется на месте. Как и два века назад — мокрые простыни... Привяжут к кровати —

и все... Ограничения... Еще скипидар и болезненный абсцесс... Поднимется больной с кровати через месяц — и снова скипидар... или снотворное. Цепи сняли, картину нарисовали, раскованные душевнобольные с обрывками цепей на руках и ногах благодарят своего освободителя врача, а лечить не научились... Все таинственно, непонятно, механизм болезни не изучен. Мы стоим у истоков, как и наши предки. Не знаем как, не знаем чем лечить. Тибетская медицина шла путем опытов. Эмпирический путь далеко не самый плохой... Нам еще надо учиться многому у народной медицины... Помогает труд, будем лечить трудом.

— Ты ночью крепко спала?

— Как убитая.

— А во сколько легла?

— Где вы были сегодня ночью?

— Дежурила. Ты не ответила на мой вопрос.

— Часов в двенадцать.

— Сегодня подежуришь до двенадцати. У меня один молодой больной. Плохо ему.

— Что с ним, доктор?

— Избили.

— Кто?

— Какой-то Падло. Что за идиотская кличка!

— Я его знаю. В карцере видела через щелку. Он хотел повесить одного хорошего человека. Его звали... по отчеству Матвеевич, а имя забыла.

— Федор Матвеевич, — подсказала Любовь Антоновна.

— Вы его знаете? — удивленно спросила Рита.

— Он лежит у меня в корпусе.

— Значит он жив?! — обрадованно спросила Рита.

— Жив. Благодарил тебя.

— А откуда он меня знает?

— Я сказала.

— Я обязательно пойду к нему. Вы меняпустите?

— Позднее.

— А сегодня?

— Сегодня ты будешь дежурить у Андрея.

— У какого Андрея?

— У того, которого избил Падло.

— Мне не нравится его имя. Если бы его звали как-нибудь по-другому...

— Ты про кого говоришь?

— Про Андрея.

— Я не разрешу тебе ухаживать за ним.

— Почему? — обиженно протянула Рита.

— Раз имя не нравится, ты и сидеть возле него не захочешь, — пощупила Любовь Антоновна, но Рита приняла ее слова всерьез.

— У нас на улице, когда я была маленькая, один Андрюшка всегда обижал девочек. Мы от него плакали. Вот почему мне его имя не нравится, — пояснила Рита.

— Этот Андрюшка тебя не обидит. Он не может сам есть.

— За что его так сильно избили?

— Вступился за товарища.

— А он не вор ваш Андрюшка?

— Он не мой, а наш. Не хочешь дежурить, так и скажи, — рассердилась Любовь Антоновна.

— За мной ухаживали, а я не хочу? Я думала, он вор... Потому так и говорила, — призналась Рита

— И про мальчишку соседского ты выдумала?

— Нисколько, — горячо возразила Рита.

От землянки до седьмого корпуса метров двести, если идти напрямик. Доктор и Рита проходили мимо высокого деревянного забора. Что было за ним, кто там жил, Рита не знала. Войти вовнутрь зоны, огражденной забором, можно было только через узенькую калитку, возле которой всегда дежурит самоохраннык. Рита дважды проходила мимо этой калитки и видела, что она заперта на замок. Сейчас калитка была открыта. Шагах в пяти от нее стояла заключенная женщина. Она посмотрела на Риту маленькими заплавленными глазами и тихонько свистнула:

— Эй, красавица! не хочешь со мной провести вечерок? Поднюхаем! — Рита вздрогнула и невольно попятилась назад. — Чо боишься! Я — Васек, — отрекомендовалось странное существо. Рита мельком взглянула на «Ваську». Хотя она была

немного испугана, все же заметила, что девица Васек одета в новенькую гимнастерку, заправленную в темно-синие брюки. Голову Васька украшала казацкая кубанка, расшитая крест накрест узенькой красной лентой, на ногах красовались вычищенные до блеска хромовые сапоги.

— А ты в карцер не хочешь, Васек? — не повышая голоса спросила Любовь Антоновна. Тонкие губы мужеподобного Васька побелели, узенькие щелочки глаз, злобно поблескивая, медленно ползли по лицу доктора.

— Отвали, труха, — процедила Васек, — тебя ковырять не стану. Девку оставь!

— С тобой побеседует начальник больницы, — пообещала Любовь Антоновна, увлекая за собой Риту.

— Майор? Мы с ним по петушкам живем! Девку твою захомут! — кричала вслед Васек.

— Кто она? Что это за зона? — встревоженно спросила Рита.

...Сказать? Да, только сказать. Узнает, будет спасаться...

— Это вензона, Рита. Тут лежат больные, ну те...

— Не объясняйте, Любовь Антоновна. Я слышала о них в тюремном карцере. А Васек?

— Лесбиянка, — коротко и сухо ответила Любовь Антоновна.

— А кто такие лесбиянки?

— В древней Греции, более двух с половиной тысяч лет назад, на острове Лесбос женщины любили женщин.

— По-настоящему?

— Как может быть настоящая любовь у этих уродов? Сплетники болтают, что во главе этих существ стояла поэтесса Сафо. Это наглая ложь. У Сафо был муж, дети, а главное, она писала чистые стихи о любви. Васек, ее зовут как-нибудь иначе, тянется к женщинам...

— Кобел? — содрогнувшись всем телом, спросила Рита.

— Ты откуда знаешь это слово?

— Слышала... тоже в карцере, — помедлив, призналась Рита.

— Слышала и забудь! — потребовала Любовь Антоновна.

— Забуду, доктор, — покорно пообещала Рита.

...Легко сказать «забудь»... А забудет ли?.. Каким мерзостям выучила тюрьма эту девушку... Она испытала меньше, чем дру-

гие... Ее защищали Ася, Елена Артемьевна, Аня, немножко я... Впереди у нее девять с половиной лет. Перейдет ли она этот рубеж? — раздумывала Любовь Антоновна, заходя вместе с Ритой в комнатушку Андрея.

Андрей по-прежнему лежал на том же топчане. Пожилая женщина, она сидела у кровати больного, увидев доктора, хотела встать.

— Сидите, тетя Вера, — остановила ее Любовь Антоновна.

— Тетя Вера! — изумленно воскликнула Рита.

— Ай никак ты, девонька!

— Я, тетя Вера.

— Впервой знакомого человека повстречала.

— Вы давно из тюрьмы?

— Меня-то почитай через неделю судили после карцера. И сразу сюда загнали.

— И сколько вам?

— Десять годов, как и говорила Люська-воровка. Ведь я чай не пряжу взяла, ниток катушку. Гадала — помилуют меня! И слухать не захотели. Я им о детишках заикнулась, о хозяине больном, а судья, чисто гадюка, прошил меня глазами и сказал: «Это к делу не относится, рассказывай по существу». А по какому такому существу говорить, если энти нитки я для них взяла. Ушли они, в комнате своей недолго посидели и бух десять лет тюрьмы. Писать — я сама не напишу, на адвоката денег не напасешься, эти адвокаты деньги-то ой как любят... Ну и сюда меня.

— А в больницу как? — спрашивала Рита.

— По болезни, известно. Цинга. Врачиха сказывала — витаминов мало. А откуда им витаминам взяться? Всю войну на гнилой картошке просидели. И рука ноет. Зашибли меня малость.

— Почему ж вы мне не сказали? — упрекнула Любовь Антоновна.

— Что вы, доктор! Буду я вас по пустякам беспокоить... Вы и так маетесь без передыху, — мягко возразила тетя Вера.

— Стыдно... Вы не разрешаете звать себя по имени отчеству. Я старше вас. Ну какая же вы мне тетя? Если бы не Рита, я бы не знала, что у вас болит рука.

— Полно, доктор, на меня сердчать. С Ритой-то мы чай в одной камере сидели. Она сердешная вешалась в карцере... я ее чуть не заспала... Проснулась, а она хрипит.

— И ты молчала, Рита?..

— Совестно тревожить... У вас и своего горя много...

...Я совсем не знаю Риту... Семнадцать лет и... веревка на шее...

— Идите отдыхать, тетя Вера. После полуночи, когда Рита уйдет, я сменю ее.

— Вы, доктор, и так две ночи без сна. Я покараулю парнишку... Привязалась к нему, — запротестовала тетя Вера.

— За что вас побили?

— Дак сама поди знаешь, за что тут бьют... В камере хоть на окошко лазить велели, а тут Кира-воровка таскать себя приказала. Толстющая баба, разве ж я ее унесу?

— Как... таскать? — не поняла Рита.

— На закорках. Уборная-то от барака далеко, вот она сядет на какую из нас и тащи ее.

— И вы молчали?

— А что поделаешь, доктор. Кому сказывать-то? Пожались начальнику, а он ржет: «Сами разбирайтесь, а я в ваши дела встревать не стану». А как разбираться, когда у Киры подружек не менее десяти. Собрались один раз бабоньки, хотели отлупить Киру, начальство про то прознало.

— И что же? — нетерпеливо спросила Рита.

— Кого в карцер, а кого на растерзание Кириным подружкам. Поняли мы, что защиты никакой. Кира и подружки ее вроде раньше воровками были, а потом чем-то проштрафались перед урками своими. В зоне поварихами работали, бригадирами... Начальство, известно, за них. Я не повезла Киру, поколотили меня маленько... На вахте еще дежурники добавили. Над одной женщиной, тетей Олей, она постарше вас будет, доктор, шибко изгалялась Кира. Она хотела накормить тетю Олю дерьмом своим. Положила на бумажку кучу целую, сует ей в лицо и твердит: «Ешь, а то удавлю». А вы говорите ругаться с ними... Так-то авось амнистия выйдет и домой пошлют меня... тянет к ребятишкам, — вздохнула тетя Вера.

— Вы верите в амнистию?

— Кабы не верила, доктор, и жить-то зачем? К кому вертаться через десять годков? Мужик хворый, помрет, детишки повыше меня вымахают... Как они поглядят-то на меня? Скажут, проворовалась мать, росли мы без нее, набедовались...

— Дети поймут, — возразила Любовь Антоновна.

— Не знаете вы жизнь... Нешто поймут они, что я нитки те не себе взяла. Как обскажешь им? И жалко их. Скажу — для вас взяла, измытарют себя, если совесть есть...

— Скажут им правду и без вас, — успокоила Любовь Антоновна.

— Я своему крепко-накрепко отписала, чтоб, пока не вырастут, ничего ребятишкам не говорил... Вас больные ждут, доктор.

— Я пойду с тетей Верой. А ты запрись, Рита, и никого не пускай. Кто будет стучать, посылай к Игорю Николаевичу. Если что нужно, меня найдешь в седьмом бараке. Одна по зоне ходить не смей, скажешь Игорю Николаевичу, он пошлет санитаря. Когда больной проснется, дашь ему одну столовую ложку из этой бутылки. Протри лицо влажной марлей.

— Себе? — удивилась Рита.

— Больному, — усмехнулась Любовь Антоновна.

Тетя Вера и доктор ушли, оставив Риту наедине с Андреем.

...Какой он?.. — думала Рита, вглядываясь в повязки, закрывавшие лицо Андрея. — Хрипит у него все внутри... Отшибли... За что его так?! Подрался или воры побили, как Федора Матвеевича? Откуда его привезли?..

Андрей застонал. Рита нагнулась к больному и скорей угадала, чем услышала, слова звучали глухо и неразборчиво, что он просит напиться. Она налила ложку лекарства и, осторожно раздвинув бинты, поднесла к воспаленным губам Андрея. Больной оторвал от матраца перебинтованную руку и попытался отвести ложку с лекарством.

— Глотай, Андрюша, — попросила Рита.

— Воды... — прошептал Андрей, выпив лекарство.

Рита напоила его.

— Еще...

— Больше нельзя, доктор не велела. — Рита видела, с какой мольбой смотрят на нее глаза Андрея, но, помня приказ Любви Антоновны, больше не дала ему ни капли.

— Ты... новенькая?

— Да.

— А... тетя... Вера?..

— Отдыхает, она скоро вернется, — успокоила Рита больного.

В палате наступила тишина. Рита зажгла коптилку и осторожно, боясь разбудить Андрея, присела на краешек табуретки. За окном густая синева вечера незаметно растворилась во тьме беззвездной ночи. Стоило Рите пошевелиться — и огромная тень ее лениво скользила по стене, повторяя каждое движение девушки. Андрей впал в забытие. Глаза его были закрыты, тело вздрагивало при каждом вздохе. Торопливо бежали секунды. Они словно хотели обогнать самих себя. Их длинная цепочка выстраивалась в ряд крохотных минут, а минуты спешили к океану вечности и умирали в нем, как неизвестные солдаты, убитые в безымянном бою. На смену им приходили часы, такие же порывистые и неутомимые, как их младшие сестры-минуты. Они штурмовали грядущие дни и годы. Время, бесконечное и слепое, равнодушно заглатывало их, а бездна вод его оставалась такой же невозмутимой, какой была она, когда не родилась земля и звезды, какой останется и в миг их неизбежной гибели.

ПОХИЩЕНИЕ

— Открой, Ритка! — приглушенно попросил женский голос. «Откуда она меня знает?»

— Кто ты? — спросила Рита, подходя к дверям.

— Открой, тогда скажу.

— Ступайте к Игорю Николаевичу, — посоветовала Рита.

— Ты меня боишься? Дурная, — пропищал все тот же голосок.

— Разрешит он, открою.

— Ну и сиди тут. Докторша меня к тебе из седьмого отделения послала, заболела она.

Рита стремительно бросилась к двери. Пальцы ее коснулись крючка. Но в последнюю секунду из-за двери раздался еле слышный звук. Рита прислушалась.

— Не выходи, убьют, — прошептал кто-то за дверью.

Почудилось...

Рита схватилась за крючок.

— Убьют, — еще тише предупредил тот же голос.

— Ну и сиди, а докторша твоя подойдет. — Это было сказано предумышленно громко. Подождав минуту, за дверью выругались, и Рита услышала звук удаляющихся шагов.

— Сиди, дождешься, — крикнул кто-то из конца коридора.

...Может меня и вправду звала Любовь Антоновна? А почему ж та женщина грозилась и ругала меня? Кто говорил «убьют»? Оставить Андрея одного? Что с ним сделают? Доктор ждет меня, а я чего-то боюсь... Позову Игоря Николаевича... Андрею плохо... Из рта кровь течет... Побегу... кабинет Игоря Николаевича рядом...

Рита приоткрыла дверь и осторожно выглянула в коридор. Пусто. Она бесшумно подбежала к массивной двери кабинета главврача. Рита постучалась раз, второй, третий, но ей никто не ответил.

...Ушел... Сказать бы тете Вере... Где она спит? Рита забежала в какую-то палату, но там лежали мужчины...

— Зайди, сестричка, — пригласил один из них, приподнимая голову. — Я болячку содрал, на вкус попробовал — сладкая, а вот чем пахнет — не пойму. Понюхай.

— Цыть! — прикрикнул мужской голос. Тот, кто разговаривал с Ритой, поспешно юркнул под одеяло. — Не в своем уже он, сестричка. Мелет, что в дурную башку влезет. Он... — но Рита, не дослушав, закрыла дверь. Она наугад зашла в следующую палату и увидела женщину. При тусклом свете коптилки женщина реденьким гребешком с поломанными зубьями старательно расчесывала густые волосы. Увидев Риту, она помяла меж пальцами крохотный комочек, потом положила его на подоконник и с хрустом раздавила ногтем.

— Чо вылупилась, сестра? Вшей не видала, — безмятежно спросила женщина, яростно царапая голову.

— Видала, — машинально ответила Рита. — Где тетя Вера?

— Санитарка?

— Да.

— В соседней палате.

— Спасибо, — поблагодарила Рита.

— Куда тебя несет?! — проворчал кто-то из темноты, едва она вошла в палату.

— Мне тетю Веру.

— Не трожь ее, устала она.

Рита не видела, кто говорил, но она поняла, что хозяйка скрипучего голоса старается выпроводить ее.

— Разбудите тетю Веру, — настойчиво попросила Рита.

— А ты кто такая?

— Новая санитарка, Рита. Скажите ей, что я побежала в седьмой барак, к доктору.

— Ты в какой палате дежуришь?

— У Петрова, — ответила Рита, выходя в коридор.

— Что ж сразу не сказала? — всполошилась женщина. — Вставай, тетя Вера.

— А?.. Что? Иду.

Выйдя из барака, Рита в первую минуту не увидела ничего. Темно как... — поежилась Рита. — Тут недалеко, добегу.

До седьмого корпуса оставалось шагов десять, и вдруг Рита почувствовала на своем плече чью-то руку.

— Не торопись, девка, — процедил спокойный, насмешливый голос. — Канай за мной.

— Куда? — холодея от страха, спросила Рита.

— В пекло, дешевка, в пекло!

— Я никуда не пойду с вами.

— Водяра есть, глотнешь!

— Не нужно мне вашей водки, пустите! — просила Рита.

— По-хорошему топай, не рыпайся!

— Не пойду!

— Не пойдешь, сука, поволоку! — с угрозой пообещала женщина, что загородила Рите дорогу.

— Чо базаришь с ней?! — услышала Рита сзади себя незнакомый голос. — На гилку ее и в вензону!

...К Ваську... Это она прислала за мной... обманули...

— Любовь Антонов... — изо всех сил закричала Рита, но чья-то ладонь зажала ей рот.

— На гилку бери! На гилку! — приказывал невидимый голос. И в ту же минуту горло Риты с силой сдавила чья-то рука.

— Тряхни ее. — Ноги Риты оторвались от земли. — Скажи Горячему, что тот фраер один. — Кто это говорил, мужчина или женщина, Рита не разобрала. Тьма, густая и липкая, обволокла сознание, а тело погрузилось в холодную пустоту.

ВАСЕК И ПУЗЫРЬ

Инка Васек, подобрав под себя ноги, сидела на верхних нарах. Закрыв глаза, она монотонно раскачивалась, как маятник, взад и вперед, взад и вперед, и, не разжимая губ, подвывала что-то тоскливое и неразборчивое. Положив голову на доски, у ее ног лежала молоденькая девушка, подросток, обнаженная по пояс. На ее левой груди синей тушью были выколоты три слова: «Клянусь любить Васька», а правая грудь, упругая и смуглая, клялась любить Юрка.

— Спой, Клавка! — приказала Инка Васек.

— Что спеть, Иночка? — робко спросила Клава, прикрывая ладонями клятвы любить Васька и Юрка. Вместо ответа Инка Васек наотмашь ударила Клаву по лицу.

— За что? — плаксиво спросила Клава, вытирая с разбитого лица кровь.

— За Иночку! — пояснила Инка Васек. — У тебя что на левом бугере наколото?

— Клянусь... любить... Васька... — глотая слезы, ответила Клава.

— А ты меня Иночкой назвала! Я — не дешевка! Мужик! Васек!

— Я забыла, — пролепетала перепуганная Клава.

— Помнить будешь! Месяц назад визжала, когда наколку делали. Зато теперь все знают, кого ты любишь! Меня! Васька! — Инка Васек гордо ткнула себя в раздобрешую грудь. — Я презираю мужиков! Я молодой был, полезли ко мне цело-

ваться... Он меня, как бабу целует, а я его целую, как дешевку. Я по виду баба, а в натуре — мужик! Люблю молоденьких девочек! Юрок твой кто был?

— Мужик, — заикаясь ответила Клава, с опаской отодвигаясь от грозной Инки.

— Не бзди! Не трону я тебя! — усмехнулась Инка Васек. — Пой «Подруженьку». — Клава откашлялась, высморкалась на пол, кулаком вытерла заплаканные глаза и запела:

Налей, подруженька,
Я девица гуля-а-а-ащая,
Не мучай душу ты объятую тоской,
Ах, все равно теперь жизнь моя пропа-а-а-щая,
А тело женское воняет требухой.

— Хо-ро-шо-о-о, — прочувствованно протянула Инка Васек. — Красива-а-а! Люблю я жареную! — мечтательно сказала Инка. — А ты Юрка любила?

— Нет, — призналась Клава.

— А зачем накололась? — допытывалась Инка Васек.

— А кто меня спрашивал? — удивилась Клава. — На пересылке Юрок пришел в наш барак, подлег ко мне, и все...

— Ты не базлала?

— Сам знаешь, Васек. Рассказывала тебе.

— Повтори! — потребовала Инка Васек, пиная Клаву ногой в живот. Клава ойкнула. Болезненная гримаса исказила ее лицо.

— Рассказывай! — вторично потребовала Инка Васек, занося над Клавой ногу.

— Не бей, Васечка! Не бей, миленький! — просила Клава, держась руками за живот.

— Не буду, — благодушно согласилась Инка Васек.

— Я в первый раз убежала на вахту от Юрка, — торопливо заговорила Клава. — В тюрьме я раньше не сидела, не знала, что баловаться нельзя. Надзиратели выгнали меня с вахты и сказали, что если еще раз прибегу — ноги выдерут. Вернулась в барак, а там Кеша Бандурша, она с вором жила, поленом меня отлупила. На другой день Юрок пришел и сделал все что хотел. Утром привел какого-то парня, раздели они меня, как сейчас, и выкололи: «Клянусь любить Юрка». Юрок гово-

рил, что он надзирателям дал за меня сапоги. Целый месяц бил меня за них. Вечером придет, ночью сделает, что ему нужно, я лежу плачу, больно мне, а он сразу про сапоги: «Курва ты! Фукнула на меня мусорам, а я прохоря новые сблочил и пульнул им. Хромовые прохоря за тебя отдал». И ботинком меня по голове и по ребрам. Бьет, пока не устанет, а потом говорит: «Хочу слышать, за что к хозяину попала». Заразил он меня — и сюда.

— Не живи с мужиками, дура! — назидательно заметила Инка Васек. — Я к тебе с чистыми руками лезу, не то, что они! С коблами живи! Тебе плохо у меня?

— Хорошо, Васек, — подтвердила Клава.

— Сказала б плохо, я б тебя... Повтори, за что тебя к хозяину...

— Я ж говорила, — робко заикнулась Клава.

— Ну! — грозно прикрикнула Инка Васек.

— За яблоки, — всхлипнула Клава. — Я в кладовой уборщицей работала. Кладовщик меня к продуктам не подпускал. Привезли яблоки для коммерческого магазина, я пожадничала, полную пазуху набрала. Кладовщик обыскал и — в тюрьму. На десять лет осудили, — покорно рассказывала Клава.

— А кладовщик кормил тебя? — полюбопытствовала Инка Васек.

— Украдкой ела. Что схвачу, то и мое. Он говорил, если в гости к нему приду, продуктов даст на месяц. Я не пошла.

— Васек! Ты еще живой? — прогремел в конце барака раскатистый бас.

— Пузырь! — обрадованно закричала Инка Васек, поднимаясь навстречу невысокому кряжистому мужику.

— Он самый, — подтвердил Пузырь, снимая кепку. Плешивая голова Пузыря, обрамленная по краям редкими кустиками выцветших волос, склонилась в шутовском поклоне.

— Откуда ты? — задала Инка Васек обычный при встречах вопрос.

— С сорок первой, — лаконично пояснил Пузырь.

— Давно?

— С утренним этапом.

— Чо раньше не заскочил?

— Дела были, Васек. А ты все коблиное дело не бросаешь?

— А что ж мне, без жены жить? — взорвалась Инка Васек.

— Сколько жен у тебя? — полюбопытствовал Пузырь.

— Две.

— Обе с вензоны?

— Откуда же еще. Клавка! — рывкнула Инка Васек, заметив, что девушка надевает платье. — Перед кем одеваешься, сукотина?! Снимай все! — Закусив нижнюю губу, Клава разделась. — Покнокай на нее, Пузырь! Пухленькая! Есть за что подержаться. Хочешь, уступлю?

— Заражусь, — отмахнулся Пузырь.

— Ты с пацанами живешь? — не унималась Инка Васек.

— Чокнулся ты, Васек! Я последние три года ни одного мальчишку не тронул.

— Может, с Дунькой Кулаковой? — расспрашивала Инка Васек. — Трешь, пока на ладони волосы не вырастут.

— Я не фраер, — обиделся Пузырь. — Без Дуньки бабу себе найду. Это вы с мешочком горячим спите.

— Кто? Я?! — взвилась Инка Васек. — Нахезала я на него! Я — не баба!

— Люблю я тебя, Васек, как кирюху, — задумчиво признался Пузырь. — С тобой бы я на любое дело пошел. Даже на мокрое.

— Свистишь! — расплылась в улыбке польщенная Инка Васек.

— Чтоб меня в рот огуляли диким самосудом! — поклялся Пузырь. — Ты верхотуру тут держишь?

— А кто же еще! — самодовольно сказала Инка Васек. — Хошь, покажу, как они бздят меня? Фраерши! Господа удавы! — трубным голосом заревела Инка. Барак затих. — Всем, кроме людей, раздеваться догола! Пузырь покнокать на вас хочет. Видишь, раздеваются. Выбирай любую!

— Время нет, Васек! Я к тебе разговор имею. Фраерши и полуцветнячек выгони из барака, а люди пусть останутся.

— Вылетай из барака! — приказала Инка.

Женщины, не успевшие раздеться, на ходу поправляя одежду, заторопились к выходу. В бараке остались Инка, Пузырь и еще пятеро здоровенных раскормленных баб. Они спали по соседству с двоеженцем Васьком.

— Васек! — заговорил Пузырь, похлопав лесбиянку по плечу. — Мы с тобой такие кирюхи!

— Короче! — перебила Инка Васек.

— Ты раньше была честной воровкой, — поморщившись, продолжал Пузырь.

— Ну и была! — с вызовом ответила Инка Васек. — А ты честный?

— Надоело честным быть. Посмотрел, как суки живут, и решил: довольно мучиться, пора и ссучиться.

— За что тебя трюманули?

— Я на Колыме Фиксатого заложил. Тут на пересылке все тряпки бацильные в колотье спустил.

— Расплатился?

— Не успел. С Колымы пришел Шурик Крюковский. Он жрал с Фиксатым на бздюняру. Крюковский стукнул вора. Я рванул на вахту и тряпки с собой уволок. Раз трюманули, — после хоть всю жизнь честным вором живи, все равно сучкой останешься. Петро Нос на дать прошилилил грошей кусок.

— Во сколько дать? — спросила Инка.

— На семь часов вечера, а заплатил в восемь. На час опоздал. А в картишки нет братишки. Опоздал расплатиться — сука.

— Сделали его?

— Живет на восемнадцатой командировке. Воры и полуцветняки поленьями мутят его. В синяках весь. Опух. У параша спит. Провонялся. Падло Григорич звал его на сорок первую, не идет. Честным себя считает. Я — не Нос. Ссучился — гуляй от вольного, пока тесак в бок не пустят. Я — чистокровный сука, к ворам не пойду. Недавно на сорок первую пришел Гена Овчарка.

— Суканулся? — с интересом спросила Инка Васек.

— Мы его нахалкой трюманули. Падло Григорич обухом колуна Геночку по печенкам. Не сдает пашпорт. Кричит: «Умру честным вором». Вниз головой повесили Гену. Он базлает: «Умру честным вором!» Ласточку ему замастырили, перегнули пополам и пятки на затылок закинули. Визжал — в ушах больно. Обхезался. Фраера заставили подмывать его. Сдался. Пожрал с нами и руку каждому протянул. Сука-то он сука, а кнокает не туда. Он от воровской руки концы отдавать бу-

дет и плакать: «Братцы, я честный. Прижали меня!» Сумеет — нахезает сукам, как Татарка. Суки — это я, Падло Григорич, Краснодарский, Бронер. На воровской командировке честняги нас под самосуд пустят. А мы их попутаем и тоже сделаем. Зря воров трюмят. Им пиковину в горло — и концы.

— Я Татарку по воле знал, — заговорила Инка Васек. — Он в железном ряду?

— Ты не слышал? — удивился Пузырь.

— Кто его трюманул?

— Саша Райс. На тридцать шестой.

— Как?

— Подвесили, ласточку замандячили, и он сдал паспорт. Всем сукам протянул руку и сказал: «Я вам подаю руку как сукам». Сел жрать и тоже: «Я с вами штефкаю как с суками». Татарка — дипломат. Никто не допер, что он руку подал как сукам. По закону честный вор может пожрать с сукой, если скажет, что жру как с сукой. Татарка ночью встал и топором трех сук сделал.

— Центровых? — встревоженно спросила Инка Васек.

— Шоблу всякую. Центровые — нарядидами, воспетами, комендантами. К ним Татарка не прокондехал... Жены не озябли, Васек?

— Им полезно. Больше любить меня будут, — осклабилась Инка Васек. — Зачем их шугнул, Пузырь? Ты о деле поговорить хотел.

— Не люблю я с дела начинать. Ты мужик толковый. С тобой побазарить, что кусок в буре вышпилить. Я тебе симпатизирую, — распинался Пузырь.

— Не пускай леща! — оборвала Инка Васек льстивые комплимента Пузыря.

— Тебя и Саня Лошадь уважает.

— Он в больнице кантовался. Не зашел ко мне, — с обидой сказала Инка.

— Он думал зайти, а главный лепила выгнал его, — оправдывал товарища Пузырь.

— Я б этого Игоря сделала! Он на вензону косяка пуляет. Толкует, что выгонит меня и всех их. — Инка Васек показала на женщин, что безмолвно сидели вокруг. — У нас мастырка.

Мы в жизни сифончика не хватали. Коблы мы, от кого зараримся? Лапу дали за вензону, а он — выгоню.

— И выгонит, — спокойно подтвердил Пузырь.

— Выкусит!

— Мы майору лапу дали!

— Заволокем сюда и чихты ему!

— Требуху его поганую выпущу!

— Зубами загрызу!

— Шнифты выниму и грабки отрублю! — разъяренно зашумели лесбиянки.

— Два раза его сделать хотели — и бегаёт, — ни к кому не обращаясь, напомнил Пузырь.

— Суки называются! Воры! Топор в грабках держать не умеют! — Инка Васек презрительно скривила губы и со вкусом плюнула на пол.

— Ты, Васек, сам мужик. Взял бы да и сделал Игоря, — предложил Пузырь.

— И сделаю! — пообещала Инка Васек.

— Можно и сегодня ему так поднахезать, что он и за год не вынюхает. Только бздят все. Нет мужиков настоящих, — сокрушенно вздохнул Пузырь.

— Ты скажи — как, а мужики найдутся, — задористо выкрикнула Инка Васек.

— Что толку говорить? Словами его не сделаешь, — отмахнулся Пузырь.

— Толкуй давай! Не тяни резину! — потребовала Инка.

— Рядом с кабинетом Игоря лежит большой фраер. Дерзкий фраерюга! На сорок первой он поднялся против Падлы.

— Что ты мне мозги компостируешь?! — возмущилась Инка Васек. — Этот фраер брат Игоря? Да?

— Не торопись на тот свет, Васек. Все там будем, — осадил Пузырь. — За этого фраера мазу держит Игорь...

— Он Игорю лапу дал?

— Не то, Васек. Игорь готов всех сук и воров к стенке поставить. Майор Игорю ходу не даёт. А то бы он нас под метлу шуганул отсюда. От того фраера, о котором мы толкуём, Сане Лошади поленом обломилось. Вот Игорь и старается вылечить его. Дошло?

— Дошло. А при чем тут Игорь? — не поняла Инка Васек.

- Вечером к Петрову...
- К какому Петрову?
- К фраеру тому, Васек, — раздраженно пояснил Пузырь, — к Петрову пошла дежурить дешевка из землянки, Ритка.
- Она не с докторшей из седьмого шла?
- С ней.
- Красючка! — восхищенно протянула Инка Васек, плотоядно облизывая губы. — Вот бы на ком поджениться! Я б ее спиртом поила! Наколочки б такие замастырила! Звала ее, не глядит на меня сукоеза.
- Родная не зажмет, подженишься, — Пузырь загадочно улыбнулся.
- У меня не зажмет. Я за такую девочку кубанку отдам! — расщедрилась Инка Васек.
- Ритка дежурит у Петрова. Пошли ковырялку и вызови ее, — предложил Пузырь.
- А дальше?
- Васек-Васек! — вздохнул Пузырь. — Не варит у тебя котелок!
- Тоже мне умник нашелся! Ты растолкуй, а не подначивай!
- Мы захохутаем Ритку и приволокем ее в вензону. Люби ее до утра, а покажется вкусной — и дольше.
- Сколько возьмешь?
- Ни копейки.
- Бесплатно? Другим расскажи, Пузырь!
- Нам больше твоего ломится. Мы Ритку сюда приволокем, Петров один в палате останется. Подушку ему на морду — и чихты Петрову. Игорь прибежит в вензону за Риткой, а мы ему тесак в бок и — адьо, Игорь Николаевич.
- Чего это Игорь за ней в вензону прибежит? — усомнилась Инка Васек.
- Понимать надо! Ритка спит в одной землянке с врачихой из седьмого корпуса. Врачиха от Ритки ни на шаг не отходит.
- Она кобель?
- Не знаю, Васек. Мне один мусор сказал, что эта врачиха за Риткой куда хочешь побежит.
- Бесплатно она не побежит. Ковыряет или лапу у Ритки берет, — решила Инка Васек.

— Какое нам дело до фраеров! Врачиха побежит, а за ней Игорь приканدهает сюда, тут мы его с Горячим и встретим.

— А Игорю чего надо?

— Игорь по петушкам с врачихой из седьмого живет. Он за нее с майором полаялся. Чуть по хлебальнику майору не влепил.

— Чума этот Игорь! Со старухой живет! — возмущилась Инка Васек.

— Может, и не живет, — возразил Пузырь.

— Задаром Игорь на мусоров не полезет, — заявила Инка.

— Контриков не допрешь. На свободе они за гроши продавались разным фашистам, а у хозяина лапу не берут. Перевоспитались! — Пузырь улыбнулся. Инка громко расхохоталась, вытирая рукавом гимнастерки слезящиеся глаза. — Да будет проклят тот отныне и до века, кто думает тюрьмой исправить человека, — продекламировал Пузырь.

— Мусора нас не прихватят? — обеспокоенно спросила Инка Васек.

— Я с ними дотолковался. Майор зуб имеет на Игоря за врачиху из седьмого. Дежурники — тоже: спирту Игорь мало дает. Сработаем его, майор врачиху сразу на этап угонит, а Ритка у тебя останется. На вахту побежит, оттуда ее поленом. Вас никто не тронет, мне мусорилы верняком сказали, — пообещал Пузырь.

— Возлюблю я сегодня Ритку! Попищит она у меня! Завтра наколки ей заделаю. На спине наколю кошку и мышку. Нагнется Ритка, кошка вроде гонится, а мышка от нее в норку рвет. И большими буквами на весь живот: «Клянусь любить Васька». На лбу ей «Васек» наколю и на щеках, — размечталась Инка.

— Ты сделай, а потом коли, — подзадорил Пузырь. — Подумай, как от Петрова Ритку в зону приволочь.

— А зачем ее волочь? Это колхоз напрасный труд. Ночью пойдет в землянку, подкараулим и заволокем, — предложила Инка.

— Да? Ты так думаешь? Мы с Горячим работать не будем. Сам волоки Ритку, сам и держи ее в вензоне. Тебе Ритка нужна, а нам Игорь и Петров, — сердито возразил Пузырь.

— Сам приволоку! Без вас, — отрезала Инка Васек.

— Игорь утром отнимет, а тебя — на этап. Погужуешься ночку и ты, как курва с котелком. По шпалам! По шпалам! По шпалам! — с издевкой пропел Пузырь.

— Кобла — курвой?! — взбеленилась Инка Васек. — Я из тебя требуху выпущу!

— Тише, ты, Васек! На штрафняк пойдешь, — пригрозил Пузырь.

— За меня майор мазу держит! У меня плечи узкие! Где сядешь, там и слезешь! — разъяренно выкрикивала Инка Васек.

— Мы ему побольше твоего дали, — не повышая голоса сообщил Пузырь. — Нам сам хозяин сказал: «Гужуйтесь, братцы!» Мы у хозяина придурками вкальваем, фраерские командировки держим, фашистов прижали... А ты? Кто ты такой? Старший кобел вензоны! Кто тебя из мусоров знает? Загредишь на этап со всеми кендюхами и прощай дорогие ковырлялки, — Пузырь легко и проворно прыгнул с нар и, не оборачиваясь, пошел к двери. Инка Васек крепилась, но, увидя, что Пузырь не собирается возвращаться, бросилась вслед ему.

— Вернись, Пузырь! Потолкуем! — униженно попросила она.

— Не о чем мне с тобой толковать, — бросил Пузырь, не достаивая Инку взглядом.

— Люди тебя просят, — конючила Инка Васек.

— Люди, — презрительно протянул Пузырь. — Шкары мусорские одели и «люди».

— Пузырь! — угрожающе прохрипела Инка.

— Не базлай, — в голосе Пузыря проскользнула миролюбивая нотка. — Лаяться хочешь, с женами лайся. Толковать по-деловому — со мной толкуй. Ты сумеешь вызвать Ритку?

— Не пойдет она.

— Пошлешь бабу свою к ней. Подождем, пока Игорь уйдет. Твоя баба подойдет к двери, где Ритка дежурит, и скажет: «Докторша из седьмого заболела». Ритка может к Игорю побежать, а его нет. Она в седьмое, а мы перехватим ее — и в вензону.

— А потом?

— Твоя жена стукнет врачухе, что Ритку утащили в вензону. Врачиха Игорю, а Игорь — сюда.

— А если Игорь на вахту побежит?

— Бесплезняк. Мусора скажут ему, что до утра они в вензоне шмон делать не будут: им майор приказал, чтоб они до утра ни шагу. Игорь — сюда, а мы его на части разрубим и в уборную. Найдут его, а кто сделал и что, искать не будут. Допер?

— Допер! К Ритке пошлю Клавку. У нее голосок нежный. Ей любая фраерша поверит.

— По петушкам, Васек.

— По петушкам! Держи! — Инка Васек сунула Пузырю руку. Они немного постояли, скрепляя рукопожатием договор. Пузырь наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. Инка Васек неожиданно чмокнула его в плешь.

— Уважаю я тебя, — призналась Инка Васек, — был бы ты бабой, подженился бы я на тебе.

— Ну-ну! Я тебе подженюсь! — окрысился Пузырь.

— Подшутил я, — передернула плечами Инка, ударом ноги распахивая дверь — Клавка!

— Я тут.

— Беги в третий корпус.

— Самоохранник не выпустит меня в калитку.

— Я скажу — выпустит. Притырься у дверей третьего и кнокай, когда выйдет Игорь.

— Темно. Спутаю я его.

— Спутаешь — зашибу. Он фраер высокий. Его сразу узнаешь. Прокандехает Игорь мимо тебя, впуливайся в отделение. Возле его кабинета дверь в изолятор. Подойдешь к изолятору и базлай: «Открой, Ритка, докторша из седьмого помирает». Доперла?

— Доперла, Васек.

НЕИСПОЛНЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Инка Васек проводила Клаву до калитки. У выхода к ним подошел Пузырь. Не обращая внимания на Клаву, он заговорил вполголоса:

— Скажи ей, пусть на атанде стоит у седьмого. Увидит, что Игорь сюда шиманает, пусть бежит вперед него к калитке и стучится вот так, — Пузырь отрывисто и коротко трижды ударил по доскам.

— А дальше что ей делать?

— Скажет: «Пустите меня, замерзла».

— А если Игорь в другую сторону пойдет?

— Крикнет: «Клавка стучит, открывай».

— А на вахту покандехаёт?

— Клавка крикнет: «Атас». Мы их возле вахты прихватим.

— По дороге бы сделать Игоря. Зачем его сюда тащить?

— Игорь отмахивается дай Боже. Промажешь, схватит тебя в грабки, и концы отдашь. Мы его в барак пропустим. Я у дверей встану, а Горячий за дверью. Игорь голову сунет, я его колуном, а Горячий тесак в спину.

— А врачу из седьмого?

— Отметелим и выбросим.

— Сколько мне пульнете? — спросил самоохранник.

— Два кило бацилы, десять горбылей, табачку и водяры, — твердо пообещал Пузырь

— Бацилы сала или бацилы масла? — попытался уточнить самоохранник.

— Масло захотел. Жри сало! Где тебе столько за одного фраера обламывалось? — возмутился Пузырь.

— За фраера — нигде, а за главврача можно бы побольше дать.

— Не сработаем Игоря начисто, завтра ты на общие работы первый покандехаешь.

— Я всегда с вами, — заюлил самоохранник. — Для тебя, Пузырь, сам душу выниму с кого скажешь.

— Канай, Клавка, и кнокай Игоря в оба. — Клава попле-
лась к третьему отделению.

— Мы здесь подождем, — предупредил Пузырь, когда они подошли к третьему отделению. — Пойдешь звать Ритку, сви-
стнешь нам. Голос зря дашь, на солнышко посадим.

— Все сделаю, — покорно согласилась Клава.

...Я приведу Ваську еще одну жену... — думала Клава, при-
таившись у входа в третье отделение. — Мама написала, чтоб
я слушалась начальство... хорошо вела себя... и меня скоро от-
пустят... Она не знает, что я заразная... Узнает, в дом не пустит...
Похоронка на папу не пришла. Он вернется. Что будет... Я
маленькая была, ногу сломала, папа заплакал. Мама стыдила
его: «Уймись, ты мужчина». Никому не скажу про вензону.
Кто она — Ритка? Девчонка... Такая же, как и я... И не такая!
За нее докторша заступается... Игорь... А за меня кто? Бьют...
петь заставляют... Целует Васек... кусает... Наколки не смоешь...
Мама увидит... Не вернусь я домой... Где-нибудь поступлю на
работу и буду жить одна... Ритку тоже наколют... избыют...
Жалко... Меня никому не жалко! Кто-то вышел... Игорь! Бе-
жать к Пузырю? Васек Ритку в жены возьмет... Эфиру даст
нюхнуть...

— Заснула, сука? — услышала Клава над своим ухом го-
лос Пузыря. Удар и резкая боль в пояснице. Клава застонала.
— Выпуливайся и зови, — шептал Пузырь, еще и еще раз пи-
ная Клаву ногой. — Громче зови! Я тут постою. Услышу.

«Надо звать,» обреченно подумала Клава.

— Открой, Ритка, — попросила Клава. «Не открывай».

— Кто ты?

...Молодая... Девчонка... хоть бы не открыла...

— Открой, тогда скажу. — «Идет... Неужели откроет?»

— Ступайте к Игорю Николаевичу.

«Правильно! — ликовала Клава. — И я не виновата». —
Она хотела выйти, но в конце коридора мелькнуло лицо Пу-
зыря. Он выразительно похлопал себя по карману. «Нож... за-
режет...» — поняла Клава.

— Дурная ты. Меня боишься? — плаксиво сказала она.

— Разрешит он — открою.

«Подавишься, Пузырь», — злорадно подумала Клава. Она
оглянулась. Пузырь угрожающе сжал кулак.

— Ну и сиди тут, — с плохо скрытой радостью выкрикнула Клава. — Докторша меня к тебе из седьмого отделения послала... Заболела она, — упавшим голосом добавила Клава. За дверью послышался шум. «Откроет... Любит она докторшу... Пузырь у входа смотрит за мной... Повесит»...

— Не выходи... убьют... — одними губами прошептала Клава, дрожа от страха. «Услышала? Нет». — Убьют, — чуть громче повторила Клава, чувствуя, что холодный пот заливает ее лицо и шею. «Услышала! — ликовала Клава. — Обойдешься без третьей жены, Васек!» — Ну и сиди, а докторша твоя подойдет, — крикнула Клава и замерла. Она чувствовала, что девушка за дверью колеблется, готова открыть, выйти, и тогда... «Не выходи! Слышала же ты!» — Клава тяжело дышала, в отчаянии закрывая лицо руками. Медленно и словно нехотя она повернулась к выходу. Пузыря в дверях не было, но Клава услышала его тихий призывный свист. Она громко выругалась и поспешила к Пузырю.

— Притырься за дверями. Обождем минут десять. Не выйдет Ритка, еще раз позовешь ее, — приказал Пузырь.

Клава прислушивалась к каждому шороху. Тихий скрип дверей. Услышал Пузырь? Шаги... Открывает одни двери... другие... Из коридора в темноту осенней ночи шагнула девушка. «Вернись! Вернись!» — хотела крикнуть Клава, но не посмела открыть рот. Она видела, что от стены барака бесшумно отделилась фигура Пузыря. «Пошел за Риткой... Схватил ее... Заскочу в кабинет Игоря... Может, кто сидит у него?» Клава побежала к кабинету и рванула ручку двери. «Заперта... Заметят, что меня нет...»

— Где тут врачи? — отрывисто спросила Клава.

— Спят, поди, — ответила женщина, зевая.

— А санитары?

— Ну, я санитарка.

— Скажите Игорю, что в вензону потащили санитарку Ритку.

— Риту? — испуганно ойкнула женщина. — Ой, грех-то какой. Не могу бежать я, у меня больной.

— Бросайте и бегите, — настаивала Клава.

— Так больного-то маво зашибут.

— Кто он? — лихорадочно расспрашивала Клава.

— Андрюша Петров. Меня тетей Верой зовут.

— Ступайте к Петрову. Его убьют. — Тетя Вера метнулась в изолятор. Понимая, что с минуты на минуту ее могут хватить, Клава выбежала в зону

— Где Клавка? — услышала она голос Пузыря.

— Тут я, — сдерживая порывистое дыхание, ответила Клава.

— Куда моталась? — в голосе Пузыря прозвучали скрытые подозрение и тревога

— Никуда. Я испугалась, в сторону отошла. — Клава чувствовала, что ее лицо и шею заливает предательский жар. Клаву спасла темнота.

— Беги в седьмое, — распорядился Пузырь. — И не суйся. Трекнешь лишнее, из общего барака тебя шугнут, а в вензоне сделаем.

— А Ритка где? — цепenea от страха, спросила Клава.

— А тебе зачем?

— Что ж я врачихе скажу? — нашлась Клава.

— Что велели, то и трекнешь. Пуляйся в седьмое. На цирлах! — Клава побежала.

...Игоря убьют... Пузырь спереди, Горячий — сзади... Не уйдет... Так ему и надо, Игорю этому... Он жрет, что хочет... Фашист, бесконвойник. Людей продает... Ритке хуже, чем мне... Валя не стала с Васьком жить, Васек ее кипятком ошпарила... Не скажу Игорю, Ритку забьют... А что она мне, сестра? Пускай и ей, как мне... Ритку возьмет в жены Васек, а меня — под нары... Девчонки избьют... Коблы зациплют... А с Васьком мне хорошо? Хорошо?.. Бьет... в лицо плюет... Не помогу Ритке — Ваську лучше сделаю... Скажу Игорю, что его убить хотят...

Клава забежала в длинный узкий коридор и остановилась, чтоб перевести дыхание. Она никогда не заходила сюда и поэтому не знала, где искать Любовь Антоновну. Клава наугад открыла какую-то дверь. На топчанах лежали больные. Тусклый огонек чадающей коптилки потрескивал и дымил. Клава вглядывалась в лица больных. «Мужики... Спят... Где же искать докторшу?»

— Что зыришь? — проворчал один из больных, открывая глаза.

— Докторшу ищу.

— Она у меня под кроватью дохнет. — «Вор или сука», — догадалась Клава. — Закрой дверь! Ботинком пульту! — пообещал больной, шаря рукой под кроватью.

— Поттише! Черный! — прикрикнул второй больной, поднимаясь с топчана. — Больница не воровская командировка.

— Честному вору говорить нельзя? Да? Ты кто? Сука? — спрашивал Черный, натягивая одеяло.

— Я фраер чистой воды. Таких, как ты, душил и душить буду.

— На муфеля надеешься? — пискнул Черный, высовывая нос из-под одеяла. — Боксер! Муфеля здоровые и на вора грабки поднимаешь. Люди придут...

— Пока твои люди придут, я тебя удавлю. Этой врачихе не сунешь, не берет она. Завтра утром скажу — выпишет тебя.

— Не имеют права, — запротестовал Черный. — У меня грабка сломана!

— Вторую поломаю! Я провожу тебя к врачу, — сказал «боксер», доставая из-под матраса аккуратно сложенные брюки.

— Я сама, — запротестовала Клава.

— Не откроют тебе. Из-за таких, как он, — пояснил боксер, указывая на Черного.

В конце коридора боксер постучал в дверь.

— Кто там? — услышала Клава мужской голос.

— Это я, Игорь Николаевич, — ответил боксер.

— Заходи, Илюша, не заперто.

— Со мной девушка, — предупредил Илюша.

— Заводи и ее. — В комнате сидел Игорь Николаевич, худенькая старушка, подвязанная белой косынкой, и мужчина лет пятидесяти пяти в застиранной латанной рубашке, перехваченной веревочным пояском.

— Из вензоны? — спросил Игорь Николаевич, внимательно оглядывая Клаву.

— Да, — смущенно подтвердила Клава.

— Тебе кто разрешил выходить? Зачем пришла? — сурово расспрашивал Игорь Николаевич.

— Я вам один на один скажу.

— Васек ко мне прислал? Чтоб я ее в больнице оставил? Передай, что с первым же этапом духу ее здесь не будет.

— Я не затем вовсе. Мне самой ваш Васек... — Клава осеклась, испуганно косясь то на Илюшу, то на незнакомого ей мужчину.

— Говори при них, — потребовал Игорь Николаевич.

— Я врачихе седьмого должна сказать, — заупрямилась Клава.

— К вам, Любовь Антоновна, — удивленно воскликнул Игорь Николаевич.

— Я вас слушаю, — заговорила Любовь Антоновна, поворачиваясь к Клаве.

— Так при всех нельзя! — с отчаянием выкрикнула Клава. — Стукнут на меня Ваську, она меня убьет.

— Может и правда нам лучше выйти — предложил незнакомый Клаве мужчина.

— Ни в коем случае, — энергично запротестовал Игорь Николаевич, — старые фокусы. Вы уйдете, она на себе одежду порвет и закричит благим матом, что я ее изнасиловать хотел.

— Не буду я кричать, — убито прошептала Клава.

— Зачем ей это делать? — удивилась Любовь Антоновна.

— Низкопробный шантаж. Или я опозорю главврача. Или Васька ее в больнице оставляй, — пояснил Игорь Николаевич.

— Он ваш Васек! Не мой! — закричала Клава. — Вы его тут держите! Бьет он меня! И Ритку вашу бить будет! Она у него!

— Рита в вензоне?! — Любовь Антоновна схватила Клаву за плечи. — Скажи мне! Я доктор седьмого.

— Вы докторша? — недоверчиво спросила Клава.

— Да, да, — растерянно подтвердила Любовь Антоновна.

— Пообещайте мне, что меня в вензону назад не выгонят... Я вам такое скажу...

— Я прошу вас, Игорь Николаевич!

— Как же я могу обещать? Где я помещу эту девицу? В общем корпусе?

— Меня убьют в вензоне, — заплакала Клава.

— Игорь Николаевич! Рита погибает! Вы доктор или... — Любовь Антоновна с трудом сдержалась, чтоб не сказать лишнее.

— Немедленно в вензону! — решил Игорь Николаевич.

— Обождите, — остановила их Клава. — В вензоне вас уьбуют.

— Кто?

— Горячий и Пузырь, как Петрова.

— Его убили? — отрывисто спросил Игорь.

— Нет еще, но уьбуют. Пузырь договорился с Васьком вызвать Ритку, затащить ее в вензону. У Петрова не будет никого и его пришибут. Васек мне велела сказать, что Ритка в вензоне...

— Значит ее там нет? — с надеждой спросила Любовь Антоновна.

— Там Рита. Утащили. Петрова, наверно, убили. Ритку они не тронут, пока Игорь не придет. Заруьбят Игоря, тогда и женится Васек на Ритке.

— Илюша! В изоляторе, возле моего кабинета, лежит Петров. Беги туда... Не впустят тебя одного, пойдем вместе.

— И я с вами, Игорь Николаевич, — вызвался мужчиной, стоявший рядом с Игорем.

— Женщин охраняйте, Тимофей Егорович, — запротестовал Игорь Николаевич.

— На вахту сообщить бы, — предложил Илюша.

— Надзиратели все знают. Пузырь и Горячий не храброго десятка. Они без надзирателей не обнаглели бы так. Со мной сводят счеты.

— Я с вами, — упрямо повторил Тимофей Егорович.

Возле третьего отделения, шагов десять не доходя, Илюша услышал шум.

— Рвутся подонки, — Игорь Николаевич прибавил шаг.

— Стойте! — Илюша схватил Игоря за плечо. — Втроем не развернемся, коридор узкий.

— А если их много? — предположил Тимофей Егорович.

— Посмотрим. Встаньте тут. Я загляну... Один, с ножом. Справлюсь, — прошептал Илюша. Ноги, обутое в резиновые бахилы, мягко и бесшумно ступили на свежеструганные доски соснового пола. Илюша крался к изолятору.

— Открой дверь. Прирежу, — не повышая голоса, требовал высокий плечистый заключенный.

— Горячий! — окликнул Илюша высокого заключенного.

— Чего? — пробурчал Горячий. Он повернулся к Илюше, чтоб посмотреть, кто ж его зовет. В воздухе мелькнул кулак. Горячий распластался на полу.

— Вставай! — потребовал Илюша. Горячий застонал и, кряхтя, начал подниматься. И вдруг, в какое-то неуловимое мгновение, он вскочил на ноги и как разъяренная кошка прыгнул на Илюшу, взмахнув в воздухе ножом. Блестящее лезвие сверкнуло у горла Илюши. Бросок влево — и нож скользнул в пустоту. Правый кулак угодил в солнечное сплетение, левый — в массивную челюсть Горячего. Бывший вор глухо охнул и беспомощно сел на пол. Пальцы Горячего разжались, нож упал на доски рядом со своим хозяином.

— В мой кабинет его, — распорядился Игорь, вбегая в коридор. Илюша и Тимофей Егорович внесли Горячего в кабинет.

— Связать бы его, — вслух подумал Илюша.

— Это я сделаю, — отозвался Тимофей Егорович, снимая веревочный пояс.

— Развяжется, — с сомнением покачал головой Игорь Николаевич.

— У меня не выпутается, — уверенно возразил Тимофей Егорович, — морским узлом завяжу, намертво. С юнги службү начинал, вязать узлы умею.

Все трое вышли из кабинета, оставив Горячего одного. Игорь Николаевич тщательно запер дверь.

— Тетя Вера!

— Это вы, Игорь Николаевич?

— Я.

Что-то шепча себе под нос, тетя Вера открыла дверь изолатора.

— Фулиган. Бандит. Меня грозился зарезать, — пожаловалась тетя Вера.

— Идите отдыхайте, тетя Вера.

— Андрюшку-то с кем оставите?

— С Илюшей. Здесь небезопасно. В случае чего двери не выдержат. Перенесем Андрея в мой кабинет.

— Игорь Николаевич! Риту-то в вензону воровки потащили.

— Откуда вы знаете?

— Мне девка одна сказала.

— Давно?

— Минут десять-пятнадцать назад.

— Значит ей можно верить, — задумчиво сказал Игорь Николаевич.

— Так как же с Ритой-то?

— Выручим, тетя Вера, не беспокойтесь.

Топчан с трудом прошел в дверь. Андрей открыл глаза, но, увидев Игоря, заскрипел зубами, чтоб не застонать.

— Оставайся и охраняй Петрова, — Игорь Николаевич долгим взглядом смерил Илюшу. — Придется туго, пригрозил друзьям Горячего. Скажи, что прибьешь его. Не поможет, загляни под вторую от стены половицу. Она отходит, найдешь чем защититься.

— Топор? — шепотом спросил Илюша.

— Да, — ответил Игорь Николаевич, крепко пожимая Илье руку.

Когда Игорь Николаевич и Тимофей Егорович вернулись в седьмое, Любовь Антоновна встретила их нетерпеливым возгласом.

— Ну как Андрей?

— Хорошо. Что это у вас? — Игорь Николаевич показал на бумажку, которую Любовь Антоновна порывисто теребила в руках.

— Как она к вам попала?

— Бросили в окно. В нее завернули камешек, — пояснила Любовь Антоновна.

— Что в ней?

— Угроза... Рите. Скорей в вензону!

— Вы не пойдете!

— Пойду, Игорь Николаевич.

— Не отнимайте у меня время. Женщине там делать нечего. Они вооружены.

— Я пойду. — Игорь Николаевич понял, что Любовь Антоновна не уступит.

— Хорошо, — согласился он, безнадежно махнув рукой.

— Много вас, — робко предостерегла Клава.

— Двое. Я и Любовь Антоновна.

— Одного я вас не пущу, — решительно заявил Тимофей Егорович.

— Нас двое, Любовь Антоновна поможет.

— Придется драться. Я иду.

— Пошли, Тимофей Егорович, — согласился Игорь Николаевич.

— Как же вы незаметно втроем к вензоне подойдете?

— Конечно, лучше подойти незаметно. Но если не удастся, ворвемся на ура.

— Что вы, Игорь Николаевич, «на ура», — ужаснулась Клава. — «Ура» закричите, они Ритку там придушат и вас порубают. Дежурники с вахты не придут, куплены они. Пузабор и крикнуть: «Клавка стучит, открывай». Они откроют, забор и крикнуть: «Клавка стучит, открывай». Они откроют, а вы зайдете.

— Спасибо тебе. Как тебя зовут?

— Клава.

— Кончится все благополучно, Клава, в вензону не вернешься.

— Вы не обманете?

— Не обману.

— Я вам все-все делать буду. Сапоги чистить, одежду стирать. Только не вертайте меня к Ваську.

— Обещаю, Клава. Не вернешься к нему, — Игорь Николаевич ласково потрепал девушку по голове. Нежный румянец разлился по лицу Клавы. В огромных черных глазах вспыхнули искры любви и благодарности. — Снимите косынку, профессор. Белое ночью заметно. Наденьте черный халат. Вот теперь хорошо. Дорогой старайтесь не шуметь, — дал последнее наставление Игорь Николаевич.

Клава постучала в калитку три раза, так, как учил ее Пузырь.

— Клавка стучит. Открывай.

Самоохранник заглянул в квадратный волчок и, не увидев никого, кроме Клавы, открыл калитку. Игорь Николаевич, он стоял рядом, схватил самоохранника за руку и зажал ему рот ладонью.

— Пикнешь, полжизни отниму и на штрафняк, — шепотом предупредил Игорь Николаевич. — Пузырь тут? — Самоохранник замычал. — Другие суки есть в зоне?

— Нет, — просипел самоохранник, шумно втягивая воздух. — Рука у вас... задохнуться можно.

— Иди вперед, — приказал Игорь Николаевич. — Забазлаешь, душу выну. Где Пузырь?

— Он...

— Тише.

— В бараке притырился, товарищ главврач, — шепотом закончил самоохранник. Игорь Николаевич осторожно открыл дверь барака. Какая-то женщина, она, как видно, собиралась выйти, увидев его, закричала истошным голосом:

— Игорь! Агас!

— А-а-а! — завизжала Инка Васек, ударяя кулаком по копилке. Копилка опрокинулась на пол. Язычки огня весело лизали сухие доски. С верхних нар метнулся Пузырь с топором в руках. Кто-то из лесбиянок успел потушить другую копилку.

— Бей лепилу!

— Мисками в него!

— Досками! — Темнота скрывала лица кричащих, но Игорь Николаевич по голосу узнавал подружек Инки Васька.

— Падай, суки! — голос Игоря Николаевича прозвучал так оглушительно, что Любовь Антоновна невольно заткнула уши.

— Игорь! Берегись! — услышал он сзади себя.

«Тимофей Егорович...» Игорь взглянул вокруг, глаза уже начали привыкать к темноте, но ничего не увидел.

— Помоги, — простонал Тимофей Егорович. Игорь Николаевич вспомнил, ну как он мог забыть об этом, что в кармане у него лежит электрический фонарь. Яркий сноп света выхватил из темноты два лица. Тимофей Егорович обхватил Пузыря и пытался свалить его, а Пузырь свободной рукой бил своего противника по голове. По щекам Тимофея Егоровича струйками стекала кровь. «Свинчаткой бьет...» Первым ударом Игорь Николаевич сшиб Пузыря на землю и, не дожидаясь, когда он поднимется, прыгнул ему на грудь.

— Что вы делаете? — закричала Любовь Антоновна. Не отвечая ей, Игорь Николаевич еще несколько раз пнул Пузыря ногой и, убедившись, что скоро он не поднимется, негромко приказал:

— Зажгите свет!

— Спичек нет, — ответил испуганный женский голос.

— Зажгите свет! — повторил он, не отходя от Пузыря. Бывший вор лежал неподвижно. Игорь Николаевич склонился над ним, прощупал пульс и, больше не опасаясь побитого Пузыря, вышел на середину барака.

— Чуть пожар не наделали, — будничным голосом заговорил Игорь Николаевич, затапывая огонь. — Где Рита?

— На парах девка твоя, — злобно прошипела подруга Инки, указывая на лежащую Риту.

— Она без сознания... Ну, Васек, покажу я тебе, — с угрозой процедил Игорь Николаевич.

— Васек сбежал на вахту, — прошептала Клава.

Игорь Николаевич взял на руки Риту.

— Пойдемте, Любовь Антоновна, — заторопился он.

— С Тимофеем Егоровичем плохо.

— Потерял сознание? Что вы молчите, профессор?

— Кажется, да.

— Двоих нести трудно. Сволочи. Сейчас надзиратели придут.

— Я донесу Риту.

— Упадете, профессор.

— Донесу.

— И я с вами. Я помогу нести Риту.

— Помогите, Клава, — согласился Игорь Николаевич. — Другого выхода нет. — Игорь Николаевич передал женщинам бесчувственную девушку, а сам, подхватив Тимофея Егоровича, поспешил к выходу.

НА ВАХТЕ

Инка Васек бежала к вахте.

— Ты куда? — окликнул ее знакомый надзиратель.

— Людей бьют! — захлебываясь от злобы, выпалила Инка Васек.

— Кто бьет? Кого?

— Игорь! В вензоне Пузыря отметелил.

— Пошли на вахту, — оборвал Инку надзиратель. — Рассказывай.

В караульном помещении сидели трое надзирателей. Двое играли в карты, третий лениво и монотонно напевал. Увидев Инку Васька, они, на минуту оставив карты, с интересом уставились на нее.

— Одна зечка зашла в вензону посмотреть, как мы живем, — начала Инка.

— Дает кобел!

— В гости к ней бабы прутся!

— Дедушке моему расскажи!

— Не темни, Васек! — перебивая друг друга, заговорили надзиратели.

— Затасили мы ее... Побаловаться. Игорь за ней прибежал. Дал Пузырю один раз в дыхало, и Пузырь — с катушек.

— А Горячий где был? — спросил один из надзирателей.

— Он потолковать ушел с фраером.

— Жаль, — протянул надзиратель, тот самый, что привел Инку на вахту. — У Горячего удар мировой!

— Игорь схватил коптилку и хотел поджечь вензону. — Взрыв хохота заглушил последние слова Инки.

— Ну Игорь! Ну и контрик!

— Он Черное море не поджег?

— А запретка не горит?

— Говори правду, Васек, не маленькие мы, — наперебой зашумели надзиратели.

— Ну я бросил коптилку, — призналась Инка. — Игорь не имеет права бить заключенных! Никто не имеет права!

— Не хохми, Инка!

— На вахте права качаешь?

— Говори или выпуливайся! — возмущились надзиратели.

— Вы сами Пузырю трекнули, чтоб он сделал Игоря, — обозленно выкрикнула Инка, выведенная из себя шутками надзирателей.

— Заткни хайло!

— На штрафняк захотела?

— Отметелим — и в трюм, — надзиратели обступили Инку. Старший сержант, легонько стукнув ее кулаком по шее, спросил:

— Игоря сделали? — Инка Васек не успела открыть рот, а он, повелительно махнув рукой, помолчи мол, продолжал. — Если с главврачом что-нибудь случилось в зоне, можешь не говорить: нам не заявлял никто, мы ничего не знаем. Я — старший по смене, а не оперуполномоченный. Утром сдам смену, вызовут опера, он и разберется во всем.

— Ушел Игорь, — сокрушенно вздохнула Инка Васек.

— Как ушел? Ты сама видела?

— Когда я рвал когти, Игорь в вензоне был. Кто его притормозит? Пузыря Игорь отметелил, Горячего нет. У коблов родная зажмет.

— Суки! Верх держат! Фраера их бздят! — разбушевался старший сержант. — С Игорем справиться не сумели! За что вас кормят?! Я б вас всех на воровскую командировку погнал! Нарядилы — суки, воспеты — суки, а работать кто за вас будет? Дядя?! Где Горячий?

— Я не дешежка, чтоб бегать за Горячим, — истерично выкрикнула Инка.

— Ты на меня психа не спускай! — вспылил старший сержант. — Где Горячий?

— С фраером пошел толковать, я уже говорила, — напомнила Инка.

— Пять раз повторишь, если надо. С каким фраером? — допытывался старший сержант.

— С Петровым. Игорь наверняка подловил Горячего и пропустил его на котлеты. Он как пропустит — паморки отшибет до утра. В зоне верняк валяется Горячий.

— Твои сифилисные лахудры подтвердят, что Игорь напал на Пузыря и пытался поджечь барак? — деловито осведомился старший сержант.

— Что я им трекну, то они и подпишут, — заверила Инка Васек.

— Хорошо. Пузырь откуда пришел?

— С сорок первой, — ответил один из надзирателей.

— А кем он там был?

— Нарядчиком.

— А Горячий?

— С третьей известковой, — степенно пояснил ефрейтор и, не дожидаясь следующего вопроса, добавил, — Горячий воспитателем там был.

— Как фамилия Горячего?

— У него штук семь или девять фамилий: Лапшин, он же Кузьмин, он же Сидоров, — охотно перечислял ефрейтор.

— Игорь запоет у меня! Поджег барак, избил нарядчика и воспитателя, напал на больных. Не выкрутится! — старший сержант мстительно улыбнулся. — Товарищ майор доволен останется.

— У Игоря рука наверху, — предупредил ефрейтор.

— Не поможет, — уверенно заявил старший сержант. — Протокол составим — и оперу.

— Другой лепило, может, и горячего не даст, — тоскливо вздохнул узкогрудый рыжий надзиратель.

— А куда он денется? — презрительно усмехнулся старший сержант. — По одной половине будет ходить? Не даст горячего, отметелим и в трюм.

— Чего ждем? Прихватим Игоря, — посоветовал ефрейтор.

— Иди за Игорем. И ты, — приказал старший сержант, указывая на рыжего. — По-хорошему с Игорем сперва. Не пойдет — припугните.

— Не волнуйся, — успокоил ефрейтор старшего сержанта. — Все в ажуре будет.

— А ты, — обратился старший сержант к Ваську, — беги к своим коблам и шумни им об Игоре. Где его кабинет — знаешь. Канайте туда и Горячего выручайте.

— А вдруг там его нет?

— Наше дело выручать. Ценный человек погибает. Только без надзирателей не начинайте!

— Будет исполнено, гражданин начальник, — лихо козырнула Инка Васек, торопливо покидая вахту.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Клава и Любовь Антоновна несли Риту. По их учащенному дыханию Игорь Николаевич понял, что обе женщины, молодая и старая, выбились из сил.

— Дойдете? — встревоженно спросил он.

— Дойду, — задыхаясь ответила Любовь Антоновна. — Перевязать... Тимофея Егоровича.

— Некогда. Сейчас прибегут дежурные. Двадцать шагов осталось. Я загляну в коридор, нет ли надзирателей. — Игорь Николаевич положил на землю Тимофея Егоровича и бесшумно, на цыпочках, с легкостью для его фигуры необыкновенной, побежал к третьему корпусу. — Нет никого, — прошептал он, возвращаясь назад. Они крадучись вошли в коридор.

— Илюша, — вполголоса позвал Игорь Николаевич.

— Это вы? — спросил из-за двери Илюша.

— Я. Не узнал? — Войдя в кабинет, Игорь Николаевич положил Тимофея Егоровича на свой топчан. — Посвети, Илюша. Я осмотрю Тимофея Егоровича. Так-так... Череп, кажется, не проломлен. Ушиб мягких тканей. Йод!

— Где он? — спросил Илюша.

— В тумбочке. Кипящей воды нет. Залью раны йодом. Ножницы. — Илюша протянул Игорю Николаевичу ножницы. — Что с Ритой? — спросил он, выстригая волосы вокруг кровоточащей раны.

— Эмоциональный шок. Наружных повреждений нет. Пульс аритмичен, замедлен. Тридцать шесть тридцать восемь ударов в минуту, — исчерпывающе пояснила Любовь Антоновна.

— Что вы предлагаете?

— Полный покой. Через полчаса, если будет улучшение, морфин. И еще... — Любовь Антоновна неожиданно смолкла.

— Что еще? — нетерпеливо спросил Игорь Николаевич.

— С доктором плохо, — встревоженно сказал Илюша.

— Боже мой! — в отчаянии воскликнул Игорь Николаевич. — Бинтовать умеешь?

— Умею. На курсах санинструкторов...

— Бинтуй! — оборвал Игорь Николаевич Илюшу. — Вы меня слышите, профессор?!

— Слышу... Сердце... колет... — Слабый голос Любви Антоновны заглушил громкий стук в дверь.

— Игорь! Ты здесь? — крикнули из коридора. Игорь Николаевич посмотрел на Илюшу и приложил палец к губам.

— Я свет из окна видел, открой! Окно-то ты не занавесил.

— Забыл. — Игорь Николаевич выругался и хлопнул себя по лбу. — Дурак!

— Тут он! Я — воспет с третьей известковой! — завопил Горячий, до этой минуты не подававший признаков жизни.

— Я тебя перевоспитаю, гражданин воспет, — пообещал Игорь Николаевич, заталкивая в рот Горячего грязный носовой платок.

— Поглубже. В самую глотку, — советовал Илюша, продолжая бинтовать Тимофея Егоровича. Игорь Николаевич предостерегающе поднял руку.

— Что вам нужно? — как можно спокойнее спросил он.

— Впусти нас, поговорим, — вкрадчиво попросил надзиратель.

— Я отдыхать лег. Утром придешь, побеседуем.

— Не темни, Игорь, нам Горячий нужен. Открывай! — потребовал надзиратель.

— Кончай треп, лепило!

— Не рвись, Рыжий! Не открою! Завтра с управлением поговорю о тебе.

— Ты меня на бога не бери! Майору пожалуешься? — ехидно спросил Рыжий.

— На майора стукну в управление. И про тебя не забуду. — Голос Игоря Николаевича прозвучал внушительно и резко.

— А я тут при чем? — растерянно пробормотал Рыжий. — Мне сказали привести тебя, я и выполняю. Я солдат. Приказы не обсуждаются.

— Кто же приказал? — поинтересовался Игорь Николаевич.

— Кто, кто... Старший сержант. Много будешь знать...

— Вернись и доложи, что я пошел, — посоветовал Игорь Николаевич.

— Горячего отдай! — потребовал Рыжий.

— Уйдете отсюда, вышвырну твоего Горячего. Пусть хоть до утра лекции вам читает. Закатишь лекцию? — спросил Игорь Николаевич, вынимая изо рта Горячего платок.

— Развяжи, Игорь, — заюлил Горячий. — Я ж тебя не трогал. Фраера...

— Ни в коем случае! — запротестовал Илюша. Не обращая внимания на стук и угрозы надзирателя, Игорь Николаевич присел возле Любви Антоновны.

— Беда иметь дело с женщинами, — вздохнула она. — У одной эмоциональный шок, у другой — заурядный обморок.

— Вам вредно говорить, профессор.

— Пусти, Игорь! — настойчиво требовал Рыжий.

— Вы не откроете им? — испуганно спросила Клава.

— Сядь и не суйся, когда тебя не спрашивают, — прикрикнул Игорь Николаевич на Клаву.

— Как бы они не догадались заглянуть в землянку, — вслух подумала Любовь Антоновна.

— Т-с-с! Услышат, — предостерег Игорь Николаевич.

— В землянку канайте! — диким голосом завопил Горячий. — Там Игорева баба! — Илюша подскочил к воспитателю третьей известковой и схватил его за горло. Горячий захрипел. Отвислые щеки Горячего покрылись пятнами. Синий нос побагровел. Побелевшие губы судорожно вздрагивали. А в бесцветных водянистых глазах застыл животный ужас.

— Отпусти его. Удушишь, — уговаривал Игорь Николаевич, с трудом отрывая руки Илюши от горла Горячего. Зазвенело разбитое стекло. Над ухом Илюши просвистел камень.

— Бей контриков! — раздался за окном истошный крик.
— Лежачего не бьют!

В окно градом полетели камни. Они со звоном ударялись о прутья решетки. Один из них угодил в Горячего.

— Открывай, Игорь! Народ требует! Заключенные твои товарищи, — настаивал Рыжий.

— Не пуляйтесь камнями! Меня убьете! Меня, — орал перепуганный Горячий.

— Эй вы! Народ! — закричал Игорь Николаевич, подходя к окну. — Еще один камень и я задую Горячего! Труп его отсюда заберете!

— Не имеешь права!

— Вышку получишь! — бесновались за окном.

— А я контрик, мне все разрешено! Души его! — свирепо приказал Игорь Николаевич.

— Меня задуют. Не пуляйте камнями, — плаксиво молил Горячий.

— Дежурники! Ломайте двери!

— Воспитателя убивают! Честного человека!

— Где же советская власть? — вразнобой визжали за окном.

— Не открывайте! Они меня убьют! — плакала Клава.

— Лежачих не бьют?! — голос Игоря Николаевича дрожал от ярости. — Вы камнями в больных женщин швыряете! Вам можно.

— Открыл бы по-хорошему, — миролюбиво предложил Рыжий.

— Я вам живой не дамся! И запомни, Рыжий, завтра поговорю с управлением — мало тебе не будет! Я слов на ветер не бросаю!

— Не пугай, Игорь! Нам что приказано, то мы и делаем! Зря ты артачишься.

— Уходите! За меня с вас спросят!

— Трекаешь, Игорь! За контриков ни с кого не спрашивают!

— Утром убедишься, Рыжий! Я сам на вахту приду. Как бы вам не всыпали по тому месту, откуда ноги растут.

— Ладно, Игорь, уйдем! — согласился Рыжий. — Ты на прощанье дал бы нам обогреться.

— Через окно получите.

— А что как в землянку заглянем? Горячий кричал, баба твоя там!

— Идиоты! Где же там баба моя прячется? Одна чокнутая, вторая — тубик, третья — старуха, — Игорь Николаевич громко захохотал.

— Ты, пожалуй, прав, — согласился Рыжий. — Разгоним мы коблов, только чур не на сухую.

— Два пузырька отвалю! Гони эту падаль отсюда! — потребовал Игорь Николаевич.

— Мало, Игорь!

— Три! Больше ни капли нет.

— Вот и хорошо! — обрадовался Рыжий. — По баракам расходись! — звонкий голос Рыжего разорвал наступившую тишину.

— Сами же велели прийти, — проворчал кто-то за окном.

— Я тебе велю! — окрысился Рыжий. — Шагом марш на место! Уводи, Васек, своих коблов! — подружки Васька, ругаясь и ворча себе под нос, удалились.

— Давай, Игорь! — напомнил Рыжий, подходя к окну. Игорь Николаевич приподнял половицу, достал три бутылки спирту и подал их в окно.

— Маловато! Еще бы одну!

— Больше нет, Рыжий! Последние из гашника отдал.

— Об нас не упоминай в правлении, — подал голос ефрейтор.

— Могила! — поклялся Игорь Николаевич.

— Если погоришь, Игорь, возьмут тебя в центральный изолятор, тогда уж скажи, что мы без дела не сидели. О Ваське помяни и что рвались мы не забудь.

— Обещаю.

— Тебе можно верить, Игорь. Хороший ты мужик! Я ж говорил, зачем нам другой лепило! — расчувствовался Рыжий.

— Иди! Небось тебя приятели ждут, им тоже выпить охота!

— И правда, пойду, — сказал Рыжий и вскоре шаги наблюдателей затихли за окном.

— Игорь Николаевич!

— Рита! — обрадовался Игорь Николаевич, подсаживаясь к девушке.

— С доктором... ничего не случилось?

— Здесь я, Рита, — откликнулась Любовь Антоновна.

— Лягте хоть вы! — рассердился Игорь Николаевич. — Мало мне заботы!

— Ей плохо? — спросила Рита. — Я подойду...

— А ну ляг! Минуты врозь прожить не могут, — ворчал Игорь Николаевич, укладывая Риту.

— Меня к доктору позвали... Потом схватили за горло. Это было или мне показалось?

— Руку дай, — потребовал Игорь Николаевич, не отвечая на вопрос Риты. — Я тебе укол сделаю. Поспишь немного и лучше будет.

— Они не придут?

— Повыше рукава засучи! Никто не придет, Рита. Закрой глаза и постарайся ни о чем не думать.

— Мне это снилось?

— Снилось, Рита! Поспи еще и увидишь хороший сон. — Игорь Николаевич, услышав ровное дыхание Риты, подошел к Тимофею Егоровичу. — А вы куда? — раздраженно спросил он, увидев, что Любовь Антоновна поднимается на ноги.

— К больному.

— Вам нельзя, профессор! — запротестовал Игорь Николаевич.

— Можно. У меня небольшое переутомление.

— Вас не переспоришь, Любовь Антоновна!.. Женская логика...

— Логика врача, — Любовь Антоновна плотно поджала губы. — Он бредит. О дочери вам не говорил?

— Ася! Доченька, — шептал Тимофей Егорович.

— Ту девушку тоже звали Ася... Он раньше о дочери вам не говорил?

— Не упомяну, Любовь Антоновна... Горячая ночка выпала... Третья попытка ликвидировать меня... Еще одна неудачная попытка — и я пациент психиатрической больницы.

— Я понимаю, что вы сегодня испытали, но...

— Не в этом дело, Любовь Антоновна. Сегодня не случилось ничего особенного. Заурядное покушение, примитивное средство... знакомые исполнители, битье окон и... дружеская попойка на вахте в тесном солдатском кругу. Но я-то каков! Трижды на меня покушались! Не каждый деспот может похвастать таким обилием покушений. Еще раз попытаются, вообразу я себя Наполеоном. На Бонапарта покушались дважды, а на меня четырежды. Значит я не просто император французов, а Наполеон в квадрате...

— Вы все шутите, — улыбнулась Любовь Антоновна.

— Надо же вас как-то отвлечь от горьких мыслей, профессор. — Трудно жить с черными очками на глазах.

— Шутки невеселые.

— Да. Я отделался легкой царапиной. А Тимофей Егорович...

— Что с ним?

— Сотрясение мозга, Любовь Антоновна.

— Он скоро встанет на ноги?

— Завтра осмотрите сами, профессор.

— Обязательно. Сейчас бы. Может разрешите, — попросила Любовь Антоновна.

— Нет! — отрезал Игорь Николаевич. Любовь Антоновна поняла, что он не изменит свое мнение.

— Вы хорошо знаете жаргон.

— Всему приходится учиться. К концу срока, если доживу, не только жаргон изучу, а воры меня за настоящего вора примут.

— Вы спасли всех нас.

— Неизвестно, кто кого. Не будь Клавы, я бы валялся с отрубленной головой.

— Неужели б простили им?

— Простить не простили б, а виновного бы не нашли. Впрочем, обо мне побеспокоятся. Пузыря — к стенке, если б работнул меня, а Горячего... Сколько у тебя срока?

— Двадцать, — хмуро ответил Горячий.

— За Петрова бы дали двадцать пять, а за меня вышка ломится.

— За контриков вышку не дают, — убежденно возразил Горячий. — Делай их от вольного! На центряк пұльнут, доведет до двадцати пяти и гужуйся. Хоть сорок штук контриков делай, до четвертака доведет, а вышку не лукнут. За мұсоров вышка верняком ломится, за придурков и всех сук гамұзом — тоже вышка. Тебе бы, Игорь, мұсора за меня не простили. Я — воспет, фраеров учу свободу любить. За меня пятерых контриков на Луну отправят, — разговорился Горячий.

— Хочешь я тебя придавлю? — недобро усмехнулся Игорь Николаевич.

— Ты что? Взбесился? Вышка за меня!

— Спорим на кусок, что не дадут мне вышку? Удавлю — и четвертак. Гроши отдам, кому скажешь.

— Игорь Николаевич! Что вы говорите?!

— Успокойтесь, Любовь Антоновна! Я его только задұшу и больше ничего ему не сделаю. Будьте свидетелями, что я выиграю спор. — Игорь Николаевич протянул свои сильные руки к кадыку Горячего.

— Докторша! Спасите меня! Он чұмовой! Удавит! — испуганно выл Горячий.

— И удавлю! Вот так! — Игорь Николаевич положил большой палец на адамово яблоко Горячего.

— Спасите! Не буду! — плакал Горячий.

— Отпустите его! Не безумствуйте! — потребовала Любовь Антоновна, схватив Игоря Николаевича за руки.

— Я пари хочу выиграть. Тысяча рублей — деньги!

— Отпустите его ради Бога. Илья! Помогите мне!

— Пусть дұшит! Заслужил.

— Умоляю вас, Игорь Николаевич!

— Ладно, дам ему передохнуть... минут десять... А потом придұшу. Или лучше тебя повесить, Горячий? Вниз головой. А? Как твое просвещенное мнение? — голос Игоря Николаевича звучал негромко, но с такой недоброй силой, что Любовь Антоновне стало страшно.

— Опомнитесь! Опомнитесь! — прошептала она.

— Игорек... Докторша! Родные мои... Забожусь! Не трону никого! — визжал Горячий, захлебываясь слезами и торопливо глотая сопли.

— Какая тебе вера? — сухо усмехнулся Игорь Николаевич.

— Вор свое слово держит!

— Ты мне не заливай, Горячий! Вор слово держит, если он его вора дал. Фраеров в любую минуту надует. Не так, скажешь? — Горячий молчал. — И воров не обманывает, потому что самосуда боится. А ты не вор, а сука.

— Ты все допер, Игорь. Воровские законы понял. Не буду божиться. Выпустишь — ни одного контрика не трону.

— Ты теперь так говоришь. В зоне забудешь.

— Завтра же на этап отправляй. В штрафную, к сукам!

— «И щуку бросили в реку», — вполголоса процитировал Игорь Николаевич.

— Не Щука я, Горячий!

— Я говорю, что не защучат тебя суки. К вора бы тебя надо!

— Куда хочешь, только отпусти!

— Простите его, Игорь Николаевич, — попросила Любовь Антоновна.

— Разве что ради вас... Я отпущу тебя, Горячий. Но передай сукам, что зашебуются в больнице — лепило всех сук отравит. Да-да! Отравлю! Дам по укольчику каждому — и хватит. Кого не успею — к вора брошу. Что смотришь на меня? Думаешь: скажу сукам, сделают Игоря — и гуляй вволю. Меня-то вы может и сделаете, да я вперед троих-четверых уложу. Ты думаешь, все контрики Сидоры Поликарповичи? Вы их поленом, а они вас красивыми словами. Ядом я с вами побеседую! Ножом! Сделаете меня, тут еще пяток фраеров найдется, потравят вас. На развод не оставят! Я обучил их этому! Я дело говорю, не пугаю. Понял?

— Понял, — испуганно всхлипнул Горячий.

— Веришь мне?

— Верю! На десять кусков забожусь, что верю. Чтоб мне век свободы не видать, верю.

— Давай руки. Крепко связали. Выпуливайся — и завтра на этап. — Горячий встал на ноги, вытер рукавом мокрые щеки, шмыгнул носом и пошатываясь вышел в коридор.

— Ушел, — облегченно вздохнул Игорь Николаевич. — Простите, Любовь Антоновна, за эту маленькую комедию. Иначе было нельзя.

— Так вы..

— Не думали его убивать? Так вы, кажется, хотели спросить?

— Не совсем, но... — смутилась Любовь Антоновна.

— Вы почти угадали. Я бы не прочь его убить.

— Игорь Николаевич!

— Я рассказывал вам, что творят эти мерзавцы. Руки чешутся. Готов травить их всех. Как чумных крыс! Как саранчу! Крысы тоже не виноваты, но их травят. Чуть не убили Тимофея Егоровича. А вы знаете, что ждало Риту в вензоне? Спросите Клаву, она вам лучше меня расскажет.

— Вы ожесточились, Игорь Николаевич.

— Я человек и ничто человеческое... У меня нет всепрощения.

— Неужели бы вы убили Горячего?

— Не убил бы... Необходимый тактический ход. Горячий разболтает, что сук травят в больнице. Какое-то время они поостерегутся приезжать сюда.

— Но они могут вас убить... из страха.

— Все возможно, Любовь Антоновна. Здесь каждую минуту приходится рисковать. Я хоть немного должен обезопасить жизнь больных. Завтра Горячий и Пузырь уйдут на этап. Новые придут нескоро. Они понимают только язык силы. Если бы встал из могилы Толстой, и он бы бил их. Бил топором мужика, дрался бы как офицер и дворянин, душил бы их. У него не хватило бы милосердия на сук и на тех, кто их учит. Этика врача. Как бы я хотел забыть, что я врач. И травить их... Не могу, профессор. Не могу! Я связан совестью, этикой. А у них свободные руки. Они бьют нас, а мы молчим и благородно умираем. До нового пришествия можем рассуждать о добре и справедливости. Кому они нужны наши слова? Клаве? Рите? Вам, профессор? Андрею? Убить умирающего... А Горячий убил бы Андрея. Конечно, отвратительно, гнусно. Но удушить палача — ах, это не этично, гуманность не позволяет. Будем добрыми к убийцам, насильникам, к бешеным собакам и ядовитым змеям. Я не могу и не буду к ним добрым! Драться, а не рассуждать.

— Горячий нас не подслушивает?

— Убежал, Любовь Антоновна. До утра к нам никто не заглянет.

— А в землянку?

— И туда тоже... Вы нарочно отвлекаете меня.

— С вами иногда приходится хитрить, — улыбнулась Любовь Антоновна.

— Вы умеете... Ложитесь рядом с Ритой. Я подежурю. Устану — разбужу вас...

— Но...

— Не возражать. Вы больны, а я здоров.

— Разрешите я подежурю, — вызвался Илюша.

— Нет. Мало ли кто ночью может наведаться. Я спросонья туго соображаю, а отвечать придется немедленно. Ты, Илюша, ляжешь на полу. Клава — на столе. Не возражаешь?

— Да я, — заикнулась Клава, но Игорь Николаевич перебил ее.

— Вижу, что согласна. Счастливых вам снов.

Глава 3.

ҚЛАВА

АНДРЕЙ И РИТА

— Ты уже сел, Андрюша?

— Я скоро даже ходить смогу... По палате, — помолчав, неохотно уточнил Андрей.

— Мне как Любовь Антоновна сказала ночью, что ты сидишь, я сразу же бежать хотела. Не пустила она, — с оттенком обиды в голосе закончила Рита.

— Куда тебя ночью пускать, убьют в зонс, — с тревогой заметил Андрей.

— И вовсе не убьют. Теперь в больнице воров разных мало. Разогнал их Игорь Николаевич, — убежденно возразила Рита.

— Ничего он с ними не сделает. Дадут они...

— Кому? Игорю Николаевичу? Любовь Антоновне? Они у них возьмут? Они копейки ни у кого не возьмут! Ты поросенок! — громко возмущалась Рита. — Игоря чуть не убили из-за нас с тобой. А ты говоришь такое. — На глаза Рите навернулись слезы. — Любовь Антоновна на запретку прыгала, чтоб нас в больницу отправили. Ты злой, Андрей!

— Не сердчай, Рита. Я не о них говорю, — смущенно оправдывался Андрей. --- Дежурники любят блатных. Я в Лукьяновке сидел...

— А где эта Лукьяновка?

— Тюрма в Киеве, — заметно повеселев, пояснил Андрей: если Рита спрашивает, долго сердиться не будет.

— Там много народу сидело?

— Полно. Меня когда привезли со станции Шевченко, сперва в одиночку посадили на четвертом этаже. Я ее хорошо запомнил. Лето, на улице жарко, а в камере холодно. Пол цементный, я на крышке от параши спал.

— В нашей тюрме тоже цементные полы были, — вспомнила Рита.

— В общей камере люди телами их обогревают. Надышат и жарко, даже зимой. А в одиночке и летом холодно. На мне

гимнастерку порвали, а рубашки нижней не было. Променял я ее на хлеб.

— За что тебя забрали? Я уже месяц рядом с тобой, а до сих пор не знаю.

— Ни за что.

— Так только дежурные в тюрьме говорят. Восемьдесят семь и все ни за что. Ну и скрывай! Можешь другим рассказывать. — Рита надула губы.

— За бандитизм, — сухо пояснил Андрей.

— Ты бандит?! — с ужасом спросила Рита, отодвигаясь от Андрея. Глаза девушки расширились, подбородок дрогнул, вот-вот расплывется или закричит. — Я пойду... Меня главврач звал.

— Никакой я не бандит! — возразил Андрей, поняв, что Рита с минуты на минуту может уйти. — Посадили за бандитизм, а бандитом я в жизни не был.

— Разве ж так бывает? — неуверенно спросила Рита.

— Бывает — не бывает... А тебя за что судили?

— Ну, так получилось...

— Расскажи, а потом я.

— У меня мамы не было, а папу и брата убили на фронте. Я жила с тетей Машей. Она заболела, ухаживать надо, а больничный не дали. Сын директора завода, где я работала, пообещал, что даст мне больничный и лекарство для тети. Я поверила, а он обманул меня. Продукты принес, а больничный у отца не попросил.

— Ты с ним встречалась? — голос Андрея дрогнул, глаза потемнели.

— Один раз, — призналась Рита.

— С ним можно... Он сын директора...

— И не потому, — гневно выкрикнула Рита, сверкнув глазами.

— А почему же?

— Он на вечеринку меня пригласил. Обещал лекарство дать.

— А ты долго с ним сидела на вечеринке?

— Я раньше не пила никогда. Он меня напоил и спать положил. — Рита зарделась.

— А тетя? — Рита поняла, что Андрей не хочет слышать грязных деталей той ночи.

— Тетя умерла, позже, когда я в тюрьме была.

— Тебя за прогул посадили?

— Я пришла к директору и попросила его, чтоб он положил тетю Машу в больницу. Директор разозлился, махнул рукой и нечаянно уронил бюст Сталина. Бюст разбился, а директор сказал на меня. Мне дали десять лет.

— А прогул?

— На суде про него вспоминали, а в приговоре ни слова не написали.

— Сталина разбил директор, а посадили тебя. А ты говоришь, что не могут посадить за бандитизм не бандита.

— Так это Сталин, а то бандитизм.

— А какая разница — не сделаешь, а посадят.

— И тебя так же, как и меня?

— Не так, но похоже. Я из госпиталя домой ехал. После ранения откомиссовали меня. На станции Воронцово-Городище поезд стоял целый день: путь впереди разбомбили. Один парень пригласил меня выпить. Выпил я с ним и уснул. А тут облава. Взяли меня и обвинили в бандитизме. Милиционеры одного вора ловили, не могли поймать. А меня вместо него хотели посадить. Сперва на станцию Шевченко отвезли, а потом в Киевскую тюрьму.

— Почему ж ты подумал, что всех подкупить можно?

— Я не досказал тебе. В Лукьяновке из одиночки меня перевели в общую камеру, к политическим, мест не было у бытовиков. Там сидели человек семьдесят политических и пять воров в законе. Одного вора звали Володя Петровский. Он подружился с Синяевым.

— Просто так подружился?

— Синяев получал богатые передачи.

— Воры могли отнять у него.

— Не отнимали. Он вместе с ними ел, спал и сочинял песни про Володю Петровского.

— Песни? — не поверила Рита.

— Еще и какие! Синяев раньше где-то в газете работал. Почти каждый день новую песню выдумывал. Я один стишок запомнил. Хочешь расскажу?

— Расскажи, — согласилась Рита.

— «Пропоем песню новую на хороший мотив, про бандита Петровского, про его коллектив». Петровскому очень нравился этот стишок. Он выстраивал всю камеру и заставлял нас петь, утром, в обед и вечером. Кто не пел — сапогом по голове. На воров жаловались...

— Открыто? — удивилась Рита.

— Тайком записки в коридор подбрасывали. Потом вся камера обозлилась. Схватили, что под руками было, и на воров. Вот дрались так дрались! Мисками, крышкой от параша, горшками глиняными. Володя с ворами к двери побежал. Дежурный заскочил в камеру и всех подряд лупить.

— И Петровского?

— Пальцем воров не тронул. Нас ключом бил.

— Больно? — вздрогнула Рита.

— Тебя тоже били?

— Да. А чего ж потом?

— Всех бьют, — уныло протянул Андрей. — Даже тебя. Я думал, девчат не трогают.

— Так ты с тех пор и сидишь?

— Нет. За драку с ворами меня посадили в карцер, а из карцера — в индию.

— В какую Индию?

— В Лукьяновке так называли камеру, где сидели одни воры. Там была еще абиссиния.

— А это что такое?

— Тоже камера. В ней разные люди сидели, ни воры, ни мужики. Их называли полувцветняками, порчаками, шоблом. В абиссинии я не был, а в индии почти месяц просидел. Одного вора, Веню Муфлястого...

— Это фамилия у него такая?

— Кличка. Освободили его, а через две недели опять в индию привели. Муфлястый так ругался: «Я, — говорит, — пять кусков дал, чтоб меня на волю выгнали, а мусора по новой схватили. Где я им грошей наберу? Что я им, госбанк?» Почти все они рассказывали, не мне, промеж себя, кого за сколько освободили из тюрьмы.

— А почему ту камеру называют индией?

— Воры наколоты все, как индейцы, и передачи не у кого отнимать. Захотят в другую камеру перейти, им приходится свои передачи отдавать. Они и говорят: «нас грабят, как индейцев!» За это и прозвали камеру индией.

— В индии плохо было?

— Слово скажешь — и бьют. Дежурным лучше не жалуйся: от них попадет и воры добавят. Я там за одного пацана заступился, меня подлупили и в тюремную больницу.

— Сколько тебе дали?

— Три года.

— Какой ты счастливый! За бандитизм три...

— Так мне не за бандитизм, а за нарушение паспортного режима. Статья восьмидесятая часть первая Украинского Уголовного кодекса.

— Ты все запомнил, как зазубрил.

— Сколько раз повторять и не запомнить...

— Тебе бандитизм на паспорт сменили. Вот бы и мне так. Поменяли бы бюст на что-нибудь другое и дали б не десять, а три...

— Никто мне бандитизм на паспорт не менял. За бандитизм меня освободили.

— Как же так?

— Когда я из индии в тюремную больницу попал, подлечился там немного и объявил голодовку.

— Зачем?

— Чтоб скорей разобрались со мной. Я так и в записке написал. Или пусть следствие кончают, или до смерти голодать буду.

— Как же ты додумался?

— До голодовки-то? Меня один заключенный научил.

— Долго ты голодал?

— Два месяца.

— И совсем-совсем ничего не ел?

— Сам не ел, меня насильно кормили.

— Сразу, как объявил голодовку?

— Через пятнадцать дней начали. Я уж почти без памяти был.

— Насильно есть не заставишь.

— А они и не заставляли есть. Через зонд кормили.

— Как?

— Сунут зонд, в рот — две металлические пластинки с винтом, роторасширитель называется, рот пошире откроют, а кишку резиновую, зонд, до самого желудка пропускают. Дойдет до желудка, они резиновой грушей проверят и льют молоко с маслом. Надоело им так кормить меня. Дежурники иногда обозлятся и по животу стукнут, или горячего молока в желудок зальют.

— Больно?

— Терпения нет. В феврале сорок пятого сказали, чтоб я кончал голодать, повезут меня в Шевченко, туда, откуда в тюрьму привезли. Там продержали два дня и освободили. Оказывается, по ошибке меня арестовали, а я просидел больше полгода. Когда освобождали, документы не вернули мне.

— Почему?

— Следователь говорил: «Зачем тебе документы. Выписка из истории болезни не нужна. Продаттестат? А кто его отоварит? Проездной? А кто тебя по прошлогоднему проездному в вагон пустит?» Я стал спорить, просить. Следователь сказал, что если я не согласен без документов выходить на волю, меня назад отправят в Лукьяновку. «Надолго?» — спросил я следователя. «На год, — говорит он. — Пока запросы все сделаем, новые документы тебе оформим. Годик пройдет, а может и побольше. А тебе не все равно, где быть? В тюрьме тепло, кормят, на прогулку водят, сиди и отдыхай. Будешь ждать документы?» — спрашивает следователь напоследок. Я сказал, что не буду.

— Куда же они их задевали?

— Я знаю так же, как и ты. Может потеряли, а может испугались, что я писать буду за то, что держали в тюрьме без вины. Я сказал следователю, что меня арестуют без документов, а он мне ответил: «Проболтаешься, что у нас сидел, хана тебе. На десять лет упрячем». На дорогу папиросой угодил. Выбросил я ее. Вышел без копейки денег и больной. На прощанье мне дали подписку, чтоб я за двадцать четыре часа уехал со станции Шевченко. Милиционер довел до пустого товарного вагона, посадил и велел ехать. У меня еще в Шевченко температура поднялась. Доехал до Днепродзержинска и слез. Идти не могу и не к кому идти. На вокзале упал. Подо-

брали меня. Сперва в милицию. День продержали, а потом в больницу.

— Что у тебя было?

— Тиф. Месяц пролежал, подлечился и выписали. Вышел я из больницы, еле на ногах стою. Есть охота — мочи нет. Сунулся на один завод, хотел на работу поступить, посмотрели на меня — доходяга, оборванный, грязный, без документов... Кому я такой нужен? Не приняли. Пообещали милицию вызывать, если еще раз приду. Я уехал в Днепропетровск. По дороге познакомился с одним солдатом. Разговорились. Оказывается, в одной дивизии воевали. Я в разведке, а он в пехоте. Он мне дал ломоть хлеба и старую рубашку. Съел хлеб, еще хуже есть охота. В Днепропетровске переночевал в пустом вагоне, он стоял на запасных путях. Утром пошел на Озерку. Базар так в Днепропетровске называется.

— У тебя были деньги?

— Откуда? Рубашку хотел продать, ту, что солдат подарил.

— Продал?

— Не удалось.

— Не купили?

— Хуже. Я встал в ряд, где всяким барахлом спекулируют, а шагах в десяти женщины продуктами торговали. Какой-то воришка схватил кусок масла и бежать. Торговка за ним, а он прямо к тому месту, где я с рубашкой стоял. Схватили его и меня заодно.

— За что же тебя?

— Подозрительным я им показался. В милиции отлупили как положено.

— Милиционеры воров тоже бьют?

— Настоящего вора пальцем не тронут. Он хорошо одет, у него есть деньги, знает законы... А меня? Я хоть и много книг до войны прочел, а кодексов, пока в тюрьму не попал, не знал. Денег у меня нет, одет в лохмотья, как нищий. Можно и побить, если руки чешутся. Пока вели нас в милицию, воришка, который масло украл, бросился в толпу и убежал. Погнались за ним — не догнали. В милиции хотели на меня свалить, будто я украл масло. Спасибо тетке той, у которой масло уворовали, она сказала, что не я, а другой. Милиционеры за-

ставляли признаться, что я рубашку стащил. «Откуда, — говорят, — у бродяги чистая рубаха?» Я им правду говорю, а они сильнее злятся и лупят. С рубашкой у них ничего не вышло — к фамилии пристали. «Знаем мы ваши блатные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров... — говорит мне следователь. — А документы у тебя есть?» Я сказал, что полгода сидел в тюрьме, а когда освобождали, документов не вернули. «Ах ты, мерзавец, — кричит следователь, — честным людям жить не даешь! Ворюга!» Я рассердился и сказал: «Вы докажете, что я вор». Следователь вскочил и ударил меня. Я не утерпел и ему в оборотку, по носу попал. Ох и били меня... побольнее, чем в Шевченко. Они даже акт не стали составлять, что я следователя ударил. Я десять дней кровью плевал. Отлежался в камере. Потом вызвали и сказали, чтоб я расписался об окончании следствия. Ни одной бумажки я им не подписал. Бандиты они! — Голос Андрея зазвенел горечью, обидой и гневом.

— Обидно, Рита. Что я им плохого сделал? Воевал, домой ехал. Выпил, не скрываю. Не избил никого, не обругал, а меня как бандита арестовали. Ошиблись... А если б шевченковского следователя в индию?! В карцер! Голодовку бы он шестьдесят семь дней продержал?! В лицо бы ему плевали! По ошибке! Ну ладно, пусть раз ошиблись. А документы тоже по ошибке не давали? В Днепропетровске следователь знал, что я не виноват. Не смог кражу на меня взвалить, обвинил в другом. Они в обвинилровке написали, что я три месяца живу в Днепропетровске, ворую на базаре, дал двенадцать подписок в двадцать четыре часа выехать из города и не уехал. У кого ворую — не сказано. Как я мог три месяца в Днепропетровске прожить, если в это время в Лукьяновке сидел? Я думал — на суде разберутся. Разобрались! Собаки!

— Где тебя судили?

— Я ж тебе говорил, в Днепропетровске. Комнатка маленькая. Судьи, конвоиры и я. Посторонних никого не было, а суд объявили открытым. Ни защитника, ни прокурора. Секретарша, девчонка молодая, ничего не записывала. Один заседатель дремал, другой молчал. Я рассказал, что в Лукьяновке был и никак, ну просто никак, в это же самое время в Днепропетровске не мог подписки давать. А судья говорит мне: «Это к делу не относится». Меня в камере научили, чтоб я экспер-

тизу почерка на суде потребовал. — Андрей сжал кулаки и замолчал.

— А судья?

— Он толкнул в бок заседателя, который спал. Тот луп-луп глазами, а судья ему какие-то бумажки показал. Заседатель закивал головой спросонья. Судья после этого говорит мне: «Суд отклоняет вашу просьбу о проведении экспертизы. Суду ясно, что подписку о выезде давали вы». И ушли совещаться. Минут через десять вернулись и объявили, что я осужден на три года.

— Ты кассацию не писал?

— Подавал я кассацию... Нужна она, как мертвому припарки.

— Что ж ответили?

— Написали, что правильно меня осудили. Утвердили приговор. Когда сюда этапом гнали, воры в законе что хотели делали. Сами на нары, а нас на пол, себе воду, а нам, что останется. Подрались мы с ними. Конвой за них вступился. Двадцать дней на пересылке был. Воры там не работают, по полгода сидят. На сорок первой придурки — суки, что хотят, то и делают. Все начальство подкупают. Везде. А ты говоришь — за деньги они сюда не приедут. Игорь Николаевич их не пустит, Любовь Антоновна тоже. Так над ними есть люди повыше. Я им этого никогда не забуду.

— Кому?

— Сукам! Ворам! Начальству! Другие боятся, плачут, тихонькими стали: не трогай нас — и мы никого не тронем. Я тоже боюсь, но не плачу. Мне тоже больно, когда бьют, но просить я их не буду. Ни за что! Был бы автомат и пара дисков запасных, стрелял бы их всех, пока бы меня самого не убили.

— Кого, Андрюша?

— Тех, кто посадил меня! Тех, кто бил! Кто над Митей Шигидиным издевался. Председателя суда. Судью! Падлу! Лошадь! Начальника лагпункта! Пусть потом и меня убивают. Я знать буду, что не без пользы умер. Сто лет проживу — не прощу. Умирать стану, только и пожалею, что никого из них не убил.

— Страшно, Андрюша. Ты же не такой.

— Я злой за всех! За тебя! За себя! За Митю! Меня под Кировоградом ранило, Митя под огнем волоком тащил. А сам он тоже был в ногу ранен. Слова мне не сказал. А падловцы за волосы его и об стенку. На пацанов красные косынки одели! У работяг все отнимают, а дежурники с ними вместе. На кого Падло, на того и начальство. Меня арестовали ни за что, а судья осудил. Пожаловался городскому судье, а тот пишет: «Для отмены приговора оснований нет». Сами себя защищают, как падловцы. Ты говоришь — страшно убить их. А жить, как мы живем, — не страшно?

— В больнице хорошо, — слабо возразила Рита.

— Пока Игорь тут и Любовь Антоновна. Были бы другие врачи, меня б тогда убили, а тебя в вензоне... — Андрей осекся.

— Забудь, Андрюша об этом. Не все люди такие.

— Что я, на всех говорю? Хороших людей больше, чем плохих. При немцах меня хозяйки кормили, вшей выпаривали, от полицейских прятали, когда я из концлагеря бежал. Если б не они, не выжил бы я. А зачем живу? Наши пришли — радовался. У меня вся спина гнила, а я на фронт просился. А потом? Шевченко, Днепропетровск, сорок первая, падловцы... Ну, падловцы — суки, их даже воры презирают. Я б ни на кого не стал обижаться, кроме как на них. Не сладил с ними, избили и ладно. А утром начальник сорок первой ногами меня пинал, почти мертвого. Мне Монахов рассказывал. Тут никто не видит, как они нас бьют. А шевченковского следователя тоже никто не видел? А судью моего? Собаку не бьют, если она не виновата. Пес убежит от такого хозяина. А мне и убежать некуда. Ты думаешь, они не знали, когда тебя судили, что ты не виновата?

— Знали, — прошептала Рита, и слезинка тихо сползла по лицу, оставляя на щеке влажный след.

— Не плачь, Рита. Прости меня, — Андрей кончиком пальца здоровой руки робко прикоснулся к худенькому плечу девушки.

Андрюша ласковый... Красивый... Добрый... Он за Шигидина заступился. Если бы встретились мы с ним раньше... У него, наверно, девушка есть... Спросить? Стыдно... Я так хитро спрошу, что он и не догадается...

— Ты скоро на волю выйдешь. Два с половиной года оста-

лось. А мне еще сидеть и сидеть... — грустно заговорила Рита, не осмеливаясь высказать свою самую тайную мысль.

— Вот бы нам вместе освободиться. Мы бы с тобой... — Андрей смущенно закашлялся и отвернулся.

— Тебя ждут, Андрюша. Мама... девушка...

— У меня нет девушки, — признался Андрей.

— И не было? — со страхом и надеждой спросила Рита.

— Была.

— А где же она? — глаза Риты потухли, голос прозвучал подавленно. — Разлюбил ты ее?

— Мы и не встречались по-настоящему, — хмуро ответил Андрей.

— А понарошку разве встречаются?

— Мы с ней рядышком жили. Вместе по очередям стояли. Потом война. Меня во время бомбежки ранило. Я от поезда отстал, а она уехала с родными. Я при немцах два года жил. Не знал, где она, что с ней. Встретился в шевченковской милиции. Ее сняли с поезда, за то, что документы у неё украли. Она уже тогда туберкулезом болела.

— Ее тоже посадили?

— Выгнали. Домой поехала.

— Так она ждет тебя?

— Не ждет, Рита... Уже не ждет.

— И неправда. Я бы... ждала.

— Умерла она.

— Кто тебе сказал?

— В тюрьме пацан с нашей улицы. Он сам видел, как Женю хоронили. — Андрей замолчал. Рита сидела понурая и притихшая. Она понимала, как тяжело Андрею вспоминать подругу. А в глубине души копошилось чувство, похожее на нечистую радость. Если бы она могла высказать непонятное ей чувство словами, то она бы сказала примерно так: «Плохо, что Андрей один, жалко. Но его никто не ждет. Может быть я...»

— Ты любишь звезды?

— Люблю, Рита. Я помню, один раз весной ночевал в вишневом саду.

— Давно?

— Мальчишкой. Звезды такие большие-большие. Небо чистое. И вишни цветут, белые, как снег. А запах такой нежный, как мамины глаза, когда она не сердится.

— Почему звезды мерцают? Смотришь, и кажется — вот-вот заговорят они. Хорошо бы улететь на звезду.

— Там никто не бывал и не будет.

— А мне снилось, что я по звездам бегала.

— Красивый сон, — завистливо вздохнул Андрей. — Мне такого ни разу не приснилось. Когда я болел в лагере военнопленных...

— За что тебя туда?

— Нашему пленному махорку передал. Немцы в это время убили одного пленного за то, что он обмотку подвязать хотел, а меня для счета в колонну затолкали. Я мальчишкой был. А они и на одежду мою гражданскую не посмотрели.

— Долго держали?

— Ночь во дворе переночевал, горло у меня распухло. Один пленный дал за меня на две скрутки табака и меня в барак впустили. На другой день температура поднялась высокая. Пленные подумали, что у меня тиф. Взяли за руки, за ноги и в зону вынесли. Я просил их: «Братцы, не оставляйте!»

— А они? Не послушали? Не пожалели?

— Их бы самих староста барака выгнал, если б не выбросили меня. Заморозки, а я лежу. И вдруг мне тепло стало. Смотрю на звезды: такие красивые, что я никогда раньше таких не видел. А потом увидел два озера, одно с чистой водой, а другое — с грязной.

— Померещилось тебе.

— До сих пор помню озеро. Будто вчера их видел. Люди идут к грязному, а к чистому редко кто сворачивает. К нему дороги нет: скалы, пропасти, звери... И вдруг все небо загорелось. Звезды играют огнями, как живые. Смотрю на небо, а меня оттуда кто-то манит к себе. Я вроде бы полетел. Высоко-высоко лечу. А до звезд никак долететь не могу. И больше ничего не помню.

— Как же ты из лагеря ушел?

— Наутро в зоне трупы собирали, и меня в повозку положили, как мертвого. Стали выбрасывать в могилу, а я очнулся. Пленные не закопали меня, а немец, конвоир, просмотрел. Ут-

ром женщина одна, ее тетей Глашей звали, я после узнал, подобрала меня. Я целый месяц у нее жил. Она кормила, выхаживала, стирала... Ночью вставала ко мне. Есть такие люди... — Андрей не договорил. В палату вошла смуглая пожилая женщина в белом халате.

— Вот где я тебя нашла, — заговорила она, грозя Рите пальцем.

— Я, Сара Соломоновна, у Андрея дежурю, — смущенно оправдывалась Рита.

— Зачем у него дежурить? — возразила Сара Соломоновна. — Есть он сам научился, с кровати встает, разговаривает. На днях мы его в общую палату переведем.

— В общую? — испуганно протянула Рита.

— Не бойся за него. Пузырь и Горячий из больницы ушли, другие Андрея не тронут. Эти воры такая публика... Они бесплатно мстить не станут... Пойдем со мной. Ты мне нужна.

— Заходи, Рита, — попросил Андрей.

— Обязательно, — горячо пообещала Рита.

— Куда мы идем, Сара Соломоновна?

— К Тимофею Егоровичу. Он хочет тебя о чем-то спросить.

— Ему лучше?

ПЛАТА ЗА ПЕСНЮ

— Да, — Сара Соломоновна, обычно веселая и словоохотливая, отвечала угрюмо и односложно.

— Поют. Слышите, Сара Соломоновна?

— Буров... Мучают мальчишку. Я им скажу. Ты постой здесь, — Сара Соломоновна направилась к кучке заключенных, собравшихся возле кухни. Она шла не оборачиваясь и поэтому не увидела, что Рита идет вслед за ней. Среди собравшихся Рита узнала повара, каптера, двух сук, Чуму и Волка, и надзирателя, известного в зоне под кличкой «Аля-улю айда пошел». Они обступили безрукого заключенного, а он, придержи-

вая ладонью здоровой руки культю и широко открыв немигающие глаза, пел:

Везде и всегда за тобою,
Как призрак я тихо брожу...

— Что вы безобразничаете? — гневно спросила Сара Соломоновна.

— Айда пошла, докторша! — отмахнулся надзиратель. — Аля-улю, Буров! Пой!

— Откланяйся докторше! — подхватил Чума, заговорщески подмигивая надзирателю.

— Певец Буров! — с надрывом прокричал безрукий.

— Как вам не стыдно! — вспыхнула Сара Соломоновна.

— Он инвалид. Без руки. Слепой.

— Сам себе руку оттяпал, — с философским спокойствием заметил Волк, попыхивая папироской.

— И глаза отравил сам, — подхватил каптер, вынимая из кармана обгорелые хлебные корки. — Подушевной пой, Буров. Хлебushка не пожалею.

— Не украл бы ботинок, не попал бы сюда, — вставил надзиратель. — Айда пошел, Буров!

— Не пой, — попросила Сара Соломоновна. — Они ничего, слышишь меня? ничего тебе не дадут.

— Бланды пульнем!

— Хлеба!

— Петь не будешь, хором огуляем.

— Аля-улю, Буров! Не слушай врачуху!

— Спину погрызу! — бушевали любители песен.

— Продолжать или сначала? — униженно спросил Буров.

Не дождавшись ответа, он жалко улыбнулся, положил на грудь обрубок руки и снова запел:

Как призрак я тихо брожу
И с тайною грустью порою
В вонючую дырку гляжу.

Буров смолк. Надзиратель вздохнул.

— Понимать надо, докторша! — наставительно заметил он, поправляя широкий ремень. — Песня во! А ты с ходу айда-пошел командуешь ему.

— Я его этой песне научил! — похвастался Чума, горделиво выпячивая грудь.

— Чума — человек! — восторженно подхватил повар. — Кем был Буров на воле? Дяревня! Сундучок! Волосатик! А тут?! Певец! Проси, Буров! Все дам!

— Дорогие дяденьки и тетеньки! — заученно проговорил Буров, плотнее прижимая к груди культю. — Подайте несчастной заброшенной жене Падлы Григорича.

— На! — Чума поднял с земли миску, до краев наполненную жидкой баландой, и протянул ее Бурову. Калека с опаской шагнул на звук голоса, а Чума с размаху плеснул помой в лицо слепого.

— Ешь, Буров! Лакай!

— Айда-пошел облизываться, Буров!

— Штефкай!

— Пасть шире разинь!

— Я Игорю Николаевичу скажу! Вы! — задохнулась в крике Сара Соломоновна. Надзиратель небрежно схватил доктора за плечи и вполсилы оттолкнул ее от себя.

— Айда-пошла, докторша! Не мешай людям повеселиться!

— Под зад коленом ее! — посоветовал Чума. Волк оскалится, злобно посмотрел на врача, сплюнул сквозь зубы, но, вспомнив, что Игорь Николаевич не берет, выругался и повернулся к женщине спиной. Повар благоразумно промолчал. Каптер благочестиво закатил глаза.

— Что вы сердитесь, доктор? Скучно! Шутим мы! Балуемся. Не все же плакать, — елейным голосом зажурчал он. — Я хлебушка Бурову дам. Сам бы ел, но больному человеку не откажу. Очень уж я жалостливый к калекам. Бери, Буров, от души даю! — каптер совал Бурову хлебные корки. Слепой торопливо прятал их запазуху.

— Покандеваем, Чума! — позвал Волк товарища.

— И мне идти пора, — заторопился каптер. — Помощник у меня прожорливый, не доглядишь, полкаптерки слопают. Бывайте! Заглядывайте ко мне! — Каптер сделал широкий жест, приглашая в гости всех присутствующих. — И ты, Буров, не забывай меня! Покормлю!

— Ужин скоро. Не сожрали бы бацилу мои шестерки, — ни к кому не обращаясь, проговорил повар и сладко зевнул.

— Айда-пошли вместе, — предложил надзиратель. Буров вытер рукавом залитое помоями лицо и понуро поплелся к больничному корпусу. Сара Соломоновна и Рита шли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Рита заговорила первая:

— Что у Бурова с глазами?

— Слепил он себя.

— Сам?

— Может и сам, а может и помогли. Пять лет ему еще добавят. Измучили мальчишку. Руку себе отрубил — в центральный изолятор его и на двадцать лет осудили. В центральном женихи не оставили в покое. Глаза погубил, чтоб в больницу положили, — и вот тебе больница... «Пой, Буров, накормим!» Поет...

— А он будет видеть? Хоть когда-нибудь?

— Не знаю, Рита. Пришли. Ты сама Тимофею Егоровичу ничего не говори. Спросит тебя, отвечай.

ТИМОФЕЙ ЕГОРОВИЧ

Тимофей Егорович лежал на топчане. Напротив него, возле окна, сидел худенький старичок.

— Он спит, не тревожьте его, — предостерег старик, указывая на Тимофея Егоровича. Тимофей Егорович повернулся на спину и открыл глаза.

— Я не сплю, Сара Соломоновна. Позвали Риту? А, ты пришла? Садись, дочка, — пригласил Тимофей Егорович Риту.

— Я вас оставляю. У меня новый больной, — заторопилась Сара Соломоновна.

— Не буйный?

— Третьи сутки говорит. Ни на минуту не замолкает. Спасибо Игорю Николаевичу, маленький домик для моих больных отдал. Там две комнаты. В одной мужчины, в другой женщины.

— Шигидин как? — расспрашивал Тимофей Егорович.

— В прежнем состоянии. Вы меня извините, я побегу, — Сара Соломоновна торопливо покинула палату.

— Рита! Ты обещаешь мне сказать правду?

— Обещаю.

— Где Ася? — Тимофей Егорович в упор взглянул на Риту. Девушка растерялась.

— Ася? — повторила Рита, машинально убирая со лба прядь непокорных волос.

— Да, Ася! Говори, Рита! — нетерпеливо потребовал Тимофей Егорович, не спуская с Риты глаз.

— Я знала Асю, — медленно заговорила Рита, стараясь собраться с мыслями. «Почему он о ней спрашивает?.. Как он может знать Асю? Где видел? В лагере... больнице?»

— Расскажи о ней, — настойчиво попросил Тимофей Егорович.

«Сказать, что ее убили?.. А если... Асин отец капитан... Тимофей Егорович тоже... Врать! Буду врать!»

— Я вместе с Асей работала, — заикаясь, начала Рита.

— С Асей?! — Тимофей Егорович вскочил на ноги, застоялся, пошатнулся и, если бы Рита не успела подхватить его, он бы упал. — Голова закружилась. Ты не врешь?

— Честное слово! — «Я обманываю его... Тимофея Егоровича за меня избили. Сказать правду? А вдруг Ася...»

— Ты давно была на пересылке? — спросил Тимофей Егорович.

— В августе.

— В карцере сидела?

— Да.

— С кем?

— С Еленой Артемьевной и... с Аней.

— С Аней? А не с Асей?

— Я ж говорю вам, что знала Асю на воле.

— Сколько ей лет? ТОЙ Асе?

— Она старше меня. Лет... на восемь.

— Дочка! Не обманывай меня! Я старик. Тебе сколько лет?

— Восемнадцатый пошел.

— Ты моложе моей Аси на три года. Я старше тебя на тридцать пять. Ася у меня была одна.

— Она ваша дочь? — вырвалось у Риты.

— Дочь. Похоже, что Ася, моя Ася, погибла на пересылке. Ты скрываешь. Стыдно, дочка, говорить мне неправду. Ася... — По лицу старого капитана текли слезы. Хрипкое рыдание сотрясло палату. Страшно и больно смотреть, когда плачет мужчина, а сейчас плакал моряк, суровый и непреклонный. Рита склонилась к старику и порывисто поцеловала его. — Не прощу себе, что живой в руки дался. Убил бы себя, они бы Асю не тронули. Трус! Мерзавец! — капитан сжал кулаки и поднял их над собой. Еще секунда и он обрушит их на свою израненную голову. Рита испуганно схватила его за руки.

— Тимофей Егорович! Миленький! Не надо! — просила Рита.

— Не выдержал... Прости, дочка. Я знаю правду.

— От кого? — Рита спохватилась. Она поняла, что выдала себя этим вопросом, но ничего, абсолютно ничего не сумела придумать, чтобы как-то уменьшить тяжесть проклятого предательского вопроса.

— От Федора Матвеевича, — чуть слышно ответил капитан.

— А где он? — опрометчиво спросила Рита.

— Вы не помните меня?

«Знакомый голос... Он...» — Рита порывисто обернулась и увидела старика, того самого, что просил не тревожить Тимофея Егоровича.

— Вы Федор Матвеевич?

— Вы угадали, милая девушка. Я многим обязан вам. Но не имел удовольствия лично высказать свою признательность. Разрешите поблагодарить вас теперь. — Федор Матвеевич встал, низко поклонился Рите, поднес ее руку к губам и почтительно поцеловал.

— Что вы, — смутилась Рита.

— Игорь Николаевич рассказывал мне о вас, но по причинам мне непонятным препятствовал нашему личному знакомству.

— Вы лежите в этой палате? — спросила Рита, лишь бы что-нибудь сказать.

— В другой. Сюда зашел случайно. Завтра меня выписывают.

— Вас? Игорь Николаевич?

— Смею вас заверить, Маргарита... Как вас по батюшке?

— Рита, — окончательно смутилась девушка.

— Ну хорошо, Рита, — согласился Федор Матвеевич. — Игорь Николаевич к моей выписке не причастен. Здесь меньше всего считаются с мнением врача.

— Игорь Николаевич отстоит вас!

— Осмелюсь не согласиться с вами. Он не имеет достаточной власти, чтоб поступить наперекор лагерному начальству.

— Я попрошу Любовь Антоновну! — Федор Матвеевич закашлялся и словно невзначай вытер повлажневшие глаза.

— Я сердечно благодарю вас за вашу доброту. За большую душу. Я вам верю, Рита, что вы сумеете вторично спасти меня.

— Но тогда вас спасла не я. Ася!

— Вы и Ася, — уточнил Федор Матвеевич.

— Ася, — глухо повторил Тимофей Егорович.

— Я хотела сказать Аня, — поправилась Рита.

— Не утешай, дочка!

— Откуда вы взяли, что в карцере была Ася? — сердито спросила Рита, поворачиваясь к Федору Матвеевичу.

— Я понимаю ваш гнев и сознаю свою вину. Я нечаянно, верьте моему честному слову, совсем нечаянно, в разговоре с Тимофеем Егоровичем упомянул имя его дочери. Вы, очевидно, помните, Рита, когда эти... гм-гм, с позволения сказать, люди... начали душить меня.

— Помню, — подтвердила Рита.

— И я помню. Вы закричали: «Ася! Ты все можешь, помоги ему!» или что-то близкое к этому возгласу. По причинам вам вполне ясным мне трудно восстановить ваши слова с большей точностью, но имя «Ася» я запомнил хорошо. Я имел неосторожность рассказать уважаемому Тимофею Егоровичу об этом эпизоде, а он решил, что Ася именно его дочь. Я не видел ее и к тому же весьма вероятно совпадение имен.

— Я бы и сам поверил в совпадение. Но меня убедила Рита.

— Я?!

— Твое неумение врать, Рита. Мне Игорь Николаевич рассказывал о пересылке на второй день после того, как вас привезли в больницу. Он мне назвал Асю по имени. Об Асе я услышал от Сары Соломоновны.

— А от кого она? я ей ничего не говорила.

— От Любови Антоновны. Сегодня утром в палату зашла Елена Артемьевна. Я спросил ее: «Ася — дочь капитана?» Елена Артемьевна смүтилась и тоже не сумела солгать. Федор Матвеевич подтвєрдил, что убитую на пересылке девушку звали Асей. Ты неумело врала и я окончательно убедился, что на пересылке убили мою Асю.

— Но может быть вы ошиблись?

— Не ошибся, дочка. Говори все, как есть.

— Но я не знаю...

— Асе было лет двадцать.

— Да.

— Черноволосая? — Рита молча кивнула головой. — Родинку возле левого уха не помнишь? — Рита сморщила лоб и, напрягая память, старалась полностью восстановить лицо Аси. «Родинка... родинка... Была». Но она не сказала ни да, ни нет. — Значит, помнишь. Расскажи, как она погибла?

— Я не помню.

— Рита!

— Нас посадили в карцер. В соседней камере сидели воры. Старший вор, Падло, сказал, что начальник пересылки, капитан Ольховский, велел убить Федора Матвеевича. Я услышала их разговор. Перед утром привезли Федора Матвеевича. Воры стали дүшить его. Я кричала, но мне никто не отвечал. Я попросила Асю помочь. Ася затерла фитиль из ваты и подожгла карцер. Она говорила, что за поджог ее посадят к ворам. Когда нас вывели во двор, Ася сказала начальнику, что карцер подожгла она. Потом Ася крикнула ворам, что она им не достанется, и побежала к запретной зоне. Я слышала три выстрела. Пришел надзиратель и сказал, что Асю убили. Ее за меня застрелили! И вам голову разбили тоже за меня. Я во всем виновата.

— Не смей так думать. О матери Ася не говорила?

— Сказала... что мама... умерла... Я виновата. Побейте меня, Тимофей Егорович!

— Не плачь, глупенькая. Помоги мне встать.

— Куда же вы?

— К Игорю Николаевичу.

— Он заругает за то, что вы встали с кровати.

— У меня к нему срочное дело.

— Я позову его.

— У нас с ним мужской разговор, Рита. Один на один. Спасибо, умница.

— За что?

— За правду. Я теперь все знаю об Асе. Ее убили... Пора и мне...

— Вы не дойдете, Тимофей Егорович.

— У меня впереди длинный путь. Не волнуйся, дочка, я скоро вернусь.

— Я пойду с вами.

— Останься.

— Вы не дойдете, — повторила Рита.

— Чепуха. Я валяюсь уже три недели. С моими синяками на пятый день люди гуляют.

— Я прошу вас, — упрямо настаивала Рита.

— Разговор с Игорем не для тебя.

— Вы меня гоните? — убито спросила Рита.

— Не обижайся, дочка, так надо.

— За то, что Асю убили?

— Не глупи. Я знаю, кто виноват. Раз уж ты так хочешь, проводи к Игорю и назад.

Увидев Тимофея Егоровича и Риту, Игорь Николаевич удивленно посмотрел на них. Любовь Антоновна осуждающе покачала головой и, торопливо подойдя к капитану, помогла ему сесть.

— Вы полюбуйтесь на них! — взорвался Игорь Николаевич. — Я прописал ему постельный режим минимум еще на неделю, а он расхаживает. Кто тебе велел приводить его? Кто, я тебя спрашиваю? — Рита виновато посмотрела на рассерженного главврача и растерянно пробормотала:

— Тимофей Егорович сам попросил.

— Сам?! А если он тебя попросит в яму столкнуть? Ты и тогда не откажешь ему? А вы тоже хороши, Тимофей Егорович! Все лечение насмарку пойдет.

— Игорь Николаевич! — вспыхнула Любовь Антоновна. — Вы разрешаете себе лишнее. Вам следует не таким тоном разговаривать с больным. Больной нарушил предписанный врачом режим. Нехорошо. Но кричать — тоже не похвально.

— Я сам все придумал, — заговорил Тимофей Егорович. — Ругайте, но выслушайте.

— Говорите, — отрывисто разрешил Игорь Николаевич, — пожалуйста, покороче. Ложитесь. Так вам будет удобней.

— В карцере на пересылке убили мою дочь Асю, — ровным глухим голосом проговорил Тимофей Егорович.

— Кто вам сказал? — Игорь Николаевич скомкал недокурную папироску и швырнул ее в угол. — Молчите? Рита? Больше у вас никого не было. Спасибо, Рита, услужила.

— Я ничего не говорила... Я... — срывающимся от волнения голосом оправдывалась Рита.

— Не нападайте на нее, Игорь Николаевич. Она не умеет лгать, и только.

Лицо Тимофея Егоровича побледнело. Любовь Антоновна поудобнее уложила его на топчане.

— Рита, Рита. Девчонка, — Игорь Николаевич укоризненно покачал головой, — в лагере и вранью следует учиться.

— Нехорошо мне, старому моряку, перед смертью обучать вранью детей. Мне бы поучиться у нее.

— Женщины не могут держать язык за зубами, — сердито буркнул Игорь Николаевич.

— Вы правы. Поэтому я и хочу с вами поговорить наедине.

— Рита, сходи в землянку. Катя хотела увидеть тебя, — попросила Любовь Антоновна. Дождавшись, когда девушка вышла, доктор обратилась к Тимофею Егоровичу. — Женщин нет, можете говорить свободно.

— А вы? — растерянно спросил Тимофей Егорович.

— Я — старуха.

— Но...

— И не люблю болтать. За восемь лет отучилась.

— Я доверяю профессору, как самому себе. Говорите при ней или вообще молчите, — отрезал Игорь Николаевич.

— А Рите вы не верите? — обиделась Любовь Антоновна.

— Я верю ей больше, чем кому бы то ни было, — резко возразил Игорь Николаевич. — Но она слишком наивна, доверчива. Ее легко обмануть. Можете положиться на мой опыт.

Тимофей Егорович выразительно посмотрел на Любовь Антоновну, но она сидела не шелохнувшись. Пожав плечами, ни-

чего не поделаешь, придется беседовать при женщине, капитан заговорил:

— Отправьте меня на пересылку. Это единственная и последняя моя просьба.

— Вас? В таком состоянии?! Не могу.

— У вас есть связи. Используйте их, Игорь Николаевич! Мне необходимо попасть на пересылку.

— Вы просите о невозможном.

— Невозможное для вас или для меня?

— Для обоих.

— Не сумеете договориться с начальством?

— С начальством я, пожалуй, договорюсь, — Игорь Николаевич прикурил папиросу, выпустил сизую струйку дыма и после небольшой паузы добавил: — А с вами как быть? Вы можете умереть в дороге или на месте. Легкий удар по голове... пробежка, ложись-вставай — и с вас достаточно. Как врач я протестую.

— Я не прошу отправить меня сегодня. Я согласен ждать. Неделю-две... Но когда вы найдете меня здоровым...

— Подумайте, Тимофей Егорович.

— Я все обдумал.

— Зачем вам так срочно ехать на пересылку? Я понимаю, что вы хотите узнать... — Тимофей Егорович что-то хотел ответить Любови Антоновне, но, взглянув в ее глаза, громко за сопел и отвернулся.

— Я догадываюсь... Но если я угадал, этот разговор и в самом деле не для женщин.

— Прикажете мне уйти, Игорь Николаевич?

— Я ничего вам не прикажу, профессор. Поступайте, как знаете. Впрочем, побудьте с нами. Если я не ошибся в своей догадке, я вам скажу одно, Тимофей Егорович: лягушку на дерево посадить легко, снять ее — трудно.

— Я не понял вас, — признался Тимофей Егорович.

— Лесков в повести «Гора» рассказывает, что в четвертом веке старую язычницу спросили, как уничтожить христиан. Она сказала: «В Евангелии написано, что вера величиной в горчичное зерно сдвинет гору. Сейчас засуха. Если гора сойдет в Нил, Нил разольется и люди будут спасены от голода. Заставьте христиан сдвинуть гору. Они не сделают этого, и голодные

убьют их. Я помогла вам посадить лягушку на дерево, а назад вы ее не снимете». На дереве лягушка засохнет. И если снимут, то только ее труп, — пояснил Игорь Николаевич.

— Вы отправите меня на пересылку, а назад вернуть не сможете. Этого и не требуется.

— Вы решили?..

— Да! Да! Я убью начальника пересылки! За Асю!

— Что это вам даст?

— Я — солдат. Меня учили драться, а не рассуждать. Кровь за кровь! А что мне даст, если я спокойно умру на мягкой кровати? Ася... Дочка... Ее убили... А меня вы хотите заставить жить? Какой же я отец?! Я не волнуюсь. Нож! Только нож в спину! Успею убить одного — хорошо! Двух-пятерых — еще лучше.

— Вы знаете, что будет? — заикнулся Игорь Николаевич.

— Со мной? Я честно умру. Помучают перед смертью? Недолго. Не удастся убить ни одного, не сумею даже ранить — все равно умру как человек, как отец. Зверь защищает своих детенышей, а я спрячусь. Не отправите на пересылку — здесь убью.

— Кого? — в ужасе спросила Любовь Антоновна.

— Начальника больницы! Надзирателя! Конвоира! Все они убийцы!

— Не все, — твердо возразила Любовь Антоновна.

— Покажите мне хотя бы одного человека среди них, — потребовал Тимофей Егорович.

— Во втором корпусе лежит надзиратель Седугин. Он спас заключенных и получил пятнадцать лет. Лида моложе вашей Аси. Ее хотели изнасиловать на вахте и один надзиратель не допустил этого сделать.

— Вы защищаете их? — Тимофей Егорович задохнулся от гнева.

— Констатирую факты, — бесстрастно ответила Любовь Антоновна.

— Позвольте мне с вами не согласиться, профессор, — не утерпел Игорь Николаевич.

— Со мной или с фактами?

— Это софистика, Любовь Антоновна! — с нескрываемой яростью возразил Игорь Николаевич.

— Насколько я помню, софистика это ложь, похожая на правду. Ложь тонкая, умная и правдоподобная. Где ж у вас доказательства моей софистики?

— В банде сто человек. Двое из ста не убивают, не грабят и даже помогают тем, кто пострадал от бандитов. По вашей логике следует пощадить всех сто, чтобы не пострадали эти двое.

— А если эти двое запуганы? Их заставили участвовать в банде?

— Они отвечают вдвойне. За преступления, которые совершают их соучастники и за трусость.

— А вдруг они обмануты?

— Какое дело пострадавшему, что хороший человек дал себя одурачить.

— А если они спасли кого-то?

— Простите их и будьте беспощадны к оставшимся.

— Вы толкаете Тимофея Егоровича...

— Его замысел — преступление.

— Спасибо вам, Игорь Николаевич. Вы бьете словами, как кнутом. Преступник... — с обидой и горечью сказал Тимофей Егорович.

— Лягте! — властно приказал Игорь Николаевич. — Я говорю жестко, грубо...

— С больными так не разговаривают.

— Говорят, Любовь Антоновна! Я спросил вас, Тимофей Егорович, знаете ли вы, что случится после убийства начальника пересылки. Вы не боитесь наказания, я в этом не сомневаюсь. Нам ли с вами чего-то бояться. А другие? Я, как и вы, не делю лагерное начальство на хороших и на плохих. Все хорошие и всем им место на кладбище. Но за одного начальника пересылки погибнут десятки людей. Они не простят его смерти, — убежденно закончил Игорь Николаевич.

— И так не дают никому спуску, — возразил Тимофей Егорович.

— Я, возможно, не сумею вас отправить на пересылку. Вы убьете кого-нибудь из надзирателей здесь. А потом? В больнице, как правило, люди не умирают в карцере. А после вашего выступления умрет не один. Я надеюсь отправить в

вольную больницу трех заключенных... А тогда я не сумею отправить ни одного.

— Я пойду на пересылку! В больнице их не трону, — заверил Асин отец.

— По-вашему на пересылке людей можно безнаказанно подвергать опасности? И за что? Убейте десять надзирателей — на их место придут другие, обозленные, беспощадные, трусливые. Боясь за свою шкуру, они станут мстить всем. Вы дадите им в руки грозное оружие. По всем лагпунктам нашего лагеря конвоирам и надзирателям прочтут о зверской расправе с начальником центральной пересылки. Они ни слова не упомянут об Асе. Вас изобразят как кровожадное чудовище.

— Меня не интересуют, какие сказки расскажут обо мне. Разбойник, бандит, кровопийца, удав — пусть говорят, что хотят. Они оклеветали меня живого, что стоит плюнуть на мертвого.

— Я не о вас говорю. Вашим именем будут спекулировать. Скажут: смотрите на этих врагов народа. Заслуженного капитана, отца троих детей, зверски убил изменник Родины. И репрессии обрушатся на нас. Вы мечтаете отомстить им, но вы отомстите нам. Мне! Профессору! Землянке! Всему каторжному корпусу. Мстите нам! Или будьте мужчиной!

— Мужчиной! Мужчиной!.. А как же Ася?! — по выдубленной морщинистой щеке капитана скатилась тяжелая крупная слеза. Наступило долгое гнетущее молчание. Первой заговорила Любовь Антоновна.

— Мне вспомнился случай из моей жизни. Лет тридцать пять назад я работала акушеркой в заштатном городишке. Летом один житель заболел холерой. Жены у него не было, он жил вдвоем с дочерью. Карантин в городе еще не установили: местные власти по своей халатности отмахнулись, когда врачи предупредили их о возможности вспышки эпидемии. Дочь больного холерой про больницу не хотела и слушать. Через два дня ее отец умер. Врачи сказали, что необходимо продезинфицировать вещи и труп. Какая-то не совсем умная соседка нашптала дочери умершего, что после дезинфекции отца не будет хоронить поп. Конечно, это была наглая ложь: священники хоронят во всех случаях, кроме самоубийц и отлученных от церкви. Но девушка поверила сплетнице, заперла

дом и не разрешила дезинфицировать вещи и труп отца. Я долго уговаривала ее, напомнила, что холера унесла в могилу многие жизни, сказала, что по ее вине погибнет еще не один человек. Я говорила, а сама думала: какое ей дело до чужих смертей? Что, она будет меньше мучиться? У нее убавится горя? Своя болячка больней. Девушка слушала меня и не соглашалась. Она хотела схоронить отца по русскому обычаю, с попом, с пением, с крестом. Это была для нее последняя радость, горькая, мрачная, но радость. Я убеждала ее, что отца так и схоронят, но девушка мне не поверила. Кто я для нее? Приехала из столицы, ничего не понимаю в их жизни. Она видела одну цель: схоронить любимого отца так, как этого хотел он сам. И схоронила. Вскоре вспыхнула эпидемия. Погибли сотни людей. Дочь тоже умерла от холеры. Она не щадила себя. Но каково ей было узнать перед смертью, что невинные люди поплатились жизнью за ее последнюю радость. Ася... Я тоже плакала о ней, хотя мое горе перед вашим — не горе. А что бы сказала Ася, если бы она узнала, как вы хотите отомстить за нее. Вы любите дочь больше себя. Подумайте о ней! — Любовь Антоновна замолчала. Тимофей Егорович встал. Игорь Николаевич хотел помочь ему, но он мягко отвел его руку.

— Пойду в палату. Не провожайте. Хочу побыть один.

— Темно, — заикнулась Любовь Антоновна.

— Дойду, — Тимофей Егорович взялся за ручку дверей, но в ту же секунду кто-то рванул дверь из коридора и в кабинет влетела Рита. Тимофей Егорович пошатнулся, а Рита, не заметив его, хотя они столкнулись почти вплотную, стремительно подбежала к Игорю Николаевичу.

— Сумасшедшая! Не видишь?.. — закричал Игорь Николаевич, но, взглянув на Риту, осекся. Расширенными от ужаса глазами девушка смотрела на него. Из ее горла вырвался нечленораздельный крик, подбородок дрожал, бледное лицо свело судорогой мучительного страха и отчаяния.

— Клава... — с трудом выговорила Рита.

— Что с ней? — стараясь сохранить спокойствие, спросила Любовь Антоновна.

— Клава... На чердаке восьмого...

— Объясни толком, — попросила Любовь Антоновна, но Рита вместо ответа уткнулась ей в грудь.

— Клава... на чердаке... восьмого... корпуса... — Больше Рита не сказала ни слова. Игорь Николаевич приподнял половицу, достал нож и еще что-то тяжелое, завернутое в темную тряпку, и торопливо рассовал все по карманам.

— Куда вы? — растерянно спросила Любовь Антоновна.

— На чердак, — отрывисто ответил Игорь Николаевич.

— А мы?

— Оставайтесь здесь. Присмотрите за больными. Лекарство в тумбочке.

Любовь Антоновна не успела возразить. Игорь Николаевич уже был в коридоре. В замочной скважине щелкнул ключ. Молодая девушка, старый врач и больной капитан остались одни. Над кабинетом повисла зловещая тишина и грозная неизвестность. Тайну знала только Рита, но она молча лежала на топчане и лишь слабое дыхание говорило о том, что девушка еще жива.

КЛАВА И СЕДУГИН

— Вы верите в сны, Елена Артемьевна?

— Я их никогда не вижу.

— Совсем-совсем никогда? — допытывалась Клава.

— Ночью снятся, а утром забываю.

— А ты, Катя? — не унималась Клава.

— Мне, перед тем, как в лагерь попасть, снился пожар. Вроде все наше село сгорело. Одни головешки кругом и коровы мои мычат. Я бабам рассказала, а они в один голос: «Не к добру». Так оно и вышло, — охотно рассказывала Катя, подбрасывая в печурку дров.

— А я верю, — убежденно сказала Клава. — Мне сегодня церковь снилась. Я раньше два раза в церковь ходила, а теперь почему-то приснилась.

— На воле во сне увидеть церковь — к тюрьме, — вмешалась в разговор Лида, — а в лагере к чему?

— Спим долго и снов много, — заметила Елена Артемьевна.

— В церковь шло много людей, все в черном. В колокола бьют, а звона не слышно.

— Когда люди шумят, не расслышишь, — равнодушно заметила Катя.

— Народу полным-полно и все губами шевелят, будто говорят. Звонарь за колокольную веревку дергает, а тихо, как в немом кино.

— Ты и раньше так часто сны видела? — усмехнулась Елена Артемьевна. — Три недели живешь в землянке и каждую ночь сон. И обязательно страшный или оригинальный... Стучат. Открой, Лида. Ты поближе к дверям сидишь.

— Можно к вам? — басом спросил высокий плечистый парень, входя в землянку.

— Раз вошел, значит можно, — весело прощебетала Лида.

— Пореже сюда заглядывай, — недружелюбно посоветовала Катя.

— Садись, Степа, — робко пригласила Клава.

— Вы не сердчайте, — попросил Степан. — Я на минутку к вам заскочил.

— Гость из дома — хозяину радость.

— Ну зачем ты так, Катя, — дрогнувшим голосом спросила Клава, но Катя, словно не расслышала ее вопроса, повернулась к Степану спиной.

— Я хочу поговорить с тобой, Клава. Наедине, — добавил Степан, покосившись на Катю.

— Выйти нам что ли, оставить голубков одних? — насмешливо спросила Катя.

— Ты некрасиво себя ведешь, — раздраженно заметила Елена Артемьевна.

— А что он к Клавке шастать повадился? — сердито огрызнулась Катя.

— Какая ты неблагодарная, Катя. Седугин жизнью рисковал из-за нас, а ты злишься. Простить не можешь за то, что он конвоировал тебя. Степан солдат, его заставили, а ты не понимаешь.

— Все понимаю, Елена Артемьевна. Он спас Ефросинью и нас, когда мы вечером шли с работы. Спасибо ему. — Катя говорила о Седугине так, словно речь шла о ком-то постороннем, а он сам был где-то далеко отсюда и не слышал, да и не

мог услышать ее слов. — Он тогда и мне хорошим показался. А тут что он вытворяет! Его воры отлупили, за них он в больницу попал и с ними гуляет.

— Ты наговариваешь, Катя.

— Его самого спросите, Елена Артемьевна. Вчера же лакал вместе с Чумой водку. Лакал! Мясо тебе Волк в палату таскал? Таскал! В обнимку с ним по зоне вечером шастал? А кто тебе сахару дал? Опять же Волк. За какие такие заслуги они награждают тебя? Может, в помощниках у воров ходишь? Аль мордой вышел и бабой ихней стал? — разгневанная Катя вплотную подступила к Степану.

— Но-но! Ты поосторожней! — с угрозой процедил Степан, отступая под натиском разъяренной Кати. — Я б тебя мог... Не трус я. Сама видела. Со старухами не воюю.

— Я старуха?! Вы! Вы меня старухой сделали! Я девка еще! Сожрали вы меня! — истерично выкрикивала Катя.

— Пошли со мной, Клава, — позвал Степан, выходя из землянки.

— Я выйду? — спросила Клава, умоляюще оглядывая всех. Елена Артемьевна нерешительно пожала плечами. Лида сочувственно посмотрела на Клаву и чуть заметно кивнула головой. Катя встала у дверей.

— Не ходи! Уйдешь — не вертайся! — слова Кати прозвучали резко и повелительно.

— Куда ж я пойду? — растерялась Клава. — Обрато в вензону? Да? Заразная... Выгоняете? Может, Степан что хорошее скажет мне.

— Вы старухи! — неожиданно закричала Лида. — Вам завидно, что Клава со Степой встречается. Я доктору нажалуюсь!

— Любовь Антоновна не моложе меня, — улыбнувшись краешком губ, заметила Елена Артемьевна.

— Она добрая! Она все понимает! Как молодая! — горячо запротестовала Лида.

— А вдруг старуха вступится за старуху? — шутливо спросила Елена Артемьевна. Лида присмирела. Клава осторожно бочком подошла к двери.

— Не советую, Клава. Катя, пожалуй, права, — предостерегала Елена Артемьевна.

— Я на минутку, — прошептала Клава, пряча глаза.

— Попомнишь мое слово, Клавка! Добром не кончится. Отдаст тебя Степан в жены коблу, — пригрозила Катя.

— Коблов Игорь Николаевич выгнал, — возразила Лида.

Клава нежно посмотрела на Лиду, искательно — на Елену Артемьевну, с плохо скрытым гневом — на Катю и неуверенно шагнула за порог. Катя с остервенением хлопнула дверью и торопливо, словно кто-то хотел ворваться в землянку, накинула крючок.

— Пропадет девка, — с горечью выдавила Катя. Лида торжествующе улыбнулась. Елена Артемьевна взяла в руки пригоршню сухих щепок и бросила их в печь.

— Сгорит, а пепел выбросим, — тихо сказала она, не отрывая глаз от яркого огня.

— Ругаются они? — спросил Седугин, кивнув в сторону землянки.

— Катька рот раскрыла. Лида — за меня, Елена Артемьевна отговаривала, — призналась Клава.

— Старухи вечно пасть разевают шире валенка, — злобно бросил Степан.

— Ты говори, зачем позвал. Катька грозилась не пустить в землянку, — пожаловалась Клава.

— Восьмой корпус найдешь?

— С закрытыми глазами, — заверила Клава.

— На чердак сумеешь залезть? — понизив голос до шепота, спросил Степан.

— Сумею... А зачем тебе? — насторожилась Клава.

— В землянке никому не скажешь?

— Даже Любовь Антоновне.

— На чердаке восьмого возле трубы закопан сверток. Его спрятал для меня дежурный, я вместе с ним служил в армии. Достанешь и отдашь мне.

— Почему ты сам не полезешь?

— Я надзирателем служил, за мной следят, — пояснил Седугин.

— Что в свертке?

— Вещь одна. Я ее отдам кому нужно.

— За что?

— Завтра меня выписывают из больницы. Угонят на этап в воровскую командировку. За эту вещичку я еще месяца два тут прокантуюсь.

— Игорь Николаевич не берет, — предупредила Клава.

— Я не ему, начальнику дам.

— Теперь начальник новый, прогнали того майора.

— Не твое дело. Скажи... — но Седугин не успел договорить, его перебила Клава.

— Смотри, за баракom кто-то прячется.

— Показалось тебе.

— Вон он идет, — Клава указала на человека, смутно различимого в сумерках.

— Подойди сюда! — крикнул Седугин. Если бы Клава вслушалась, каким тоном Седугин приказал подойти неизвестному, то она уловила бы в голосе Степана неуверенность, досаду и злость. Но сейчас ее интересовало не как говорил Степан и даже не что он сказал, а кто прятался за баракom и подслушивал их.

— Дорогие дяденьки и тетеньки! Я спою вам песню везде и всегда, — дрожащим голосом заговорил Буров, с опаской подходя к Степану и Клаве.

— Буров!

— Певец Буров, — поправил Клаву слепой. — Подайте несчастной брошенной жене...

— Брысь! — крикнул Седугин, топнув ногой. Буров, высоко вскидывая ноги, рысью пустился к бараку, но, не пробежав и десяти шагов, оступись и всем телом распластался на земле.

— Рука моя рученька, — заплакал слепой, баюкая ушибленную культю.

— Бегом! — заорал Седугин. Буров, всхлипывая, поплелся к вензоне.

— Зачем ты его так? Он слепой, без руки, — упрекнула Клава, хватая Степана за плечо.

— Не учи меня! На чердак полезешь?

— Не полезу, — угрюмо ответила Клава.

— И не надо. Завтра со знакомым надзирателем пошлю твоей матери письмо. Все опишу. Мать узнает, что ты сифилисная...

— Она не поверит! — в отчаянии выкрикнула Клава.

— Начальник больницы справку из вензоны присобачит. Я с ним договорился.

— Ну зачем... Зачем ты так? — со слезами спрашивала Клава. — Ты Клавонькой меня звал... Говорил... люблю... прощу за вензону...

— На чердак или письмо!

— Может вы убьете меня на чердаке... как Игоря хотели...

— Сравнила... Он главврач, а ты венеричка. Лезь или письмо!

— Я к Игорю пойду! Скажу про твою записку. Найдут — тебя к сукам отправят.

— Игорь не донесет, — криво усмехнулся Степан. — Снилось ты Игорю сто лет. Он за тебя щепку гниющую не даст.

— Игорь в землянку меня перевел! Он Васька из больницы выгнал! Пузыря! Горячего! Сам майор полетел! Вот какой Игорь!

— Ты потише с майором! — оборвал Клаву Седугин. — Беги к Игорю. Завтра меня на этап, а сегодня письмо к матери пошло.

— Ну и посылай! Пускай мама узнает. Не нужен ты мне! Ты притворялся! Ты хуже воров! Хуже сук! Ты на Бурова напал! Бежать слепого заставляешь. Я бы полезла на чердак, а теперь хоть режь, не полезу. — Голос Клавы звенел и прерывался.

— Ты и Бурова женой была? — Седугин злобно расхохотался.

— А твоей не буду! — закричала Клава.

— Кто тебя такую возьмет?! Заразная! Расковырянная! — Седугин сплюнул.

— Ты! Ты! — Клава задыхнулась. Она искала самое обидное, самое злое слово, чтобы оно ударило Степана, заставило кричать, драться, топтать ногами, выть по-звериному, искала и не могла найти. Стыд. А ведь это было. Были Васек и вензона. Горечь. Ну почему это случилось со мной?! Недоумение. При чем тут Буров? Гнев. Он топчет меня, топчет, как шелудивого щенка. Отвращение к Степану — ну как она могла глядеть на него, мечтать, сидеть рядом, разговаривать? И к самой себе: почему я согласилась с Инкой? Валю опшарили

кипятком, но она осталась честной. Страх. Мама узнает все. Бессилие... что я могу сделать? Жалость — кому я нужна такая несчастная и опозоренная? И ненависть к Степану, ненависть, для которой еще не родились слова и мысли. Чувства эти, противоречивые и болезненные, рвались наружу и не находили выхода, давили с чудовищной силой на хрупкое сердце Клавы, отнимали способность думать и высказывать наблевшее.

— Что как гадюка от злобы раздулась? Говори, если имеешь что сказать. — Клава, не в силах сдержать себя, размахнулась, но Седугин перехватил руку девушки. — Поосторожней! Меня учили руки выкручивать. Вот так. — Седугин заломил ее руку за спину. Клава боролась с собой: закричать? просить? Нет! Нет! А боль росла, становилась невыносимой.

— Полезешь на чердак? — До крови закусив губу, чтоб не расплакаться, Клава застонала.

— Нет! — вырвалось у нее.

— Ну и не лезь, — спокойно сказал Седугин, освобождая руку девушки. — В землянку ты не вернешься. На Игоря не надейся. Он тебе не поможет. Иди к нему, а я попозднее приду. Я ему скажу, кто ты.

— Что ты скажешь?

— Ты на него ксивенку писала?

— Какую ксивенку?

— Доносик. Ты заложила Игоря, что он фашистов держит в больнице, заключенных бьет, пьянствует, с бабами живет. Ксивенка у меня в кармане.

— Это не я! — прошептала Клава.

— Тетя твоя? Да? Игорь посмотрит сам. Он мужик грамотный. По почерку определит. — Седугин вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и помахал им перед носом Клавы.

— Меня Васек заставил! Она била меня, чтоб я эту ксиву написала.

— Васька Игорь шугнул из больницы. На него не свалишь. Шпаргалке больше поверят, чем тебе.

— Я не хотела, — всхлипнула Клава.

— В вензоне один кобел притырился. Ждет не дождется тебя. Игорь прочтет ксиву — и в вензону. Веселую жизнь тебе

устроят, Клабочка! Дров колоть не надо — на голове поколят. Без воды обойдешься, слезами умоешься.

— Ты отдашь ее Игорю?

— Обязательно! Топай назад в землянку. Часа два перекантуешься — и в вензону. — Голос Седугина звучал властно и неумолимо.

— Полезу... Только письмо на Игорю...

— При тебе порву, — пообещал Седугин. Клава, согнувшись, словно на плечи ее лег непомерный груз, шла к восьмому корпусу.

ИГРА

— Заскочим в вензону? — Седугин замылся. Волк потянул его за рукав. — Пойдем, посидим. Послезавтра на этап тебе.

— Как... на этап? — Седугин застыл на месте.

— Повезут, Степочка, повезут. Ножками не потопаешь. До глубинки далеко. — Волк с притворным сочувствием посмотрел на Седугина. — Дорогу строить надо: «Дорогу построили быстро, дорога пряма, как стрела, ох, сколько крови, сколько силы дорога у нас отняла», — грустно пропел Волк.

— Ты чего воешь? Сожрать кого захотел? — игриво спросил Чума, незаметно выныривая из калитки вензоны.

— Песню пою кирюхе, — отозвался Волк.

— А-а-а... На этап его провожаешь? — в нос просипел Чума, бросая быстрый взгляд на Седугина.

— И ты знаешь? — подавленно спросил Седугин.

— Ты о чем? — наигранно удивился Чума.

— Об этапе, — угрюмо буркнул Седугин.

— Кто ж про этап не знает? Спроси любого мусора. Волк воеет, аж за душу хватает. Я тебе веселое спою. Хочешь? — предложил Чума и, не дожидаясь согласия Степана, загундосил: «Я рекордистом был чекистской волею, я рекордистом был и тем горжусь, тебя, дорога моя, я строил и по тебе теперь я прокачусь». Строй, Степа, и катайся! Выполним и перевыполним! Хо-хо-хо-хо!

— Вот Чума! — одобрительно хмыкнул Волк.

— Интересно, кто эти песни сочиняет? — задумчиво спросил Чума. — Сколько за них грошей лукают? Сочинить бы десяток и чтоб за каждую пять полбанок или грошей кусок.

— Ту, что я пел, зек один сочинил. Я сидел с ним, — похвастался Волк.

— Ну, это я знаю, что зек. А про рекордиста тоже зек? — лукаво спросил Чума. Теперь рассмеялись оба. Волк хохотал глухо и утробно. Чума повизгивал и бил себя по животу.

— Вор в законе про рекордиста сочинил, — давясь от смеха прохрипел Чума.

— Сука! — подхватил Волк.

— Фраер! — перебил его Чума.

— Ну хватит, — махнул рукой Волк. — Спроси Степу кто, он знает.

— Значит этап — это точно?

— Этап — точняк, Степа! — авторитетно заявил Волк. — Ты скажи, кто песню про рекордиста сочинил.

— Сдалась мне ваша песня! — взорвался Седугин. — Я вам об этапе, а вы мне блевотину какую-то толкаете.

— Пойдем, Волк. Дядя мусор нас не уважает, — притворно вздохнул Чума.

— Заткнись! — цыкнул Волк. — Степа не верит нам. Мне обидно! Чтоб я, Геша Волк, свистел?! Да что я, порчевило какой-нибудь?! Меня люди с тридцать седьмого знают!

— Ты же сука. И Чума тоже, — добавил Седугин, помолчав.

— Иди с ворами толкуй. Они тебя один раз отметили, еще раз пропустят и копыта отбросишь. Вон дежурняк идет, спроси у него про этап, — посоветовал Волк.

— Он со мной разговаривать не станет, — насупился Седугин.

— Я с ним потолкую, — Волк поманил надзирателя пальцем. Тот нехотя, вразвалку, подошел к ним.

— Чего тебе? — хмуро спросил надзиратель.

— Скажи ему, — Волк указал на Седугина, — когда его на этап отправят.

— Айда-пошел, Волк, не полагается зекам этого знать.

— Скажи, — попросил Волк. — Я одну бацильную тряпку подкину.

— В карцер загремишь, не трепись при всех, — злобно прикрикнул надзиратель.

— Ну и пусть твой кирюха...

— Мне заключенные бывшие надзиратели не кирюхи, — возразил Айда-пошел, — а что на этап его — это да. Сегодня на вахте слышал. Послезавтра погонят на штрафняк. Игорь говорил.

— Игорь, — со злобой повторил Седугин. — В глаза Степой зовет, а за глаза...

— Он такой Игорь! — сочувственно поддакнул надзиратель. — Тебя хвалит, а на вахте стучит. Некогда мне с вами, — заторопился Айда-пошел.

— Заходи вечером туда, — пригласил Волк надзирателя, не уточняя, куда «туда» должен зайти Аля-улю. Надзиратель расплылся в улыбке.

— Зайду. Обязательно зайду, — на прощанье заверил он.

— Айда-пошел — человек! А Игорь — мусор! — с отвращением проговорил Чума.

— Ты нахалку Игорю лепишь, — вступился за главврача Волк. — Игорю на Степку Клавка фукнула.

— Клавка? — Седугин прищурился. — Ты чего на девку зря наговариваешь? В вензоне была? Да? С Васьком жила? Да? На нее все можно? Да? Тявкни еще слово, Волк... Меня бить учили.

— Да и я притырю так, что с копыт полетишь, — лениво ответил Волк, сплевывая сквозь зубы. — Ты за Клавку мазу держишь напрасняк. Фукает она... Но-но, Степа... ты полегче с грабками. Не лезь к хлебальнику. Сломаю грабку, недели две здесь прокантуешься.

— Попадешься ты мне! — сквозь зубы процедил Седугин.

— Я попадусь или нет, а вот ты мне с Клавочкой попался. Дорого берет сука, — протянул Волк, доставая из кармана исписанный лист бумаги. — За полкуска продала мне его, — задумчиво добавил Волк, помахав письмом перед носом ошеломленного Седугина.

— Отдай! — крикнул Степан.

— Подержи его, Чума, — попросил Волк, пряча письмо в карман. — Узнал свой почерк? По глазам вижу, что узнал.

— Как оно попало к вам? — растерянно спросил Седугин.

— Еще спрашивает как, — усмехнулся Волк. — Клавка его дубнула у тебя и притаранила мне за полкуска. Здорово ты про мусоров пишешь! «Они убивали людей. Я сказал, чтоб не стреляли, а мне пятнадцать лет». Как там у тебя дальше?

— Что ты хочешь?

— Я? Ничего. Ксивенку твою отдам начальнику, чтобы и он почитал.

— Ты же вор!

— Сука, Степа! Сука! Мне положено закладывать. Ка-наем, Чума, что с ним трекать?

— Не Клавка вам это письмо отдала! Она любит меня!

— Тебя? У ней на буфере выколоно: «Клянусь любить Юрка». Она Юрка тоже заложила... по любви.

— Врешь, Волк! Ее заставили наколоться. Воры застави-ли! Такие, как ты, и у меня полжизни отняли.

— Тебя воры лупили, а мы и пальцем не тронули. Мы, суки, воров не любим. За мусоров мазу держим.

— А Клавку вы заставили!

— Какой же ты, Степа, недоделанный!.. Бабе своей веру дал. Кто про твою ксиву знал, кроме нее? Сказать нечего? Язык в рыжей девятке застрял? Да? Вы один на один в пала-те были, когда ты ей о ксивенке трекнул. Хочешь, твои слова повторю? «Я, Клавка, самому министру написал, в Москву. Поговори с Игорем, он за зону без конвоя ходит, пусть бросит письмо». Толковал ты так Клавке?

— Говорил, — вырвалось у Седугина. — Откуда вы узнали?

— Она сказала. Хочешь, верь, хочешь, скажи, что сви-стим. Сегодня ксивенку из рук в руки пульну начальнику, — Волк ласково похлопал себя по карманам.

— Зачем тебе? — подавленно спросил Седугин.

— Спрашиваешь... За хорошую работу меня в больнице месяца три продержат. Стал бы я даром гроши лукать.

— Я тебе заплачу за письмо.

— Ты?! А гроши где возьмешь?

— В колотье прошпиль ему, — посоветовал Чума.

— Он карты держать не умеет, — презрительно усмехнул-ся Волк.

— Умею я играть, — запротестовал Степан. — За сколько письмо оценишь?

— За свою цену. Я тебе не барыга. За полкуска купил, за полкуска проиграю.

— У меня нет денег, — упавшим голосом признался Седугин. — Я завтра достану.

— Ждать долго до завтра. Играй сегодня.

— А что играть-то?

— Найдем, — успокоил Волк. — Все шмотки, что на тебе, за полкуска играю. Только все до последней нитки.

— Где играть будем? — заторопился Седугин.

— В вензоне, где же еще. У Игоря стукачей много. В бараке сядешь — прихватят.

Увидев Волка, Седугина и Чуму, самоохранник заворчал:

— Втроем претесь! Тут Малина и Камбала сидят. Игорь надывает, на общие работы пошлет.

— Стакан табаку и горбыль, — коротко бросил Волк.

— Проходите, — согласился самоохранник. — Потихи только, чтоб бабы не дунули. Грамотные они стали! Игорь их воспитал.

— Здорово, Малина! — поприветствовал Волк тучного светловолосого мужика, который сидел на нижних нарах с колодой карт в руках.

— Привет, Волк, — ответил Малина, тасуя карты. Напротив Малины небрежно развалился одноглазый парень.

— Не идет масть, — злобно процедил одноглазый. — Попал за все тряпки. Иди, я тебе бабу проиграю.

— Какую бабу, Камбала? Динку? — с интересом спросил Малина.

— Ее, — подтвердил Камбала.

— А она не заразная? — усомнился Малина.

— Мастырка. Сам гроши мусорам за Динку на пересылке пулял, чтоб ее в вензону направили, — пояснил Камбала.

— Она не базлала?

— Метала икру: «Не хочу в вензону», кричит. Я ее пропустил по ребрам. Мусор Динку припугнул: «В глубинку пойдешь, там воровки тебя убьют». Полкуска мусору пульнул.

— Не набивай цену. За сколько Динку играешь?

— За два куска.

— Чего-о-о?! — возмущенно протянул Малина. — Бабу за два куска?! Где ты такую цену слышал? Я за три бумаги такую девочку куплю!

— Ну за полтора, — согласился одноглазый.

— И за полтора не буду, — отнекивался Малина. — Кто твоя баба? Дешевка! А дешевку играют по дешевке.

— За сколько? — в отчаянии спросил Камбала.

— За поллепня. Его, — Малина взглядом указал на поношенный темно-синий пиджак, — играю за кусок. Динку — за половину.

— Добавь хоть две бумаги, — канючил Камбала.

— Не хочешь — не играй. Вытряхивайся из всех тряпок и выпуливайся.

— Ладно, Малина, играю Динку за полкуска.

— А Динка согласна?

— Кто ж бабу спрашивает? — удивился одноглазый. — Прошпилю ее, потом трекну, чтоб бежала к тебе.

— Так не пойдет. Я хоть и сука, а все по закону делаю.

— Динка, — повелительно позвал Камбала. К играющим подошла молодая женщина.

— Чего? — покорно спросила она.

— Я тебя проиграю. Согласна?

— Как хочешь, — бледные щеки молодой женщины заалелись.

— Ты смотри, она краснеет! — восторженно воскликнул Камбала. — Девчонка недавно была. Комсомолочка! И ты за нее полкуска даешь! Дай, Диночка, подержусь за буфер.

— Держись, — ответила Дина и на глазах ее засверкали слезы. Камбала схватил женщину за грудь, грубо и плотоядно потискал ее и совсем неожиданно плюнул ей в лицо.

— На счастье плюю, — пояснил он. — У меня примета верная есть. Сдавай, — попросил Камбала Малину.

— На атасе поставили кого-нибудь? — спросил осторожный Волк.

— Стоит баба одна, — буркнул Малина, не отрывая глаз от колоды карт.

— Кто хочет сладко пить и есть, прошу напротив меня сесть, — продекламировал Волк, извлекая карты. — Колотье-

то какое! Шелестит! «Отдай гроши, отдай гроши». Фраерам сказать, что колода из бумаги тонкой, — не поверят.

— Как вы их делаете? — Седугин знал, как делают карты, и его совсем не интересовало объяснение Волка, ему хотелось хоть немного оттянуть ту минуту, когда начнется игра.

— Мусор и не допер, из чего мы колотье делаем. Любую бумагу нарежем и склеим в пять листиков.

— Чем клеите?

— Клейстером.

— Откуда он?

— Из хлеба.

— Как?

— Намочу полгорбыля, положу на тряпку и протираю его ложкой. С обратной стороны клейстер проступает. Резины нажгу — сажи замандячу. Вырежу трафарет всех мастей. Трафарет на карту положу, палец сажей намажу, проведу раз — и туз есть, два — валет, три — дама, четыре — король. Жиганское колотье шестерок не имеет, от семерок и выше. Потом углы подрежу, заточу мойкой со всех краев и колотье готово центровое. На воле в вильде такое не купишь!

— В какой вильде?

— В магазине, Степа! Ты феню знаешь, не темни. Играть надо.

— В очко? — предложил Седугин.

— В ко-о-л-хозну-ую! Люди в колхозную не играют!

— Может, в бурю?

— Не люблю я бурю, — запротестовал Волк. — Лучше в коротенькую. Умеешь?

— Научился у надзирателей. Когда на вахте дежурили, часто играли.

— Целиком играем или третей? — спросил Волк, незаметно подмигивая Чуме.

— Мы просто играли, — растерялся Седугин.

— А как это просто? — стараясь сохранить серьезный тон, расспрашивал Волк.

— Берем две колоды. Один из своей выбирает любую карту, ложит ее рубашкой вверх и говорит, сколько ставит на нее. Другой переворачивает свою колоду и бросает карты по

одной. Вышла первая карта, та, что я поставил — я проиграл, вторая — выиграл. А тот, кто мечет, наоборот.

— Мусора тоже в коротенькую шмаляют, — одобрительно хмыкнул Волк. — Первая карта в лоб, вторая — с горки, третья — в санях. Но это когда целиком играют. А третьей так же, но только ставка другая. Ставишь ты короля пик и говоришь: «Двести пополам сто восемьдесят третьей». Вышел с горки король бубей, красный, не в масть, ты получаешь семьдесят.

— Почему?

— Карта простенькая. Двадцать пополам — десять, и сто восемьдесят на три — шестьдесят. Вышел крестовый король, забираешь сто сорок. Полуцвет: шестьдесят на два — сто двадцать и двадцать — сто сорок. Вышел король пик — две бумаги берешь. Можно и по-другому ставить.

— А как?

— Поставил туза и сказал: «Двадцать по кучу». Вышел с горки туз цветной, три бумаги берешь. В пятнадцать раз больше.

— А если даму поставлю?

— Дама в тридцать, король в четырнадцать, валет в двенадцать. А с десятки и ниже одно очко набавляй, во столько раз больше и вышпилил. Скажешь тридцать с кучем, любую карту поставишь, полторы бумаги твои. В пять раз выше. Не спутай «с кучем» и «по кучу». По кучу грошей под завязку ломится... Слепой в карты не играет. Чтоб потом толковища не было — честно, не честно выиграл. В картишках один закон: выиграл — получи, проиграл — уплати. Шпилить будем, как на Игарке. Не уплатил — кровью получаю: пиковину в бок и полный расчет, — Волк неторопливо достал из кармана складной нож, открыл лезвие, любовно сдул с него пылинку, провел пальцем по острию и положил его на нары поближе к себе.

— Кто мечет? — охрипшим голосом спросил Седугин.

— По закону — кто карту угадает. Но мечи ты. Даю тебе фору.

Седугин умело стасовал колоду. Волк выдернул одну карту из своей колоды. Степан с волнением глядел на него.

— Десять пополам сорок пять третями.

— Бита, есть, бита, есть, — шептал Степан, осторожно отбрасывая карты.

— Король, — разочарованно сплюнул Волк. — Цветную прошилили.

Пять раз Седугин бил карту Волка.

— Идет тебе масть, — пробормотал Волк, вытирая потный лоб. — Двести пятьдесят в меня имеешь. Трус в карты не играет. Десять пополам двести сорок третями.

— Бита, есть, — шептал Седугин, облизывая сухие губы.

— Есть! Цветная! — торжествующе крикнул Волк, показывая Степану трефовую десятку.

— Как же есть? — возмущился Седугин. — Десятка в саях была, значит бита.

— Есть! Кнокай! — заорал Волк, сунув карту в лицо Седугина. Степан растерянно взглянул на Волка. В ту же секунду в руках Чумы мелькнула карта и упала к тем, что лежали на нарах. Волк метнул быстрый взгляд в сторону Чумы. — Давай посчитаем.

— Давай, — охотно согласился Седугин.

— Смотри, а то скажешь, что туфту залепили. Валет бит, семерка есть. Король бит, а десяточка моя есть.

— Не было тут короля! Не было! — в отчаянии закричал Седугин.

— Не базлай. Колоду проверь. Найдешь лишнюю карту — кровью с меня получишь. В колоде тридцать две карты. Не забудь, Степа. — Седугин дрожащими руками собрал карты и старательно пересчитал их. Волк насмешливо наблюдал за ним.

— Тридцать две, — подавленно пробормотал Степан.

— А ты говорил! — торжествовал Волк. — За такую нахалку печенки отшибают. Ладно уж, не трону я тебя. Я угадал, я и мечу! Ставь! — Степан с отчаянной решимостью взглянул на Волка и выпалил:

— Сорок с кушем.

— По кушу, так по кушу, — вполголоса проворчал Волк, переворачивая колоду.

— Туз! — вздрогнул Седугин.

— В лоб! — хохотнул Волк. — Заделал я тебя. Чем заплатишь?

— Как чем? Я проиграл двести, у меня осталось еще триста.

— Считать учись, Степочка, — ласково посоветовал Волк.
— Сорок по кушу туза не две бумаги, а шесть.

— Я сказал с кушем!

— По кушу, Степочка. Я еще два раза повторил. Слышал, Чума?

— Чтоб меня на первой работе попутали! — поклялся Чума. — Ты кричал «по кушу». Волк два раза повторил. Вспомни! — Седугин побагровел. Память предательски подсунула ему слова Волка: «По кушу, так по кушу».

— Ты сказал «по кушу», а я «с кушем», — прошептал Седугин.

— Это к делу не относится, как трекает дядя судья. Ты должен был поправить меня. Не сказал — плати.

— Забирайте все, — обреченно выдохнул Седугин. — Я в своих тряпках. Голого на этап не погонят. — Седугин ухватился за эти слова, как за свою последнюю надежду. Он повторил с радостью и облегчением: — Не пойду голый на этап. Не погонят.

— А кто бумагу доплатит? Я тебя предупреждал — жизнью получу. Твои шмотки в полкуса оценили, а ты задвинул шесть бумаг. Давай бумагу, не сходя с места, и отчаливай. Не дашь... — Волк взял в руки нож, подкинул его вверх и ловко поймал за ручку. — Дядя месор с тобой потолкует.

— Делай! — заорал Седугин, рванув ворот полинявшей гимнастерки.

— Раздухарился! — добродушно рассмеялся Волк, продолжая играть ножом. — Хочешь, сказочку трекну?

— Толкуй, Волк, я послушаю, — с готовностью попросил Чума.

— Козел, овца, волк и барыга упали в яму. Выбраться никак. Все четверо не штевкали целый день. Волк то на козла покнокает, то на барыгу — кто бацильней? Барыга бацильней всех. Козел со страху «бе-е-е-е», овца — «ме-е-е», а барыга кричит: «И что бекаете? И что мекаете? Товарищ волк знает, кого первого хамать». Не торопись, Степа. Я, Волк, знаю, кого первого сделать: тебя или бабу твою.

— А ее за что? — ошеломленно спросил Степан.

— За доски, — разъяснил Волк, подмигивая Чуме.

— За какие доски? — вырвалось у Седугина.

— На которых оформили ее на повозке... Я имею право работать твою дешевку. Или поставь ее. За кусок играю. Больше никто не даст, — уговаривал Волк, безмятежно посматривая на Степана.

— Не проиграю я Клаву!

— Хозяин — барин, — согласился Волк. — Плати гроши или играй ее.

— Нечего мне больше проигрывать!

— По-хорошему, Степа, дотолкуемся. Я тебе долг прощу и ксиву твою верну, а ты Клавку притаранишь. И хорошо.

— Получай жизнью! Не приведу я ее!

— Ты послушай до конца, — терпеливо уговаривал Волк. — Заведи ее на чердак восьмого и отваливай.

— Я тебе заведу! — взорвался Седугин. — Опоганить девчонку хочешь? Да?

— Дурак ты и не лечишься, — беззлобно сказал Волк и выразительно постучал себя пальцем по лбу. — Кто твою Клаву тронет? Тут здоровых баб хватает. Я не чокнулся, чтоб на венеричку лезть.

— Зачем же она тебе? — недоумевал Седугин.

— Иди-ка сюда поближе, — поманил его пальцем Волк. — Игорь хочет отравить всех сук и тебя, как мусора.

— Ну, это такой дикий свист!

— Твое дело, Степа, дать веру или нет. А гроши плати!

— Нет у меня ничего.

— К завтрашнему вечеру не приведешь Клавку или не лукнешь гроши — сделаем.

— А что ждать до вечера? — возразил Чума. — Сделаем сейчас.

Седугин хотел ответить и не успел. Он почувствовал резкий удар чуть ниже затылка: «Ребром... ладони... по мозжечку...» — успел подумать Степан, теряя сознание. Когда Седугин открыл глаза, он увидел, что лежит на нарах. За ворот гимнастерки стекала струйка холодной воды.

— Очухался? — беззлобно спросил Волк, тормоша Седугина. — Подъем! У Чумы рука тяжелая. Плати или ласточку замастырим.

— Денег нет, — с ненавистью прохрипел Седугин.

— Клавку на чердак восьмого волокни — и в расчете! Чума! Дядя мусор фуфло двигает. Не платит. Обижает нас. Накинь ему удавку. Повисит немного...

«Они убьют... или искалечат... Привести Клаву? Она верит мне... Я заступился за старуху на семьсот семнадцатом, а за Клаву... Скажу, что приведу и...»

— Придет она, — потирая ушибленную шею, заверил Седугин.

— Свистнул, Степа, не уйдешь. Целуй месор, что придет. — Степан почувствовал холодную сталь ножа у своих губ. — Целуй! — повторил Волк. Острое лезвие ножа больно ужалило подбородок.

— Целуй тесак! Он вкусный! — уговаривал Чума, подбрасывая на ладони свинчатку.

Степан затравленно посмотрел на Чуму и беспомощно оглядел барак. Малина продолжал играть с Камбалой. Женщины занимались своим делом. Одни штопали одежду, другие лежали, бездумно рассматривая потолок, третьи угрюмо и напряженно думали, беззвучно шевеля губами, четвертые ссорились, вспоминая прежние обиды, двое безмолвно дрались, вцепившись друг другу в волосы, еще одна пара шушукалась, изредка воровато оглядываясь по сторонам. Украдкой плакала Дина. Но никто, абсолютно никто не смотрел в их сторону. Словно сговорившись, все отворачивались от них. Вокруг него были люди, но рассчитывать на их помощь Седугин не мог. Лишь чей-то мимолетный испуганный взгляд скользнул по лицу Степана. Глаза незнакомки спрятались, как прячется за тучей робкий луч осеннего солнца. Седугин с отворачиванием поцеловал нож. Острый взгляд Волка подметил гримасу, пробежавшую по лицу Степана.

— Не кривись! Целуй, как положено! — Седугину страстно хотелось плюнуть в лицо Волку, ударить его, но вместо этого он вторично прикоснулся пересохшими губами к лезвию ножа. — Вот это от души поцеловал! — похвалил Волк. — Кандюхай в палату, мы к тебе заглянем. — Степан хотел идти, но Волк остановил его. — Не тусуйся, Степа! Себя мыслюгой не забивай, чокнешься. Клавка не тебя одного определила.

— Кого же еще?

— Игоря!

— Лепилу? — не поверил Седугин.

— Другого Игоря в больнице нет. Ты ее почерк видел?

— Она мне показывала письмо. Маме, — запинаясь, признался Седугин.

— Читай эту ксиву! Оставь ее у себя, — великодушно разрешил Волк, отдавая Седугину записку.

Степан впился глазами в буквы, вкривь и вкось написанные на серой шероховатой бумаге. Знакомый полудетский почерк. Она! Клава! Сомнений быть не могло. «Еще пишу вам, — читал Степан, — что главврач больницы поит нас спиртом и насилует. Продукты с кухни ворует для своих фашистов, а нам дают одну воду. С контриками вместе ругает нашу власть и говорит, чтоб мы тоже шли против. Очень просим наказать его, потому что он сильные издевки строит, а кто с ним не согласный бьет. Клава Русакова».

— Прочел, Степа?

— Прочел.

— Игорь ее от кобла спас, она ему петлю накидает. Тебя Игорю продает, Игоря мусорам и нам ксивы за гроши толкает! Умеет жить! — одобрительно закончил Волк. Степан, сүтулясь и шатаясь, как пьяный, вышел из барака.

— Он на вахту не побежит? — забеспокоился Чума.

— Побежит, — беспечно ответил Волк.

— Притормозить бы его.

— Сам тормознется, — отмахнулся Волк. Чума с уважением посмотрел на приятеля.

— Ты точно знаешь?

— Точняк! — отмахнулся Волк.

— Хорошо мы его ксивенкой захомутали, — глубокомысленно заметил Чума, усердно расковыривая указательным пальцем левую ноздрю.

— Кто это «мы»? — насмешливо спросил Волк.

— Я и ты, — уверенно ответил Чума, ожесточенно выдерживая из носа пучок скользких черных волос.

— Ты-то чего в долю идешь? Кто Бурова научил притыриться под Степановым топчаном, когда они с Клавкой толковали? Кто с мусором трекал? Кто Клавкину ксиву надыбал?

— Ну ты, — неохотно согласился Чума. — А кто карту метнул?

— Ты, Чума, ты, — успокоил Волк Чуму. — Шуляга на катушках. Карту спустить любой полувцветняк сумеет.

— Что мы с этой дешевкой размениваемся? — Чума пожал плечами. — Делать, так Игоря сразу. У меня — двадцать, пятеру добавят — и хорош.

— О вышке скучаешь — делай Игоря.

— Не дадут за него.

— Три раза работнуть хотели — и мимо. У него рука в управлении. На дармовщину, думаешь, держат его тут главным лепилой? Начальник предупредил, чтоб Игоря пальцем не трогали. За него не только нам, мусорам вышка ломится. Узнают когда, почему в управлении мазу за Игоря держат, — Волк понизил голос до шепота, — хана ему. А пока и Клавку работать начисто нельзя. Мутить ее — без синяков. Валенком с песком и ласточку. В случае горения — рвать когти по компасу. Подкормим Степу мясом, сахаром, водяры пухлем ему, подкурит он планчику — и на работу. Сгорим — он один за все отмажется. Мы чистенькие будем, как бейцелы у прокурора.

— А это точно, что Игорь сук и воров травит?

— Горячий ботал... Нам это до фени... Нам сказали работать, мы и работаем. На дыбы встанем, в воровскую командировку пошлют.

— Зачем ты ему ксивоту Клавкину отдал?

— Мыслить надо, Чума. От мыслю не чокнешься, ты не фраер. Игорь мужик умный. Он допрет, что Клавку заставили ксивенку написать. И свидетели найдутся. Бабы слышали, когда Васек ей трекала, а Клавка писала. Не похезает масть, Степа ответит. Ксивенку у него найдут. Пойдет масть, Игоря уберут, мы при других лепилах покантуемся на больнице. Ни один дежурняк не тронет, вся зона наша.

— Вышилили! — оживленно крикнул Малина. — Теперь ты, Диночка, моя.

— Твоя, — согласилась Дина, торопливо вытирая слезы.

— Сопли проглоти! Не люблю мокрых баб, — брезгливо поморщился Малина. — Раздевайся и ложись.

— Здесь? — всхлипывая, спросила Дина.

— На нарах. Я не фраер, чтоб на полу...

— При всех? Днем? — прошептала Дина.

— Какой же ты цыпленочек! — умилился Малина. — Конечно, при всех.

— Увидят, — простонала Дина.

— Отвернутся. Мы одеялом прикроемся. Я тоже не люблю напоказуху.

— Покандехали, Чума, — позвал Волк.

— Обожди, покнокаю, как она ножками задрыгает, — хихикнул Чума.

— Сеансу набираешься? — ехидно спросил Волк. — Бабу вышпилить себе не можешь? Нахалкой люблю бери.

— Да я... да мне, — заартачился Чума.

— Отваливаем, не будем мешать человеку.

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Что делать? — раздумывал Степан, бесцельно шагая взад и вперед между третьим и восьмым корпусом. — Привести Клаву сюда? Ни за что! Но это она донесла про письмо. Никто не слышал нашего разговора. Вызвать ее и сказать все начистоту? Она испугается, отопрется... Может, они заставили ее? А как? За Клаву заступается Игорь... она их не боится. Пойти к Игорю? А что я ему скажу? Клавкино письмо у меня... А может у Волка еще что-нибудь есть... Капитан и то не донес на меня, когда я вступился за попадью... Зачем я это сделал? Отец всегда говорил: «Не бойся, сынок, правды. Увидишь, обижают кого, — помоги!» Помог я ей... срок получил... воры избили... суки чуть не убили... Думал и правда, что Клавка задаром сидит, пожалел ее... понравилась... Душу выложил... Она за пятьсот рублей душу мою продала... Игорь обещал еще месяц меня продержат и на сельхозкомандировку отправить, а сам на штрафняк подсунул... Все контрики ненавидят нас... А Клавка? Она теперь с фашистами вместе, за них держится... «До конца тебя любить буду, Степа. Вылечусь. По амнистии выйдем оба, заживем. Забудем все. Я никого не любила. Не встречалась ни с кем». А может, она не притворялась? Волк сам

стащил письмо. А подслушал тоже Волк? Дверь была закрыта... Мы говорили тихо... На Игоря тоже Волк написал? Почерк подделали? Да? Он не аферюга. Волку в жизни такого письма не написать. Скажу начистоту Клавке, она к Игорю побежит.

— Чего выхаживаешь, Степа? — раздался над ухом Седугина знакомый голос.

— Алеша! Откуда ты?

— С новым пополнением вчера пригнали.

— Тебе уже три лычки присобачили. Сержант! — отметил Седугин, с завистью осматривая подтянутого стройного друга.

— Что эти лычки... — отмахнулся Алексей. — На гражданке толку от них... А ты влип на всю катушку... жалко. Помнишь, как в Красноярске в самоволку бегали? Житуха там была, не то что тут. Здесь медведь сдохнет с тоски. Зимой холод, летом — комары, и бабы заразные.

— На сверхсрочном оставаться не думаешь?

— Что я, с приветиком? Лишнего дня не прослужу. Весной дембель, на гражданку уйду. Надоело.

— Тебе дембель, а мне... — грустно вздохнул Седугин.

— Об амнистии болтают, — утешил его Алексей. — Ты заразиться не боишься?

— От кого? — Степан почувствовал, что краснеет.

— Слышал я от ребят, что ты с одной Клавкой из вензоны спутался. Может, свистят они? — Степан опустил глаза. — Твое дело, скрывай. Только дует она на тебя. Начальник больницы сегодня при мне с капитаном говорил, что Клавка Русакова сексотом у них. Майор пронюхал, что ты письмишко в Москву написал. Твоя Клавка стащила его и кому-то продала. Кому — не знаю, за сколько — тоже не знаю. Ищут...

— Клава сексот?

— Это без будды. Главному лепиле на бытовиков доносит, майору — на фашистов.

— Откуда ты знаешь?

— Говорю же тебе, что подслушал разговор майора с капитаном. Они меня не заметили, втихоря объяснились. Смотри, Степа, не протрепись. А то и меня сюда толкнут.

— Будь спок, Алеша, как другу обещаю.

— Пока. Я пойду, а то надыбают, что мы толкуем. Пришлют и мне дело.

Правда... Волк не врал... он не пожалеет... Ладно, я уйду на этап... А ты, Клава, поговоришь с Волком... А если она не пойдет на чердак? Скажу, что матери напишу о вензоне... нас учили, как запугивать зеков... Покажу ей письмо на Игоря... Она у меня поплачет... А если они ее убьют? — Седугина душила злоба. Но и в эту минуту он видел Клавино лицо, как жестоко расправляются воры с теми, кто встал у них на дороге, кто угрожает им.

Никто ее не убьет... — успокоил себя Седугин. — Отлупят и все... Меня тоже лупили... Я ей все выскажу... по щекам отхлещу, нос расквашу... Отец никогда не бил маму... Говорил: последний человек, кто бьет женщину... Последний человек! Заступаться за них надо... А если они доносят на тебя? пусть бы кто другая донесла. Но Клавка... Что я ей сделал плохого? Игоря били конвоиры, когда он не был главврачом... Злится он на нас за контриков... Я не бил никого. Ребят уговаривал, кто не пиратничал... Мне говорили: «На свою голову мазу за зеков держишь. Попадешь к ним, живого не выпустят». Я думал, что врут... Если бы Алеша не сказал, я бы не поверил... Он врать не станет. Какая ему польза...

— Мыслюгу толкаешь, где бы грошей достать? — Седугин не удивился внезапному появлению Волка. Он знал умение Волка появляться в самых неожиданных местах, там, где его совсем не ждали, и так же стремительно и незаметно исчезать, словно это и не он несколько секунд назад разговаривал с тобой.

— Мне теперь не нужны гроши.

— Достал? Молоток, Степа!

— Не лепи дурочку, Волк! Мне гроши взять негде.

— Фуфло двинешь? Двигай, Степа, только помни...

— Не пугай. Завтра Клавку приведу на чердак и в расчете.

— Давно бы так. За это надо похмелиться.

— Не хочу я с тобой пить.

— Брось, Степа! По сто грамм спирту дюбнем и разбежимся, зад об зад и кто дальше. Чума мясо притаранит. Пойдем к придуркам. У них нас не надыбают.

— А когда вы с Клавкой потолкуете, меня все равно на этап отправят? Игорь...

— Что Игорь? Он без начальника больницы ни шагу. Тут скоро вторая пересылка открывается. Придурки со всего лагеря кантоваться будут. Малину нарядчиком назначили. Лепил близко к себе не подпустим. На этап уйдем и там тебя придурком сделаем.

— Ты обещаешь?

— Дурко ты. Нам, сукам, людишки нужны. Мусора увидят, что перелицевался ты, мазу за них держишь, пересудуют, лет десять скостят тебе. А там амнистия.

— О ней только говорят.

— В этом году была амнистия за победу? Была! В сорок седьмом за тридцатилетие сделают... Выскочишь ты!

Будет не будет — увидим. Напьюсь... забудусь. А что мне суки сделают? Я им нужен... не тронут...

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

Седугин и Волк вошли в небольшую чистенькую комнату. Три топчана, стол, накрытый цветной скатертью с бахромой, фанерные тумбочки и пять табуреток. На одном из топчанов лежал Женька каптер, два других, застланных серыми одеялами, были свободны. Женька, увидев их, поднялся.

— Давно не заходили ко мне, — любезно приветствовал Женька Волка. Он дружелюбно пожал потную ладонь Волка и сделал вид, что не заметил протянутой руки Степана.

— Поздоровайся с человеком! — приказал Волк. Женька засуетился.

— Садись, милый друг. Как звать-величать-то тебя?

— Степан.

— Люблю я хороших людей, — разливался соловьем каптер, подвигая табуретку к столу. — Душой болею о приятном обществе.

— Притопает и общество, — пообещал Волк, извлекая из-за пазухи грелку.

— Самогонка? — оживленно осведомился Женька.

— Где спирту возьмешь? Игорь ни грамма не пуляет. Самогонку бесконвойники таранят и то хорошо.

— А вот и Чума пожаловал. И Малина, — обрадовался каптер. Чума обеими руками держал большую алюминиевую миску, накрытую сверху тарелкой.

— Жгется, — проворчал Чума, ставя миску на стол. — Мясо. Горячее. — Малина развернул небольшой сверток и молча положил на стол истекающую жиром нежно-розовую горбушу, пять соленых огурцов, ядреных и крепких, и крупную головку чеснока. Помедлив немного, он порылся в карманах и не торопясь достал поллитровую бутылку. Узкое горлышко заветной посуды, запечатанное белым сургучом, очаровало всю компанию.

— Вот это Малина! — восхищенно ахнул Чума. — Спирт! С белой головкой! Где взял?

— Уметь надо, — Малина снисходительно похлопал по плечу Чуму, покровительственно усмехнулся и небрежно развалился на топчане.

— Прощу к столу! — угодливо пригласил Женька, ловко раскупоривая бутылку.

— Дай Бог, не последний! — провозгласил Малина, поднимая стакан.

— Не разбавлен? — с опаской спросил Седугин.

— Чистый! Девяносто шесть градусов! — гордо ответил Малина.

— Чем загрызть?

— Водичкой, Степа, запьешь, а потом зажрешь. Не дыши, пока пьешь. И сразу, как кончишь, выдохнешь. Вот так! Хо! — громко выдохнул Волк.

Вдохнув в себя воздух, Волк залпом опрокинул спирт в широко открытую белозубую пасть. Чума почти не притрагивался к закуске. Он торопливо обнюхивал корочку и, трясущимися руками плеснув в стакан мутную самогонку, с наслаждением цедил ее сквозь плотно сжатые зубы. Волк ел много и жадно, с тревогой заглядывая в пустеющую миску. Малина прихлебывал маленькими глотками и разборчиво, с видом заправского гурмана, выискивая самый сочный кусок мяса, тщательно осматривал его со всех сторон и только после этого

степенно отправлял в рот. Женька, угодливо хихикая и утвердительно кивая головой, словно соглашаясь с невидимым собеседником, хватал толстыми волосатыми пальцами куски рыбы и, довольно урча, впивался в розовую мякоть, с удовольствием рвал ее острыми мелкими зубами. Степан, не глядя, брал в руки стакан, выпивал до дна и молча ставил его на место, злобно отстраняя от себя еду. Чем больше он пил, тем сильнее бушевал в нем гнев. Хотелось вцепиться зубами в потное горло Волка и грызть, грызть его! Ведь он ничего не знал о Клаве до сегодняшнего дня. Если бы не Волк, так, возможно, не узнал бы и до конца. Он не забывал о ней. Обида и горечь, боль и гнев, подогретые спиртом, кипели с удвоенной яростью и силой, опустошали душу, выжигали все доброе и светлое. И только ненависть, как сорная трава, что не боится ни суховея, ни палящих лучей солнца, ненависть, напоенная желчью растоптанной, издыхающей души, распускалась ядовитым цветком, ранила сердце колючими стеблями, обволакивала мозг черным туманом тяжелых воспоминаний. Он видел Клаву, простую и доверчивую, а ненависть показывала ему другую Клаву, продажную, хитрую, жестокую.

— Люблю повеселиться, особенно пожрать, — проворчал Волк, захватывая пятерней последний ломоть мяса.

— Люблю я потрудиться, особенно поспать, — подхватил Чума, ударив стаканом по столу.

— Посуду разобьешь, — Женька предусмотрительно отодвинул стакан.

— Что нам посуда! — расхрабрился Чума, осоловело взглянув на каптера. — Гуляй по бучету! Вовочка Чума за все платит!

— Цыц, моя радость! — шутливо прикрикнул Малина. — Хорошая девка мне сегодня обломилась! Вкусная! За такую полкуса не жалко. Не знал бы, что с Камбалой жила, за целину бы принял. Пушок там у нее! Щелочка узенькая у нее, как мышинный глаз.

— Плакала она? — спросил Волк.

— Как обычно. Все голощелки воют. Спокой, Волк!

— »Заболеешь, братишка, цингою и осыплются зубки твои, а в больницу тебя не положат, потому что больницы полны», —

низким голосом тянул Волк. Он смотрел поверх голов своих слушателей. В его налитых кровью глазах застыли тоска, разочарование и страх.

— Надоело, — отмахнулся Малина. — Цингу хватают фраера, а не мы. Воровать уметь надо.

— Есть и фраера по с кушем нас у хозяина живут.

— Правильно, Чума, есть такие фраера. Женечка — фраер, а придурок, каптер, горбыли в его грабках. За что тебе, Женечка, чалку накиннули?

— За взятку, — охотно пояснил Женька. — Что я? Каптер. У меня силенок не хватает повыше подняться. Вот мой бывший начальник — это да! Пятнадцать лет брал, ни разу не погорел. Он всех купил, от прокурора и выше. Поймают со взяткой, вроде бы тюрьмы не миновать, звонок сверху — и свобода.

— Что ж он тебя от хозяина не вырвет?

— Он попался в прошлом году. Не поделился с самым верхом. Только он и в лагере получше любого вольного живет. Ходит без конвоя, на пассажирских поездах в купе разъезжает. В неделю два костюма меняет. Три бабы у него вольных. Кур жареных лопают. Мандарины у него всегда свежие, из Грузии привозят. Он на водку смотреть не хочет, коньяк пьет. Живет, не то что мы. Гроши везде гроши. За них он и хозяина купил. А я хоть пропадай!

— Тебе тоже дачки ломаются дай Боже. Без лапы фраеру-придурку не прохонже. Не пультнешь начальнику, на общие работы загремишь.

— Какие у меня гроши, Малина? Слезы! Сирота я! — Женька скромно потупился. Краешки губ плаксиво опустились вниз. Лицо его, унылое и постное, выражало такую жалость к себе, бедному и обиженному, что Малина весело расхохотался.

— Начальники не то что мы хапают, — вдоволь насмеявшись, заговорил Малина. — Умеют! Они на скачок не пойдут. Вагонами воруют.

— Мы тоже умеем! — хвастливо перебил Чума. — Я — щипачишка, а со мной мусор бегал. Я на отмазку его брал. Насуну лопатник и на бздюм с ним гроши делим. Погорю я, он сразу к потерпевшему: «Кто украл? Он?» — спрашивает мусор и на меня показывает. Запишет фамилию потерпевшего,

где живет, работает и базлает: «Разберемся, гражданин! Накажем вора по всей строгости закона. Вас, гражданин, я не задерживаю. Идите по своим делам. А ты, воруга, — это он мне, — следуй за мной». Ответит в сторону и толкует: «Следующий лопатник целиком отдашь, за то что сгорел». Другую попку сделаю и мусору целиком отдаю. Зато как прокнокает он, я лопатник прикушлю, гроши отжухаю, а мусору пустую лопату напоказуху. «Локш схамал, — говорю, — ни тебе, ни мне».

— Мусора — те же воры, только не честные, — перебил Малина Чуму. — Рядовой мусор мало имеет, меньше, чем скокорь или вильдушник. Их и фраера презирают и воры. Начальники — вот это да! Они и с нас берут, и с мусоров рядовых, и с растратчиков разных.

— И хорошо, что берут. Не брали бы, нам никому бы житья не было.

— Ты прав, Волк. Мы по мелочишке берем. Сработал я вильду, за полцены барыгам спустил, а половину из того, что осталось, ментам отдал. Полгода погужуюсь и по новой холку подставляю. Я с двадцать второго бегаю. Знаю всю эту подлую кодлу, от щипача до генерала мусорского. Отечественники не хотят колотья, что в войну от голода в воровскую жизнь пошли. А я не притыриваюсь, прямоком говорю — от голода воровать начал. В двадцать втором в детдоме плохо кормили, сбежал я, беспризорничал, сывчал хлеб у булочных, но сперва не воровал. Потом прихватили меня и в Балашовку заперли. Там главный воспет — вот мужик так мужик был. Сам пацана пальцем не тронет, покнокает на тебя, если ты трекнешь ему что против шерсти, нахмурится и уйдет. А ночью держись. Активисты одеялами накроют и деревянными молотками по ребрам метелят, пока не обхезаешься. Наутро начальник приходит, зырит на тебя, вроде первый раз видит. «Кто бил?» — спрашивает. Скажешь, что активисты, а они кричат, что всю ночь дохли и ничего не знают. Активистам бацилу, нам водичку. Назовет пацан фамилию активистов, тех, кто бил, старший воспет говорит: «Хорошо, проверим». На другую ночь тому пацану до конца все бебехи отшибут. А утром воспет выстроит всех и заявляет: «Такой-то, — называет фамилию пацана, который пожаловался, — оклеветал активистов, он заявил, будто ак-

тивисты избили его. Я тщательно проверил его заявление, опросил других воспитанников, и все подтвердили, что активисты в эту ночь никуда не уходили». Меня самого так подлупили, что в больницу попал. Подлечился, рванул оттуда и... куда пойдешь, кому что скажешь? Побежал ночевать на кирпичный завод. Попутали, как беспризорника, я все еще не воровал, и хотели снова в Балашовку толкнуть. Я со страху обхезался и нахалкой на себя лопатник взял. А с тридцать первого в люди вышел, по вильдам работаю. Вильда по с кушем скачков. В хавире один угол возьмешь, и то тряпье не центровое, у работаг тряпки вшивые, барыга от них нос ворочает. К промтоварной вильде машину подгоню — и гуляю полгода. Мutilи меня, пока не воровал, и кулаками, и молотками, и палками. Теперь я фраеров шутильником метелю от души. Они у меня еще не одну ласточку сбцают. Вниз головой вешаю. Бацать цыганочку заставляю. Пусть знают про подлые души! Шутильник — палка толстая! По хребту пройдет, завоют, — Малина заскрежетал зубами и грязно выругался.

— Вешать фраеров! Вешать! — яростно зарычал Волк, грохнув кулаком по столу. — У меня матушка в тридцать третьем с голоду в селе умерла. Никто ей поштекать не дал. В городе сявчить хлеб не хотел, украл, до сих пор грудь болит. В мусорскую привели, на меня мусора хуже кнокали, чем мы на фраеров. А кто такой мусор? Фраер тот же, только работать не любит, как и мы. А похмеляться три раза в день согласен. Грошей ментам мало платят, все они там лапошники. Теперь меня воры могут сделать, и хозяин, и фраера. Сука я. Но пока сделают, я не одного из них на три метра в землю упрячу.

— Дохнешь, Степа? — громко спросил Чума. Седугин хотел поднять отяжелевшую голову, сказать, что он все слышит, но сознание изменило ему. С заплетающегося языка срывалось невнятное мычание, расслабленное тело не подчинялось одурманенной воле. И только одна мысль, мысль о Клаве, не покидала его, будила гнев, звала встать, найти ее и расплатиться за все пережитое.

— Клавка... Искромсаю, — выдохнул Седугин, пытаясь приподнять голову.

— Дошел мусор! Не умеет пить. Выканай, Женя, на минутку из хаты.

— Хорошо, Волк. Я и сам хотел свежим воздухом подышать.

— Не подслушает? — подозрительно спросил Малина, когда за Женькой закрылась дверь.

— Забздит, — заверил Волк.

— Потолкуем о завтрашнем деле?

— У тебя, Малина, какая мыслюга?

— Клавку вызовет Седугин. В случае горения все шары покатаются на него. Делать ее ни за какие гроши нельзя. Она пойдет в свидетели. Нарахаем ее, подлупим, заставим ксивенку написать и ксиву пульнем начальнику. Что дальше — у нас голова не болит. Фонарик есть, карандаш и бумага тоже.

— Почему на чердак восьмого?

— Там есть другой выход. В случае чего — рванем, мусора стукнем и оставим рядом с Клавкой. С Игорем за Горячего расчет сделаем. Игорь — мужик настырный, в медицине волокет. Пока он тут, любому из нас укольчик замандячит — и бессрочная активировка. Игорь не забздит, душку у него хватит. Шугнут его из больницы, погужуемся до блевотины. Нам всем троим по полгода канта на больнице ломится. Уйдем на любую командировку после Игоря, мусора за нас мазу будут держать.

— А когда Игоря выгонят, хозяин нас не кинет?

— Будь спок, Волк, пальцем не тронет. Для самого хозяина работаем, — Малина поднял палец вверх. — Это тебе не начальник больницы.

— Для него?! — задохнулся от волнения Волк.

— Точняк! Завтра дашь мусору планчику подкурить. Плановой он на стену полезет. Мы все сделаем чисто, — Малина дружески похлопал по плечу Волка. — Зови Женьку. Отваливаем до завтра.

ЗОТОВ И ОСОКИН

— Как устроились на новом месте?

— Все в порядке, товарищ полковник, — угодливо подвигая полковнику стул, бодро отчеканил начальник четвертой больницы.

— Семью еще не привезли?

— Никак нет. Не успел. Извините, товарищ полковник, по-холостяцки живу. Принять вас, как положено, не имею возможности.

— Я человек простой. Зачем мне эти приемы, — скромно возразил полковник.

— Была бы жена, угостил бы вас...

— Нет уж, увольте меня от угощений, — энергично запротестовал полковник. — Мой уважаемый предшественник полковник Гвоздевский сгорел... на работе.

— Какой человек был! — горестно вздохнул майор. — Образованный, душевный, строгий, справедливый, обходительный... Как дело свое хорошо знал! Речи какие говорил! Слушаешь — как газету читаешь. Бандиты плакали, когда он говорил. Правду народу нес. Настоящий чекист был! Я чуть не расплакался на его похоронах... И такого человека не стало...

— Начальник сорок первой тоже чуть не расплакался, — в голосе полковника прозвучала легкая насмешка. — Он перед смертью угощал Гвоздевского... грибочками. Печальный случай... Вредная штука грибы... Только теперь узнали, что начальник сорок первой племянник Гвоздевскому. Семейственность... А вот чья — не упомяну.

— У многих жен братья есть, — уклончиво ответил майор.

— А-а! Вспомнил! Болтают, что она сестра начальнику сорок первой. Врут, наверно, от безделья, — полковник равнодушно и скучающе посмотрел на майора, протяжно зевнул и сладко потянулся.

— Не врут, — угрюмо подтвердил майор.

— Оказывается, и сплетники иногда правду говорят. Полковник Гвоздевский, кажется, заезжал и к вам, майор Зотов? Ведь вы перед его смертью были начальником шестьсот третьей. Так, если я не ошибаюсь?

— Так точно, товарищ полковник!

— Вы поправляйте меня, майор, не стесняйтесь. Критика снизу — вещь полезная. Вы видели Гвоздевского за день до болезни. Позднее вас он успел побывать на семьсот семнадцатой у капитана Лютикова.

— А где теперь Лютиков?

— В другой лагерь его перевели. Помнится, вы недолго рядом работали. Вы на семьсот десятой, Лютиков — на семьсот семнадцатой. Зимой с вашего лагпункта убежал один заключенный. Он убил охотника и его беременную жену. Какое зверство! Потом на ваш лагпункт перевели надзирателя Малявина. Высокий такой, сильный парень. Брови густые, черные, нависшие. Глаза зеленые, навывкате, нос пуговкой, рот маленький, кулаки огромные. Мизинец на левой руке искривлен. Зубы желтые, редкие, губы слюнявые, лоб покатый, на правой щеке красненькое пятнышко от ожога.

— Вы точно обрисовали его, — удивился майор. — Только я его не помню. Забыл. Надзирателей много было...

— Ай-ай-ай! Как нехорошо забывать сослуживцев! Внимание к человеку, забота о нем — прежде всего. Я дал точный словесный портрет Малявина. Или я разучился? Старею, все может быть. Только одно странно: вы сказали, что я точно описал Малявина, того самого Малявина, которого вы забыли. Неувязочка получается... хе-хе-хе... Забыли своего солдата. А Малявин вас помнит.

— Как... помнит?

— Я с ним недавно беседовал. Он мне передал одно свое сочиненьице. Любопытная история. Оговорил себя Малявин. Пишет, что охотника, его жену и заключенного убил он сам. При этом указывает, что будто Лютиков принудил его к этому тройному убийству, а вы заранее знали о побеге заключенного и преднамеренно допустили этот побег.

— С какую целью? — спросил майор, в изнеможении опускаясь на стул.

— Якобы Лютиков объяснил Малявину, что этот побег санкционирован свыше. Для того, чтоб убить охотника, его жену, а вину взвалить на политических и тем самым обозлить местное население против врагов народа. Надо же такое придумать!

— Кто ему поверит! — закричал майор и, забыв о носовом платке, высморкался на пол.

— Некультурно, товарищ майор, сморкаться без помощи носового платка, — мягко пожурил полковник. — Я тоже полагаю, что ему никто не поверит. Но есть неустойчивые товарищи, готовые уверовать в любую выдумку.

— Он сумасшедший, ваш Малявин!

— Это уже доказано. Малявин в состоянии невменяемости выпрыгнул из вагона поезда, который шел со скоростью сорока километров в час. К сожалению, выпрыгнул неудачно.

— Зарезало его? — с облегчением вздохнул майор.

— Живой. Многочисленные переломы и бред в результате травмы черепа.

— И что же он говорит в бреду?

— Уверяет, будто его выкинули из тамбура неизвестные злоумышленники. Говорит, что за ним охотятся за то, что он якобы сказал какую-то правду.

— Где он?

— Пока лечат в хирургическом отделении, а потом отправим в психбольницу. На произвол судьбы не бросим. О каждом человеке беспокоимся. Редуют наши ряды... Лучшие товарищи уходят! Закаленные, преданные, смелые! Гвоздевский ушел... Вот о ком можно повторить великие слова: «Вся его жизнь была горением». Малявин, он, конечно, не имеет и сотой доли заслуг Гвоздевского, но в будущем из него бы вырос ценный работник. Заболел. Серьезно заболел. Наверяд ли выздоровеет. Седугин неплохой был солдат и... поднял оружие на товарищей. Опозорил себя, отца, мать. Враг не дремлет. Даже в наши ряды проникает ядовитая пропаганда. Седугин у вас?

— Здесь он, товарищ полковник.

— Долго его держат в больнице.

— Я бы давно выписал, но главврач...

— Пока не трогайте Седугина. А вот о главвраче следует подумать. С ним связаны странные, я бы сказал необъясни-

мые... явления. Майора Погорелова, от которого вы приняли больницу, по жалобе главврача перевели работать в глубинку. Теперь он начальник семьсот семнадцатой вместо капитана Лютикова. Прекрасный человек майор Погорелов! И такая неожиданная немилость. Против вашего назначения начальником больницы протестовали в управлении. И кто же, как бы вы думали?

— Не могу догадаться, товарищ полковник.

— Он... Сам! — последние слова полковника прозвучали для майора Зотова оглушительно громко, хотя они были сказаны вполголоса и как будто незначай. Эти два слова обрушились на его голову, как кирпич, брошенный с высоты опытной рукой и угодивший точно в темя ничего не подозревавшего прохожего. Полковник откинулся на спинку стула. Он исподтишка любовался побагровевшим лицом майора, скользнул взглядом по его отвисшему подбородку, любезно и благожелательно изучал его тонкие выщипанные брови, с удовольствием прислушался к порывистому дыханию и многозначительно кашлянул. — Придите в себя, майор. Все в нашем мире временно, — голос полковника звучал вкрадчиво и дружелюбно. — Сколько людей самых высокопоставленных потеряли голову. Каменев, Пятаков, Тухачевский, Якир, Коссиор... Имен таких великое множество. Нам, простым людям, их не пересчитать. Но может случиться, что потеряет голову еще кто-либо, из тех, кого мы с вами хорошо знаем. Был начальник управления лагеря и нет начальника управления. Закон борьбы.

— Почему же назначили меня, если он был против?

Полковник понял, что Зотов не слышал его рассуждений о потерянных головах и не понял прозрачного намека. Охваченный страхом, майор пытался разрешить одну единственную загадку: чем и когда он вызвал неудовольствие всемогущего шефа.

— Вас хотели перевести на работу в управление, еще при жизни Гвоздевского. Полковник весьма энергично хлопотал о вас, майор Зотов. Но хозяин сказал свое категорическое нет. Нынешний перевод в больницу тоже не обошелся без некоторых осложнений. Хозяин категорически запротестовал против вашей кандидатуры, но тут произошла случайность, очень

приятная для вас: хозяина вызвали в главное управление лагерей, пока он отсутствовал, его заместитель и я подписали ваше назначение. Вернувшись, хозяин устроил нам небольшую взбучку, но сделанное — сделано. Пока нет никаких оснований переводить вас в другой лагпункт. Пока...

— Но за что ж он меня? За что? Служу честно, зекам почтачки не даю. Приказы выполняю неукоснительно.

— Может быть поэтому он вас и не любит.

— Вы... думаете?

— Я ничего не думаю и не советую думать вам, майор. За нас с вами есть кому думать. Я просто высказываю различные догадки. В мои годы не вредно пофантазировать. Мне пришла в голову сумасбродная и, заметьте, необоснованная идея. У хозяина с полковником Гвоздевским были некоторые разногласия. Злые языки поговаривали, что якобы Гвоздевский обманывал шефа, не отдавал ему полностью побочных доходов. На этой почве они принципиально разошлись. Это, разумеется, наглая выдумка. Кристаллическая честность Гвоздевского — вне всякого сомнения. Но чего только не сочинят вражеские элементы, чтобы опорочить безупречных людей. Договаривались даже до того, что будто у хозяина была любовница, а полковник Гвоздевский поспешил уведомить об этом супругу хозяина. В результате у них возникли дополнительные разногласия во взглядах на жизнь и работу. Возможно, хозяин, имея предвзятое мнение о Гвоздевском, какую-то долю своей антипатии к нему перенес на вас.

— При чем же тут я?

— Вы — супруг его племянницы и в какой-то степени родственник Гвоздевскому, а хозяин... — полковник пожевал губами, — имеет весьма своеобразные взгляды на родственников тех сослуживцев, которые имели несчастье не совсем угодить ему.

— Тогда мне лучше подать рапорт о переводе.

— Об этом мы поговорим попозже. Не кажется ли вам, как бы поточнее выразиться, что трудно объяснить, почему главврачу предоставлены такие привилегии? Заключение ссорится с майором и в результате пострадал майор. Если кувшин падает на камень — горе кувшину, если камень падает на кувшин — горе кувшину. Кто же кувшин, а кто камень? По логике

— камень майор, а получается наоборот. Сложно и непонятно. Главврачу отпускают излишне много спирту, медикаментов, посуды и различные продукты питания. Больным выдают простыни, посуду, вплоть до тарелок и ложек, и даже тратят на них дорогостоящие медикаменты. И все это делается по личной просьбе главврача. Шеф во всем идет ему навстречу, вплоть до увеличения количества коек в каторжных корпусах. Я бы ничего не имел против, если бы здесь лечили заключенных, вставших на путь исправления и активной помощи лагерной администрации: нарядчиков, воспитателей, комендантов и прочее. Но от этих нужных и полезных людей главврач избавляется под разными предлогами. Он обвиняет их в бандитизме, в покушении на убийства, а явным и скрытым врагам народа создает санаторные условия и берет их под свое покровительство. Главврач не чуждается кулачной расправы с некоторыми заключенными, зарекомендовавшими себя с лучшей стороны, как это имело место с воспитателем сорок третьего лагпункта. Хозяину сигнализируют об этом... А результаты? Нулевые. Может быть и тут семейственность? А что как хозяин и главврач — родственники? Не считаете ли вы возможным, майор Зотов, принять кое-какие меры, разумеется сугубо законные, против главврача?

— Связываться с Орловым? — в голосе майора прозвучал неподдельный ужас. — Я прошу вашего ходатайства о переводе меня в другой лагерь.

— Какой вы торопливый. Так нельзя, батенька мой. Чуть что — и в кусты. Мы должны не бояться трудностей, идти им навстречу, а вы сразу — перевод.

— Я прошу вас, товарищ полковник... Умоляю! Кто я, а кто Орлов. Не нужна мне больница! В другом лагере проживу.

— Надо было раньше об этом просить, когда был жив Гвоздевский.

— Хорош дядя... Держись, Фенечка! Я отосплюсь на ней за дядю! Родственничек! Ничего не сказал мне...

— Откуда у вас старорежимные замашки? Вымещать на женщине злобу... Это не по-советски. Вы родились за два года до революции — и унаследовали такие отсталые взгляды. Трупный яд капитализма. Вашей жене законом гарантировано равноправие.

— Я ей покажу равноправие! С собакой уравнию! Из одной миски жрать заставлю!

— За что ж такая немилость? — полковник снисходительно улыбнулся.

— Почему она не сказала мне, что Гвоздецкий с Орловым на ножах?

— Что бы изменилось, если бы она сообщила вам об этом? Пока был жив Гвоздецкий, вы числились на хорошем счету и у вас была перспектива роста. Теперь тоже такая перспектива осталась, если б вам не препятствовал хозяин. Умный человек обходит преграды или убирает их, в зависимости от того, что выгоднее и легче.

— Переведите меня!

— Можно и перевести, — задумчиво согласился полковник.

— Когда? — обрадовался майор.

— Недельки через две...

— Правда?

— ... после того, как с вашей помощью разоблачат главврача.

— На меня не надейтесь!

— Тогда и с переводом повременим. Место у вас неплохое... трудитесь на благо Родины.

— А если хозяин узнает о нашем разговоре?

— Это уже звучит по-деловому. Вы доложите ему... А понравится ли это хозяину? У него нрав крутой. Угрозы? Мне? Вы делаете успехи, майор Зотов. Не забывайте, что я хоть и работаю в управлении, но непосредственно подчиняюсь центру. Вы заявите на меня, а кто вам поверит? Где доказательства? И что же такого крамольного я вам сказал?

— В наше время судят и без доказательств. Сами недавно говорили о таких больших людях... Десять лет назад нас с вами в одну уборную с ними бы не пустили. А где они?

— У вас прорезались зубки, майор Зотов. Молочные... Я вам их удалю. И, заметьте, очень болезненно.

— Не грозите! За компанию в лагерь пойдем! Я тоже колючий!

— Ежик, значит? Поговорим как еж с ежом. Вы заявите, что я учил вас сделать маленькую неприятность шефу. Но будет ли благодарен он за то, что вы перетряхиваете грязное

белье? Поверит ли он вам? Не сумею ли я обвинить вас в клевете? И заявить, что никакого разговора не было. И все это досужая, а скорее злобная выдумка.

— Вы тоже не останетесь чистеньким. Хозяин поймет, что без нужды я на вас наговаривать не стану.

— Что правда, то правда. Без причины и чирей не вскочит. Но у вас причин больше, чем достаточно. Полковник Гвоздевский перед смертью заезжал к вам и, возможно, это вы попотчевали его отравленными грибочками.

— Мне нет выгоды травить его. Он — дядя моей жены.

— А разве не случается, что сын убивает своего отца? И мало ли детей, движимых высокими патриотическими чувствами, сигналият на своих родителей? Их отцов отправляют к нам или на вечный покой. Они выполняют свой долг. А вы действовали из низменных побуждений.

— Каких?

— Мстили за свою младшую сестру. Если вы забыли, я напомню вам вкратце эту историю. Время у нас есть, спешить некуда. Лет восемь назад вы женились на племяннице Гвоздевского, а полковник сошелся с вашей сестрой Анастасией, молодой двадцатилетней особой, к тому времени успевшей побывать замужем и уже разведенной. Первому супругу вашей сестры, незадолго до того, как она вступила в связь с Гвоздевским, угрожал арест. После того, как Анастасия стала женой полковника, уголовное дело о ее первом супруге замяли. Потом легкомысленный этот молодой человек, первый супруг Анастасии, стал докучать Гвоздевскому своими частыми визитами к Анастасии, и вскоре его арестовали за антисоветскую деятельность. Ваша сестра воспылала неожиданной любовью к брошенному мужу и начала устраивать семейные сцены полковнику. Она говорила, что сошлась с ним не по любви, а чтоб спасти своего первого мужа. А он, старый хрыч, то есть Гвоздевский, все же посадил его. Анастасия угрожала самоубийством, требовала, чтобы Гвоздевский освободил ее первого мужа. Он, разумеется, отказался выполнить незаконные домогательства вашей эксцентричной сестры. Анастасия устроила истерику и проглотила недозволенно большую дозу уксусной эссенции. Сколько говорят и пишут, что неразбавленная эссенция вредна для здоровья. А ваша сестра пренебрегла советами высокообра-

зованных компетентных людей. Но женщины редко умеют доводить дело до конца: она обожгла себе горло, пищевод и осталась жива. С тех пор Анастасия стала инвалидом второй группы. Трудового стажа у нее, к сожалению, нет и, разумеется, инвалидность не оплачивается. Анастасия живет тем, что дадите ей вы. Иногда она тайком навещает вас, когда вы выезжаете из зоны лагеря, и, мне кажется, не совсем лестно отзывается о Гвоздевском. Разве вы не могли затаить злобу против уважаемого полковника.

— Вы и это знаете?! — спросил ошеломленный майор.

— Я все знаю. Будем говорить серьезно. Вы упомянули, что вы доложите шефу о нашем разговоре. Шеф ничего не знает об Анастасии, зато он осведомлен, чья племянница ваша жена. Шеф не любил Гвоздевского, значит он не любит и вас. Для меня наш разговор кончится мелкими придирками. А чем это угрожает вам, майор Зотов? Не забывайте о Малявине. Он может выздороветь и дать весьма неприятные показания.

— Голову снесут любому, кто сунет свой нос в дело Малявина. А возьмутся за него, я тоже скажу, от кого мне указание вышло.

— У вас нет никаких доказательств. А слово к делу не пришьешь.

— За Малявина не один я пострадаю.

— Согласен. Случай скандальный. Но никто его не станет и ворошить. Вы, майор, заранее выдали капитану Лютикову, когда побежит брат охотника, а он разболтал Малявину. Этого вам не простят и не забудут.

— Осудят?

— Да. Но не за Малявина.

— Я на суде скажу и о нем.

— Вас никто не выслушает. Последует обычная фраза председателя суда: «Это к делу не относится. Говорите по существу». А у вас найдется, что сказать по существу? И не забудьте еще одну деталь: письмо Малявина в единственном экземпляре хранится только у меня. О нем ничего не знает хозяин. Плохо работает уважаемый товарищ Орлов.

— За что же меня осудят?

— В прошлом году шестнадцатилетний сын охотника Зозули... Вы помните его?

— Помню.

— Вот видите, у вас освежается память. Отраднo... Очень отраднo. Кстати, Зозуля в переводе с украинского означает «кукушка». Дед или прадед Зозули в конце прошлого века приехал с Украины в Сибирь и застрял здесь. Так вот, вышеупомянутый Зозуля в прошлом году пошел из дома в тайгу, а на другой день на его труп наткнулся местный житель Ковалев. Перед смертью Зозулю напоили водкой и изнасиловали. Убийцу Зозули не обнаружили и по сегодняшний день. На месте преступления нашли пустую бутылку с отпечатками пальцев. Дактилоскопическая экспертиза обнаружила, что средний и большой палец правой руки принадлежат самому Зозуле, а вот хозяин указательного и безымянного пальца левой руки неизвестен. У нас, к сожалению, не всем гражданам сделали отпечатки пальцев. Как хорошо, если бы отпечатки пальцев брали ну хоть бы не у всех, а у граждан обоего пола от трех и до девяноста пяти лет. Да-а, работать было бы легче... А вдруг у кого-нибудь появится фантазия сделать вам отпечатки пальцев?

Майор вздрогнул и побледнел. Полковник, словно не заметив его замешательства, продолжал.

— У вас теплится надежда: не посмеют судить, не захотят пачкать авторитет лагерной администрации. Но вас никто и не будет судить открытым судом. Местные жители ничего не узнают о вашей судьбе. В нашей системе вы работаете давно и уж пора бы знать, как судят таких преступников.

— Довольно! Что вы хотите?

— Я мог бы рассказать вам еще несколько занимательных эпизодов из вашего не совсем безоблачного прошлого, но лучше поговорим о будущем. Оговорюсь заранее: или вы согласны без малейшего возражения выполнить все, что я вам прикажу, или считайте, что разговор у нас не состоялся.

— Говорите. Исполню.

— Люблю сговорчивых и покладистых собеседников. У меня характер мягкий, как шелк. Моя слабость — поговорить с людьми любезно, без нажима. Добровольное согласие для меня дороже всего. Меня учили гуманному подходу к людям, и, как видите, я неплохо усвоил этот урок. Я попрошу вас об одной маленькой услуге: мне надо иметь письмо, написанное

рукой заключенного, но автор письма не должен отказаться от него на допросе.

— О чем письмо? — перебил майор.

— Компрометирующее главврача.

— И только?! Да я вам завтра десяток таких писем выложу на стол. Любой ссученный вор напишет, что я ему скажу. Их и заставлять не надо. Не любят они Игоря. Волк, Малина, Чума, вы извините, товарищ полковник, что я их не называю по фамилии, у каждого из них очень много фамилий, какое угодно письмо напишут на главврача. Насилие — пожалуйста, пьянство — сколько угодно, убийство — сочинят и убийство. Стоило ли из-за этого так долго разговаривать, товарищ полковник?

— Стоило, уважаемый товарищ майор. Мне не нужны ни убийства, ни насилие, ни пьянство. На главврача поступило более ста пятидесяти сигналов такого рода и от лишнего сигнала я не вижу пользы. Важно не только о чем просигналят на главврача, но и кто это сделает. О чем и кто — это два основных кита. Третьего кита, кому и когда передать письмо, оставьте за мной. Посмотрите последний донос заключенной Русаковой, его передал мне ваш Волк.

— Лично вам?

— У вас притупилась смекалка, майор. Неужели я сам буду разговаривать с Волком. С ним беседовали ваши подчиненные.

— Кто?

— Не будьте наивны. Знать их имена вам не обязательно. Мы с Волком старые приятели. Письмо верните ему, лично сами, из рук в руки. А как действовать дальше, мы с вами сейчас обговорим.

— В чем же обвинить Игоря?

— В том, что начальник управления лагеря и главврач четвертой больницы — двоюродные братья.

— Этому никто не поверит.

— Если напишет Волк или Малина — да, не поверят.

— Их и не заставишь написать, они побоятся связываться с Орловым. Одно дело главврач, а другое — хозяин.

— Смотря кто их будет принуждать. Если бы это было необходимо, то Волк, Малина, Чума, Камбала вне всякого сомне-

ния лично для меня подпишут и не такую бумагу. Но их подпись не котируется: они ненавидят главврача и не сумеют скрыть свою ненависть. Письмо напишет человек, близкий к Игорю или хотя к его окружению. Это первое условие. И второе: автора письма главврач никогда не обидел, а, напротив, оказал ему немаловажную услугу. Письмо напишет бытовик, но не рецидивист. Он, или скорее она, осуждена за какое-нибудь некрупное хищение. У политического не найдется убедительных мотивов писать такое письмо.

— Я не могу догадаться, на кого вы намекаете.

— А вы и не обременяйте себя излишними размышлениями. Позвольте мне снять с вас эту тяжелую ношу, доверьтесь старшему по званию и по годам. Начнем с окружения Игоря. Буду рассуждать путем исключения. Мужчины. Бывший капитан корабля Тимофей Вериков. Упрям, настойчив, смел. Отпадает. Проверим по списку досье на других. — Полковник вынул из кармана плотный лист бумаги и, водрузив на переносицу очки в роговой оправе, начал читать. — Илья Ненашев. Бывший боксер. В армии с сорок первого по сорок четвертый. Разведчик. Награжден орденами Отечественной войны, Славы, Красной Звезды и пятью медалями. Находчив, в дружбе сохраняет постоянство. Не поддается перевоспитанию. В сорок четвертом после госпиталя вместе со своим другом Асаном Аметовым выехал в Крым. Протестовал против высылки крымских татар. Пытался дать возможность скрываться некоторым из них. Враждебно относится к перевоспитавшимся вора в законе, избил воспитателя. Неисправим. Андрей Петров. В настоящее время тяжело болен. Главврач защищает его и оказывает знаки внимания. По словам Петрова, в армии с сорок третьего по сорок четвертый. Два ордена, две медали. Негласный запрос подтвердил справедливость его слов. Ранен, контужен, признан негодным к дальнейшему прохождению службы. Нарушение паспортного режима. Напал на коменданта сорок первого лагпункта. Призывал заключенных выступить против нарядчиков и воспитателя. Агрессивен, враждебен, неисправим. С ним кашу не сваришь. Посмотрим, как у нас обстоит дело с женщинами. Сара Гершович. Врач. Агитация и пропаганда. Говорила о необходимости создания отдельного еврейского государства. Подумайте какая мыслительница! Ей мало свобод, которыми поль-

зуются в нашей стране каждый гражданин. У нас принято думать, что евреи трусливы. Я бы этого не сказал. Взгляните на Гершович. На следствии отказалась подписать протоколы. Никакого общения с лагерной администрацией. Любовь Ивлева. Доктор медицинских наук. Профессор. Почетный член обществ... ого, какой длинный список! Виновной себя не признала. Свою вину скрыла настолько хорошо, что следователь не сумел ничего обнаружить. Но это и не обязательно. Чем опасней враг, тем трудней доказать его вину. Сам был членом тройки. Не сумел доказать вину, пишешь: «Руководствуясь пролетарским чутьем и социалистическим сознанием...» Ну, и прочее. И лет на пятнадцать его, миленького, сюда. Так-так... Отсутствие контакта с лагерной администрацией. Открыто высказывается против нас. Меры воздействия не помогают. С деревом скорей договоришься, чем с ней. Денисова Елена. Лженаука. Генетика... Морганизм... Слова-то какие непонятные!.. Морганизм... Вейсманизм рифмуется с алкоголизмом. Знаю я этих лжеученых. Если они за свой вредный, разгромленный правительством морганизм готовы драться, то за контриков душу отдадут. Болдина Екатерина. Телятница. Эта еще как к ним в компанию попала? Крепкий орешек. Отравила, а может быть и не отравила, все случается, колхозный скот. Туберкулез. Ненавидит лагерную администрацию. Не очень дорожит жизнью. На свободу выйти не надеется. Меткая характеристика. С такой девицей попотеешь. Васильева Лидия. Шизофрения. С этой связываться не стоит. Подпишет, а в нужный момент замыкает. Маргарита Воробьева. Сирота. Разбила бюст Сталина. Очень впечатлительная. Иногда теряет сознание. Борется за правду. Девчонка сопливая! Правды захотела! На вахту иди, с нами по душам поговори и правду найдешь. Поставить птичку на всякий случай? Поставлю. Посмотрим Клавдию Русакову. Отец не вернулся с фронта. Пропал без вести? Кто знает... Кража яблок. Ай-ай-ай... Какое легкомыслие! Еву наказали за яблочки — и Клаве тоже захотелось. Сифилис. Сожительство с лесбиянкой. Сигнал на главврача. Кто же лучше. Воробьева или Русакова? Воробьевой поверят больше, она ближе к главврачу. Но Воробьева при побеге Ярославлевой назвалась ее фамилией. Смелая девчонка. Кто знает, что она наговорит там и как на нее воздействовать морально. Родных нет, любовника

тоже. Чем припугнешь? Обычные меры не всегда эффективны. Нет, лучше Русаковой не найдешь. Что молчите, майор?

— Слушаю. Вы знаете моих заключенных лучше меня. Прикажите вызвать Русакову на вахту.

— О Малявине знаю я один. О Русаковой — мы двое.

— Кто же мне поможет?

— С людьми сотрудничайте, майор! С лучшими заключенными. С такими, как Малина, Волк и другие. Тем и сильны мы, что в своей работе ищем опоры у народа. Даже здесь, в лагере, настоящие патриоты с нами. Я бы не мог собрать такое подробное досье, если бы мне не помогал народ. Всякое отребье вроде Денисовой, Ивлевой и других называют наших негласных осведомителей сексотами. Это слово они говорят с презрением. А что в нем плохого? Сексот — это секретный сотрудник. Он секретно помогает нам, потому что осознал наши благородные конечные цели. Мы с вами не только внесем ясность в некоторые детали биографии хозяина, но и спасем, кроме Русаковой, еще одного человека.

— Кого?

— Бывшего надзирателя ефрейтора Седугина.

— Он-то тут при чем?!

— Вы совсем не знаете, что происходит у вас в зоне.

— Виноват, товарищ полковник. Шестой день, как я начальник больницы.

— Я прибыл вчера и за сутки успел кое-что сделать. Не огорчайтесь, майор, у каждого свой метод работы. Русакова целые дни проводит в палате Седугина. Вчера, узнав об этом факте, я заинтересовался, знаете ли, просто так, по-стариковски, о чем воркуют эти милые голуби. И вот вам небольшой документик. Седугин написал жалобу в центр. Он обвиняет нас во всех смертных грехах. Об этом письме, как я полагаю, Седугин сказал только Русаковой. Я отдам письмо вам, а вы...

— Что с ним делать? Отдать Волку?

— Вы догадливы, но не до конца.

— Объясните, товарищ полковник. У меня голова кругом идет.

— Это очень нехороший симптом. Случается головокружение от успехов, а бывает и наоборот. Этим письмом Волк докажет Седугину, что Русакова его предала. Какая же последует

реакция Седугина? Злоба, желание отомстить. А кому? Конечно, Русаковой. Но как? Убить он сам не решится. Тут-то ему на помощь придет Волк. Седугин заманит Русакову на чердак с двумя выходами, и там они сообща с Волком побеседуют с ней, но никаких эксцессов. Мирная дружеская беседа без излишних следов на теле. За жизнь Русаковой вы отвечаете головой. Она мне нужна живая, а не мертвая. Всю операцию проведете один. Никто из надзирателей не должен знать об этом. Одно лишнее слово — и я вам не завидую, майор. За вами будут следить внимательно очень внимательные глаза. Среди нового пополнения личного состава к вам в больницу пришел сержант Алексей Миронов. Это бывший закадычный друг Седугина. В Красноярске они оба чуть не попали под трибунал за самовольную отлучку. Выберите такой момент, когда Миронов будет находиться вблизи вас. Сделайте вид, что вы его не заметили и в разговоре со своим заместителем случайно упомяните, что у вас новый сексот Русакова. После этого пошлите в зону Миронова. Он не преминет поделиться тайной с Седугиным, и наш бывший ефрейтор больше не позволит себе сомневаться в виновности Русаковой. Но важно, чтоб Седугин обозлился на главврача. Невзначай проговоритесь надзирателю Каблукову, у него прямо-таки нелепая кличка «Аля-улю Айда-пошел», что главврач настоял отправить Седугина в штрафной лагпункт. Каблуков дружит с Волком, и он сообщит Седугину ваши слова. Вот тогда-то Седугин и начнет действовать с удвоенной энергией. Врач обещал продержат его еще месяц в больнице и надул. Клава клялась в любви и предала. Русаковой продиктуют такой текст. Пишите: «Гражданин начальник управления. Главврач четвертой больницы говорил при мне заключенной Ивлевой, что он ваш двоюродный брат. Вы старше его на пять лет. В детстве вы вместе играли и росли. Игорь Николаевич очень хороший человек. Он забрал меня из вензоны, перевел в землянку, где живут смиренные грамотные женщины. Помогите и вы мне, гражданин начальник. Напишите в Москву, чтоб меня скорей освободили. Меня арестовали за яблоки, но яблок я больше воровать не буду. Хочу честно трудиться и жить. Игорь Николаевич говорил доктору Ивлевой, что он раньше никому не рассказывал о том, что вы братья. Клава Русакова». Записали, майор? У Волка исключитель-

ная память. Два раза прочтите ему текст и он запомнит его слово в слово. Записку вернете мне. И еще одно. Седугина ни в коем случае не обижать. После окончания нашего маленького дельца пусть пишет помилование. Я его поддержу. Он мне еще пригодится. Записка Русаковой по адресу не попадет. Русакову вызовут ТУДА. Сперва она застесняется, не захочет оговаривать главврача, но после соответствующего внушения Русакова раздумает, и тем ценнее прозвучат ее показания. С ней поговорят там, куда не дотянется рука Орлова. Теперь вам ясно, почему письмо напишет Русакова, а не Малина или Волк?

— Не совсем, товарищ полковник.

— Да-а-а, туго вы соображаете... Если бы письмо написал Волк, то невольно возник бы вопрос, а как он об этом узнал. Главврач не подпустит его к себе близко. А разговаривать при нем об Орлове... это похоже на бред. Другое дело Русакова. Она спасла главврача, предупредила о покушении Пузыря и Горячего. Мы разрешим ей упомянуть и об этом. Тогда вполне поверят, что главврач, доверяя ей, в ее присутствии разговаривал о хозяине. Допрашивать Русакову будут вне досягаемости Орлова.

— А дальше что вы думаете делать, товарищ полковник?

— Главврача переведут в другой лагерь. Вызовут его, напомним, что можно применить меры к его семье. Жену и сына он любит — и все кончено. Последует признание главврача и оргвыводы для нашего хозяина. Ему не простят, что он давал привилегии своему двоюродному брату. Родственные чувства к врагу народа обойдутся ему дорого, слишком дорого. Русакова — это первая тоненькая ниточка, она потащит за собой всю цепь.

— А вдруг они не братья? — со страхом спросил майор.

— Ошибка исключена. О разговоре главврача с Ивлевой было доложено вашему предшественнику больше месяца тому назад.

— Кем же? Может быть вы мне отдадите этого сексота, товарищ полковник? Я в лучшем виде его использую.

— С удовольствием бы, но невозможно. Это был очень ценный сексот.

— Но как его фамилия? Может встречу, пригодится он мне.

— Безыконникова. До лагерей она пятнадцать лет проработала в органах.

— Почему ж вы так долго не принимали мер?

— Ваш предшественник струсил. По мелочам он не боялся сигналить на главврача: пьяница, агитатор, развратник и прочее. Сигналил и в управление, и в центр. Но вступить в единоборство с хозяином не хватило принципиальной честности. Он уничтожил записку Безыконниковой. Но он забыл, что у меня есть другие возможности получить ту же информацию. К сожалению, я узнал об этом сигнале поздно. Пришлось побеседовать с майором, напомнить ему о двух не совсем лучезарных происшествиях из его жизни. Он собственноручно составил объяснение о записке, переданной Безыконниковой.

— А где же она сама? — с жадным любопытством спрашивал майор.

— Убили заключенные. За нее скидок не будет. Следствие поведем по всем правилам.

— Но где ее убили?

— На сто шестнадцатой. На другой день после того, как она составила свою записку, ваш предшественник со страху отправил ее на этап, чтобы избавиться от такого опасного сексота. На сто шестнадцатой у нее не было связи со мной. В больнице был человек, который передавал мне ее донесения, а на сто шестнадцатой не было. Она все же сумела передать мне сведения об Орлове. На словах. Как первая, так и вторая записка Безыконниковой не сохранилась.

— Но как же она могла подслушать? Игорь такой осторожный.

— Как бесплатное приложение, я открою вам маленький секрет. За восемь лет главврач ни с кем не разговаривал о хозяине, кроме как с доктором Ивлевой, и то в своем кабинете. Но за кабинетом главврача есть маленькая заброшенная конурка. Снаружи она заколочена. Однако при желании гвозди можно вынуть. В стене пробуровлена дырка, конечно не насквозь, но довольно глубоко. Если приложить к дырке обыкновенную кружку и плотно прижаться к ней ухом, можно хорошо разобрать, о чем разговаривают в кабинете. Я работаю в управлении третий год и об этом тайнике знаю давно. Передаю его вам, майор Зотов.

— Когда они разговаривали? Днем или ночью?

— Ночью.

— Почему же именно в эту ночь Безыконникова не спала?

— Она очень наблюдательна. Ее заинтересовала Ивлева. Главврач очень любезно встретил Ивлеву, и Безыконникова решила проследить за ней. Она не спала всю ночь и слушала их разговор. Примитивное подслушивание. Но иногда и оно приносит пользу. В недалеком будущем техника даст нам в руки такие возможности, что дух захватывает от радости. Ни один разговор не ускользнет от наших ушей. А пока... Пока советую воспользоваться тем, что есть. Как видите, я обо многом осведомлен, майор. Не советую со мной хитрить. Я надеюсь, вы поняли, как это опасно.

— Понял, товарищ полковник.

— Приступайте к исполнению своих обязанностей. Действуйте изворотливо, с умом. Будьте преданны, честны, прямодушны. Выиграем мы оба, а проиграете — только вы. Если вздумаете... — полковник не договорил и выразительно поглядел на майора.

— Все выполню, товарищ полковник.

— Надеюсь. Желаю вам удачи, майор Зотов.

ВОЛК

— Голова не болит?

— Болит, Волк. Тошнит. Во рту, как кошки нагадили.

— Это с похмельюги. Пройдет. Вчера мы много вылакали. И сегодня. Ты обниматься ко мне лез, как дешевка. Дюбни сто грамм и больше ни капли. — Волк подал Седугину стакан. Степан с отвращением понюхал самогонку и отвернулся. — Ты не нюхай, пей. Ну как, пошла? Хорошо. Картошкой сырой загрызи, разжуй ее и глотай, весь запах отшибет. А теперь подкури.

— Что это? — спросил Седугин, вытирая ладонью рот.

— Ты как Сидор Поликарпович спрашиваешь: «Ах, что это, позвольте вас спросить». Это планчик, дорогой Степа. Ана-

ша. «Планчик ты планчик, ты божия травка, отрада воров, щипачей. Плану подкуришь, все горе забудешь...» — запел Волк, протягивая Седугину козью ножку, набитую табаком вперемешку с анашой.

Седугин затаился. Он раньше никогда не курил анашу, хотя надзиратели часто потчевали его. Степан видел, что некоторые из них, накурившись анаши, беспричинно смеются, указывают пальцем на стену — и вновь взрыв смеха, кое-кто плачет, иные часами бессмысленно смотрят в одну точку, у многих просыпался волчий аппетит и они ели, не зная чувства меры, но были и такие, кого охватывала безудержная ярость. Наплевав на всех и вся, они были готовы подраться с кем угодно, без всякого повода порвать вещи, ударить ножом. В таком состоянии анашиста с трудом удерживали двое-трое здоровых парней. Случалось, что анашист впадал в благодушие, граничащее с идиотизмом, тоненько хихикал, прочувственно ронял слезы, лез целоваться и объяснялся в любви. Пока Седугин курил, он не ощутил ничего или почти ничего: неприятный масляный запах конопли и слегка першило в горле.

— Поглубже затягивайся, — поучал Волк. — Дым поменьше выпускай. Обеими ладонями рот прикрой. И чаще тяни, не как папиросу. Вот так, — Волк вздохнул, со свистом втягивал в себя дым. Секунда — затяжка, секунда — затяжка. И так шесть или семь раз подряд. Седугин последовал его примеру. Докурив, он спокойно посмотрел на Волка.

— Не разобрало? — сочувственно спросил Волк. — Посиди минут десять, покайфуй, дойдет.

Перед глазами Степана всплыло лицо Клавы. Залитое синевой, оно напомнило Степану другое лицо — лицо его утонувшего меньшего брата. Распухшее, обезображенное, неузнаваемое — таким оно навсегда запомнилось Седугину. Степан плакал о братишке. Плакал горько и безутешно и боялся взглянуть в его лицо. Он не смел признаться даже самому себе, что лицо брата вызывало в нем страх и отвращение. Степан очень любил брата и ни с кем не поделился, что он испытывал мучительную тошноту при взгляде на лицо утопленника. Он стыдился своих чувств, ругал себя, но тошнота и отвращение не проходили. Лицо Клавы, он видел его словно наяву, разбудило в нем гнев. Чем больше он пытался подавить свою ненависть, тем ярче раз-

горалась она. Как в бреду он видел, что Клава показывает ему язык, грозит кулаком, смеется и, причмокнув губами, дважды провела пальцем вокруг шеи.

— Грозишься, стерва! — закричал Степан, вскакивая с топчана.

— Развезло! Скоро работать, Степа, — довольно улыбнулся Волк.

Седугин плавал в густом тумане и всюду, куда бы он не обернулся, видел лицо Клавы, торжествующее и злое.

— Проглоти пилюльку! — предложил Волк. Степан машинально выпил лекарство. Вскоре мысли его прояснились, но злоба обострилась до предела. Два имени сверлили мозг: Игорь и Клава. Игорь поступил подло, обманул его. Но он был чужой и незнакомый человек, он не звал его к себе большими влекущими глазами, не обещал таинственную радость, не будил нежного восторга, не тревожил подспудного чувства любви, не манил в светлую страну мечты, где живут только он и она. А Клава звала, обещала, тревожила, манила и... предала.

— Пошмаляем, Степа! — позвал Волк. По дороге он еще раз объяснил Седугину, как вести себя. — Впулишься в землянку, толкуй по-хорошему. Вызовешь Клавку, оттяни ее. Про ксиву трекни. Толкуй с ней возле второго корпуса. Я пошмаляю на чердак. Ухватываешь?

— Схватил.

— Канай! — Волк долго глядел вслед Седугину. Когда Степан подошел к землянке, Волк тихонько свистнул.

— Я здесь, Волк, — тихо проговорил Буров.

— Канай по-над стенкой второго корпуса. Держись за стену, чтоб не упасть. Дойдешь до конца — стой и не рыпайся. Слушай толковище.

— А кто будет говорить?

— Дешевка и фраер. Он станет ее фаловать впулиться на чердак восьмого. Если что другое трекнет, сразу рви ко мне.

— Упаду... тут ямы.

— Грабками щупай, ножками топай. Сделаешь все, миска мяса ломится. Сгоришь — по хребту поленом. Определишь — под хор Пятницкого в шесть смычков протянем, ласточка и петля. Канай, Буров! Ты фраер с душком.

— Увидят меня... Они с глазами, — захныкал Буров.

— Закнокают, начинай свое: «Дорогие дяденьки и тетеньки...» Заорет фраер на тебя — рви и не базлай.

Никто из самых близких друзей Волка не знал, что он ночью видит так же хорошо, как днем. Ему ничего не стоило в темном бараке наблюдать за любым человеком. Волк видел, как Степан вошел в землянку и вскоре вышел, а немного погодя, вслед за ним, появилась Клава. Они остановились у второго корпуса и о чем-то долго говорили. Волк нервничал. «Идиот! — со злобой думал он. — Дешевку сфаловать не может. Мусорская душа его поганая! Завалит дело, упрячут меня к ворам... И Буров выполз! Работай с ними! Бежит... упал. У-у-у, сукотина!»

— Сюда, — вполголоса позвал Волк Бурова. Размазывая слезы здоровой рукой, Буров подошел к Волку. Волк вполсилы ударил его в грудь. Буров заскулил жалобно, по-щенячьи. А Волк, правой рукой схватив его за волосы, пригнул к земле, а левой, не торопясь и умело, бил по почкам. — Заткнись! Сделаю! — прорычал Волк, услышав легкое повизгивание Бурова. — Учись, дурак! Для тебя же стараюсь! — Кончив бить, Волк назидательно сказал: — Запомнишь — поумнеешь! Привыкай чисто работать. Это тебе не дярвеня. Хозяин! Канай куда хочешь и притырься, чтоб тебя ни один пес не надыбал.

Тихо всхлипывая, Буров ушел. Волк не спускал глаз с Клавы и Степана. Клава замахнулась на Степана, и Волк в ярости сжал кулаки. «Спалил дело мусорило! Нет, толкуют... К восьмому пошли... На мази!» — обрадовался Волк и помчался к восьмому барaku.

— Стоишь? — спросил Волк, подбегая к Чуме.

— Лежу! — сердито огрызнулся Чума. После вчерашней попойки у него трещала голова, а похмелиться Волк не разрешил.

— Сейчас прокандеhaust. Клавку Малина примет, если я не успею. Кнокай за чердаком. Если мусор рванет, дай ему тормоз свинчаткой. Промажешь — базлай: «Когти!» И сам отваливай. Идут. Степочка помогает Клаве. Помогай, недоделанный, там Малина грабку ей даст. И сам пуляется. Пора и мне. Я с другого входа.

НА ЧЕРДАКЕ

...Ну зачем? Зачем я написала письмо на Игоря? Степан говорил, что он боится лезть на чердак, а сам идет вместе со мной... Может и правду сказала Катя, что он подружился с Волком... Воры надзирателей не любят. Вчера Степа пил с ними. Ну и что ж, как пил... Скучно ему и выпил. А мне за что руки ломал? Письмам поверил, а мне нет. Достану его вещи и уйду. Видеть не хочу. Если попросит прощения, не прощу. Докажу ему, что я не виновата и в лицо плюну. А как докажу? Кто поверит? Рассказывать стану, Игорь обо всем узнает. Рита на меня смотреть не захочет... И Любовь Антоновна... Он идет и сопит только... Бугай! — Клава сердито взглянула на Степана, но в наступившей темноте она не увидела его побледневшего лица.

...Куда я веду Клавку? Может, порвать письма и убежать в палату? Поиздевался я над ней, ну и хватит... Измучилась она. А я не измучился?! Пела: «Только ты, Степан, милый мальчик мой и любовь моя беззаветная». Любовь... За пятьсот рублей. Пусть отлупят ее. А как убьют? Не дам! Не справлюсь я с ними. Позову на помощь... А завтра на этап. Она посмеется: «Спасибо тебе, Степочка. Поезжай, работай». Возле параша положат... Баландой в лицо плеснут, как Бурову. Взвою, не выдержу, отрублю себе руку — меня сюда... а она здесь встретит... Чистая, сытая... А я? Иди, Клавка, не мне одному плакать... Поплачь и ты... Пришли... Пособлю ей залезть... Тут три скобы... как нарочно прибили... Вчера я их не видел... Откуда они?» — удивлялся Степан, помогая Клаве вскарабкаться на чердак.

— Тут кто-то есть... — прошептала Клава, хватая за руку Степана и крепко прижимаясь к нему.

— Не дури, Клавка, тут только мы, — успокаивал Клавку Степан.

— А я? — раздался над самым ухом Клавки знакомый бас Волка. — Забыли меня?

— Волк... — прошептала Клава, инстинктивно прячась назад. Яркий сноп электрического света ударил ей в глаза и на мгновение ослепил растерявшуюся девушку.

— Опустит фонарь... Глазам больно, — попросил Степан.

— Глаз не п..., проморгается. Привыкнет твоя Клавочка. Сколько время света электрического не видела. Все костры да коптилка. А у меня культура. Хамай культуру, Клава! — балагурил Волк. — Садись, потолкуем. Не стесняйся, а то нахалкой посажу.

Не понимая, что от нее хотят, Клава покорно села на пол. Волк не выпускал из рук фонаря. Луч света скользил по лицу девушки, мешая ей собраться с мыслями. Да и что ей было говорить? О чем ее спросят? Волк долго молчал, ожидая, что Клава заговорит первой, возмутится, попросит пощады, начнет лихорадочно расспрашивать, как же с ней собираются поступить. В такие минуты сломить человека проще, чем тогда, когда он молчит, ждет, мучается, но не выдает своего волнения и страха. Так и не дождавшись от Клавы ни одного слова, Волк разочарованно вздохнул и заговорил. Речь его, то грубовато шутливая, то мягкая и вкрадчивая, то полная угроз и недвусмысленных намеков, держала в напряжении Клаву, давила своей безжалостной жестокостью, била кнутом грядущих бед, плевала в душу страхом возможного позора, грозила погубить в глазах тех, к кому успела привязаться, кого полюбила и открыла тайну своего маленького девичьего сердца.

— Ты перевоспиталась, — слышала Клава слова Волка, а лицо его, спрятанное в темноте, оставалось невидимым. — Держись за меня — не пропадешь! В больнице не один Игорь хозяин. Откроется пересылка, заживешь, как бог в Одессе. Кобылы тебя не тронут, жрать от вольного! На работу не ходи, наколки сведем сырым мясом. За это ты только одну ксивенку замандячь. На Игоря.

— Ни за что! — выкрикнула Клава.

— Не определяй голосом! Подколю. Тесак острый. Чокнутая ты, Клавка! Тебя Васек-кобел всякую муть заставил катать на Игоря. Я — Волк, не кобел. Напишешь ксивенку, что Игорь двоюродный брат одного мусора.

— Кого?

— После скажу, Клавка, когда писать будешь. Этот мусор отмажется за тебя и ты к новому году на свободу выскочишь. Я бы и сам такую ксивенку написал, да мордой не вышел. Волка и за человека не кнокают.

— Обманешь, не буду.

— Я никому не свистел. Напишешь. Пришла на чердак — тут мазу не жди. Игоря и Степу ты заложила, дежурникам до фени, о чем мы толкуем, фраера дохнут. А кто услышит, под нары притырится. Пиши, Клава. Карандаш, бумага, свет. Как у начальника в кабинете. Бери бумажку, она чистая, гладенькая. На такой только жиганские песни катать.

— Не возьму.

— Бесплезняк, Клава. Рыпайся — не рыпайся, а напишешь.

— Не буду. Бейте! Убивайте!

— Кто ж тебя пальцем тронет? Мы в три смычка тебя пропустим, а Степа покнокает. Потом в щелку тебе скорлупу куриного яйца затолкаем и сверху четвертинку. Бутылку достанут, а скорлупа раскрошится. Больно будет, Клавочка.

— Не тронете вы меня. Я заразная, — в отчаянии прошептала Клава.

— А слезки-то кап-кап, соленькие. Люблю, когда дешевки плачут. Мы тебя в ротик огуляем. За подбородок придержим, чтоб не откусила, язычком пощекочешь и сглотнешь. Она жирная. От троих примешь и наштефкаешься до блевотины. Бесплатно.

— Степа... за что?!

— Что Степа? Он сам за ширинку держится, ждет, когда мясом тебя жилистым накормит. Сейчас мой фортыцарь — мясо жилистое, помнешь ты его своей грабкой нежной — хрящем станет, губками возьмешь в ротик — костью заделается, язычком пощекочешь — сахарной косточкой с мозгом. Весь мозг тебе в рот выплону, а ты, не жуя, глотай. Этот мозг полезный. Витаминов там сколько! Вкусно, дешево, питательно, попробовать обязательно, — не удержался от декламации Волк.

— Я...

— Стой, Степочка, и не базлай! Закатал свою Клавочку за пять бумаг и молчи в тряпочку.

— Он проиграл меня?!

— Конево дело, Клава. Прошпилил! Мазь не пошла человеку. И залудил он тебя за полкуса. Игорь почему за тебя мазу держит? Почему он Воробьеву медсестрой сделал? Он заставит вас травить мусоров, сук и воров. И Степочку твоего тоже.

— Вы врете! Игорь ничего такого нам не говорил.

— А Горячему?

— Он хотел испугать его. Я в ту ночь до утра сидела в кабинете. Игорь говорил, что суки и воры больше не придут в больницу, побоятся.

— Ты не держи мазу за Игоря. Хорошо поешь, а где сядешь? Ты мне Степанову ксивенку за полкуса продала.

— Врешь! Врешь! О его письме я никому не говорила. Даже Игорю! Рите! Любовь Антоновне! Ты украл письмо! Ты!

— Я ксивенку дубнул? А откуда же я ваш разговор знаю? Ты со Степаном трекала без никого. Он сказал тебе: «Я, Клавка, самому министру написал в Москву. Поговори с Игорем, он за зону без конвоя ходит, пусть бросит письмо». Кто же, кроме тебя, мог трекнуть о его словах? Ты заложила его, а теперь « Степа, Степа ». Он первый тебя в рыжую девятку огуляет. Она не заразная. А из рыжей девятки в ротик, чтоб вынюхала всю вонь. Пиши!

...Кто украл у Степана письмо? Я никому не говорила... Откуда узнал Волк? Подслушал? Написать на Игоря Николаевича? Он держит меня, Риту, всех... Не будет его — опять вензона, коблы, воры, суки... А Лида? А Рита? Их — на глубинку... И Любовь Антоновну... Она отдает нам все, что принесет... Она спасла Лиду...

— Не буду писать! — Волк схватил Клаву за горло и с изумительным проворством затолкнул в рот тряпку. Клава попыталась выплюнуть изо рта кляп, но Волк заталкивал его все глубже и глубже.

— Загибай ласточку, Малина! — услышала Клава голос Волка. Ее бросили на земляной пол вниз лицом. Четыре мужских руки схватили Клаву за ноги. — Гни сильнее, чтоб пятки до затылка достали.

Тело девушки согнули пополам. В ушах зазвенело, что-то хрустнуло. Тысячи игл, злых, острых и беспощадных, вонзились в мозг. Боль поднималась отовсюду, рвала и кромсала тело, и

каждая клетка, живая и нежная, молила о пощаде, звала на помощь, а пятки ног уже коснулись налитого свинцовой тяжестью затылка. К горлу Клавы подкатывался крик, дикий, истошный, пронзительный, но кляп надежно гасил его, не давал ему вырваться на волю. И оттого, что она не могла излить в крике свою муку, боль росла и отнимала остатки разума. Клаве казалось, что она летит вниз, и каждый миг падения усиливал ее страдание.

— Отпусти, хребет сломаешь. — «Волк...» Из рта Клавы вынули кляп.

— Напишешь? — спросил Волк. «Пиши! Пиши! — кричало истерзанное тело. — Не надо! — бунтовали сердце и разум. — Пощади! Напиши! Дай отдохнуть, — молило тело. — Умри! — приказывал разум. — Иначе: Васек, вензона».

— Нет... — прошептала Клава, — убейте меня.

— Кто о тебя руки пачкать будет, — презрительно процедил Волк. — Хочешь — сама вздерни себя. На веревку! С петлей. Намыленная. Не вздернешься — яичная скорлупка и три косточки с мозгом. Наштефкаешься. — Волк поднял Клаву и сунул в руки веревку. — Я тебе помогу петлю одеть. Волк — дядя добрый. — Светлый луч фонаря выхватил из темноты лицо Степана. Клава на миг увидела его, искаженное и бледное, и плюнула в его широко открытые немигающие глаза.

...Вот тебе, Степан... Умру... Не будет ничего... А если нет?.. Три смычка, скорлупа... — Клава ощутила во рту вкус этих «мозговых косточек». Гадливость, ужас, стыд с такой силой захлестнули ее, что страх перед смертью отступил.

— Не трожь Клаву!

— Не базлай, мусор! Пришибу!

— Не трожь! — повторил Степан. Пока Клаву сгибали пополам, он молчал. Но злоба уже уступила место жалости. Он увидел Клаву такой, какой он увидел ее впервые: робкую, застенчивую, с нежным румянцем на лице. Он слышал ее голос, задумчивый и мягкий, и снова, как и в тот день, смотрел в глаза Клавы, доверчивые и любящие. И хотя в темном уголке сознания еще билась мысль: она выдала, пусть помучается, но с каждой минутой эта мысль гасла, и жалость к Клаве росла и крепла. И вместе с жалостью разгоралась злоба к Волку. Он ярко и отчетливо вспомнил вчерашнюю игру. Ну как он мог

связаться с ними? Почему не поговорил с Клавой? Зачем привел ее на чердак? Сейчас он хотел быть где-то далеко отсюда, увести с собой Клаву, но рядом стоял Волк. И Клава... с веревкой в руках. Он больше никогда-никогда не увидит ее живой. Алеша говорил... Он мог обмануть! Ведь их же учили врать! Учили! Спасу! Вырву!

— Отойди, Волк!

— Потише, мусор!

Убьют Клаву... А меня? Кто я для них?

— Получай! — крикнул Степан, но страшный удар обрушился на голову Седугина. У него подогнулись колени. Степан поднял руки, пытаясь дотянуться до Волка, и обессиленный рухнул на пол.

— Трекал я тебе, не бери его на чердак. Поставил бы на атасе, — проворчал Малина, пряча свинчатку в карман. — Хорошо я успел по черепу его притырить, а то бы разбазлался он — и полное горение.

— Степа... Встань, — заплакала Клава, нагибаясь к Седугину. Острая боль в пояснице. Клава ойкнула и чуть не упала на пол.

— Болит хребет? Ножками долго не потопаетшь. Мы не на всю катушку ласточку замандячили. Еще минут десять подержим в ласточке и до конца срока на больнице прокантуешься. Хочешь — рви в зону, хочешь — по чердаку прокандехай. Я тебя держать не стану. — Клава, не глядя на Волка, пошла к выходу. Она не задумалась, почему Волк разрешает ей уйти. Но, сделав два шага, Клава застонала и схватилась за толстую деревянную подпорку. — Не ходится? А ты думала, я свищу. Побазлай, легче будет. — Клава хотела крикнуть, но из горла вырвалось бульканье и хрип. — Я умею душить. Долго голос не дашь. А ножки тю-тю, не топают. Глотка а-а-а — не базлает. Еще три косточки примешь, скорлупку, ласточку — и хорош. Катай ксивоту или вздергивайся. Помысли, Клава, что лучше — бумага или веревка? — Волк протянул Клаве веревку с петлей, в другой руке он держал карандаш и бумагу.

— Давай.

— Бумагу?

— Веревку... Он... жив?

— Степочка? Очухается. На, Клавунчик, веревочку. Душа у меня нараспашку, последним поделюсь. — Клава молча взяла дрожащими руками намыленную веревку и пошире раздвинула петлю. — Кто же так петлю одевает? — мягко упрекнул Волк. — Соскользнет, об пол дубнешься и зашибешься. Дай-ка я тебе помогу.

— Волк! — злобно прошептал Малина, хватая Волка за руку. — Что ты делаешь?

— Отвали! Я человеку помогаю. На затылок узел не мандячь. Вредно. Долго провисишь. Больно будет, Клавочка. Узелок ближе к подбородку, два раза дрыгнешь ножками, как Юрку подмахивала, — и отключишься.

— Волк!

— Обожди, Клавочка, потолкую с ним. Чего тебе? — спросил Волк, когда они отошли от Клавы.

— Она не рванет? — забеспокоился Малина.

— Я слежу за ней.

— Темно, не укнукаешь.

— Я укнукаю, Малина. Ты мешаешь работать.

— Чокнулся ты. Сам говорил, что Клавку не велели делать.

— Тише базарь, услышит.

— Услышит не услышит, ты же ее подвесишь.

— А кто тебе трекнул, что я ее подвешу?

— Ты мне черноту не лепи.

— А я и не леплю, Малина. Я ж не до конца ее подвешу. Для этого и узел на подбородке заделываю. А так бы на затылок его замандячил.

— А-а-а... Ты с понтом ее подвесишь... А чего базарить с ней? Уговаривать всякую дешевку! Сами подвесим и водой отольем.

— Ты с двадцать второго года бегаешь, вильдушник, а не знаешь...

— Почему я не знаю!

— По х... и по кочану.

— Ты растолкуй, а не лайся.

— Если настырного вора подвесить нахалкой и отлить, он ни за какие манатки с суками жрать не сядет. Снова ласточку, подвешивай, мути — и так раз пять...

— При чем тут воры?

— При том, что Клавка настырная. Подвесим ее нахалкой, охухается она и не заделает нам ксивенку. А сама повесится, обрежем веревку, она что хочешь накатает.

— Темнишь ты.

— Тут и без меня темно. Не хватало еще мне темнить. Если фраер или вор сам себя замыслил сделать и не пройдет у него, тогда его пять человек не повесят, во второй раз в петлю его трактором не затащишь. Побывал там — жить ему здесь охота. Клавка духарится, мертвой себя считает, а как отольем мы ее, залупает шарами, в паморки придет, во второй раз она помирать забздит. Накатает все и в землянку поканаает.

— А где ксивенка?

— Тут, — Волк постучал себя по лбу. — Когда буду толковать ей ксиву, ты с чердака спуливайся.

— Мне начальничек сказал, что работаем для хозяина. Может трекнешь, о чем ксива?

— Не жди, Малина, не трекну. Кроме меня и Клавки о ксиве никто не узнает. Подслушаешь — на воровскую загремишь. Притыришься — я укнокаю. Пошли работать, Малина.

Клава едва стояла на ногах. Ее бил озноб. В эту минуту она не думала ни о смерти, ни о том, как прожила свою коротенькую жизнь. Мелькнуло лицо мамы, и снова боль и страх. Но и они ушли, оставив глубокое безразличие ко всему.

...Скорей бы кончилось... Только б не больно... Степу не убили... Они все сделают... Мама поплачет... Отдохнуть бы... Там ничего нет... Это совсем не страшно... За что привязать веревку? Степа не виноват... Какое мне дело... Усну и не проснусь... Маме ничего не напишут... Хоть бы крючок или гвоздь... Конец... Как хорошо... Ни коблов, ни Волка, ни вензоны, ни Игоря... Я одна... полечу... Раньше я летала во сне... Почему теперь не летаю? Все закружится, поплывет и меня не будет... никогда. А как долго это никогда? Тысячу лет? Миллион. Больше... Никогда — это значит никогда... А не вешаться? Они отшибут все. Буду такая, как Катя, больная, старая... Еще хуже — заразная... Ноги болят... и спина. Катя умная, жалела меня... она не знала... Лида, Рита... Уйти бы отсюда подальше... Мертвую не тронут, а тронут — не больно...

— Ждешь, девочка? Жди-жди. Вешаются тоже в порядке живой очереди. Я всем не успеваю шестерить. Тебе шестерну

— люкс! Спасибо на луне скажешь. Встретишь там матушку мою, привет ей от сынка передашь. Она в тридцать третьем загнута. Трекни ей пару ласковых. Подставляй шейку, Клавуничик. Волосы у тебя густые. Покнокай, как хорошо петля лежит. Становись ножками сама, учти, я тебя нахалкой не заставляю. Захочешь снять петлю — снимай, и потолкуем. Мысли, Клава, мысли, я подкурю пока.

...Конец... или... вензона... И маме напишут... Яблоки... Ну зачем я их взяла?! Не хлеб же ведь... Волк отошел... А если снимут и опять мучить начнут? Зачем им? Хотели бы — сами повесили бы... Ну почему это со мной? Почему? Не дамся им! Не дамся! — Клава пощупала узел. — На подбородке... Мучиться буду долго... Волк обманул... А я его обману: сдвину на затылок... Вот так... хорошо...

— Ты кнокаешь за ней, Волк?

Малина спрашивает...

— А что кнокать, пусть мыслит, — по тому, как говорил Волк и откуда доносился его голос, Клава поняла, что Волк стоит к ней спиной. «Ой, мамочки, страшно...» У Клавы захватило дыхание, а ноги ее сами, она вроде бы и не шевельнула ими, соскользнули с чурбана, услужливо подставленного Волком. Последнее, что слышала Клава, был чей-то громкий крик: «Когти! Когти!» и голос Малины: «Рвем!»

Клава погрузилась в беспросветную тьму, откуда не возвращается никто.

— Рвем! Горение! — торопил Малина Волка.

— Где месор? — растерянно спросил Волк, лихорадочно шаря по карманам. — Забыл...

— Зачем он?

— Веревку обрезать.

— Рвем, лезут!

— А Клавка?

— Снимут.

— Узел повернула... на затылке... Чихты Клавке... Сгорели... Не нужна она, рвем. На мусора свалим, — торопливо шептал Волк, устремляясь вслед за Малиной к запасному выходу.

БУРОВ

— Поешь, Рита. Мы тебе оставили.

— Спасибо, Елена Артемьевна, не хочется.

— У Андрея засиделась?

— У него. И к Тимофею Егоровичу зашла.

— О чем вы с ним говорили?

— Елена Артемьевна... Ася — его дочь.

— Я так и знала, что ты не сумеешь сказать неправду.

— Я нечаянно.

— Это что ж за Ася?

— Я тебе, Катя, рассказывала о ней. Она подожгла карцер на пересылке. Ее убили. А я... Ну не сумела, не смогла обмануть Тимофея Егоровича. Опять я виновата.

— Не говори ерунду, Рита, — сердито перебила Елена Артемьевна. — Тебя никто не винит.

— А у нас новость. Клавка ушла.

— Куда ушла? — Рита недоуменно посмотрела на Катю.

— Не болтай, Катя, лишнего. Клава скоро вернется. Она вышла побеседовать со Степаном. Они раньше встречались.

— Я зазря не стану языком трепать, Елена Артемьевна. Язык-то у меня чай не помело, не болтается. Упомните мое слово, недаром Седугин Клаву увел. С ворами дружбу водит — добра не жди.

— Что ты выдумываешь, Катя? Какая у них дружба? Напоили они его вчера, а тебе Бог знает что померещилось, — возразила Елена Артемьевна.

— Они любятя, а вас завидки берут, — вмешалась в разговор Лида.

— Пусть бы и любились, мне-то что, — Катя пожала плечами.

— Что ж ты лезешь к ним? — задиристо спросила Лида.

— Балаболка ты.

— А ты дура.

— Ну и пушай, — беззлобно согласилась Катя. — Вам, Елена Артемьевна, одно скажу: по-зряшному Волк крохи хлеба не даст. Подыхать будешь — не даст. Я поболе вас в лагере, знаю их. Неспроста Седугин увел Клаву. Кабы не лихорадило меня нонче, уследила б за ними. Клавка дурная, тревожусь я. Мочи нет встать.

— Когда Клаву не пускала, небось к дверям подошла, — напомнила Лида.

— Перестань сейчас же. Ты сама не понимаешь, что говоришь. Стыдно так разговаривать с больной подругой.

— Не давайте внимания ее словам, Елена Артемьевна. Лида наскажет. Давеча я посередке встала. Крепко не хотела, чтоб Клава уходила. Знаю, как воры с нами управляют.

— Что ж ты, Катя, сразу не сказала о своих подозрениях? — встревожилась Елена Артемьевна.

— Нешто я молчала? Я Седугину все как есть обсказала, а вы-то тут сидели, уши вам, чай, не залепило.

— Она и вам грубит.

— Помолчи, Лида, — досадливо отмахнулась Елена Артемьевна.

— Давно Клава ушла?

— Минут за двадцать, как тебе прийти, не боле, — в голосе Кати звучали тревога и упрек. — Я-то понимаю, неспроста ушла она, а вам, Елена Артемьевна, все, как дома: не будет мол с Клавой ничего. Она с дружкой Волка ушла, не на свиданку.

— Я пойду, — твердо сказала Рита.

— Куда? Клава скоро придет. Нельзя сразу впадать в панику, — уговаривала Елена Артемьевна.

— Я хочу увидеть Тимофея Егоровича.

— Поздно, Рита. Не ходи, — предостерегла Катя.

— Клаве не поздно, а мне поздно?

— Так она ж по нужде.

— А я, Катя, по охоте.

Выйдя из землянки, Рита и сама не знала, куда и зачем она идет. К Игорю Николаевичу нельзя: Тимофей Егорович прямо сказал, что разговаривать при ней не станет. Искать Клаву? А где ее вечером найдешь? В сердце прокрадывалась смутная тревога, навеянная предостережением Кати. Рита обошла всю зону, заглянула в палату Седугина, но ни его самого, ни Клаву

там не было. «Где же они? Если б разговаривали, я бы услышала... Стояли бы где — увидела... Вышла из землянки — было темно, а сейчас светло... Тучи разбежались... Луна... потому и светло...» Рита подняла лицо кверху и как зачарованная смотрела на далекие мерцающие звезды. Потом взгляд девушки остановился на выплывшей из-за туч луне, и ей почему-то стало жутко. Утомленная тяжелая луна нависла над головой. Она равнодушно и медленно, почти незаметно для глаз, ползла по зыбкой бездне холодного чужого неба. Темные пятна на ее бледном лице, как синие мешки под веками больного, будили тоску и тревогу. Черными впадинами глаз луна смотрела на землю. Так смотрит мертвая дочь в глаза еще живой измученной матери. О ней, живой, забыла смерть. Мать завидует умершей дочери, что она уже отмучилась, а перед ней еще долгий путь, пустынный и бесприютный. Она молит смерть освободить ее от мерзости ненужного прозябания, но смерть не слышит ее молитву. Со злобой и отвращением тащит осиротевшая мать груз постылой жизни, не догадываясь, для чего она родилась, не понимая, зачем живет, не ведая, когда кончатся муки и она уйдет в безмятежный мир вечного покоя. Забыв о землянке, о лагере, о Клаве, Рита думала о звездах, о печальной луне, о небе, непонятном и темном.

— Рука моя рученька, — услышала Рита тихое всхлипывание. «Кажется, Буров... Он... Кто его обидел?» Рита вспомнила, как часа два назад над ним издевались у кухни. Сердце ее заняло от щемящей жалости к калеке. Его мучают и мучают... Сколько еще ему терпеть?

— Буров, — негромко окликнула Рита. Тишина. Буров притаился. — Буров!

— Кто тут? — плаксиво спросил Буров, с опаской выходя из-за угла барака. «Запугали его... Звери! Убить их мало, прав Андрей».

— Это я.

— Кто ты? Подайте несчастной брошенной жене...

— Это я, Рита.

— Рита? — с недоверием спросил Буров.

— Я. Кто тебя побил?

— Никто, — испуганно и торопливо заговорил Буров. — Сам упал. Я спою вам песню...

— Не надо, Буров, не пой, — с болью в голосе попросила Рита. — Не пой им больше песен! Я видела, как они облили тебя супом. Не плачь, — Рита ласково погладила Бурова по голове и порывисто обняла его за шею. — Не плачь. Я завтра скажу Игорю Николаевичу. Им попадет.

— Не говорите, сестричка! Я боюсь.

— Ладно, не скажу. А ты не подходи к ним. Жалко мне тебя... Как Павлика.

— Паву Инженера?! — в страхе спросил Буров.

— Павлик — мой брат. Его убили на фронте. Ну зачем ты так? Рuku отрубил, глаза испортил...

— Они били меня. В бараке, в изоляторе... За меня никто.

— Я за тебя заступлюсь. Только не пой им! Я много баланды получаю. И хлебushка отломлю. Каждый день. У Любовь Антоновны попрошу. Не пой, Буров!

— Рита, Ритка! Что я сделал!

— Все пройдет, Буров, выздоровеешь, — утешала Рита слепого.

— Ты и взаправду меня жалеешь?

— Рuku б свою отдала, чтоб не видеть, как они с тобой у кухни...

— Они нарочно, чтоб я боялся больше. После кухни Волк нашел меня и велел подслушать, что станут говорить...

— Кто?

— Девчонка одна, Клавка. И Степан.

— Ты их знаешь?

— Слышал, друг дружку так называли.

— О чем они говорили?

— Скажу тебе. Ты меня... пожалела... Они Клавку на чердак восьмого потащили.

— Как потащили? Кто?

— Степан. И Волк, наверно, туда побежал. Я подслушал вчера, что они с ней на чердаке сделать хотят. Малина велел мне в вензоне под нары схорониться и слушать, что Волк со Степаном говорить будут. Проиграл Степан Клаву. За пятьсот рублей.

— За что же ее?

— Не знаю. И я виноват. Позавчера Волк спрятал меня под топчан.

— Где?

— В палате, когда Клава со Степаном говорили. Я рассказал Волку, о чем они говорили.

— Где Клава?

— Я ж говорю тебе, на чердаке восьмого. Убили ее поди там. Не выдай, сестричка.

— Беги к Игорю Николаевичу.

— Не пойду, забьют.

...Бежать к Игорю? Не успею... За меня все... Ася... Тимофей Егорович. А я за кого? Боюсь их... как Буров... Нет! Нет! — Рита побежала к восьмому корпусу. Я одна... Их там много... Ася не побоялась... Закричать? А кто услышит? Дежурные не могут... Сама... Все сама сделаю.

ПРОЩАЙ, КЛАВА

Чума, злой и недовольный, стоял на прежнем месте. Переминаясь с ноги на ногу, он лениво оглядывался кругом. Стой здесь, как сямка, а они там работают... Пацаном был, на атасе не стоял... В пропуть лопатников не брал, сам любал... Не закатал бы две бумаги, был бы теперь в законе... Говорил мне Ротский: «Не играй по запарке, Чума. Попадешь за лишнюю бумагу, трюманут. Сукам трудно жить». Я — щипач, вор в законе, а шестерю им, как полуцветняк. Это фраера думают, что у воров старшие есть и младшие... Мусора даже законов не знают... Воры все равны... Есть центровые, авторитетные. Фраера и мусора думают, что они старшие. По закону, с любым из них я мог права качать. И хлебальник намылить центровому за лишнее слово. На воле каждый для себя ворует, там центровых нет... А кто у хозяина центральной? Люди его давно знают по Колыме, по Игарке... Толковать законы может. Масть ему хезает... гроши есть — вот и центральной. А грабки можно заставить поднять и Ротского и дюхи ему отшибить, если назовет порчаком и не докажет. Фраера кнокают, что у дяди Коли тряпки бацильные, полуцветняки ему на цирлах шесте-

рят, воры его слушают, когда толковище идет — и за старшего у них дядя Коля хезает... Фраера толкуют, что мы в карты их проигрываем... Вот свист дикий! В карты тряпки фраерские можно залудить... дешевку, если ты с ней живешь... А на фраерскую жизнь играть?.. Кому она нужна?! Кто ее за бумагу катать станет? Чокнутый только, а человек не будет. Если на воле попадешь в картишки за десять кусков на завтра, а грошей нет, чем расплатиться, тогда и фраера сделаешь... К хозяину попал — и в расчете. На воле проиграл — у хозяина не платишь... За лопатником нахалкой в тюрьгу попал: в лопатнике десять кусков не надыбаешь... Фраеру морду набьешь — хулиганство. Хулиганов воры презирают, поленьями мутят. Какая это мусорская душа Мурку сочинила? Фраера кричат: «Воровская песня». А люди в законе ее поют? В Мурке дешевка речугу толкает, а взрослые воры ее слушают и боятся. Где они закнукали таких воров? Не знают — заткнулись бы... «Это хулиганы, злые уркаганы собирали урческий совет». Когда воры с хулиганами толковали? С суками потолкуют, с мусором, а с хулиганами... Я с мусором бегал, мне люди слова не сказали, а за хулигана трюманули бы сразу. Кто у хозяина фраера проигрывает? Полуцветняк двинет двести горбылей, жрать охота, горбыли из его выбивают, возьмет колун и фраера сделает, чтобы в центряк уйти. Мусора спросят: «Играл?» Он им чернуху лепит: «Проиграл я фраера и убил». Они и кричат: «Воры проигрывают в карты мужиков». Туфта самая настоящая. Мусорам она нужна. Фраера бздят, что проиграют их, и воровскую игрушку дежурникам закладывают. А кому они нужны?! Сук и то не проигрывают. Бесплатно ему колун на череп и чихты. Или пульнут доходяге бацил и горбылей, а он суку делает. Так и меня скоро сработают... Хорошо жить в законе... Две бумаги, две бумаги... Как я их залудил! Волк и Малина с начальником трекают... Он им доверяет... А мне? Похмелиться дадут, как подлятине последней, — и хорош. Малину нарядилом оставят, Волка — комендантом, а меня — шерстеркой в комендантский взвод... Шутильник в грабки и мути фраеров, пока не обхезаются... Водяру — Волку, а горбыли — мне... Хлебальник мой начальнику не нравится! «Шелапутный ты, Чума!» Что я им, всю жизнь на подхвате буду? Похмелиться даже не дал Волчара... Стой на атасе, тормози мусора... Горение — я на от-

мазке, а масть пойдет — мне водяры полбанки, а Волку — коменданта. Нет справедливости! У сук кого начальникек закнукает, тот и центральной. Ништjak, Волк, я тебя еще обхезаю перед хозяином... заделаю тебе козью морду... Рвет кто-то к восьмому... Дешевка! Лезет на чердак... Притырить ее? А на хрена! Волк погорит — я комендантом заделаюсь. Атас подам для отмазки — и рвану. Начальничек с Волком потолкует... — Чума зло-радно улыбунулся и закричал:

— Когти! Когти! — «Меня по делу не возьмут... Вынохивай свое бздо, Волк, а я отвалю». — Чума пустился наутек, не зная, что случилось на чердаке и кто так безбоязненно и решительно карабкается по скобам наверх.

Уже схватившись за костыль, вбитый вчера руками Волка в стену восьмого корпуса, Рита услышала сзади себя громкий крик: «Когти! Когти!» Рита замерла. Острый страх сковал ее тело. Кто кричит? какие когти? Предупреждают об мне... На чердаке кто-то есть... Говорят... Слов не разберешь... «Горение» — донеслось до слуха Риты. Убегают... А может обманывают? Их двое... Убьют... Побежать к Игорю? Он все может. Он большой, сильный... его бояться... Спрыгнуть? Тут невысоко... А Клава? Может ее не тронут? Игорь быстро прибежит. «Узел на за-тылке, Клавке чихты». Повесили... Некогда бежать... Пусть и меня... Пусть и меня! Вот и чердак. Рита оглянулась. Темно. Никого не видно.

— Клава! — позвала Рита. Ни звука. — Клава!

Где же она? Может, унесли ее с собой? Кто-то застонал... Наверно она.

— Клава!

И снова стон, болезненный и негромкий. Рита наощупь пошла по чердаку. Лунный свет не заглядывал в его темные закоулки. Она споткнулась об кого-то и, присев рядом с неизвестным, потрогала его руками. Дышит... Мужчина... Почему ж они говорили о Клаве? Ой, что это? Фонарик! Как у Игоря Николаевича. Нажмешь, он загорится. Где нажать? Здесь, кажется? Рита большим пальцем прижала кнопку фонаря. Свет вспыхнул и тут же погас, но Рита успела узнать Степана. Седугин... Где же Клава? Почему потух фонарь. А-а-а... Его надо нажимать все время. Рита судорожно сжимала и разжимала пальцы. Сноп света вырвал из темноты опрокинутый кем-то

чурбан и ноги. Ступни повешенной не доставали до пола больше чем на полметра. Знакомое Клавино платье... И лицо... посиневшее, неподвижное, мертвое...

— Клава-а-а! — Рите казалось, будто она кричит так громко, что ее услышат даже в зоне, но из перехваченного ужасом и отчаянием горла вырвался стон и замер. Рита обхватила Клавины ноги и с силой, которая еще ни разу не просыпалась в ней, подняла Клаву над собой. Фонарь упал на землю, да и сейчас он был не нужен. Ножик бы... перерезать веревку...

— Степан! Помоги! — теперь голос Риты прозвучал пронзительно и громко. — Степан! Ножик! Клава... — изнемогая и задыхаясь, Рита не выпускала из рук тело повешенной. Поднять тело за ноги и держать его над собой — на это навряд ли хватит сил даже у здорового крепкого мужчины. Руки Риты закостенели.

— Степан! — ни на что не надеясь, еще раз крикнула Рита.

— Клава! — «Степан... очнулся...»

— Да помоги же!

— Держи ее... держи ее... Я сейчас...

— Тут чурбан, — подсказала Рита. — Поставь на попа... Петлю... Петлю снимай!

— Ножик бы, — прохрипел Степан. — Туго затянута... зубами перегрызу. Выше... Чуюк выше подними... Спускай... Снял петлю... Посмотреть бы... Жива может? К свету понесем.

Рита притронулась к холодным щекам Клавы и задрожала всем телом. К Любови Антоновне! Она спасет! Она...

— Постереги ее, — выдохнула Рита и побежала к выходу.

— Ты куда? — крикнул Степан, но Рита ему не ответила.

Скорей! Скорей! Лишь бы успеть... Сказать им... Где они? Наверно у себя... Разговаривают... Клава... Кто же тебя? Степан? Нет... Его самого кто-то ударил. Клавочка! Ты жива? Жива? — Рита ворвалась в кабинет Игоря Николаевича. Не заметив Тимофея Егоровича, он шел ей навстречу, она подбежала к Любови Антоновне. На нее сердито крикнул Игорь Николаевич, но она, не расслышав и не поняв его слов, только и сумела сказать одно имя: «Клава». К ней подошла Любовь Антоновна, спросила ее, но слова доктора утонули в глубине парализованной ужасом души. Рита видела только Клаву. Клава. На чердаке восьмого. Любовь Антоновна говорит, а Рите

кажется, что она беззвучно шевелит губами. Она видела мертвое лицо и застывшие открытые глаза Клавы. На что они похожи? На что? На что? На темные пятна, омрачившие лицо безжизненной далекой луны. Клава и луна... Рассказать? Крикнуть?

— Клава... на чердаке... восьмого... корпуса... — Рита хотела сказать «повесилась», но это слово, страшное в своей обнаженной правде, неотвратное и жестокое, захлестнуло ее, как петля, отняло силу, утопило волю в волнах страха, жалости и бессильного гнева. Ей захотелось присесть, чтоб хоть на одну минуту отдохнуть от нахлынувших горя и ужаса, но в глазах заплескали круги, и Рита, пошатнувшись, упала на пол. Она чувствовала, как Любовь Антоновна укладывала ее на топчан, хотела ей что-то сказать, а вот что — забыла, и погрузилась в глубокий сон.

Игорь Николаевич подбежал к восьмому корпусу. Скобы... их вчера не было... Заранее приготовили... Почему же Клаву? Мстят за Горячего?

— Тут есть кто-нибудь? — спросил Игорь Николаевич, оглядывая чердак. Фонарь не захватил... поторопился... притаились. — Клава, отвечай! — Молчание. Игорь Николаевич замер. Сзади послышался шорох. На голос идут... Подпущу ближе... Кажется, один... Не метнул бы в спину нож... Проманется в темноте... Не промахнется... они умеют... Спокойно... Главное, не двигаться. — Игорь Николаевич затаил дыхание. Ближе... Умело крадется... Пора! — Игорь Николаевич стремительно метнулся в сторону. Он ожидал, что сейчас про свистит нож. Помедлив ничтожную долю секунды, он круто повернулся лицом к тому, кто бесшумно крался по чердаку.

— Игорь! — услышал он сдавленный крик, яростный и злобный. Большое и сильное тело рванулось к Игорю Николаевичу. Цепкие пальцы схватили его за горло. Игорь Николаевич, изловчившись, ударил невидимого в темноте противника коленом в пах, но пальцы нападающего давили горло с неослабевающей силой. Игорь Николаевич пошатнулся и упал на пол, увлекая за собой того, кто мертвой хваткой вцепился в его горло. В последнюю минуту, уже лежа на спине, Игорь Николаевич поднял отяжелевшую руку и двумя пальцами, указательным и средним, ткнул в глазные яблоки врага.

— Осле-е-е-п! — «Седугин...» Пальцы Степана ослабли. Игорь Николаевич вскочил на ноги. — Убью-у-у! — заорал Степан, но Игорь Николаевич ударом кулака отбросил его от себя.

— Очнись, Седугин! Встань!

— Убийца! — хрипел обезумевший Степан, с трудом поднимаясь с пола. Какое-то мгновение он стоял неподвижно. И... снова бросился на Игоря Николаевича. Сдавлив в объятиях друг друга, они топтались по земляному полу, пока Степан не споткнулся о тело Клавы. Руки Седугина бессильно повисли. Игорь Николаевич, оттолкнув Степана, склонился над Клавой.

— Мертвая... мертвая... — шептал Степан.

— Не вой, как баба! Делай, что тебе говорят. Бери ее за руки!

— Не дам Клаву!

— Ей нужно сделать искусственное дыхание. Жалеешь Клаву — помоги мне. Хочешь, чтоб она умерла, — дерись со мной. Дурак! Чурбан!

— Говорите... Я все... все сделаю... Она жива? Мы спасем ее?

— Что здесь произошло?

— Ее повесил Волк.

— Попробуем спасти. Бери за руки! Фонаря нет...

— У меня есть, Волк обронил.

— Дай сюда! Так... так... Кажется, сломлен третий шейный позвонок!.. Платье расстегнуто... Тебя учили делать искусственное дыхание?

— Нет.

— Стрелять только учат... Дай руки! Клади ладони сюда, чуть ниже. Дави и равномерно отпускай.

— Часто?

— Шестнадцать-восемнадцать раз в минуту. Я буду тянуть за язык. Крепко стиснула зубы... Открою... Начали. Раз-два, раз-два...

Прошел час, второй, третий... Все то же равномерное неустанное «раз-два», но тело Клавы оставалось неподвижным.

— Я осмотрю ее еще раз. — Игорь Николаевич попытался согнуть в коленях Клавины ноги, разжать кулаки, повернуть

шею, но тело, холодное и непослушное, не оставляло никаких надежд, что в нем притаилась хотя бы крохотная искорка жизни. Зрачки на свет не реагируют... Трупное окоченение... Продолжать искусственное дыхание? Бессмысленно... Как быстро прошло время... Я на чердаке три часа... Сказать ему правду? Пока нельзя... — Клаву надо отнести ко мне.

— Ее из-за вас убили...

— Из-за меня? — с горестным удивлением спросил Игорь Николаевич. — Я не обижал Клаву. Почему же из-за меня?

— Она на вас донос написала. Пришла сюда, забоялась, что вы прогоните ее в вензону. Не пришла бы — не убили б.

— Ее в вензону?! Глупая девчонка... Мало ли на меня пишут... Она спасла мне жизнь... И я бы стал ей мстить?! Я — убийца?! Неужели у меня бы поднялась рука? Может быть я поругал бы ее, но чтоб в вензону... Мне не простила бы за нее Любовь Антоновна. Я бы сам не простил себе. Помогите, Степа. Понесем ко мне. Там все расскажешь.

ПРОСЬБА РИТЫ

— Успокойтесь, профессор. Клаву не вернешь. Я хочу с вами серьезно поговорить.

— Такую молодую... А меня опять минули... Я устала... Сколько еще смертей?! Сколько?!

— Давайте лучше подумаем, что случится с вами, если меня уберут отсюда.

— Никто вас не уберет, Игорь Николаевич. А меня оставьте в покое. Со мной! Со мной! Скорей бы кончали, вот чего я хочу.

— Вы столько видели здесь и...

— И не привыкла. Ну кто, скажите мне ради Бога, кто привыкнет к такому?

— Они подбираются ко мне. Уже близко. Клаве надели петлю из-за меня. Виноватых нет, один я.

— Вы виноваты? Не верю! А если правда? Если вы пригрозили ей, узнав о доносе? Если не пожалели ее? Я заставлю вас повесить меня...

— Любовь Антоновна! Вы не в себе! Вы доктор...

— Я никому не нужная старуха. Вы говорите страшные вещи. Вы угрожали Клаве?

— Ну, знаете ли... Подозревать меня в таких мерзостях... Она написала донос в вензоне. Ее принудили. Хорошо же вы думаете обо мне... Мстить девчужке... почти ребенку... Я — Клаве... За то, что она спасла меня? А если бы не спасла? Разве я не знаю, как пишутся эти доносы?

— Простите, Игорь Николаевич. Я оскорбила вас... Голова идет кругом после вчерашнего... Такая страшная смерть... Они угрожали ей, и она ничего не написала. Но чего же они хотели от нее добиться? Степан не знает, Волк — в карцере...

— Завтра Волка пошлют на этап.

— И это все?!

— Не будьте наивны, Любовь Антоновна... Не все! Его назначат комендантом или... уберут, если он не выполнил приказ.

— Чей же?

— Я только сегодня утром узнал, что за зоной третий день живет начальник секретной части полковник Осокин. А Клаву... Клаву убили из-за меня.

— Не говорите загадками, я не могу больше...

— Вы не забыли, о чем говорил Седугин?

— Помню.

— Клаву хотели заставить написать какой-то донос на меня.

— И поэтому вы считаете себя виновным? При чем же тут вы? Не мучайте себя и меня! И простите за мою несдержанность.

— Пустое, Любовь Антоновна... Донос... Но какой?! Составьте факты. Все так тщательно подготовлено. Распускают слух, что якобы я отправляю Седугина на этап... У него крадут жалобу... и Буров подслушивает разговор Степана с Клавой... потом игра, выпивка... пытки на чердаке... Все до мелочей обдумано, вплоть до фонаря, карандаша и бумаги. Они хотели добиться от Клавы чего-то важного. Ради простого доноса не стоило бы городить огород. Пьяница, бабник, бандит, истязатель — все это не звучит. Таких доносов на меня написано

слишком много. Три дня за зоной живет Осокин... Все роли распределены... Клаве отвели немаловажную роль.

— Почему же именно Клаве?

— Нарушая инструкцию, я перевел ее из вензоны в землянку. Ради чего я пренебрег инструкцией? Она моя любовница? Не поверят. Значит, Клаве известна какая-то моя тайна. Я задобрил ее, чтоб она меня не выдала.

— Чепуха. Клава ни о чем не догадывалась.

— В том-то и дело, что она ничего не знала. Но чего не знала Клава, то мог узнать Осокин, и вот тут-то она ему и понадобилась, чтобы она донесла на меня. Клава — разменная пешка в игре Осокина. Он знает, но донести не может. Анонимке в важном деле не поверят. Выбрать свидетеля вроде Волка — а какая цена такому свидетелю? Клава — дело другое. Я в чем-то помог Клаве и лгать ей на меня просто не выгодно. Ее смерть — случайность. У них сорвалось, не сработала машина... Рита встречает Бурова, бежит к восьмому корпусу... Чуму, вероятно, обидел Волк, иначе он задержал бы Риту. Клава погибла, ценного свидетеля обвинения нет. Чего же они хотели от нее добиться? Я подозреваю худшее. Заранее прошу прощения, профессор. Но я вынужден задать вам один вопрос. Вы никому не говорили о моем родстве?

— Никому! Никогда! Неужели Осокин мог узнать?

— Я подозреваю, что да. Он начал с Клавы. Если бы она написала под диктовку Волка, меня бы изъяли из этого лагеря и поставили б перед дилеммой: семья или чистосердечное признание.

— В чем?

— В родстве. Его — к нам, а Осокина — в свободное кресло. Полковник давно мечтает о нем. Грубая игра. Мне не ясно одно: от кого просочились сведения к Осокину. Не волнуйтесь, Любовь Антоновна. Раз вы сказали нет, значит так оно и есть.

— Нас могли подслушать.

— Мы разговаривали вполголоса. Двери толстые. Окна закрыты. Входя в кабинет, я каждый раз заглядываю под топчан и всюду, где может спрятаться человек.

— А через стенку?

— Одна стена выходит в коридор. Вторая и третья — на улицу. Дырку не просверлишь — замечу. А за этой стеной — заброшенная кладовка. Там лежит всякий хлам. Я сам забивал ее толстыми гвоздями. Допустим, подслушали. Но... маловероятно. Ночью сексоты спят. Выйди любой из них из корпуса — сразу заметят. Хотя та ночь была несколько необычна. Умирал Гвоздецкий. Я не думаю, чтоб Орлов, — последнее слово Игорь Николаевич произнес шепотом, — был сильно огорчен смертью.

— А звонки капитану и приказ повесить меня вниз головой, если я откажусь лечить полковника?

— Для очистки совести, Любовь Антоновна. Не может же он сидеть сложа руки, когда умирает его помощник. Заметьте, что с Лютиковым он говорил по селектору. Нетрудно догадаться, что Орлов хотел и добился этого, чтобы лагерное начальство, вплоть до надзирателей, узнало о принятых им мерах для спасения полковника. А были ли и в самом деле приняты какие-нибудь серьезные меры, чтобы спасти Гвоздецкого? За сутки, пока полковник лежал у нас, его не осмотрел ни один вольный врач. В управлении крупных специалистов нет, но, при надобности, за сутки успевают пригласить любого специалиста из области. Или же, если дело срочное, не брезгают помощью крупнейших медицинских светил, а их в нашем лагере предостаточно. Правда, вызвали вас, но вы терапевт. На шестьсот первой на общих работах крупный хирург, тоже доктор медицинских наук. Почему вы думаете Орлов разрешил Гвоздевскому отправить вас в глубинку? Орлов тоже изредка болеет. Он бы мог вас держать поближе к себе и... не захотел. Он мстил вам за излечение Гвоздецкого. Тут все понятно. Но как мог узнать Осокин? Сегодня ночью осмотрю кладовку.

— Можно, Игорь Николаевич?

— Рита?

— Не ругайте меня, что я встала. У меня ничего не болит.

— Ты погляди, на кого ты похожа. Долго ты будешь своевольничать?

— Я пришла вас попросить...

— Ни я, ни Любовь Антоновна не хотим тебя слушать. Ложись и никаких разговоров.

— Я не лягу, — решительно возразила Рита.

— Ну и упрямство! Говори!

— Я хочу проводить Клаву.

— Разрешит Игорь Николаевич — я не позволю. Ты сама не знаешь, о чем просишь.

— Знаю. Мне рассказывала Катя, как здесь хоронят.

— Знаешь и просишь? Мне так тяжело... Пойди ляг, поговорим завтра, — в голосе Любови Антоновны звучали глубокая тоска и усталость.

— Я хочу увидеть Клаву... в последний раз. Я виновата перед Тимофеем Егоровичем...

— Клава уже за зоной...

— Неправда, Игорь Николаевич. Ее еще не схоронили. Пустите меня.

— Это не в моих силах, Рита. За зону вместе с Клавой выйду только я. Если и меня пустят.

— Любовь Антоновна! Упросите Игоря Николаевича. Если я не увижу Клаву, я тоже уйду... вместе с ней... Веревкой не больно... Я знаю...

Глаза у Риты были сухие, но в голосе звучала такая мука... Игорь Николаевич отвернулся и подозрительно долго рассматривал стену.

— Иди. Я подумаю.

— Спасибо, Игорь Николаевич, — Рита вышла.

— Я надеюсь, вы не собираетесь всерьез выполнять свое обещание?

— Я ничего не обещал Рите. Вы задумывались когда-нибудь над тем, что ее ждет? Еще полгода, от силы год здесь. Больше я не удержусь. Риту пошлют в глубинку. Возможно, к воровкам в БУР. Мы с вами знаем, что это такое. А она? Ее опекали вы, Елена Артемьевна... В лагере есть и другие люди. Для них Рита — кто угодно, только не человек. Она должна увидеть все, набраться сил, мужества.

— Она смелее нас с вами. Рита не побоялась одна войти на чердак. Она слышала разговор, знала, кто там. Рита назвалась вместо Ани, хотя и грозились посадить ее на солнышко.

— Я не о такой смелости говорю. Рита заступится за любого. Почему Буров поверил ей? К нам с вами он не пришел. Допустим, мы с вами для него начальство, люди, которым нельзя верить. Но он не сказал никому другому, только Рите,

за ее доброту, человечность. Он доверился ей, а ему ой как трудно поверить людям. Я знаю, что это звучит кощунственно, но Рита слишком добра для лагеря и не приспособлена. Смерть Ани — и она теряет сознание. Я бы подумал, прежде чем войти в это логово на чердак, а она вошла. Приехала сюда — и снова глубокий обморок. В вензоне Васек ее не бил, вы сами установили эмоциональный шок. Хотим мы этого или не хотим, но мы с вами погубим Риту, если будем ограждать ее от всех кошмаров.

— Но показать ей похороны Клавы...

— Она уже знает, как здесь хоронят.

— Одно дело услышать, другое — увидеть и пережить самой. И как вы сумеете договориться с майором?

— Это пусть вас не беспокоит. Майор растерян. Если он знает, кто я, он будет угождать мне во всем, пока... пока я тут. Меня беспокоит Рита, но я должен взять ее с собой.

— Я протестую.

— Без вашего согласия я не возьму Риту. Вы великолепно знаете людей, но с Ритой вам изменило чутье. Вы привязались к ней и хотите защитить ее от лагерных ужасов. Разумна ли такая защита? Здесь пощады нет никому. Мы живем по первобытным законам.

— Нет, Игорь Николаевич! Даже в лагере у людей осталась капля человечности.

— Пять, десять, сто капель в море лжи, предательства, страха. Много ли это?

— Если Рита не выдержит и завтра мы похороним ее...

— А если она погибнет через неделю, месяц, год, когда нас с вами не будет близко? Кому от этого легче? Я не сказал самого главного: у Риты развито чувство вины. Ей кажется, что Ася погибла, спасая ее, что Тимофея Егоровича избил только потому, что он за нее вступился. Теперь ее угнетает мысль, что она виновата перед Клавой...

— Почему же?!

— Она слышала вчера слова Степана. Он говорил, что Волк не хотел вешать Клаву, хотя сам Степан не верит Волку. Рита может подумать так: если бы она не помешала, Клава бы осталась жива. Мы с вами понимаем, что это болезненная чест-

ность, чистота... Рита хочет отплатить за добро, которое сделали ей люди. А чем? В ее характере много жертвенности. Это свойственно русскому человеку. Виноват — казните меня, нет палача — я сам себя казню. Русский человек, как никто другой, не свалит вины на соседа, не попытается избежать наказания. Рита не виновата, но она внушила себе это. Жить с таким чувством тяжело, а для Риты — невозможно. Если она не простится с Клавой, все может кончиться плохо. Вы и сами прекрасно бы разобрались в этом, если бы не были так привязаны к ней.

— Да, я привязана к ней, — Любовь Антоновна замолчала. Игорь Николаевич дважды прошелся по кабинету. — Пусть идет. А если что с ней случится...

ВЫГОВОР ЗА НЕУДАЧУ

— Вы великолепны, майор! Провалить такое простенькое дело!

— Но ведь меня не было в зоне. Вы не велели, товарищ полковник.

— Еще бы не хватало вам вместе с Волком забраться на чердак и побеседовать с Русаковой. Я надеюсь, ни один из ваших подчиненных не знал о мероприятии Волка?

— Никак нет, товарищ полковник. Я предупредил Волка, что в случае провала помощи ему ждать неоткуда. «Выпутывайся сам, как умеешь», — сказал я ему, — надзиратели ничего не знают». Волк долго не соглашался. Я припугнул его этапом к ворам.

— Вы глупец, майор! Поэтому Волк так скоро и наклал в штаны. Вам не следовало говорить. Он бы надеялся на помощь и все бы кончилось иначе.

— Волк мог спросить у надзирателей.

— Пожалуй, вы правы... Трус! Идиот! Какой он Волк?! Шакал! Ублюдок! С девкой не справился! Надейся на них! Воспитывай! Я не ожидал такой твердости от Русаковой. На пересылке она далеко не добровольно сожительствовала с вором

в законе, неким Юрием Черноусовым, и всем рассказывала, что он отдал за нее надзирателям хромовые сапоги. Было такое дело, было... Сапогами берут... Крохоборы! В больнице жила с лесбиянкой, как ее там? А-а-а, Кускова. Исправно написала под диктовку Кусковой сигнал на главврача и вдруг заупря-милась... На своем настояла. Не забудьте написать матери Русаковой, какой развратной тварью стала ее дочка. Пусть порадуется старуха. И о сифилисе черкните, кратко, сдержанно, но чтоб каждое слово било, как кнут. Слово — наше оружие. Мы должны уметь владеть им.

— Будет исполнено, товарищ полковник!

— Я вам сам продиктую. Попозже. Стерва! Все планы сорвала. Жаль, что отца нет, пусть бы и он почитал. На нет, как говорится, и суда нет, обойдемся одной матерью. В управление лагерей дайте характеристику на Русакову — неисправима, в последнее время занималась мелкими кражами у заключенных, принуждала женщин к сожительству, проводила пропаганду, направленную против лагерной администрации, высказывала антисоветские взгляды, по признанию Русаковой, привитые ей в семье. Свидетелей найдете.

— Так точно, товарищ полковник!

— Пусть займется матерью Русаковой. Может, скоро встретусь с ней... Воспитала дочку! Месяца не пожила с врагами народа — и вот результат. Растлили дочку! Влияние главврача. Опасный он человек!

— Как прикажете поступить с Волком?

— К нему в карцер никого не допускают?

— Один сидит, товарищ полковник.

— Завтра его на этап.

— На какую командировку, товарищ полковник?

— Отучайтесь от жаргона в разговоре с начальством. Не командировка, а лагпункт.

— Извините, товарищ полковник. По привычке вырвалось.

— Отвыкайте! Волка пошлем на сто пятую.

— А не опасно, товарищ полковник? Он может проболтаться.

— Текст письма Русаковой знает только Волк? Или вы поделились с кем-нибудь еще?

— У меня на плечах одна голова.

— То-то же. И не забывайте, что вторая не вырастет. Волк не проболтается.

— Оно-то так, да по пьянке...

— Ему больше не придется пить.

— Не выдержит он, выпьет.

— На сто пятой его ожидает Витек Коряга и еще человек десять воров в законе. Паву он выдал на воле, а двоих воров, что на сто пятом лагпункте, Волк искалечил в бытность свою комендантом. По недосмотру их отправили живыми на этап. Волк не успел с ними разделаться, зато они не упустят его. Ребята серьезные, деловые, с ними Волк не доживет до ночи. Начальнику сто пятой дадим команду, не я, а хозяин: гнать Волка с вахты, если он прибежит туда искать защиты.

— Но захочет ли Орлов...

— Еще как захочет, майор. Обвиним Волка, что он по собственной инициативе, желая отомстить за Пузыря и Горячего, покушался на жизнь главврача. Хозяин не простит Волку. И этим еще раз невольно докажет, что Безыконникова была права.

— Как прикажете поступить с остальными?

— Чума ничего не знает, но он болтун... В БУР его, к вора! Малину — на сто девятую, к сукам, он нам еще пригодится. Седугина не трогать. Успокоится все, я с ним займусь.

— Игорь просил, чтоб хоронить Русакову пустили одну девчонку из землянки, Воробьеву.

— Разрешите. Никаких конфликтов с главврачом. Будьте предельно уступчивы. Проследите за ним. Если он заинтересуется тайником, немедленно доложите мне. Я распоряджусь, чтоб труп Волка привезли в больницу, это успокоит вашего Игоря.

— Ну какой же он мой, товарищ полковник.

— К слову пришлось. Установите строжайший контроль за Васильевой.

— За этой чокнутой?

— Может, она и не такая чокнутая, как нам кажется, она еще пригодится, как и Седугин. Не вздумайте к ней придирааться, а то вас хватит и на это. Вы знаете лично заключенную Красноженову?

— Не успел познакомиться, товарищ полковник.

— Вы не расторопны, майор. Красноженова — один из лучших сексотов. Она три года сотрудничает с нами и заключенные не разоблачили ее. Передаю ее вам. Цените.

— Ценю, товарищ полковник! Большое спасибо. А то с кадрами у меня туго.

— Работайте, майор! Воспитывайте людей! Сами они к вам не придут. Красноженовой дайте задание: подружиться с Васильевой и войти к ней в доверие. Она должна разузнать, болела Васильева или симулировала. Если симулировала — вызовем Васильеву, объясним, что ее ждет за симуляцию, и скажем, что ее выдал главврач. В случае удачи, Васильева более веский свидетель, чем Русакова. Проиграли в первый раз, выиграем во второй. Держитесь, товарищ Орлов! Записка от имени Русаковой, написанная вашей рукой, хранится у меня, майор Зотов. Хоть и говорят, что ласковый теленок двух маток сосет да жиреет, но скоро и на бойню его. Вам не мешает вникнуть в смысл этой поговорки. В случае чего, у двух хозяев вы проигрываете.

— Понял, товарищ полковник. Можете положиться на меня.

— Я думаю. До свидания, майор. До скорого свидания.

ПОХОРОНЫ

— От меня никуда ни на шаг. Я не могу тебя вести за руку, как маленькую. А следовало бы...

— Я все сделаю, как вы скажете, Игорь Николаевич, — покорно пообещала Рита. — Где Клава?

— За зоной. Не вздумай мне устраивать истерику. Смотри и молчи. Плохо себя почувствуешь — обопрись на меня. Заскандалишь...

— Я буду тихо. Только не страшно мне... Чего они мне сделают? Положат рядом с Клавой?

— Я тебе дам «чего они сделают»! Ты поскандалишь, а мы ответим. Любовь Антоновну и Катю в глубинку пошлют. У Ти-

мофея Егоровича дочь убили и то он молчит. Покричишь на дежурных — тебя изобьют и нас подведешь.

— Словечка не скажу, Игорь Николаевич. Стерплю...

— Верю.

— Какое сегодня число?

— Восемнадцатое.

— Сегодня день рождения Павлика.

— Кто это?

— Брат. Его в сорок третьем убили на фронте.

— Уже два года прошло... Пока не вернемся в зону — молчи. Обожди меня, я запроу кабинет. — Игорь Николаевич, не глядя по сторонам, широким размашистым шагом шел к вахте. На вахте Риту окружили конвоиры и Айда-пошел.

— Вы идите вперед, Игорь Николаевич, — предложил майор. — Мы приведем ее.

— Только с ней, — возразил Игорь Николаевич, указывая на Риту.

— С ней, так с ней, — добродушно усмехнулся майор. — Пускай она поможет донести Русакову. Не годится, чтоб заключенная шла пустая. Я и так в виде исключения разрешил выйти Воробьевой за зону. Вы не подумайте ничего плохого, Игорь Николаевич. Я человек маленький: что велят — выполняю.

...Плохо дело... Юлит, как лиса... При надзирателях — и на тебе: «Я человек маленький»... Значит, я не ошибся... Осокин пронюхал об Орлове... Клава... Какой дорогой ценой я живу... Тело прикрыли простыней... И это мне в счет поставят — казенное имущество на мертвых заключенных трачу... В простыне схоронить не разрешат... Хотя сегодня майор добрый... Седугин! Я не просил за него... Кто же позволил ему выйти за вахту? Майор сам не осмелится... Значит... значит Осокин продолжает игру. Еще один его проигрыш — и меня не хватит... А Рита... как она мучается... Неужели Клаву не хотели убивать? Только свидетельницей... Рита пошла почти на верную смерть... не побоялась. И Клава ушла... Пожертвовала собой и считает себя виноватой. Если бы не Рита, чем бы кончилось все для Клавы? Клаву убили бы, когда она стала не нужна как свидетельница... Полгода лишних мук... Полгода... А сколько осталось мне?

— Седугин! Бери носилки сюда. Я встану спереди, — приказал Игорь Николаевич.

— А я? — спросила Рита.

— Ты пойдешь рядом.

— Разрешите мне понести Клаву. Игорь Николаевич, я прошу вас.

— Помогите Седугину. Вместе понесете. — Игорь Николаевич закрыл глаза, вздохнул и отвернулся. Злобно урча и повизгивая, собака тянула за поводок. Собашник сдерживал ее, но она нетерпеливо рвалась вперед, настигая то Риту, то Степана. Конвоиры и надзиратели подозрительно и настороженно смотрели на носилки. Еще ни разу заключенные долгосрочники не выходили за зону, чтобы проводить в последний путь погибшего друга.

— Гражданин майор! Прикажите отвести собаку подальше. Вас пятеро. Для троих заключенных вполне достаточно. К тому же я бесконвойный.

— Инструкция, Игорь Николаевич! Долгосрочников выводят за зону только в сопровождении собаководов.

— Никто не уйдет и без пса.

— Я-то понимаю, Игорь Николаевич, но не могу. Приказ, — заискивающе улыбаясь, оправдывался майор.

— Я не покушаюсь на вашу инструкцию, гражданин майор. Я прошу отвести собаку на несколько метров.

— Пусть будет по-вашему. Сержант! Держитесь в десяти метрах от носилок, — приказал майор собаководу. Собашник заворчал. Пес, почувствовав неудовольствие хозяина, злобно оскалил острые белые клыки.

Все дальше и дальше от зоны. Все ближе поляна, где обычно хоронят заключенных.

Чистыми слезами дождя плакал осенний день об ушедшей весне. Над тайгой нависла туча, и дети ее, малютки-капли, покорно обмывали деревья и умирали в топях зловонных болот. Напоенную землю уже не мучила жажда. Она захлебывалась в потоках воды. А туча, упрямо и настойчиво, посылала на гибель дочерей своих, и они, светлые и безропотные, шли на смерть, не зная, что жертвы их не нужны лесу, что смерть их радостна только болоту, а оно, набравшись сил, породит ядовитый гнус. Ноги скользили по взмокшей земле. Рита оторвала

взгляд от трупа Клавы. Глаза девушки, опустошенные и усталые, скользнули вокруг. На прогалинах сиротливо торчали пни, а рядом шумела тайга. Колюче и неприветливо смотрела она на людей. Мохнатые ветви оцетинились темно-зелеными иглами, враждебно вздрагивали и грозно шумели, словно осуждая изуверские похороны. Белые березки, редкие гости тайги, печально пригорюнились, как обиженные девушки. Они низко склонили голые неубранные головки, словно стараясь скрыть свою скорбь и негодование. К ним, белым березкам, милым и приветливым подругам Клавы, несли мертвую девушку. Даже сосны-великаны, они видели много, очень много на своем веку, сердито скрипели, жалуюсь, что им довелось на старости лет увидеть еще одну смерть, увидеть и молчать. Им не дано и не с кем поделиться тайной тех, кого зарывали в землю рядом с ними.

— Ставь носилки! Освидетельствуйте заключенную Русакову, — приказал майор, откидывая простыню с тела Клавы. Игорь Николаевич взял в свои широкие ладони безжизненную руку Клавы и бережно опустил ее. Он взглянул в глаза убитой и выпрямился во весь рост.

— Мертва, — глухо сказал Игорь Николаевич.

Рита глядела на Клаву. В скорбной прощальной улыбке застыли посиневшие губы мертвой. Лицо вздулось. Открытые глаза смотрели на небо, сумрачное и хмурое. Обнаженное тело нежно и ласково целовали прозрачные капли дождя.

...Клава здесь и ее нет... Степан говорил, что Волк не хотел ее убивать. Я виновата... Игорь Николаевич за меня заступается... Прыгнуть в могилу к Клаве? Вытащат... накажут всех из-за меня... Сегодня день рождения Павлика... Клавушка! Встань! Никто не встанет... И тетя Маша... и Павлик... и папа... И Ася... и Аня... Могилы... могилы! Могилы!

— Исполняйте, — негромко приказал майор. Айда-пошел поднял увесистую кувалду. Кувалда взлетела вверх и медленно, очень медленно, как показалось Рите, опустилась на беззащитную голову Клавы. Второй удар, сокрушительный и точный. Лопнул череп. По лицу поползла сукровица и темная мякоть раздробленного мозга. Осколки выбитых зубов заполнили рот погибшей. Левый глаз выскочил из орбиты и на кровавой тоненькой ниточке повис над изуродованной губой. Но, не дове-

ря даже кувалде, Айда-пошел, деловито поплевав на руки, взял штык и насквозь, до самой земли, проткнул левую грудь Клавы.

— Айда-пошла, Русакова, на свободу! Вроде бы испеклась! Этих самых признаков смерти, тьфу ты, жизни, нетути, товарищ майор, — доложил Аля-улю, вытирая руки. — Полбанки бы с вас, Игорь Николаевич, причитается. Обмоем умершую в лучшем виде и споем.

— Разговорчики! — крикнул майор.

— Я ведь шуткую, — оправдывался надзиратель. — Пить в армии никак нельзя. Мы и без спирту на могилке ее спляшем.

— Отставить разговоры! — рассерженно рывкнул майор. — Сбрасывай тело! Закапывай! — Майор отошел в сторону. Аля-улю вплотную приблизился к Игорю Николаевичу и прошептал:

— Ставь три полбанки, лепило. А то ночью с ребятами придем и на могилку нагадим.

— Ты! Падаль! Убирайся! — задыхаясь от гнева, прошептал Игорь Николаевич.

— Обхезаем косточки Русаковой! — мстительно пообещал Айда-пошел. Надзиратели и один из конвоиров, взяв за руки и за ноги труп Клавы, с размаху швырнули его в неглубокую яму. Рита подняла ком влажной земли. Трижды поклонившись изувеченным останкам подруги, она поцеловала землю и опустила ее в могилу. В воздухе замелькали лопаты. Вскоре вырос небольшой холмик. Айда-пошел взял лопату из рук Степана и старательно разровнял землю. Потом он прыгнул на свежую могилу и, ухая, затоптался на ней. Его кованые сапоги усердно тромбовали землю. Подмигнув конвоирам, он яростно заплясал на могиле убитой, насвистывая незамысловатый мотив блатной песни.

— Что... Что он делает?! — прошептала Рита.

— Гражданин майор! Прикажете прекратить!

— Не могу, Игорь Николаевич! По закону могилу заключенного оставлять не полагается.

— Что... Что ты делаешь?! — закричала Рита, хватая с земли лопату.

— Положи лопату, — вполголоса приказал Игорь Николаевич. Его ладонь легла на плечо Риты. — Кому говорю, поло-

жи, — еще тише повторил он. Пальцы его, как железные тиски, обхватили черенок лопаты у самого заступа. Дула автоматов глядели в лицо Риты. Палец одного из конвоиров лег на курок. Собашник легонько свистнул. Пес ощетинился, зарычал и прыгнул к Рите. Игорь Николаевич шагнул навстречу псу и собашнику, заслонив собой Риту. — Прикажите стрелять в меня.

— Это недоразумение, Игорь Николаевич. Отставить! Заключенных отвести в зону! Вести себя не можете, — ругался майор. Конвоиры, что-то бурча себе под нос, окружили Риту и Степана. Собашник неохотно оттащил пса. Игорь Николаевич взял Риту за руку и до самой вахты не выпускал ее. Уже в зоне, укоризненно покачав головой, он сказал:

— Так нельзя, Рита.

— Они убили ее...

— Убили... Надругались... Но что сделаешь... Пока молчи, Рита. Ты обещала... И запомни этот день...

Глава 4.

НЕРАВНЫЙ БОЙ

КАТЯ

— У нас дома уже весна, а здесь еще холодно, — Рита зябко поежилась, — без фуфайки из корпуса добежала и замерзла.

— Моли Бога, что на больнице седьмой месяц прохлаждаешься, — Катя закашлялась и тоскливо посмотрела на окно. — Зимой бы застыла ты. Мороз-то лютый был... свыше сорока. Это в тепле вроде бы незаметно, а на общих работах прохватило бы тебя.

— Теперь не страшно. Скоро лето. Меньше месяца до мая осталось.

— А какая такая радость в этом лете. Мне-то внутри все как отбило.

— Полегчает тебе, Катя. Любовь Антоновна говорила, весна пройдет и ты сразу на поправку.

— Не дури мне голову, Ритка... Поправлюсь рядом с Клавой... Кровь-то вот она, — Катя показала белую тряпку, ее только утром выстирала Рита, покрытую темно-красными засохшими пятнами. — А выздоровлю — так что... На общие работы.

— Игорь Николаевич не пошлет.

— Не век ему здесь хозяйевать. И то дивлюсь, как долго держат его. Хороших-то людей скоро на глубинку прячут, а его чисто околдовал кто. Я попервах худое на него думала: за какие такие заслуги держат? Сомневалась в нем... чудно... Слова плохого про него не скажешь, а держат. Я такого не упомяну.

— Потеплеет — пустили бы нас погулять за зону, — мечтательно вздохнула Рита.

— Эва что удумала... За зону! Это нас-то с тобой? Была бы я бытовиком, давно бы такую чахоточную сактировали бы домой умирать по-доброму.

— За зону не пустят, я знаю, а посмотреть хочется. Березки зазеленеют, цветы распустятся.

— Счастье в зелени той... Мошकारа и гнус сожрут. Спасу от них нет. Местные привычные, их гнус не трогает, а нас одолевает. Эх, жизнь, жизнь... В тягость я всем. Ты стираешь за мной, миски моешь, а я как та чурка с глазами лежу. Попрошусь у Игоря в общую палату. Там такие доходяги, как я. А тут еще заражу кого...

— Любовь Антоновна говорила, что от тебя никто не заразится.

— Чахотка она привязчивая. К старухе, может, и не прилипнет, а к молодым, таким, как ты примерно или Лида, привяжется и не отгонишь ее проклятую. Лида сдружилась с Глафирой. Не по нутру мне их дружба.

— Ты никому не веришь, Катя. Глаша еще до войны попала в лагерь. Сара Соломоновна ее второй год знает. Слова плохого о ней не сказала. А ты — Глаша и Глаша. Знаешь что — скажи.

— Ничегошеньки я о ней, Рита, не знаю. Лицо у ней гадючье. И глаза... скользкие, выпученные, как у той жабы.

— Я не хотела бы вмешиваться в ваш разговор, но вынуждена, — заговорила Елена Артемьевна. До этой минуты она безучастно смотрела в окно. Занятая своими мыслями, она, кажется, не слышала, о чем разговаривают. — На мой взгляд, человека судят не по лицу. Если всех некрасивых наказывать, сколько останется ненаказанных? Начинать надо прямо с меня. Да и Любовь Антоновна не бог весть какая красавица.

— Ничего-то вы не понимаете, Елена Артемьевна. Нешто я за красотой гонюсь? У меня у самой рожа да кожа. Ребятишки поглядят, со страху сомлеют. Сбегут невесть куда от такой красавицы. Я о человеке говорю, не о красоте.

— Я меньше вас в лагере. Скоро год. Но за это время я кой-чему научилась, — возразила Елена Артемьевна, но Катя перебила ее.

— Разве ж вы были в настоящем лагере? На пересылке — какой там лагерь, да и всего вы были без года неделю. На глубинке повидали за месяц, опять же Любовь Антоновна нас вытащила оттуда. А тут разве лагерь? Едим досыта. По нынешним временам не каждый на воле так живет. Таких, как

мы, мало. Огляните все корпуса. Кто, кроме нас, здесь с осени живет? По пальцам посчитать можно.

— Я в привилегированном положении...

— Нешто вы одна, Елена Артемьевна? Вся землянка.

— Рита и Лида работают. Ты тяжело больна. А я — просто обессилела. Дней десять в месяц поработаю — и старческие недуги. Стыдно мне. Место зря занимаю. Одно утешает — живу в сверхплановой землянке, числюсь санитаркой. А другие больше меня нуждаются в должности той же санитарки. Я хоть и недолго пробыла в глубянке, но понимаю, что эту зиму там бы я не пережила. Тут я спорить с тобой не могу. Но мы говорили о Глаше. Почему ты о ней плохо думаешь?

— Как вам обсказать, Елена Артемьевна... Вот, к примеру, пришел тогда Степан за Клавой...

— Да... Ты была права... Если бы я отговорила Клаву... У меня не хватило ума, интуиции, опыта... О Степане ты знала, что он пил с Волком, что Волк кормил его. Я была обязана удержать Клаву и не сумела.

— Я ж вам не в упрек, Елена Артемьевна. Слезливая вы... Простите, как обидела.

— Меня б кто простил, Катя. Не сберегла я Клаву... Почему же ты думаешь, что и Глаша погубит Лиду? Проморгаю я — и мне конец. Не переживу я еще одной смерти. И все же необоснованное подозрение предоставим нашему начальству... Обидеть человека легко.

— Мне ли этого не знать, Елена Артемьевна... Обида — болочая... Она похуже горя душу выматывает... Не лежит у меня душа к Глаше. Я по сходству людей узнаю. Вот, к примеру, два человека. Свиды они разные, и волосы другие, и глаза, а промеж себя — сходные. Не умею обсказать, а сходные. Знала я одну сексотку. Образование у нее может и поменьше, чем у вас, а может не уступит вам. Софьей Макаровой звали ее. Ласковая — без мыла в душу влезет. Всем услужит, со всеми язык почешет. Повоет с бабонькой — и к начальству бежит. Поговорят с ней бабы по-душевному, полагают начальство — и того, кто лаялся, — в БУР. Трое в побег уходить надумали и она вроде бы с ними. В последний день больной сказала. А тех троих у зоны засада повстречала... Постреляли их... Не всех.

Одна живая осталась. Она и сказала опосля, кто их предал. Схожа Глаша с Софьей Макаровой.

— Игорь Николаевич знает Глашу еще с довоенных лет. С ней вместе он был на общих работах.

— Не бойся пса, что лает. Тихий-то пошибче укусит; Елена Артемьевна. Да вас ведь не переговоришь... Знать до осени не доживу я... Умираю, а покоя нет. Злобность клятущая душит... Хоть бы умереть бы с пользой. Увидеть бы кобеля председателя и судьев своих в могиле. Сама бы живая к ним в яму прыгнула. Почище бы Аля-улю поплясала б у них в могиле на радостях. Пускай закапывают с ними вместе. А я бы пела! Пела! Земелька-то она чистая. Кормит нас, не боязно, что на голову ее сыплют!

— Не волнуйся, Катя. Я с тобой согласна. Права ты, только не тревожь себя, — успокаивала Елена Артемьевна больную. Катя безнадежно махнула рукой и, повернувшись к Рите, попросила:

— Отвори двери, душно...

— Холодно на дворе, землянку выстудим.

— Накинь на себя фуфайку, — посоветовала Катя. — Все одно двери открывать надо. Твой Андрюшка у окон маячит. Оклемался бедолага. — Глаза Риты радостно блеснули. Она порывисто распахнула двери.

— Добрый день, — смущенно поприветствовал Андрей. — Я вам не помешал?

— А чего мешать-то нам? Лежмя лежим, хлеб казенный даром едим. И какая с нас польза начальству? Сунули бы нам в зубы четыреста пятьдесят седьмую — и подыхай деваха на воле по досрочному освобождению. Нюрка обезножела — ее освободили. Хорошая статья четыреста пятьдесят седьмая — сошел с ума, аль до подыхания полгода осталось, и вытряхивайся из лагеря. Да не про нас она прописана. Девахи — народ суматошный, вот и охраняет нас начальство, чтоб от кавалеров мы не сбегли, — Катя невесело улыбнулась. Андрей неловко потоптался на месте и нерешительно шагнул к двери. Ему не хотелось уходить, но он боялся Кати. Она зубастая, вышутит, оборвет, если что не по ней или слово невпопад скажешь. Он чувствовал себя скованно, а предательская способность краснеть подвела Андрея.

— Что как маков цвет разрозвелся? — смягчилась Катя. Она смотрела на Андрея теплым, подобревшим взглядом. На ее бескровных губах проскользнула улыбка. — Шуткую я с тобой. Пытаю, каков ты человек. Хочу знать, с кем Ритка ходит.

— А вам зачем? — выдавил Андрей.

— Как так зачем? Не оплошала бы она. Мы тут одной семьей живем.

— Пойдем, Рита, погуляем по зоне, — предложил Андрей. — К Мите зайдём, он сегодня опять в память пришел. Узнал меня, обрадовался, плачет.

— Шигидину лучше? — оживленно спросила Елена Артемьевна. — Похудел он.

— Поменьше бы голодом его морили, — сердито проговорил Андрей.

— Кто же его оставлял голодным? Когда? — всполошилась Елена Артемьевна.

— Теперь он съедает все. А как не в себе был, я раз шел мимо его палаты, смотрю света нет. Заглянул туда, кто-то чавкает. Я — к Мите. Он забился в угол, а возле него Коваленко сидит, помните, такой большой был, и доедает Митину баланду. Санитары поставили и ушли, а Коваленко отнял у Мити и почти все съел. Я ему дал тогда. За чужую пайку убить не жалко.

— Ты кому-нибудь рассказывал об этом? — спросила Рита.

— Игорю Николаевичу сказал. Он сильно рассердился на Коваленко. С тех пор, пока Митя не поест, я никуда не выхожу.

— Я слышала об этом случае. Коваленко с глубинки прибыл из БУРа. У него почти всю зиму отнимали пайку. С голоду человек все может сделать.

— И убить от голода можно, и украсть? — возмутился Андрей. — Почему ж вы сами не воруете, Елена Артемьевна? Вам стыдно, а Коваленко нет. Мало я ему тогда дал. Поленом бы его по ребрам.

— Никто никому не прощает. Готовы убить друг друга. Коваленко виноват... Катин председатель... судья... В них ли суть?

— А в ком же еще? — взволнованно возразила Катя. — Не полез бы ко мне жеребец тот, разобрались бы с телятами, и жила бы я дома.

— У тебя председатель, у Андриюши судья и следователь... у Риты — мерзавец и лоботряс... у меня — донос... Если бы не верили тайным доносителям, проверяли бы их доносы и наказывали за клевету, кто бы стал доносить. Нашлись бы негодяи, но они бы знали твердо, что их посадят за ложь, и подумали бы впредь, чем пакостить другому. Не поощряли бы всех и всяческих предателей, их было бы в сто раз меньше. Что человеку невыгодно, того он, как правило, не делает. По закону за ложное показание — тюрьма, а я в лагере не видела ни одного заключенного, осужденного за лжесвидетельство. А ты, Катя, встречала?

— Не доводилось, Елена Артемьевна. А вот за то, что не доносили, встречала.

— Много?

— Женщину одну. На мужа своего не донесла. Он лишний разговор о власти при ней вел, а она смолчала.

— На брата или мужа не донесешь, осудят как соучастницу. А настоящие лжесвидетели неплохо устроились. Во все времена были развратные начальники. Но чтоб обвинить женщину в отравлении телят? не смог бы самый закоренелый подлец, не смог бы, потому что раньше в таких преступлениях не обвиняли никого. Ты думаешь, судье сладко отправлять в лагерь заведомо невиновных? Бойтся он на наше место попасть и судит, как прикажут свыше. А здесь, в лагерях, что творят? Я самую капельку повидала и то мне адом показалось. Ты за восемь лет видела такое, что я об одном прошу судьбу: умереть бы поскорей, чтоб не увидеть. Тоже скажешь, что надзиратели и начальники командировок виноваты? Один плохой, двое, десять, но не все же. Ты видела среди них хороших и добрых людей?

— Почитай, что не встречала. Да разве ж сюда путевый мужик пойдет работать?

— Зачем же они непутевых посылают? Начальство не знает? Сама видела, сколько начальства сюда приезжает. А нам лучше после их посещений?

— Не лучше, Елена Артемьевна. Может, одно лагерное начальство такое.

— Почему же тогда ему по рукам не дадут? Лагерная администрация не плохая и не хорошая.

— Какая же она по-вашему?

— Машина. Работает на хозяина, вот и все.

— Может, наверху и не знают?

— Хорошо, пусть не знают. А почему не освободят тебя?

— Надо полагать, считают провинившейся.

— Я не о вине твоей говорю. Обманули власть, ввели в заблуждение — все это так. Но ты больна. Таких больных досрочно освобождают, а тебя — нет. И ведь не тебя одну, а всех, у кого такая статья. Если бы наверху не знали... впрочем, что об этом говорить. Рита имела несчастье столкнуться с руководящим дитятей, и ей та же участь, что и тебе. Андрей попался под горячую руку — и его сюда же. Кому это нужно?

— Кому? — как эхо повторил Андрей.

— Поживешь — узнаешь. Моим словам можешь поверить, а захочешь — забудь их. К жизни присматривайся и поймешь, кто виноват. Когда-нибудь приоткроют завесу, скажут народу не правду и даже не полуправду, а крохотную частицу того, что мы видим сегодня. Найдут козла отпущения, расстреляют или посадят его, а с ним вместе еще десятка три его помощников. Остальным назначат солидные пенсии и торжественно объявят, что справедливость восстановлена. А все беззакония творила банда такого-то. Фамилию виновного назовут. Исподтишка станут внушать мысль: люди сами доносили на своих близких, виноваты все, а значит не виноват никто. Народ на скамью подсудимых не посадишь. Трудно вам понять меня. Пойди прогуляйся, Рита. Погода хорошая, солнечная, чего сидеть в землянке.

ПРОГУЛКА ПО ЗОНЕ

— Елена Артемьевна сердитая, — заговорил Андрей, когда он и Рита вышли из землянки.

— Это правда, что ты почти все книги перечитал? — Рита вопросительно посмотрела на Андрея.

— Какое там все! Сто жизней не хватит все их перечесть. Я с пяти лет научился читать.

— Какие ты книги больше всего любил?

— Маленький был — приключения и рыцарские романы. Лет в одиннадцать Гюго, Сервантеса, Пушкина, Толстого, Достоевского... Потом полюбил античную литературу, я ее брал у Коврижкина, мальчишка один по соседству жил.

— Какая это античная литература?

— Древняя Греция, Рим. Читал Гомера, Софокла, Еврипида, Эсхилла, Катюлла, Иосифа Флавия...

— Про что они пишут?

— За год не расскажешь всего.

— А другие книги ты читал?

— Философией увлекался: Лейбниц, Спиноза, Кант, Ренан. Ренан очень интересно рассказывает об Иисусе Христе...

— Как по-твоему, Христос был?

— Ренан пишет о нем как о живом человеке. Но Ренан в то время не жил. Аппиан и Тацит, это римские историки, тоже упоминают о Христе, но живым они его не видели. Иосиф Флавий, он чуть раньше их жил, ему бы отец мог о Христе рассказать...

— А он что-нибудь о Христе написал?

— Он вроде бы написал и вроде бы нет.

— Как же это так?

— Понимаешь, запись его есть, но ученые говорят, что якобы Иосиф Флавий не сам писал, а римский папа вставил отрывок о Христе.

— Ты так много читал, — с завистью вздохнула Рита, — а я почти ничего.

— Зря ты на себя наговариваешь. В лагере есть люди, которые знают больше меня. Я против них — котенок. В одной сказке охотник убил медведя. «Я самый сильный человек в мире», — хвастался охотник и пошел искать того, кто сильнее его. Идет он по горам и видит — великан огромные камни ворочает. Охотник пустил ему в спину стрелу, а великан почесал спину и пробормотал: «Мухи кусаются». После третьей стрелы великан заметил охотника и побежал за ним. Охотник струсил и наутек. Бежит и видит — другой великан одnorукий стоит, головой в тучу упирается. Охотник взмолился перед вторым великаном: «Спаси меня». Второй великан посадил охотника в карман, а первого великана схватил двумя паль-

цами и в пропасть бросил. Тогда охотник спросил однорукого, а где же у него вторая рука. «Я в лапы страшному великану попал», — ответил однорукий. «Он больше тебя?» — удивился охотник. «Я — мышонок, а тот великан — лев. Когда я убежал от него, он вслед мне гору швырнул и руку отбил». А мне, Рита, далеко и до того охотника, который медведя убил. Убью медведя, а там первого великана встречу. Убегу от него — второй спасет. А третий? Какой он? Злой? Добрый? Мало я знаю. Раньше, когда Майн Рида и Джека Лондона читал, думал все знаю. А дошел до Канта и Достоевского, понял, что ничего не знаю.

— Ты наверно в школе лучше всех учился?

— Выгнали меня из четвертого класса. Хорошо, что двенадцать лет мне не исполнилось, а то могли бы и посадить.

— Нахулиганил что-нибудь?

— За Люську Черепанову.

— Ты ее побил? У нас в классе мальчишки тоже дрались. Ругали их, родителей вызывали, а исключать никого не исключали.

— Не бил я ее. Даже не обругал.

— Обижайся не обижайся, а я тебе не верю.

— Не веришь, я и рассказывать не стану.

— Расскажи, Андрюша. Я тебя прошу.

— У Люськи Черепановой было три брата и две сестры. Мать болела, отец работал на стройке, получал мало, жили они бедно. Люська всегда и заплатанных платьях и худых ботинках в школу приходила. Она любила слушать рассказы про гражданскую войну и про шпионов. Ребятам всегда говорила: «Вырасту, всех шпионов переловлю». Мальчишки дразнили ее «Псих мировой войны». Чуть что, она драться лезла, а набьют ее — жаловаться бежит. Учитель за нее всегда заступался. Он говорил, что мы должны у Черепановой брать пример. А какой пример у нее брать, если у нее сопли бегут и носом шмыгает, как паровоз. Глаза маленькие, красные, голос писклявый, на руках цыпки и плюется, как верблюд. Один раз учитель читал стихи о Павлике Морозове. Помню, дошел он до этого места: «Стой! Не уйдешь! В рубашонке тонкой застывает нож». А Люська вскочила и закричала: «Я тоже хочу такой быть, как Павлик Морозов. Вчера отец домой гвоздей сверток принес. Он гово-

рил: «У Люськи ботинки каши просят. Продадим гвозди, новые ботинки купим». Не нужно мне новых ботинок! В таких прохожу. Павлик Морозов на отца сказал и на деда, не пожалел их, а я не хуже его». Я не вытерпел: «Дура ты, — говорю, — отца посадят, а мать у тебя больная». Она промолчала, растерялась, а учитель заорал: «Заступаешься за жуликов! Тебе не место в нашей школе! Люся Черепанова героиня!» А я как закричу: «Не героиня она! Псих мировой войны!» — мальчишки засмеялись. Учитель побледнел и спрашивает: «Значит, по-твоему, и Павлик не герой?» Я рассердился и брякнул: «Сопли вытрите Люське и скажите, чтоб слюнями не брызгалась ваша героиня». Меня исключили из школы. Отца три месяца таскали на допросы.

— Отца не арестовали?

— У него правой руки нет и грудь в двух местах прострелена. В гражданскую войну он красным партизаном был. Только поэтому и не посадили его. Я учиться больше не пошел. На работу не принимали: маленький. Мать почтальоном работала. Я вместо нее газеты и письма разносил, она болела часто. По ночам в очередях за бутором стоял.

— За бутором?

— Ну да. У нас так называли легкие, желудок, ноги коровьи. За бутором очередь занимали с вечера, а иногда и днем. Я возьму с собой книжку, стою и читаю. По ночам милиция разгоняла очередь. Зачитаюсь перед фонарем, а милиционер за руку схватит.

— Каждую ночь в очередь ходил?

— Ну что ты! Я сразу килограмм десять принесу и ем долго. Еще за масляной стоял.

— Какая маслянка?

— Ну пахта. За ней часа в два ночи становились и до утра ждали. Зимой замерзнешься... Зато летом хорошо, тепло. Маслянку мы пили, бутор — жарили, варили холодец.

— А Люся училась потом?

— Не знаю. Отца ее посадили. Мать положили в больницу. Люську отправили в детдом. На следующий год мы уехали в Николаев, к папиной сестре, тете Паше. Люську я больше не видел.

— В Николаеве ты тоже не учился?

— Квартира у тети Паши была большая, денег много, ели хорошо. На бутор у них собака смотреть не хотела, ела куриные косточки, а кошку сметаной кормили. Тетя Паша обрадовалась нам. Отца упрекала, почему раньше не писал. Отец у меня гордый, он к сестре ни разу за помощью не обращался. Тетя Паша меня целых три месяца такой вкуснятиной кормила. Скучал я у нее, пока с Коврижкиным не познакомился. Стал от него книги домой носить. Борис Игнатьевич, муж тети Паши, увидел у меня «Фауста» Гёте и спрашивает: «Ты что же, брат, взрослые книги читаешь? Немцами увлекаешься? Они — фашисты. Какая может быть дружба у пионера с фашистами? Читал бы наши советские книги: «Как закалялась сталь» или про Павлика Морозова. Читал про него?» Я ему прямо ответил: «И читать не хочу». Хотел добавить, что меня из-за Павлика из школы исключили, но мама не велела мне об этом рассказывать. Я прикусил язык. Борис Игнатьевич посмотрел на меня не то чтобы зло, а как-то странно и говорит: «Плохо ты подкован, брат. О Павлике читать не хочешь... А почему ты не учишься?» Я ему отвечаю: «Выгнали меня из школы и не хочу больше учиться». «За что же тебя вытурили?» — спрашивает Борис Игнатьевич, а сам зевает, вроде бы ему все равно, скажу я ему или нет. «Подрался с мальчишками и выгнали», — говорю я ему. Борис Игнатьевич засмеялся и пальцем мне погрозил: «Врешь ты, брат, — говорит, — за драку не выгоняют. Расскажи лучше правду». Я заупрямился. Борис Игнатьевич по-всякому упрашивал меня. Я одно затвердил: «Подрался и выгнали». И больше ни звука. Потом Борис Игнатьевич сказал: «Я никому не открою твою тайну, как мужчина с женщиной поговорим и баста». «И маме и папе не скажете?» — спросил я его. «Честное слово, не скажу». Я, дурак, поверил ему и рассказал всю правду. — Андрей замолчал.

— А потом?

— А потом суп с котом. — Рита нахмурилась. — Не обижайся, я пошутил. На другой день Борис Игнатьевич велел убираться нам ко всем чертям. Сперва мы жили в сарае у одного дядьки. А после комнату дали. В Николаеве, между Пятой и Шестой Поперечной и Лесками...

— Какими лесками? — перебила Рита.

— Лески — окраина города. Там возле каждого домика сад, поэтому и прозвали их лесками. Между Поперечными и Лесками поле, а в поле стоял один дом на восемь комнат. В этом доме мы и жили. Он назывался дом радиостанции 121, хотя никакой радиостанции рядом не было и домов тоже. Я все удивлялся: дом 121, а где же остальные 120? Комнатка маленькая, а нас пятеро: бабушка, я, отец, мама, сестра. Отец и мама болели, бабушка старенькая, сестра моложе тебя, ей в прошлом месяце пятнадцать исполнилось, а работать кому-то надо. Дров наколоть для печки, воды принести. Мы воду с Пятой Поперечной из колонки брали. Все мне приходилось делать.

— А когда же ты читал?

— Вечером, по ночам. С Коврижкиным мы так и не раздружились. Я прибегу к нему, возьму книгу и домой. Днем сараи людям чистил, почту разносил, времени мало оставалось на чтение. Папа меня даже не ругал, когда узнал, что я сказал правду Борису Игнатьевичу. Расспросил, как было дело, и сказал: «Большой, большой подлец этот Борис Игнатьевич. Выпытал у ребенка и предал, как Иуда. Не огорчайся, сынок, без него проживем. Если б знатье имел в гражданскую, что так жить доведется... Теперь жалеть не приходится... близок локо-ток, да язык короток». И больше папа не сказал ни слова. А мы жили неплохо. Хлеба вволю было. Бутор почти каждый день варили. Маслянку пили, книги я читал. А чего еще больше надо? А ты в очередях стояла?

— У нас тетя Маша в очередь ходила. Она тоже приносила бутор, только называла его своим... Ты хотел бы еще учиться?

— Сперва да, а теперь нисколько. Я учебники до десятого класса все прочел, кроме математики и физики. Неинтересные они, глупые. В других книгах много умных мыслей есть, а в учебниках жвачка коровья, одно и то же повторяют сто раз.

— Ты скоро на волю пойдешь, выучишься, станешь кем-нибудь.

— Не знаю, Рита, как получится.

— У тебя получится, — заверила Рита.

— Выйду ли я отсюда? Может, падловцы убьют, они на меня злые.

— Игорь Николаевич обещал тебя санитаром оставить.

— Хорошо бы нам вместе до конца пробыть.

— Ты уйдешь, а я останусь. Никогда мы больше не встретимся.

— Честное слово, встретимся. Я тебя буду ждать, Рита. Воробышек, — чуть слышно добавил Андрей.

— Гуляете? — Рита испуганно вырвала ладошку из руки Андрея. Андрей густо покраснел.

— Гуляем, Игорь Николаевич, — первой заговорила Рита.

— Зайди к Шигидину, Андрей. Он просил. Позднее взглянешь ко мне. Обязательно.

— Когда, Игорь Николаевич?

— Через полчаса. Иди к Мите, он соскучился.

ШИГИДИН

Рита и Андрей вошли в крохотную каморку. Она сиротливо приткнулась в углу отдельного домика. В этом домике в прошлом году умер Гвоздевский. Шигидин, обхватив руками голову, неподвижно сидел на топчане. Войдя со света, Андрей не сразу увидел Митю. Шигидин поднялся, протянул Андрею руку, что-то скороговоркой пробормотал в сторону Риты, нахмурился, вздохнул и сел.

— Я с тобой поговорить хотел... По-серьезному. Без нее. — Рита хотела выйти, но Андрей ее остановил.

— Она нам не мешает, говори, Митя.

— Скажу при ней. Насчет этого самого. Значит, когда помру я, заезжай ко мне и передай Настеньке, дочке моей, что я жив. Пусть ждет и не верит матери. Опаскудилась мать-то ее. А годков через десять, как повзрослеет, писульку мою передай ей. Вот она. В ней обсказано, как засудили меня и кого виноватить за то следует.

— Ты только за этим меня и позвал?

— Кому же мне еще довериться? Я при девочке твоей говорю. Ты ей веришь и у меня доверие есть.

— Тебе надо поспать, Митя, — как можно спокойнее посоветовал Андрей.

— Ты думаешь, голова у меня не варит? Тут-то у меня все ясно. — Митя постучал себя по лбу. — А внутри отбито. Помню, как били меня, как смеялся и кто бил. Молчал я тогда потому, что мнилось мне, будто два бога забинтовали меня, как куклу, и я супротив них ни ногой ни рукой пошевелить не мог. Ходить в силах, а сдачи дать — не под силу. Не больно было, когда били. Тело вроде бы деревянное, не мое. И казалось мне, оборонять тело вовсе незачем. Теперь-то понимаю, что умом трогался, а тогда — вроде бы так и надо. Письмецо Настеньке я в полной памяти писал. За нее боюсь. Сынишка-то умер, а она останется при доме. Жена моя по женской слабости не углядит за Настенькой. А он, нынешний ее хахаль, до баб молодых охочий. Хоть и стар к тому времени станет, как Настенька вырастет, а глаз с нее не спустит. Испохабничает девку, вот чего я боюсь. Письму моему дочка поверит, хоть и мало знала меня, а поверит, — убежденно закончил Митя.

— Давай письмо.

— На. И еще одно. Скрывают от меня, а что-то неладное затевается. Игорь-то вроде не в себе. Как что не так, шумни мне. На один раз сил хватит. Вместе за языками ходили. И тут повоюем напослед.

— Вместе, так вместе, — согласился Андрей. — Только, по-моему, все наоборот выйдет. Ты вернешься домой, Настя вырастет, и воевать нам здесь не придется. Я скажу тебе то, что сам от Сары Соломоновны слышал. После такой болезни, как у тебя, человек становится очень впечатлительный, как бы поточнее сравнение найти? Идешь ты по твердой земле и следов почти не видать. Свернул на снег — сапоги оставляют след, да такой, что видно каждую черточку. Так и мозг человека. Пока он здоров — слова выветриваются, забываются. Пригрозят ему — он внимания не обратит. Почувствует опасность — взвесит, в самом ли деле опасно или только показалось. Помнишь Севрюкова? Какой смелый разведчик был! А после контузии он в госпитале только услышит слово «воздух» и сразу под одеяло забьется и плачет. Ты, Митя, переболел. Мозг у тебя словно мягким снежком покрыт. Заболело внутри, ты умирать надумал. Вспомнил о жене — испугался, как бы с дочкой то же не случилось. Заметил, что Игорь Николаевич приболел, а тебе кажется — нападение на нас готовят.

— Я не ожидала такого популярного изложения моей весьма запутанной беседы с тобой, — Андрей обернулся и увидел, что в дверях стоит Сара Соломоновна. — Я минут пять за дверью слушала. — Поймав укоризненный взгляд Риты, Сара Соломоновна улыбнулась и шутливо всплеснула руками. — Знаю, маленьких шлепают за то, что подслушивают... Ох, ну что ж мне оставалось делать, если он так увлекся. Оставьте нас с Дмитрием Ивановичем одних, — попросила Сара Соломоновна.

— Письмецо мое не забудь, — напомнил Митя. Андрей кивнул головой и осторожно взял за руку Риту.

— Не учитеcь у меня подслушивать, — Сара Соломоновна погрозила Андрею и Рите пальцем.

— Мы дверь плотно закроем, — заверила Рита. Андрей вышел первым, Рита за ним.

— Ты о чем задумалась?

— Сама не знаю, Андрюша. Жалко мне всех. И страшно.

— Митиных слов испугалась? Мы с тобой еще на воле встретимся. Вспомним больницу, лагерь.

— Митя умрет?

— Почему так сразу «умрет»?

— Вы с ним на фронте встретились?

— В запасном полку. Мне гимнастерку и брюки ватные не по росту дали. Митю послали за новой партией обмундирования и он нашел мне всю одежду по росту. А то бы я как чучело огородное ходил. Потом в одном вагоне на фронт ехали. Под Кировоградом, в селе Диковке, передовая километров в двадцати оттуда стояла, нас пришли покупать.

— Как «покупать»?

— Офицеры отбирали кого куда. Солдаты называли их покупателями. У Мити был значок «Отличный разведчик». Его сразу взял капитан Дементьев, командир дивизионной разведки.

— Откуда ты его фамилию знаешь?

— Воевал в его роте.

— Он молодой?

— Капитан-то наш? Двадцать второго года. Осмотрел он нас и спрашивает: «Кто понимает по-немецки?» Я молчу. Говорить немного выучился, пока при немцах жил, но плохо. Митя вышел и на меня показал. «Я с ним в запасном полку был, —

говорит Митя, — он по-немецки соображает». Взяли меня в разведку. Как-то ночью мы втроем пошли за языком. Герой Советского Союза Обедняк, Митя и я. Языка взяли, я его кулаком пристукнул немного, чтоб не шумел, и к себе потащили. На нейтральной полосе немцы засекали нас. Ракетами поле осветили. Из пулеметов и минометов бьют, голову не дают поднять. Снаряд прямо передо мной разорвался. Ослепило меня, контузило. Уже подползали к нашим, меня осколком в лоб стукнуло. Кровью лицо заливает, в глазах темно, в ушах звенит. Руки и ноги как ватные. Митя обхватил меня и тащит, а я как куль повис. Дополз он, не выпустил меня. Уже в наших окопах из кармана у себя вытащил кусачки и осколок ими у меня изо лба выдернул, а у самого кровь из шеи хлещет. Задело его. Нас обоих в медсанбат. Недели по три провалялись и опять вместе попали в разведку. Летом сорок четвертого второй раз задело меня. И опять Митя помог. У него у самого осколок живот распорол. Одной рукой кишки заталкивает, а другой меня волочет. Жизнью своей с ним не расплачусь. Вдруг он и вправду умрет?

— Сам же говорил, что показалось ему.

— Мало ли что говорил... Я успокаивал Митю.

— А что ты будешь делать на свободе?

— Сказать по правде?

— Скажи.

— Тебя ждать, если ты захочешь.

— Ты мне в третий раз про это говоришь.

— И еще сто раз скажу. Я как в первый раз увидел тебя, помнишь, напиток попросил...

— Помню...

— Мне сразу после того легче стало... Люблю я тебя, — Андрей нагнулся и неловко поцеловал Риту в щеку.

— Увидят... не надо, — прошептала Рита, прижимаясь к Андрею.

— Я с тобой буду... все время...

— Меня не скоро выпустят.

— Десять лет подожду. Только и ты ни с кем...

В ШЕСТОМ КОРПУСЕ

— Ищу, ищу тебя, а ты вот где пропадаешь.

— Илюша! — воскликнул Андрей.

— Нас ждет Игорь Николаевич.

— Хорошо, — рассеянно ответил Андрей. В эту минуту он думал о Рите и ему хотелось, чтоб Илья поскорее ушел.

— Он велел прийти немедленно.

— Приду, — все еще не замечая серьезного тона Ильи, пообещал Андрей.

— Пойдем! — настойчиво потребовал Илья.

— Да что ты пристал ко мне! — рассердился Андрей. — Через пять минут зайду.

— Пойдем сейчас же! — раздраженно и настойчиво повторил Илья.

— Что случилось? — Андрей неприязненно посмотрел на Илюшу. «Секунду не даст поговорить. Иди-иди, как на пожар торопит».

— Откуда я знаю. Игорь Николаевич сказал и все. Рите велел быть в землянке и до утра не выходить в зону.

— Почему не выходить? — растерялся Андрей.

— Некогда объяснять. Беги, Рита! Мы постоим, посмотрим.

— Я останусь с Андреем, — Рита упрямо сжала губы.

— Не задерживай нас. В землянке соберутся все. Так приказали Игорь Николаевич и Любовь Антоновна. — Рита печально взглянула на Андрея и, сгорбившись, поплелась к землянке. Уже на пороге она оглянулась. Андрей улыбнулся и помахал ей рукой.

— Куда ты идешь?

— К Игорю Николаевичу, — ответил Илья. Слова его прозвучали так тихо, что Андрей с трудом расслышал их.

— Он же в третьем, — Илюша отрицательно махнул головой. Андрей не решился спросить, где же Игорь Николаевич и почему он срочно вызывает к себе. В шестом корпусе,

возле дверей, их встретил санитар из третьего корпуса. Оглядев пришедших, он завел их в небольшую комнату. У окна на длинной скамейке сидел Игорь Николаевич. По правую руку от него — Любовь Антоновна, по левую — Тимофей Егорович, а по бокам человек семь знакомых Андрею санитаров. Все они, как по команде, повернули головы в сторону Илюши и Андрея. Один из них, высокий, худой, с редкими кустиками седых волос на голове, взглянув на Андрея, пожевал губами и не то одобрительно, не то осуждающе крикнул и что-то сказал на ухо своему соседу справа. Игорь Николаевич заговорил, не вставая со скамьи.

— Сегодня ночью уходит этап в глубинку. Меня вызывают за зону. Отказаться от вызова я не могу. Вернусь завтра часом в десять утра, возможно и раньше. Я подготовил к выписке пятнадцать человек. Но мне стало известно, что на этап пойдут другие люди. Кто — называть не буду. Каждый из вас, выйдя отсюда, пойдет туда, куда я скажу. Илюша и Андрей — в землянку, Тимофей Егорович — в девятый корпус, вы, Игнатий Филимонович, — Игорь Николаевич посмотрел на высокого худого старика, — и Любовь Антоновна останетесь в моем кабинете, остальные знают, куда идти.

— Мое место в землянке, — отрезала Любовь Антоновна.

— Прежде всего придут в землянку. Это самое опасное место, — возразил Игорь Николаевич.

— Не более опасное, чем ваш кабинет. Игнатий Филимонович болен. Ему необходимо обеспечить покой.

— У меня нет времени спорить с вами, профессор. Скажу одно — я не хочу напрасных жертв. Возможно, все обойдется благополучно, но ручаться трудно.

— Во сколько пойдет этап? — спросил Игнатий Филимонович.

— Из зоны выведут примерно часа в три. Поезд остановится в двух километрах от больницы, часов около пяти утра. Заключение поведут пешком. В ночное время не исключены несчастные случаи, вплоть до стрельбы при попытке к побегу. В темноте легко промахнуться и застрелить тех, кто и не пытался бежать. Запланировано восемь попыток к побегу. Но в темноте конвой переусердствует. Никто из вас не должен соглашаться ночью идти на этап. Надзирателям отвечайте одно:

«Главврач не выписал и без него не пойдем». Попытаются взять силой — действуйте смотря по обстоятельствам. Тяните время, притворно соглашайтесь, поддакивайте, но не выходите. В зоне у надзирателей нет оружия. Значит, стрельба исключена. В самом крайнем случае на силу отвечайте силой. Ножи, топоры, доски и кирпичи в ход не пускать. Драться только кулаками. Но помните, тот, кто сегодня поднимет руку на охрану, — в лучшем случае двадцать лет, в худшем — самоубийство в карцере или убийство при попытке к побегу. У тебя, Андрей, три года и ты подумай...

— Я буду с Ритой! До утра!

— Остальные большесрочники. В крайнем случае придется прибегнуть еще к одной мере, но, к сожалению, выполнить ее почти невозможно.

— Объясните, Игорь Николаевич, может мы и сумеем, — проговорил Илюша.

— Подъем, — коротко пояснил Игорь Николаевич.

— Какой подъем? — не понял Андрей.

— Если дежурные пойдут на все, ударить подъем. Ночью тихо. Звон услышат далеко за зоной. Часовые всполошатся и, не поняв, в чем дело, откроют с вышек огонь. Тогда, что бы это мне ни стоило, я вернусь в зону. У меня будет законный предлог. Я как главврач должен знать причину тревоги.

— Я дам подъем.

— Ты, Петров?

— Да, я.

— Никто из вас этого сделать не сможет. За вами следят. Вам не удастся незаметно пройти к вахте. А тебе, Петров, из землянки не дадут выйти. Нужен человек, которого не знают дежурные и, самое главное, не подозревают ни в чем. Всех, с кем я сейчас разговариваю, охрана знает наперечет.

— Есть такой человек! — все посмотрели на Андрея, а он, немного помолчав, продолжал. — На него дежурные ничего не подумают.

— Он надежный?

— Ручаюсь, Игорь Николаевич. Я с ним вместе был в армии.

— Долгосрочник?

— У него пять лет.

— Исключено. Я не имею права рисковать жизнью человека.

— У меня тоже три года.

— Я не хотел приглашать тебя.

— И я была против. Я считаю... — но Андрей, не дослушав, перебил Любовь Антоновну.

— Я бы и сам пришел.

— Ты бы мог и не узнать.

— Скрыли бы от меня, я вам спасибо бы не сказал. Над Ритой издеваться будут, а я спрячусь? — Андрей гневно взглянул на Любовь Антоновну.

— Кого же ты предлагаешь?

— Митю.

— Шигидина?!

— Да. Его считают сумасшедшим и на него никто не подумает.

— Шигидина могут убить возле вахты.

— Я скажу ему об этом.

— Или в карцере.

— И об этом скажу.

— И он согласится?

— Митя сам сказал: «И тут повоюем напослед». Он на глазах у немцев стащил языка. Илюша поможет ему, если Митя не сумеет прорваться к вахте. На минуту на две задержит надзирателей, пока Митя будет бить подъем. В землянке я справлюсь один. Дверь там низкая, чтобы войти, надо пригнуться. На окнах решетки, задняя стена в земле. Тайком не подойдут ниоткуда. Я встану в дверях. Двое дежурных сразу не сунутся, а с одним я справлюсь.

— Ты знаешь, что тебя ждет за это? — Игорь Николаевич тоскливо вздохнул.

— Спасибо, что позвали меня, Игорь Николаевич. За Митю не беспокойтесь. Он сделает все. Только скажите через Любовь Антоновну, что я не сам надумал прийти ночью в землянку. Стыдно как-то. — Андрей покраснел.

— В землянку ты придешь не один, — успокоил Игорь Николаевич Андрея, — с тобой пойдет Любовь Антоновна и все объяснит. Если паче чаяния что-нибудь произойдет, как ты сумеешь связаться с Шигидиным?

— Я договорюсь с ним.

— А все-таки? — Игорь Николаевич вопросительно посмотрел на Андрея.

— Когда дежурные начнут рваться, я открою дверь, возьму что-нибудь в руки и встану на пороге.

— Никакого оружия.

— Ладно. Встану с пустыми руками.

— И потом?

— Закричу. Митя знает мой голос.

— Он может не услышать, — усомнился Игорь Николаевич.

— У меня сильный голос. Митя обязательно услышит. На фронте во время артподготовки я закричал, и то Митя расслышал мои слова. Я договорюсь с ним, что крикнуть. Об этом можете не беспокоиться. И еще я скажу Мите, чтоб сегодня с вечера он побродил по зоне на глазах у дежурных и снова притворился больным. К сумасшедшему они не подойдут. Увидят его возле вахты и тогда ничего не заподозрят. Илюша начнет скандалить с надзирателями, в крайнем случае, подерется с ними, а драться он умеет.

— Этого у него не отнимешь, — согласился Игорь Николаевич.

— Разрешите мне ночью быть в пересыльном бараке, — попросил Илюша.

— Зачем?

— Я буду ближе к вахте. В пересыльном у меня есть друг.

— Еще одного человека? Слуга покорный, — запротестовал Игорь Николаевич.

— Он большесрочник. К двадцати пяти годам ему ничего не добавят.

— Ты ручаешься за него?

— Ручаюсь.

— Кто такой?

— Вы его знаете. Он два месяца лежал в девятом корпусе. Асан Аметов.

— Крымский татарин? Трудный вопрос. Их, как я слышал, выгнали из Крыма. Не пощадили детей и женщин. Винаватыми объявили всех, и тех, кто родился сегодня, и тех, кто появится на свет через год. Крымские татары, это вполне естественно, обозлены на русских. Придет время и они поймут, что их изгнали не русские или украинцы... Время... время... Но пока оно не пришло. А действовать надо сегодня. Для Асана лагерная администрация враги, но и мы — далеко не лучшие друзья. Он может рассудить так: все они волки, а когда волки грызутся, сохатый траву мирно щиплет.

— Мы — волки? — гневно спросила Любовь Антоновна.
— Очень удачное сравнение.

— Я поясню...

— И так все предельно ясно. Вы ставите знак равенства между нами и охраной?

— Не я, Любовь Антоновна. Так может подумать Асан. В его глазах я — главврач, помощник лагерной администрации. К тому же русский.

— Вы неправы, Игорь Николаевич. Асан мыслит более широко. Он ненавидит охрану, ненавидит и готов убить тех, кто выгнал из дома его мать, отца, семью. Но обвинить в этом нас... — Илюша с укором взглянул на Игоря Николаевича. — Если бы было так, я бы близко к нему не подошел. С таким товарищем мне не по дороге. Я — русский. Если человек ненавидит мой народ, он ненавидит мою мать, отца, братьев, ненавидит меня, и я заплачу ему тем же.

— Под горячую руку человек готов обвинить кого угодно. Разумная беспристрастность приходит с годами. Обиды и раны — плохие советчики. Солдат на фронте не рассуждал, плохой или хороший немец. Раз немец, значит убей его. Немцы разорили у солдата дом, отняли детей, опозорили жену, убили близких. Солдат и без приказа расстреляет любого немца. Крымских татар угоняли не крымские татары, значит...

— Я ручаюсь за него, Игорь Николаевич.

— Будь по-твоему, Илюша. Предупредишь его в последнюю минуту. Захочет помочь, поможет, не захочет — его дело. Ты, Андрей, самый молодой среди нас и малосрочник. У тебя очень трудная задача. Сомневаешься — откажись.

— Я все обдумал.

— И запомни одно: Васильеву Лиду в землянку не впускать. Она переночует в корпусе. Почему — не спрашивай. Так надо. Расходитесь по одному, друзья. Каждый на свое место. Дай Бог, чтобы тревога оказалась ложной. До завтрашнего утра.

ОРЛОВ

— Кто-то стоит у калитки и не осмелится постучать. Пират рвет цепь. Лаает — в ушах звенит.

— Псина она и есть псина, — рассудительно заметила невысокая сгорбленная старушка, бросая из-под коротких белесых ресниц быстрый взгляд на хозяина. — Учюяла чужого и лаает.

— Кто бы мог так поздно прийти? — Вслух подумал Орлов, доставая из полукрытого письменного стола старинный золотой хронометр. — Без семнадцати минут одиннадцать. — Орлов осторожно щелкнул пальцем по массивному корпусу хронометра. — Скоро пробьет полночь... Мелодичный звон.

— Вы, Леонид Фадеевич, не пускали бы на ночь глядя сторонних людей. Хозяйка спит и вам хлопоты одни.

— У меня такая работа. Приходится и ночью с людьми разговаривать.

— Дня им мало оглашенным?

— Ничего не поделаешь, тетя Оля. Иначе нельзя.

— Пса-то спустить с цепи, али утихомирить? В голове от лая его ломит. Шибко лютует Пират. На знакомого так бы не кидался.

— Спросите кто и скажите мне.

— Непутевая у вас служба. Как в крепости живем. Собака, телефоны... сиг-на-ли-за-ция эта самая... Словно боитесь кого. Коль вам страшно, а мне-то каково? Эдак и мне голову сорвут, глядишь, — ворчала тетя Оля, выходя из комнаты. Орлов тяжело вздохнул, страдальчески сморщился: ничего не поделаешь, несую свою ношу, не жалуюсь, и устало закрыл глаза.

...Сегодня я никого не жду. Может быть, Осокин? В такое позднее время он не зайдет. Да и Пират его знает. Не стал бы разрываться от лая. Явно чужой. Так могут ночью войти и... Похоронят меня утром... Воры не осмелятся. Для них я бог... Начальник управления, хозяин... О политических не стоит и думать. Среди них террористов нет и не было. Рабочие и колхозники озлоблены... Но против кого? Кто донес на них. Или себя ругают за длинный язык. Интеллигенция? Они разрешают моральные проблемы... Спорят о том, что дозволено, а что нет. — Орлов презрительно улыбнулся. — Пока решат, или срок кончится, или схоронят в тайге. Удачных побегов нет. А неудачные... Мертвые не отомстят. Призраков боятся глупцы. От угрызений совести не умирают. И что это за штука — угрызения совести? Как она грызет? Из чего зубы у нес сделаны? Живу хорошо, обеспечен, наград — полная грудь, уважения — хоть отбавляй. А причем тут совесть? Нож — это я понимаю. Пуля — бр-р-р... А совесть? Совесть — выдумка борзописцев. Политических не освобождают, а если и освободят какого, он тише воды, ниже травы. Готов десять благодарностей нам написать. А тем, кто за пазухой камень держит, свободы не видать. Да и знают они, что за одного меня и сотней жизней не расплатятся. Это им не царские времена. Интересно раньше людей судили. Взять, к примеру, ту же Веру Засулич. В градоначальника Петербурга, генерал-адъютанта Трепова, стреляла — и оправдал ее суд присяжных. Прокурор Кессель что-то мямлил про пистолет, из которого стреляла Засулич, какой он, сильного боя или слабого, такую речь произнес, весь зал и присяжные спали. Зато как говорил защитник Александров! Не Засулич оправдывал, а Трепова обвинял. И ничего Александрову не было. А что плохого сделал Трепов?! Приказал высечь студента Боголюбова. Студента высекли, а Трепов пулю от Засулич получил. Весь зал аплодировал ее оправданию. Сам министр иностранных дел князь Горчаков в ладоши бил. Восторгался оправданием. Если б сейчас кто вздумал стрелять в меня... Пусть бы собрал против меня сто, тысячу фактов. Пикнуть бы не дали защитнику. Расстреляли бы моего убийцу, а семью его — на Север. В лагерях бы отыгрались и на других врагах народа. Не за меня... За свою шкуру дрожали бы, чтобы с ними того же не произошло. Мстить за меня? Кому я нужен?

В глаза лебезят, а за спиной нож точат. Больше всего следует бояться друзей и сослуживцев. Чужие не тронут, а свои не помилуют. Тот же Осокин готов на все... Он что-то пронюхал... Три раза больницу навещал. Игорь — кремень, но Осокина следует убраться... Как-нибудь поделикатней, вроде бы он сам устранился.

— Заснул, батюшка? — Орлов открыл глаза. Перед ним стояла тетя Оля.

— Ну кто там? — спросил Орлов, подвигая к себе пачку «Казбека».

— В гражданском какой-то. Лица его я в темноте не рассмотрела. Сдается, не был у нас. Пират-то больно лютует.

— Что он говорит?

— Шепчет, и не разберешь, о чем. Одно поняла: «Я Зотов, — говорит, — майор». «А какой же ты майор, — спрашиваю его, — коль без погон?» А он свое: «Тише, тише, услышат».

— Проводите его ко мне. Заведите в дом, Пирата спустите с цепи.

— Это еще зачем?

— Чтоб никто не вошел во двор.

— Опять, прости ты мою душу грешную, на ночь глядя сексот приперся. И чего людям не спится? Сексотили бы себе днем, когда добрые люди работают, а то ночью лезут, и не поймешь зачем. Много хлеба скармливают этим сексотам. А в коня ли корм, Леонид Фадеевич?

— Завтра поговорим, тетя Оля. Впустите Зотова, а то он наверно промок и озяб.

— Не шлялся бы ночью и не промок. — Тетя Оля ушла.

Ночной сюрприз... Орлов вынул из кармана револьвер и тщательно осмотрел его. Он никогда не расставался с оружием. И даже ложась спать, в последние годы жена спала в отдельной комнате и Орлов редко навещал ее ночью, он клал безотказный восьмизарядный пистолет под подушку. Сняв предохранитель, Орлов опустил пистолет в карман. Узнать бы заранее, с чем пришел Зотов. И все-таки Осокин недаром крутится возле больницы. Может, Зотов пронюхал, что я собрал на него довольно внушительное досье? Пришел отмаливать грехи? Я — поп строгий, дорого возьму за покаяние... Какая мразь этот Зотов! Золотарь... самую грязную работу выпол-

няет... Кому-то надо и это делать... А я-то сам лучше его? Пляшут они вокруг Игорька... Ох, и хлопот мне с Игорем... Зачем он полез в эту кашу?! Говорил же ему, все образуется и войдет в свое русло... Нет, полез в драку... Он и мальчишкой спуску не давал. Тихоня-тихоня, а не побоялся с первым силачом гимназии в рукопашную вступить... Нехорошо в восемнадцатом получилось... Я ушел, а Игорек остался один... А что было делать? Только и слышишь вокруг: «Бей буржуев!» Могли бы и меня пристукнуть. Ловко я тогда к чекистам примазался! Сразу троих контриков на свежую воду вывел. А виноваты ли они были? Какое мне дело! Расстреляли — значит виноваты. Я выполняю, что прикажут. Через полгода заглянул домой, а Игоря уже не было. Десять лет искал его... Еле нашел! И изволь радоваться... враг народа... Первый раз вырвал его — мало ему показалось, вторично в пекло полез. И теперь не сидится ему спокойно. Сыт, обут, одет, ходит без конвоя... чего ему больше надо?! Зачем сдались ему эти контрики? Посапывай в две дырки за спиной у брата и жди, когда освободят. Кончится вся эта кутерьма... Наберемся сил, состарится и перемерет дореволюционная интеллигенция, вырастим новых ученых с нашей закваской, наделаем много машин, чтоб людей не гнать на необжитые земли, и распустим мы всех, кто живой останется. Зашевелятся новые, из тех, что подрастут, их сюда в гости пригласим... Но сколько их будет? Мало... Хотя, как знать... Чечен, немцев Поволжья, крымских татар выслали в Сибирь, в Среднюю Азию... Сейчас мы называем их изменниками, а лет через двадцать люди засомневаются... Если целые народы изменники, почему же, спросят нас, не судили каждого человека в отдельности. И неужели в целом народе не нашлось ни одного честного человека? А если даже и не нашлось, за что же сослали детей? В чем они виноваты? В последнее время много крымских поступает к нам. Сексоты доносят, недаром все же они хлеб едят, что крымские считают себя невиновными. Подрастут их дети — суди их, возни с ними хватит. Нет, лагеря не опустеют... черт с ними с крымскими и со всеми политическими. На мой век их хватит. А когда поубавится, мне к тому времени персональную пенсию дадут. Деньжонок я поднакопил, пенсию мне тысячи три назначат... уеду в Россию, заживу на берегу реки, чтоб поблизости лес был, рыбку половлю, грибов

пособираю... хорошо бы с Игорем вместе. Забудет он старое, да и не виноват я перед ним ни в чем. А перед другими? Не я эти приказы издаю, не я сужу их... В чем же я виноват? На всех не угодит и солнце. А народ любит строгость. Царская охранка расслонявилась и царю по шапке дали. У них под носом революционеры всех мастей орудовали, а они доказательства собирали, или в другую крайность бросались: шашки наголо — и руби головы всем бунтарям. Не умели справиться с народом. «Народ — ребенок, он не хочет дать, не попытайся вырвать, но украсть». Они не знали этого и не сумели справиться. Где слишком круто действовали, а где либеральничали... На каторге разрешали жениться... и следуй жена за своим мужем, чтоб ему вольготней было. В ссылках на охоту ходили, книги читали, съезды собирали... жили, дай Бог всякому. Под тройку бы их! В БУР! На штрафняк! Сразу бы присмирели. И выгодно: дороги, города строят и шуму никакого. У меня без книг и съездов обходятся, вольно себя не поведут. Я — не тюфяк Трепов, не поеду советоваться к министру: сечь или не сечь. Отправлю в БУР и никаких разговоров. Писаки разные сюда и носу не покажут. Что скажем им, то и напишут о лагерях. Не захотят писать — самих сюда на исправление. До пенсии я многих на путь истинный приведу.

НОЧНЫЕ ВИЗИТЫ

— Тут он. — Орлов вздрогнул, он не слышал, когда вошла тетя Оля, и откашлялся.

— Позовите Зотова сюда. Сами ступайте к себе в комнату. И, пожалуйста, не заходите, пока он здесь, — попросил Орлов.

— Больно мне нужно знать, о чем вы лясы точите, — обиделась тетя Оля. — У меня и товаров-то нет. К погодкам своим почитай целый век не заглядывала. Все секреты, секреты у вас. Обсекретились вконец. — Тетя Оля вышла за дверь и недовольно сказала: «Иди. Ноги-то вытри как следует. Носит вас полуношников».

Орлов услышал осторожные робкие шаги. Дверь скрипнула и в комнату заглянуло широкоскулое лицо Зотова.

— Разрешите, товарищ генерал-майор.

— Входи. Ты что это таким шутом вырядился? Этаким манером только в цирке наряжаются. — В разговоре с подчиненными Орлов любил иногда прикинуться простачком и нарочно коверкал язык. — Этак тебя в цирк и упрячут. Брюки-то гражданские сползают, не по тебе сшиты. Фуражечку в какой помойке нашел? А фуфайка зековская. Увидел бы надзиратель, в зону бы приволок. А то и шлепнул бы в темноте как беглеца.

— Виноват, товарищ генерал-майор...

— Дома меня зовут по имени отчеству. Все гости, жена и... остальные. Не люблю дома званий. А наряд у тебя, как говорили старорежимные купчихи, не аванажный. Бросовый, я бы сказал.

— Маскировка, товарищ генерал... Леонид Фадеевич. Боюсь, что признают в форме.

— Стыдишься навестить меня? Я тебя не звал. Мог бы и не приходить. Поскучал бы один. Трудно мне было бы без тебя, тоскливо, муторно. Но, глядишь, и пережил бы такую потерю.

— Шутите, товарищ Леонид Фадеевич. Я к вам по самому наиважнейшему делу пришел. Можно сказать, ваша жизнь в опасности. Вас лично касается. Я вам от всей души помочь желаю, — Зотов лицемерно вздохнул. На его лице отразилась сложнейшая гамма самых противоречивых чувств. Фальшивое сострадание: жаль мне вас, товарищ начальник. Злорадство: и ты тоже попался, голубчик. Собственное превосходство: не мы одни перед тобой дрожим, потрясись и ты, сердешный. Лесть: хоть ты и в беде, генерал, а я тебя превыше всех считаю. Угодливость: ради вас, товарищ Орлов, я с моста в воду прыгну. Трезвый расчет: а как же ты отблаговаришь меня? Услуга-то не маленькая. Жадность: не продешевить бы. И страх: а вдруг генералу все известно от самого Осокина? И они вдвоем только проверяют его. Неуверенность: не сказал ли чего лишнего. Готовность отступить в любую минуту, раскаяться: неправ, признаю свою вину, прошу прощения. Спесивое самодовольство: ты у меня попляшешь, как рыба на сковородке, вперед чем скажу, зачем пришел. И неутолимая жажда мести:

отыграюсь за все. Вспомню, как ты меня из кабинета выгонял. Зотов еще раз взглянул на Орлова и не узнал его: с губ генерала сползла ленивая добродушная улыбка. Только что перед Зотовым сидел бесхитростный пожилой мужик и с легкой усмешкой подтрунивал над ним. А сейчас в кресле сидел Орлов, с лицом, высеченным из камня, замкнутый, властный, спокойный. Таким его видели те, кто, беседуя с ним, не знал, чем кончится начальственный разнос и не выйдет ли он из кабинета только для того, чтобы в ближайшие дни встретиться со следователем.

— Запомните, майор Зотов! По личным делам, особенно если они связаны с моей безопасностью, вы обязаны явиться в управление и доложить начальнику секретной части полковнику Осокину. Помощь мне необходима только в работе. В личных делах я в помощниках не нуждаюсь. И потрудитесь встать, когда с вами говорит старший по званию. — Зотов испуганно вскочил, вытянулся в струнку и растерянно хлопал глазами.

Припугнуть. Сделать вид, что мне все известно. Уговоры бесполезны. Зотов — скот. Палка ему нужна. Шутильник! Он пришел поговорить об Игоре. Ему что-то известно от Осокина. Вынюхал, старая лиса. Мы с тобой еще побеседуем. На мое место захотел? Подножку мне? Рано хоронить собрался. Я еще пять Осокиных переживу и сто Зотовых.

— Чего глазами хлопаешь, как шкодливый кот? Сядь! — майор покорно плюхнулся в кресло. — Я давно ожидал тебя. Все думал, хватит ли ума и совести признаться в своих грязных делишках. Наконец-то пожаловал. Рассказывай все без утайки.

— О чем? — пролепетал Зотов.

Притворяется, подлец. Хитрит. Ждет наводящих вопросов. Испытывает меня, знаю ли я что-нибудь. Попробую издалека, — решил Орлов.

— О себе. Об Осокине. О вашем заговоре, — на последнем слове Орлов сделал ударение и, помолчав, веско добавил, — против меня.

— Вы... знаете? Какой... заговор? — майор беспокойно заерзал в кресле.

— Что елозишь? Шило в зад попало? Сиди смирно, а то выгоню.

— Я... товарищ генерал-майор... — заикаясь, проговорил Зотов и осекся.

Знает, мерзавец, — негодовал Орлов. Липкий страх подкрадывался к сердцу. — Бойтся продешевить. А вдруг он пришел просто с доносом? На кого? Мало ли мне о ком доносят. И ради этого надел гражданский костюм? Осмелился в полночь зайти ко мне домой? Только Игорь. Не дам ему торговаться. Но как? Задам наводящий вопрос. Если он ничего не знает — вопрос ни к чему не обязывает. Знает — проболтается.

— Мне все известно. Осокин убеждал тебя, будто Игорь...

Стоп! Дальше нельзя, — подумал Орлов, демонстративно отворачиваясь от Зотова. Орлов чувствовал, что он подошел к границе дозволенного. Шагнуть за нее — все равно что вступить на окно болота. Сверху цветы, мягкая трава, а под ними мутная пропасть. Вступи — и разноцветное окно не отпустит тебя, и ты бесследно исчезнешь в его бездне.

Неужто влип? — думал майор, трясущимися руками приглаживая мокрые волосы. — Осокин с Орловым заодно? Вот тебе и раз! Меня испытывали: какой ты, дескать, верный своему начальству. Чем же я так провинился, что два таких кобеля взялись за меня? Зекам поблажки не даю, что говорят — выполняю, все беру на себя, на начальство не сваливаю. Может, в больнице порядка нет? Так Осокин пристал, когда я только в больницу попал. За Гвоздевского вымещают? Они сами его хуже меня возненавидели. За сестру? Я за нее не ответчик, да и дело-то это давнее. Она — калека, Гвоздевский окачурился, не станут ворошить прошлое. Мало давал им? А где больше возьму, сам кое-как перебиваюсь. Хозяин уследил нас с Осокиным. Недаром сердце чуяло. Я-то думал, сам хозяин у меня в руках, а оно вон как вышло. Признаюсь. Не во всем, конечно. Пускай хозяин с Осокиным поцапаются. А я в сторонке постою, погляжу на них.

— Убеждал, товарищ генерал-майор, — признался Зотов, дипломатично не уточняя, в чем же убеждал его Осокин.

— И ты? — спросил Орлов, словно не замечая недомолвки.

— Я все сделал, как он сказал.

— Руки на стол! — приказал Орлов. Майор поспешно выбросил на стол большие красные руки. Пальцы Зотова, усыпанные мелкими бородавками, непроизвольно вздрагивали, поднимались вверх и пугливо падали, со страхом прикасаясь к полированной поверхности стола.

Как на допросе — руки на стол, — подумал майор.

Пальцы — жабы, бородавчатые, — Орлов с отвращением рассматривал руки майора. — Испугался стервец! Теперь он мягкий, как раздавленная лягушка.

— Говори все или выметайся! Завтра встретишься со следователем. На воровских лагпунктах тебя ждут не дождутся.

— За что же, гражданин... товарищ... генерал-майор? Это же Осокин все придумал.

— Договаривай или... — холеная ладонь Орлова потянулась к телефонной трубке.

— Все скажу, гражданин... товарищ генерал-майор, — захныкал Зотов. — Не губите... жена... дети... Жить-то как-то надо... Он меня с толку сбил... Осокин. Он и в ответе, а я чист перед вами. Не знал, что следят за мной.

— В такой системе работаешь. Следовало бы знать. У нас следят за всеми.

— Оно-то и так, да не думал, что наш разговор об Игоре вам известен. Осокин надоумил меня, будто Игорь Николаевич ваш брат двоюродный и вы с малолетства росли вместе.

— Знаю, — равнодушно бросил Орлов. Но это показное равнодушие дорого досталось ему. Лицо оставалось спокойным, взгляд сухим и колючим, а по спине побежали холодные мурашки. Внизу живота он ощутил резь. Вот-вот, еще минута — и он обмочит генеральские брюки, обмочит самым постыдным образом. Проклятое недержание мочи. Разволнуюсь и жди, что потечет. Врачи не велели мне волноваться. Попробуй сохрани спокойствие. И все же надо. Спелись, звереныши!

— Продолжай! — приказал Орлов.

— Осокин велел, значит, добиться, чтобы донос о том, что Игорь Николаевич ваш брат, исходил не от нас. — Майор умолк. «Если знает от кого — скажет. А не скажет — на пушку берет. Я тоже язычок придержу». Зотов опустил глаза и засопел.

— От заключенных, — как само собой разумеющееся и давно знакомое подсказал Орлов.

Все донесли, — сокрушался майор. — А вдруг он просто догадался? Если не назовет фамилию, значит зря проболтался я.

— Так точно, товарищ...

— Фамилия? — в упор спросил Орлов.

— Не упомню я. Память-то у меня слабовата. Еще в школе один учитель дал мне старорежимную кличку — Иван Непомнящий. Отцу говорил, что выгнать меня следует за тупоумие и неуспеваемость, — майор подобострастно хихикнул.

— Хорошо же ты запомнил свою характеристику: «тупоумие и неуспеваемость».

— Какая же это характеристика? И не в праве учитель характеристик выдавать. Только вы можете, — угодливо заюлил Зотов.

— Молчать! — Темнит гад... Вертлявый, как уж. Дурачком прикидывается. Увиливает... Назвать фамилию? Но чью? Промажусь — проиграю. В прошлом году Игорь говорил о девчонке... ее повесил Волк... Как же ее фамилия? А-а-а... Русакова... И о тайнике Игорь говорил возле его кабинета. Да-а-а... Вскоре убили Волка... А перед этим Безыконникову... Она очень грубо работала. Много кричала о своей преданности... Потом вроде притихла, когда попала в больницу. Оттуда давала сведения... только ли мне одному? Могла работать и на Осокина... От нее он мог узнать кое-что об Игоре. Но при чем тут Русакова? Игорь не станет откровенничать с какой-то девчонкой... Русакова подслушала? Она сексотка Осокина? Что я о ней знаю. Пересылка... сожительство с вором, лесбиянкой... вензона и самоубийство... Скорее все же убийство. Волк повесил ее. Осокин не свяжется с Русаковой. А если бы связался, то как-то бы заплатил ей... избавил бы от лесбиянки... Трудная головоломка... Впрочем, не исключено и другое: Игорь проболтался кому-нибудь из врачей, Безыконникова подслушала, но не успела сообщить Осокину... или... может быть, сообщила, но поздно. Полковник делает ставку на Русакову, она должна донести на Игоря. В руках Осокина Русакова — разменная карта. На первых порах ей поверят: Игорь забрал Русакову из вензоны, поселил в землянку, и ей лгать на Игоря нет никаких причин. Потом, по замыслу Осокина, отправили бы Игоря в управление

лагерей... угроза расправиться с семьей, иначе Игоря не запугаешь... чистосердечное признание — и Осокин в моем кресле. Хитро задумано. Может, он не сам составлял план? В управлении лагерей есть Агапов. Он давно косится на меня. Может, это все Агапов состряпал? А полковник такой же исполнитель, как и Зотов? Подсунул мне Осокин этого мерзавца! Я не хотел назначать его начальником больницы, без меня сосватали... Побоялся привлечь внимание к Игорю, поэтому и не убрал его... И вскоре случай с Русаковой... Игорь предупреждал меня, а я отмахнулся. Рискну. Назову Русакову. А если не она? Я потеряю Игоря. Ни одному заключенному, будь он сто раз сексот, до конца не поверят. А если и поверят, то чем он докажет свой донос? Где свидетели? Главный свидетель обвинения — Игорь. Он один может назвать наш старый адрес, знакомых, дальних родственников... Жаль, я их раньше не обезвредил... руки не доходили... Дела-дела, свободно вздохнуть некогда. Без Игоря Русакова и Безыконникова — ноль. Зотов — грязь! А полковник — мой заяц. Упеку его за клевету. Меня-то не так просто упрятать, как какого-нибудь ученого или армейского генерала. Нужны доказательства, иначе хозяин со мной не простится. Я — рабочая лошадь. Убьешь, а телегу кто повезет? Воз — тяжелый, путь далек. Таких, как я, лошадей берегут. Без нас застрянут в пути. Все это так, если... если не будет Игоря. Ошибся я, донос писала не Русакова, тогда... — Так и не вспомнил ее фамилию, майор? — Зотов исподлобья взглянул на Орлова и приободрился. На бога берете, товарищ начальник. Провел меня боров жирный! Ничего он не знает. Дурак я! Дудки тебе! Заплати хорошенько, а потом и вспомню. Мне уж давно полагается в управлении работать на месте Осокина, а я все в майорах хожу... хозяин зажимает меня.

— Туго с памятью, товарищ...

— Я тебе ее освежу, — брови Орлова угрожающе сдвинулись, лоб избородили глубокие морщины, под скулами заходили желваки.

Знает! — обомлел майор. — Испытывал меня... Что же мне будет?! А вдруг пугает? Почему он молчит? Знает — сказал бы... Не из трусливых я. Не на таковского напал, товарищ начальник. Я тоже ушлый, хоть и одна звездочка на два про света.

— Очень даже обрадуюсь, — с преувеличенным усердием, в котором угадывалась плохо скрытая издевка, воскликнул Зотов.

— У тебя совсем память отшибает?

— Совсем! Товарищ Леонид Фадеевич! — охотно подтвердил Зотов.

Смеется курвец! Мне! В глаза! — бушевал Орлов, сохраняя бесстрастное выражение лица. — Назову Русакову. Спокойно, уверенно, небрежно. Каков Зотов! Воспрянул подлец! Смотрит на меня, как лиса на курицу. Попалась курочка — перышки полетят! Балбес! Не угадаю — Игорем пожертвую. А ты, Зотов, петушком моим будешь. Развратник! с мальчишками якшается. Я ему все выложу.

— Мне приятно, когда подчиненные радуются. Значит, начальник у них хороший и на душе светло у сослуживцев — с игривой улыбкой заговорил Орлов. — Плохо, когда память им изменяет, так можно что-нибудь нужное забыть, например, фамилию... — Орлов замолчал. Зотов, выждав, решился на вольность.

— С плохой памятью беда, товарищ генерал-майор. Да что поделаешь. Память-то, она от природы дана, а природа только самому большому начальству подчиняется. Это они имеют право говорить: «Милости не жди от природы, отнимем нахалкой эти самые милости». Природу по соплям, за глотку ее схватим, как контрика, а милости — себе в карман. А мне, человеку маленькому, не приходится природу за шкурку хватать. Жду милости, а дождусь ли...

— Дождешься, Зотов. Я тебе обещаю. Фамилия той, что писала донос на Игоря, Ру-са-ко-ва. Самый первый донос написала Без-ы-кон-ни-ко-ва. Вспомнил?

— Так точно...

— Встать, скотина! — Зотов вскочил, забыв напомнить, что ему присвоили звание майора, а между майором и скотиной есть существенная разница. — Дурачка разыгрываешь передо мной? Насмехаешься?! У следователя объяснишься! За Малявина! За Зозулю! Вон из кабинета! — Орлов решительно потянулся к телефону. Зотов на ходу поймал пухлую руку Орлова и, всхлипнув, звонко чмокнул белую ладонь хозяина.

— Отслужу! — завопил Зотов. — Выложу всю правду! — Больше он не смог сказать ни слова. Зотов шмыгал носом, всхлипывал и, увесистой пятерней размазывая по лицу слезы, пытался еще раз облюнговать руку Орлова.

— Сядь! — Орлов не торопясь достал из кармана чистый платок и тщательно вытер ладонь. — Выпей воды. Вытри сопля. Можешь говорить?

— Могу... гражданин... товарищ...

— Успокойся. — Орлов приоткрыл дверцу пузатого шкафчика. Порывшись, он извлек оттуда начатую бутылку коньяка и объемистый хрустальный бокал. Орлов плеснул немного себе, полюбовался затейливым рисунком на стенке бокала. Вздохнул, причмокнул губами, пригубил коньяк, сладко зажмурился и, немного подумав, налил Зотову чуть больше половины стакана. стакан придется выбросить... Или скажу тете Оле, чтоб прокипятитла после него... Не хватало еще этого майора из бокала поить. Из лоханки Пирата вылакает. Сопля несчастная! Выкабениваться вздумал, козел! Дрожит, как слизняк. Это тебе не заключенных активировать! И все-таки, я угадал. Теперь Зотов расколется, как гнилой орех, — с чувством огромного облегчения раздумывал Орлов.

— Пей! — приказал он. Майор залпом осушил стакан. — Коньяк полагается закусывать лимоном. Да тебе такая закуска, что слону дробина. Рукавом занюхай.

— Так точно, рукавом! Я привыкший. Самогонку без закуски глушу.

— Оттого и нос покраснел, как знамя. Отошел?

— Полегчало, товарищ...

— По имени-отчеству зови. И выкладывай все. Каждое твое слово проверю. Обманешь — пеняй на себя. Скажешь правду — не забуду.

— О Русаковой вы знаете.

— А ты повтори.

— Прошлой осенью Осокин приехал в больницу и стал меня всячески запугивать Малявиным и Зозулей. Потом велел, чтоб Русакова написала донос.

— Текст записки Русаковой помнишь?

— Слово в слово. — Зотов монотонно прочел по памяти то, что должна была написать Клава. Орлов слушал его с закры-

тыми глазами. «Далеко шагает Осокин... Донос Русаковой пошел бы в управление лагерей...»

— Она отказалась написать? — зевая спросил Орлов.

— Волк перестарался, товарищ Леонид Фадеевич. Повесил ее до смерти. Думал побаловаться, а ему помешали.

— Кто?

— После узнали, что заключенная Воробьева. Ей саморуо Буров о Русаковой сказал.

— От кого узнали?

— Воробьева рассказала Васильевой, а Васильева — Красноженовой Глафире. Глафира — сексот наш.

— С Русаковой у вас сорвалось. Жалеешь?

— Радуюсь, Леонид Фадеевич! Душа поет!

— Певучая у тебя душонка! Отчего бы ей так радоваться?

— От преданности к вам, Леонид Фадеевич! Я ведь и тогда не хотел против вас идти. Ни в какую не хотел! Осокин...

— Полковник за свое получит. Ты за себя ответишь.

— Искуплю!

— Чем же?

— Чистосердечным признанием.

— Чистосердечное признание смягчает наказание, но не избавляет от него.

— Как же заслужить?

— Делом, Зотов! Полезным и нужным делом!

— Выполню все, что вы скажете.

— Что вы еще с Осокиным сделали после случая с Русаковой?

— Приставили к Васильевой Красноженову. Она, оказывается, не чокнутая, притворялась.

— Кто притворялся? Красноженова?

— Васильева, Леонид Фадеевич.

— Так и говори.

— Слушаюсь! Игорь, когда узнал о тайнике, в кабинете не стал ни о чем разговаривать. Поэтому мы с Осокиным больше ничего не смогли допытаться.

— Почему ты сегодня пришел ко мне?

— Я вас всем нутром уважаю, Леонид Фадеевич. Зачем мне Осокин сдался? — «Ловчит, сукин сын! У них что-то сорвалось... Испугался, что донесут мне».

— Не выкручивайся, Зотов!

— Так я же...

— Заткнись! — Орлов открыл крышку хронометра. — Ровно через двадцать минут ко мне пойдет человек с донесением. От Васильевой.

— Значит, вы с самого начала в курсе были?

— А ты как думал, Зотов? — «В точку попал! Васильева им нагадила. Поздно я узнал о Красноженовой... Ничего, будет еще время с ней поговорить». Орлов злобно улыбнулся.

— Я проверю твою искренность. — Зотов убито вздохнул.

— Сегодня я вызвал Васильеву к себе и велел ей написать записку на... вас. Она призналась, что уже написала и передала еще утром. В записке просила, чтоб вы похлопотали за нее, что ей не дает житья начальник больницы, пристаёт с расспросами об Игоре и что Красноженова велела ей донести, будто Игорь и вы — двоюродные братья. Записку она послала к вам с лейтенантом Дашковым.

— Вы очень бестолково объясняете, — с досадой перебил Орлов Зотова. — Я сформулирую более четко: Васильева написала письмо, адресованное мне, что вы принуждаете ее признаться, будто она слышала от Игоря о нашем родстве. Васильева опередила вас. Она передала жалобу мне с лейтенантом Дашковым. Вы не замечаете расхождения в своих словах?

— Нн-н-е-е замечая.

— С Васильевой вы беседовали обо мне только сегодня. Она жалуется, что вы уже несколько дней преследуете ее, после того, как она имела несчастье поделиться тайной своей симуляции с Красноженовой.

— Виноват, Леонид Фадеевич! Первый раз я разговаривал с Васильевой на прошлой неделе.

— А сегодня?

— В четвертый, товарищ генерал-майор. Пришлось того этого припугнуть ее маленько.

— Она, конечно, не преминула признаться, а заодно, возможно, донесла Игорю о разговоре с тобой.

— Я об этом не подумал.

— Ты вообще ни о чем не думаешь. Обещал чистосердечно признаться и лжешь на каждом шагу. Клещами тянуть при-

ходится. Как же я могу тебе доверить настоящее дело? Ступай, Зотов, и готовься сам знаешь к чему.

— Больше никогда... ни одного слова... только правду...

— В последний раз даю тебе возможность исправиться.

— Я сам заторопился, товарищ генерал-майор. Думал, за чем мне Осокин? Доложу все без него в управление лагерей и простят мне старое. На Осокина скажу, что он мне запрещал против вас действовать. Осокина — по боку, вас, извиняйте, — тоже, а меня в управление заберут работать. Я вызвал Васильеву сам, так сказать, по своей ини-ци-а-ти-ве. Кто же ее знал, что она вашему человеку писульку передаст. Упредила меня.

— Каковы же были твои дальнейшие планы?

— Я рассудил так: под нового хозяина подлажусь, выйду в полковники, жалованье побольше и так вообще... — Зотов запнулся.

— Слева перепадет?

— Кто же теперь на жалованье живет? Время трудное, вот и перебиваемся, как можем.

— Ты хочешь сказать, что и у меня побочные доходы имеются?

— На вас такое подумать?! Что вы, товарищ генерал-майор! Вы, это самое, кри-ста-лли-чески честный... Борец за идею... Мы все...

— Хватит молоть языком! Даже тут правду не сказал. Ты трус, Зотов!

— Так точно!

— Хорошо хоть в этом признался. Я тебя предупреждал, что очередное вранье не прощу.

— Я из-за уважения к вам не посмел. Вы для меня...

— Будем считать, что на этот раз ты не соврал. А теперь отвечай прямо и без уверток: почему не позвонил ко мне, а прятался у ворот, как урка? Ограбить меня собирался?

— Я-а-а?! — нижняя челюсть майора отвисла, щеки побагровели как кончик объемистого носа, глаза округлились.

— Верю, что не хотел грабить... Но почему же ты не позвонил?

— Впервые я у вас, не знал, что на воротах звонок.

— Допустим, что не знал. А постучаться тоже не догадался? Кулаки пожалел?

— Оробел, товарищ...

— И опять врешь, Зотов! Одейся, как циркач, тоже со страха? Ты прятался... Ждал. Кого? Подсказать или сам вспомнишь?

— Жж-дал... од-ного... чче-ло-века, — заикаясь признался Зотов.

— И, конечно, не помнишь кого. Проклятая память подвела. Или «тупоумие и неуспеваемость?» — «Он ждал Дашкова... Хотел перехватить записку. Добром бы ему записку Дашков не отдал... Дерзкий, гад! Возле моего дома вздумал убить лейтенанта... Дерзкий! Скорее трусливый». — Ты ждал лейтенанта!

— Его, — признался Зотов, не смея поднять головы. — Уговорить хотел, думал согласится...

— Убить ты его хотел, мерзавец! Снова лгать будешь? Терпение мое испытываешь?

— Хотел...

— Кто помешал? Зачем себя обнаружил?

— Лейтенанта еще не было. Мимо вашего дома прошел человек... Он посмотрел на меня... Залаял кобель, простите, собачка ваша. Потом старушка вышла.

— Наш человек? Из управления?

— Не признал я его в лицо. По всей видимости чужой, здешний житель.

— А он тебя узнал?

— Я к нему спиной повернулся. Не должен бы признать.

— Ты решил продать мне Осокина и взять за него подороже? Думал, что за услугу я возьму работать тебя в управление? Ты будешь меня шантажировать, держать в руках, как сосунка? Молод еще, майор! Ты думал так: пока придет лейтенант, я все выложу генералу и потребую награду.

— Думал...

— Ты еще, оказывается, и мыслить умеешь? С твоим-то «тупоумием»? Удивляюсь!

— От вас...

— ...ничего не скроешь, хочешь сказать? Абсолютно ничего! — «Зотов что-то знает об Осокине... Иначе почему бы он надеялся, что Осокина уберут?»

— Выкладывай!

— Я все высказал.

— Далеко не все. Рассказывай об Осокине. И не тяни время! Если я сам подсказу, что ты о нем знаешь, считай себя заключенным. Эту фуфайку ты не снимешь!

— Дайте выпить, — прохрипел майор. Орлов плеснул в стакан немного коньяку. Зотов жадно, одним глотком, проглотил коньяк и наспех вытер влажные губы. — Полковник уговорил меня, чтобы я на вас напустил Седугина.

— Какого Седугина?

— Бывшего конвоира с семьсот семнадцатой. Его осудили за...

— Вспомнил. Защитник заключенных. Он связан с делом Русаковой?

— Да. Зимой ему вышло помилование.

О Седугине просил Игорь... Ему оставили пять лет... Но он же был на девятнадцатом лагпункте.

— Где теперь Седугин?

— Шестой день в больнице, товарищ генерал-майор. С легкими у него плохо.

Что же Седугин мне мог сделать? Спрошу...

— И как вы думали использовать Седугина? Кстати, кем он приходился Русаковой?

— Седугин ее полюбовник.

— Любовник? Это интересно.

— Полковник разговаривал с ним два раза. Он пояснил Седугину, что Русакову повесили по вашей вине.

— Я-то тут при чем?! — искренно удивился Орлов.

— Вроде бы Русакова написала донос на Игоря Николаевича, что вы с ним живете.

— С Игорем?!

— Не сердчайте, Леонид Фадеевич. Это же Осокин так учил. Я тут ни при чем.

— Не отвлекайся.

— Ну, и вы за этот донос как будто велели Волку повесить Русакову. Седугин долго не хотел верить полковнику. Потом полковник под большим секретом показал Седугину письмо, как бы написанное вами. В нем было сказано, что вы приказываете избавиться от Русаковой и поручаете исполнить

это передовому заключенному. Седугин — бывший конвоир, он понимает, как избавляются от зеков, и знает, кто такие передовые заключенные.

— Ты сам это письмо видел? Я его никогда не писал.

— Осокин ловко чужую руку подделывает... Седугин вашего почерка не знает.

— А ты хорошо знаешь?

— Вы пишете по-разному, — замялся майор. — Ну а Седугин после того поверил и надумал вам отомстить.

— Как?

— Убить вас, товарищ генерал-майор.

— Меня?! Чуть! Я в глубинке всегда хожу с охраной.

— В том-то и дело, что не насовсем убить. Осокин придумал похитрее.

— Договаривай, Зотов. У тебя другого выхода нет.

— И то правда. Полковник удумал так. Он поедет вместе с вами проверить больницу. Вы придете ко мне в гости. Седугин попросится к вам по важному делу...

— С оружием? — усмехнулся Орлов.

— На виду у него ничего не будет. А в кармане он прячет пистолет.

— Откуда он его возьмет?

— Я дам. С холостыми патронами. Седугин схватится за оружие, а в это время вбегу я и выстрелю ему в спину. Пока поднимется переполох, пистолет потихонечку сменим: подсунем ему другой, с боевыми патронами.

— И дальше?

— При свидетелях и понятых найдем у Седугина в кармане две бумаги...

— А где же буду я в это время?

— Тут же, рядом. Оружие сменить одна секунда. С перепугу вы не заметите.

— Но отпечатки пальцев на пистолете...

— В том-то она и хитрость полковника: Седугину перед тем дадим подержать в руках тетешник с боевыми патронами, его мы и подсунем вместо первого.

— А твои отпечатки пальцев?

— Я ж не голой рукой возьму его... тряпкой, Леонид Фадеевич.

— Про тряпку сам придумал или Осокин подсказал?

— Он. Нас учили на курсах, но я бы не додумался.

— Но как бы вы пояснили мне, понятным, начальству, откуда у Седугина появился револьвер?

— Украл, Леонид Фадеевич.

— Украл?! У кого?! И как?!

— Или снабдили его...

— Кто?!

— В больнице служит дружок Седугина сержант Алексей Миронов. Он имеет доступ к оружию и вполне может снабдить Седугина револьвером. Они часто встречаются тайком. У нас есть свидетели.

— О чем написано в доносах?

— Я не знаю, Леонид Фадеевич. Полковник от меня скрывает.

Врет! Осокин очень осторожен, сам диктовать доносы не будет: вдруг Седугин останется жив... тогда Осокину несдобровать... Значит... Да-да, доносы в руках майора! Но почему же он не пустил их в ход? Васильева помешала или еще какой-то просчет? Пожалуй, Васильева тут ни при чем... Заварили кашу... Действовать! Решительно!

— Дай-ка сюда эти доносы, — не повышая голоса приказал Орлов.

— У меня... их нет.

— Дай. Или...

— Вам уже и об этом сообщили? Кто же?

— Не твое дело.

— Кроме лейтенанта Дашкова, никто из больницы не уехал. Игоря я не допускал к селектору.

Оказывается, Игорь тоже в курсе дела... Узнать от надзирателей Игорь ничего не мог... только от Седугина... А доносы? Как они попали в руки майора?

— Долго я буду еще ждать?

— Так они же не у меня...

— Еще раз лжешь. Подай мне свою кепку. — Майор задрожал всем телом и протянул хозяину кепку. Орлов ощутил козырек. Под пальцами что-то захрустело, Орлов извлек из письменного стола перочинный нож с перламутровой ручкой и белые перчатки. Он поднес их к настольной лампе, внима-

тельно осмотрел, нет ли крохотных, едва заметных дырочек, и подозрительно, аккуратно и тщательно, как хирург перед сложной операцией, натянул их на руки. Потом не торопясь распорол козырек и извлек оттуда тощую пачку бумаг, завернутую в тонкую клеенку.

— Они? — спросил Орлов, раскладывая исписанные бумаги на столе. Зотов судорожно проглотил слюну и утвердительно кивнул головой. — Язык отнялся? Объясни, пока я не прочел.

— Я...

— Уж не хочешь ли ты меня уверить, что не читал их?

— Читал... Я ж сам хотел... Все поясню...

— Не мешкай, майор. Мое время дорого стоит.

— Там три письма. Одно два раза написано. И ксивенка к Игорю.

— Понятно, дальше.

— Прочтите сами, Леонид Фадеевич.

— Ого, тут еще и конверт. Посмотрим, куда он адресован. Днепропетровск, проспект Карла Маркса, дом тридцать два, Седугиной М. С. В конверте тоже письмо. «Дорогая мама, — читал Орлов. — Это письмо передаст тебе из рук в руки мой товарищ по армии Алеша Миронов. Его демобилизовали из армии и он едет в Днепропетровск. Сделай все, что он скажет. Меня арестовали и осудили за то, что я помог заключенным. Сперва дали пятнадцать лет, а теперь сбавили до пяти. В лагере творятся безобразия. Нас плохо кормят, бьют. Один человек по секрету пояснил мне, что главврач четвертой лагерьной больницы, Игорь Николаевич, и генерал-майор Орлов, начальник управления лагеря, двоюродные братья. Они вместе росли. Орлов любит Игоря Николаевича, он дает в больницу много лекарств, продуктов, политическим разрешает работать врачами. Игорь Николаевич — человек замечательный. Приезжай, поговори с ним и с начальником управления, они помогут мне выйти на свободу. Я слышал от Игоря Николаевича, что все безобразия творят враги народа, которые засели в самом верху, но скоро их выловят. Я сам, под диктовку начальника управления генерал-майора Орлова, написал разоблачение на одного врага народа. Кто он такой, не знаю. Запомнил только номер того врага — КЛ/17. Если начальник управле-

ния ничего не поможет, передай мое письмо в Кремль на имя министра. Жду тебя. Твой сын Степа». Орлов подвинул к себе вторую записку. «Довожу до вашего сведения, что известный вам КЛ/17 обещал мне продвижение по службе, если я предам огласке прошлогоднее мартовское дело. О чем идет речь, напоминать не буду. Знаем только мы трое: я, вы и КЛ/17. Кроме того, он предлагал мне при моем ближайшем посещении центра устроить негласную встречу с иностранным корреспондентом, с тем чтобы в печать капиталистических стран просочилась информация об истинном положении в наших лагерях, о судьбе лжеученых, о тройках и количестве заключенных. Как человек, патриот и старый чекист, считаю передачу подобной информации предательством светлых идеалов, за которые боролись наши отцы и боремся мы. Письмо написано не моим почерком, ибо у КЛ/17 есть сообщники в министерстве. Чтобы у вас не осталось сомнений, кто писал письмо, сообщаю свой шифр: П-21/18. P.S. Письмо пойдет сложным путем. Мой человек отбудет к месту назначения завтра. Он проверен и предан нашему делу. С коммунистическим приветом — П-21/18». Записка, написанная тем же почерком, приоткрывала тайну писем. «Игорь Николаевич! Пишу вам вторую записку. Боюсь, что первую вы не получили. Время очень мало и мы можем опоздать. Меня заставили написать три письма. Одно, якобы, маме. В нем я пишу, что вы двоюродный брат хозяина. В двух других, оба слово в слово, донос на какого-то КЛ/17, написанный от имени П-21/18. Кто они такие — понятия не имею, но буквы и цифры запомнил хорошо. По-моему, они что-то хотят с вами сделать. От Алеши узнал, что сегодня ночью идет этап. Из землянки заберут Риту, Елену Артемьевну, Любовь Антоновну. Куда повезут, не знаю. Но конвой отбирают такой, у которых на счету много убитых заключенных при попытке к побегу. Если сможете что сделать, то сделайте. Поговорите с Васильевой. Ее два раза брали на вахту мыть полы и майор уводил ее за зону. О чем он с ней разговаривал, Алеша не знает. Я боюсь за себя. Мне сказали, что Клаву убили по приказу хозяина. Я сказал, что убью хозяина, а мне ответили: «Дадим оружие, убивай. Потом расскажешь за что. Больше двадцати пяти тебе не дадут, потому что хозяин — враг народа, его все равно разоблачат». Хозяин

должен приехать завтра, а меня почему-то посадили в карцер. Боюсь, что и хозяину ничего не сделаю и меня убьют. Майор говорил, что вы и хозяин двоюродные братья. Если это правда, помогите мне. Больше писать мне не к кому». Орлов глубоко задумался. Он внимательно еще раз прочитал донос в центр и, развернув последний лист бумаги, убедился, что это копия доноса. «Почему дублировано письмо в центр? Какая цель одно и то же писать два раза? Хотя... Осмотрю еще раз. Понятно... Полковник неосторожен... Спрошу Зотова... Признается? Тут еще много следует выяснить. Имея такие грозные документы против меня, и вдруг явился. С какой целью? Уж не из чувства же преданности. Скорее всего боялся, что мой сексот опередит его. О каком этапе Седугин предупреждает Игоря? Мне об этом никто не докладывал. Чья-то самодеятельность... Трудно распутать... Мало времени... Прежде всего дрезина. И узнать, во сколько отбывает в глубинку поезд...» Орлов потянулся к телефону. Зотов испуганно и умоляюще взглянул на него. Хозяин пренебрежительно махнул рукой — не о тебе речь — и нетерпеливо дунул в трубку. — Спят, мерзавцы... Алло... Да, это я. Во сколько отходит поезд в глубинку? В три десять? Приготовьте мою дрезину. Срочно! Если к трем часам я не успею выехать, отход поезда задержать. О задержке сообщите на станцию за десять минут до отхода. О моем звонке ни слова. Записывать мое распоряжение запрещаю. Ждите дальнейших указаний. Все. — Орлов повернулся к майору. — Почему донос в центр написан в двух экземплярах?

— Для верности, Леонид Фадеевич. Вдруг одно затеряется.

— Когда я отучу тебя врать? Один донос написан на бумаге Осокина. Внизу три слова: «Не забыть спросить». Почерк полковника. Украл?

— Никак нет, товарищ генерал-майор. Осокин по нечаянности уронил.

— Допустим... Редкий случай. Полковник потерял лист бумаги... Но поверю тебе... с натяжкой. Что ж ты думал делать с двумя письмами? Не пытайся на ходу соврать. И лоб не морщи! Мыслей у тебя не больше, чем в камне воды. Я подскажу тебе. Одно письмо Седугина, написанное на простой бумаге, ты отдал бы полковнику, а второе оставил бы себе. Ты

надеялся передать его наверх сам, и Осокин полетит вслед за мной. Угадал?

— Как в воду глядели.

— Черта с два. Так и не проснулась у тебя искренность. Догадайся, о чем я еще тебя спрошу?

— Не могу знать.

— Можешь, а если нет, значит непроходимый дурак. Тебе лапункт нельзя доверять, а ты в управление полез. Собаководом ты был неплохим и возился бы с собаками до сегодняшнего дня...

— Сам жалею, товарищ генерал-майор.

— Как бы тебе гражданином не пришлось меня называть. Ну, собак ты знал, кормил их, ухаживал.... А людей? В такую игру полез!

— Затащили. Сам бы и не помыслил. Отказывался... Перевестись хотел... Полковник виноват.

— Прежде чем слушать его, ты бы подумал, с кем работаешь. — «У Осокина лишних людей нет. У него за душой, если не считать сексотов, только этот идиот Зотов... Я чего-то не додумал... Не просмотреть бы... Но пока я наверняка не ошибаюсь...» — Так и не догадался, о чем я тебя спрошу?

— Никак нет.

— Как только ты со своим умом с собаками справлялся! Кто за кем бегал — ты за собакой или собака за тобой?

— Известно, когда беглеца преследуешь, собаку вперед отпускаешь.

— Оно и видно. Собака — умница, а ты... Кто должен был доставить письма? Адрес? Кому?

— Полковник все таил от меня...

— С письмами должен был ехать ты! Ты! И посмей отказать, мерзавец!

— Не смею, гражданин...

— А теперь говори всю правду. Почему пришел ко мне? Срок выезда? Куда? К кому?

— В Москву, товарищ генерал-майор. В министерство... к Агапову... На той неделе полковник обещал мне отпуск. Завтра мы договорились встретиться с ним.

— Не разжевывай! Почему приехал ко мне?

— Васильева...

- Слышал. Вторая причина?
- Седугин пишет, что передал одно письмо Игорю. Он точно его передал.
- Откуда ты знаешь?
- Я застучал сержанта Миронова со вторым письмом. Прижал его маленько, он и признался, что сегодня днем в карцер к Седугину приходил один заключенный. Я, известное дело....
- Накрал в штаны.
- Было такое, товарищ...
- Меня не интересуется, сколько казенных брюк ты испортил. За что Седугина в карцер посадил?
- С перепугу. Как узнал о Васильевой...
- Почему же днем сюда не приехал?
- Побоялся, что приметят.
- Как же Седугина без присмотра оставил? Сам бы охранял карцер!
- На них понадеялся. На охранников своих. Завкарцером человек верный, а проморгал.
- Подобрал ты себе людишек! Седугин в карцере сидит один?
- Всех выгнал. Один, товарищ генерал-майор.
- Откуда ты узнал о цифрах?
- От полковника. Он велел мне сразу же и забыть.
- Но я завтра не думал ехать в больницу.
- Игорь Николаевич бы вас срочно вызвал.
- Зачем?
- Я бы припугнул его, что всех знакомых на этап отправлю. По селектору поговорить неудобно, он бы утром вас и позвал... условным знаком.
- Осокин и об этом тебе сообщил?
- Он говорил, что у Игоря секретное слово есть, когда вас срочно вызвать надо.
- За что же Седугин должен был стрелять в меня? Как бы вы объяснили это?
- У полковника был ответ. Мы бы вдвоем подтвердили, что слышали, как вы грозили Седугину, в случае если он вас выдаст. Седугин схватился за оружие, но тут забежал я и помешал.

— Но если бы я потребовал бумаги Седугина?

— Вы бы их и не увидели. Полковник, как начальник секретной части, не отдал бы вам их.

— Много власти ему дали. Не плохо придумал Осокин. Ты захотел действовать самостоятельно. Если бы тебе не помешали Седугин, Васильева, Дашков, то все равно ты погиб бы со своей глупостью.

— Где же я промашку дал? Что не досмотрел?

— Учесть на будущее хочешь? Учти, если тебе пригодится... Оба письма написаны одним почерком. Если верить доносу Седугина, а вернее надписи под этим доносом, то станет понятно, что Седугин писал под диктовку Осокина. Но письмо написано от моего имени. Такое письмо я бы не доверил никому, продиктовал бы только сам. Выходит, что Седугин — мой человек, и он же пишет письмо матери, в котором разоблачает меня как двоюродного брата Игоря. Значит, оба письма — фальшивка. Осокина убрали бы, я бы остался на месте, а тебе несдобровать.

— Но Седугин мог работать...

— На нас двоих, — перебил Орлов. — В нашей системе такое возможно. Иногда сексоты работают сразу на трех хозяев и всех трех продают четвертому. Однако в данном случае подобное исключено. Интересуешься почему? Оба письма Седугина написаны одинаковыми чернилами и в одно и то же время. Я мог видеть Седугина два месяца назад, а следовательно физически не мог сегодня утром или вчера вечером, или даже завтра, продиктовать Седугину письмо.

— Но завтра вы бы приехали...

— Все равно расхождение в один день.

— Неужто так точно время узнают, когда написано?

— С точностью до двадцати минут. Наука теперь шагнула далеко. — «Поверил и этому, кретин... И он еще интригует...»

— Век живи — век учишь, а дураком помрешь.

— Меткое замечание. Люблю самокритику. Полковник бы не разрешил тебе выехать с двумя письмами, написанными одним почерком. Кто должен был написать письмо к матери?

— Васильева. Сорвалось с ней...

— Полковник вышвырнул бы тебя с письмом Седугина. Ну хорошо, что ты хоть научился говорить правду.

- Стараюсь, товарищ генерал-майор.
- На следствии Васильева могла проболтаться.
- Я об этом подумал.
- И что же ты придумал?
- На этап Васильеву. И... побег.

— На большее тебя не хватило... В побег отправлять ты умеешь, а думать... Убогий ты! Обидела матушка-природа майора Зотова. Уж куда тебе за шкурку ее хватать. На коленях милости не выпросишь. Она дама строгая.

— Кто? Вы не о жене моей часом? Она у меня с характером.

— Не паясничай, Зотов!

— Я ж не шутейно... Думал, что вы жену мою дамой обозвали. Она, дуреха, где-то прослышала и часто в сердцах говорит: «Я — дама строгая».

— Тебе думать вредно, очень вредно. Ты знал, что с минуты на минуту ко мне придет Дашков. Почему нахально вел себя в начале разговора? Без кривляний! Начистоту!

— Да как вам сказать...

— Как есть, так и говори.

— Я рассудил, что раз задержался Дашков, то и до утра не придет. Он насчет закидона слабак, — Зотов выразительно щелкнул себя по шее, — у него тут брат живет. Как заложили они, до утра лейтенанта не жди.

— Все вы пьяницы беспробудные, — всколзь заметил Орлов, маленькими глотками прихлебывая коньяк.

— Служба самая что ни на есть собачья. Одна только и радость у нас — выпить, поесть хорошо, да с молодыми зечками побаловаться.

— Продолжай.

— Плеснули бы, Леонид Фадеевич. Самую малость... душа высохла, — майор жадно облизнул тонкие губы.

— Кончим дело — размокнет... Всю бутылку вылакаешь.

— Я думал так. Пока не придет Дашков, я вам расскажу об Осокине.

— Так прямо все бы и рассказал? Чис-то-сердеч-но, — ядовито улыбнулся Орлов.

— Если б не знали вы о Русаковой, о Безыконниковой, на двух хозяев, поносица, хрячила, и о Дашковой, что я ждал его у ворот для беседы... уговорить в общем хотел...

— Кастетом по черепу? Или рукояткой нагана?

— Кастетом, Леонид Фадеевич... Я б вам намекнул о вашем родстве с Игорем и награду бы попросил. Меня бы вы в управление взяли, Осокина — убрали, а потом я бы и на вас написал, чтоб себя обезопасить.

— Ты хотел получить от меня награду... А наглость?

— Уж очень вы обижаете нас. Перед людьми в глаза смеетесь, как над сопливыми мальчишками. В отместку поломаться хотел, увидеть, как вы меня просить станете. В зоне я бог, вытворяю, что надумаю, а к вам попаду, плюете вы мне в душу. Долго терпел. Отыграться...

— На мне?!

— У меня таких задумок до смерти больше не случится. Не по мне кус. Теперь я смиренный... Хоть к супруге моей в кровать полезайте. Постерегу, чтоб не беспокоил вас кто...

— Не в моем амплуа она, костлява.

— Выдра, Леонид Фадеевич. Злющая бабенка. Нарухает вас, ведьма. — Зотов угодливо хихикнул.

— Почему ты сразу не пошел к полковнику?

— Так я же хотел перехватить лейтенанта.

— У тебя было против меня столько документов...

— Что бы я с ними сам стал делать? За здорово живешь Осокину отдать? Я уж написал по его приказу письмо для Русаковой, а он его к себе положил и мне же грозит. А приди к вам лейтенант, вы бы сразу поняли, в чем дело, и ни в жизнь не выпустили бы меня в Москву. Самоволкой ехать — в дороге ваши люди прихватят. От полковника помощи не жди. Он таких, как я, тысячу утопит, лишь бы самому уцелеть. Начальство... — Зотов вовремя вспомнил, что перед ним сидит один из тех, кого он со злобой и обидой назвал «начальство», и прикусил язык.

— Начальство вам не нравится? Вы сожрете любого, как пираньи.

— Пиратами ругаете нас? Это же вроде морские разбойники. Мы-то на земле служим.

— Не пираты, а пираньи. Рыба такая есть. Маленькая, а хищная. Живого буйвола, пока он реку переплывает, съедают. По куску рвут и через полчаса обглоданный скелет остается. Спусти вам вожжи, вы и скелет slopes. — Орлов достал чистый лист бумаги, поставил на стол чернильницу и коротко приказал: — Пиши! — Майор взял ручку, посмотрел на нее с нескрываемым страхом, так смотрит человек на кобру, готовую к прыжку, и, вздохнув, обмакнул перо в чернила. — По уговору с полковником Осокиным, начальником секретной части управления нашего лагеря, — диктовал Орлов, а Зотов, сопя, с натугой, вкривь и вкось выводил каждое слово, — я, майор Зотов, начальник четвертой больницы, принудил заключенного Седугина, осужденного на пять лет лишения свободы, написать следующее письмо. Перепиши, — приказал Орлов, отдавая Зотову письмо Седугина, — и побыстрей.

— Отвык писать я, не могу скоро.

— Приучайся. И поразборчивей. — «Седугин сидит в карцере... На этап уйти не успеет. В зоне с ним не расправятся... Долго мешкал Осокин... Донос в Москву — главная улика против него... Бумага с почерком полковника. Выкрали? Могли... Но кроме него и Агапова никто не знает мой личный номер... Не знаю, что мне было бы за Игоря, но донос в Москву мне бы стоил жизни... Донос на самого хозяина... Ведь он начальник управления всех лагерей, правая рука министра... Министр верит ему во всем. Меня бы без суда и следствия — «До особого распоряжения»... И все же полковник пересолил с интервью для иностранного корреспондента... В своем ли я уме, чтобы давать подобное интервью? А мой хозяин? Разве бы он решился подбивать меня на такую глупость? Но тут может быть более тонкий расчет: мой хозяин метит на место самого министра, так бы рассудил министр. Если бы я дал интервью корреспонденту, то я бы бросил тень на министра, а уж хозяин министра не простил бы ему... Выходит, что я хотел опозорить того, перед кем мы на цыпочках ходим все. И в результате раскрыта банда заговорщиков и летят головы: моя, хозяина, министра... Чересчур крупно. Могли бы поверить, могли бы не поверить... Но на мне на всякий бы случай отыгрались... Опять лает Пират. Неужели Дашков? Если это он, то как раз вовремя». — Орлов нажал на кнопку звонка.

Минут через пять в комнате появилась тетя Оля, заспанная и недовольная.

— Что за ночь суматошная! Поспать-то дадите старухе? Аль как девчонку до третьих петухов прогоняете?

— Не сердитесь, тетя Оля, — миролюбиво заговорил Орлов. — Еще один гость пришел. Проводите его прямо ко мне. — Зотов продолжал писать, искоса поглядывая на Орлова и с тревогой на дверь.

— Сапожищи бы снял! Не в свинарник идешь. По такой слякоти разгуливаются, а я убирай за ними, — ругалась тетя Оля, пропуская в комнату стройного белобрысого лейтенанта. Увидев Зотова, лейтенант попятился.

— Принес? — спросил Орлов, протягивая руку.

— Что? — смущенно прошептал лейтенант.

— Майор в курсе дела. Давай, Дашков. — Лейтенант удивленно поднял брови. — Поживей! Тороплюсь. — Дашков машинально расстегнул шинель и, с укоризной взглянув на Орлова, достал из кармана кителя клочок серой бумаги.

— От Васильевой?

— Так точно, товарищ генерал-майор.

— Главврач ничего не прислал?

— Никак нет. Разве он тоже?..

— Помолчи. Кончил переписывать? — спросил Орлов, поворачиваясь к Зотову.

— Кончил. Взопрел весь. Проверьте, товарищ генерал-майор. Исправьте, что не так. С грамотой у меня не того... Я ж ведь выдвигенец... Из самых низов, можно сказать, от собаководов до майора дошел. За исполнительность и строгость отличили.

— С ошибками твоему заявлению больше поверят. Уж не хочешь ли ты, чтоб я исправил его своей рукой? — Орлов саркастически улыбнулся. — Теперь приписка: этот документ, — медленно и раздельно диктовал Орлов, — я писал под диктовку Осокина в своем доме второго апреля тысяча девятьсот сорок шестого года. Жены и детей в доме не было, но в соседней комнате спрятался лейтенант Дашков.

— Я?! — удивленно воскликнул Дашков.

— Ты! — отрубил Орлов. — Может, не прятался? Тебе напомнить твои прошлогодние похождения?

— Было... Прятался... Только бы число не забыть... И расскажите, где сидел я.

— Все расскажем, — успокоил Орлов лейтенанта. — Продолжай, Зотов: после этого полковник Осокин сказал мне, что мы вооружим Седугина револьвером системы ТТ, чтобы он сделал покушение в моем доме на начальника управления лагеря Орлова. По замыслу Осокина, револьвер хотели зарядить холостыми патронами, и, когда Седугин попытается выстрелить, я забегу в комнату, застрелю Седугина и подменю револьвер. При обыске у Седугина найдем документ, о котором я написал выше, и передадим его начальству. Кроме того... Когда повесилась Русакова?

— Не помню.

— Посмотрим. — Орлов выдвинул ящик стола и достал записную книжку в красном кожаном переплете. — О-о, Осокин... Больница... С четырнадцатого по восемнадцатое октября.

— Я разговаривал с полковником на другой день по приезде его в больницу.

— Ты не путаешь?

— Точно, товарищ генерал-майор. Полковник мне еще говорил: «Я сутки здесь и то больше тебя в курсе дел».

— Оказывается, у тебя не такая уж и плохая память. Пятнадцатого октября тысяча девятьсот сорок пятого года полковник Осокин дал мне секретное задание, чтоб заключенный Ростовцев Геннадий Иванович под кличкой Волк принудил заключенную Русакову...

— Клавку, — подсказал Зотов.

— Клавдию написать тайный донос на генерал-майора Орлова, что якобы он сожительствует с молодыми заключенными. О задании полковника Осокина также знал лейтенант Дашков, который лично разговаривал с заключенным Ростовцевым Геннадием Ивановичем. Русакова после беседы с Ростовцевым повесилась, не могу знать из каких побуждений, а Ростовцева убили воры на почве личной мести. Я и Дашков полгода молчали. Полковник Осокин все время запугивал нас. Мы боялись, что все откроется и тогда нам обоим не будет снисхождения. Поэтому мы решили чистосердечно, добровольно, полностью осознав свою вину, доложить о всех незаконных

действиях полковника Осокина. Заявление составлено мною третьего апреля тысяча девятьсот сорок шестого года...

— Но сегодня у нас девятое, — робко напомнил Зотов.

— Пиши, что говорят... В присутствии лейтенанта Дашкова и собственноручно подписано мною... Подписал?

— Так точно. — Орлов внимательно прочел заявление Зотова и протянул его Дашкову. — Пиши: настоящее заявление правильное. Я его прочел и подтверждаю собственноручной подписью... Вот и все. — Орлов взял в руки пресс-папье, промокнул невысохшие чернила, свернул вчетверо лист бумаги и, опустив его в карман, снял телефонную трубку.

— Вы опять звонить? — испуганно спросил Зотов.

— Не твое дело. Алло. Соедините меня с квартирой полковника Осокина. Да, это я. Кто говорит? Вы, Евгения Васильевна? Здравствуйте. Позовите к телефону супруга... Спит? Будьте добры, разбудите. Ничего не поделаешь, приходится и ночью беспокоить... Полковник Осокин? Орлов говорит. Рано вы ложитесь спать, Герасим Петрович. Ваши часы спешат на целых три минуты. У меня хронометр точный. Немедленно приезжайте. Да-да, срочное дело. ОТТУДА звонили. Жду. — Орлов повесил трубку. — Минут через двадцать он придет. Полковник живет недалеко. Жаль, его машина в ремонте. Впрочем, иногда полезно и грязь помесить. Выйди, Дашков, в коридор. Услышишь стук в ворота, доложишь.

— Так он же позвонит, — напомнил Дашков.

— Раз я говорю выйти, значит выйди. Не вздумай прогуляться по двору. Пирата спустили с цепи, порвет. — Дашков, опустив голову, вышел.

— В нашем с тобой распоряжении, Зотов, целых двадцать минут. Я хочу кое-что уточнить. Седугин с самого начала сидел в карцере один?

— Так точно.

— С кем же он мог передать Игорю письмо?

— Второе с Мироновым.

— Это я помню. А первое?

— Ума не приложу.

— Ты говорил о заключенном. Фамилия его?

— Сколько ни бился с Мироновым, слова путного не выжал из него. Говорит, заключенный, а какой — ни слова.

- Плохо ты его допрашивал.
- По-всякому грозил. И судом, и пистолетом. А он как в рот воды набрал.
- Миронов прочел письмо?
- Надо полагать, не успел. Я его тут же прихватил. На горяченьком.
- Ты Седугина расспрашивал?
- Молчит. Надзирателей я не позвал, чтоб лишних свидетелей не было. А сам много ли одними кулаками успею?
- Он не сопротивлялся?
- Я на него наручники автоматические надел. Несподручно в наручниках отмахиваться.
- С завкарцером беседовал?
- Душу из него вытряс. «Не видел, — твердит, — никого».
- А твое мнение?
- Могло так случиться. Завкарцером вышел в зону по своим делам, а зек перемахнул через забор и взял у Седугина письмо.
- Хороша у тебя охрана! В карцер как в собственный дом заходят. Кого ты подозреваешь?
- Думать на многих можно.
- Конкретно.
- Может, санитар четвертого корпуса Илья Ненашев. Он у Игоря верный человек.
- Ненашев... Запомню. С кем разговаривал Игорь о том, что мы братья? Ну!
- С доктором седьмого каторжного корпуса.
- Фамилия?
- Ивлева.
- Та самая... Кого наметил отправить на этап?
- Многих, товарищ генерал-майор. Двадцать девять человек. Прикажете подать список?
- Ты идиот! Зачем они мне все нужны? Кто пойдет в побег?
- Перво-наперво Седугин.
- Одобряю. Но Седугин завтра должен был работать.
- Если бы я Дашкова перехватил, по селектору задержал бы Седугина с этапом.
- Кого еще?

— Доктора. Эту самую Ивлеву. С ней Игорь говорил, а от нее слова не добьешься на следствии. Убей, не выдаст она Игоря. Сомнение бы вызвало у начальства. Много знает докторша и очень неуважительная. Меня ни во что ставит! Будто она умнее меня. Обидно.

— Неплохо. Отделаемся и от нее. Дальше?

— Васильеву. Зачем она нам теперь нужна. Только вред от нее один.

— Туда ей и дорога. Доносчику первый кнут.

— Воробьеву. Это она все дело с Русаковой испортила.

— Стоит ли? Лишняя стрельба порой не на пользу. А впрочем, черт с ней.

— Верикова. Он капитаном корабля на воле работал. Злобный. Я от Красноженовой узнал, что у Верикова дочь на пересылке убили. Грозился отомстить.

— Наверяд ли он сумеет. И все же правильно. Зажился старик, пора и на покой.

— Точно, Леонид Фадеевич. Для его же пользы стараюсь. Мучается он в лагерях. О дочери думает.

— Хватит разглагольствовать. Кого еще?

— Андрея Петрова.

— Этого зачем?

— Он всю поднаготную может знать. Игорь в нем души не чает.

— Кто такой?

— Бродяга. Паспортный режим нарушил.

— Странные вкусы у Игоря. Что ж, можно и его. Все?

— Ненашева бы неплохо. Да старушенцию одну. Денисову. Она тоже доктор, только не настоящий, а какой-то биологической науки. Полковник пояснял, что ее за хворосомы и гены посадили. Часто я про эти хворосомы слышу, а вот что такое, в толк не возьму. Они сильно вредные? Их от капиталистов завезли или как?

— Буржуи через границу перебросили, — без тени улыбки пояснил Орлов и с сожалением посмотрел на Зотова. «Колун! Палач! Но работник ценный. В глубинке он на месте...»

— Ими людей травят, товарищ генерал-майор?

— Кем?

— Хворосомами.

— Травят, Зотов, и заражают туберкулезом, тифом и чумой. С Ненашевым понятно, а Денисову зачем в побег?

— Так она же подружка Ивлевой. Водой их не разольешь.

— Пусть бежит. Не много ли слишком для одного раза? Восемь человек из двадцати девяти. Остается двадцать один. Очко. Счастливое число. Три семерки... Как же ты думал осуществить свой план? В темноте можно кого не надо уложить. А кого следует — и в самом деле убегут.

— Не убегут, Леонид Фадеевич.

— Почему?

— Вы в больнице бывали и дорогу помните. С прошлого месяца поезд останавливается в двух километрах от больницы. Как выйдешь из зоны, можно напрямки идти, а можно насыпь перейти и на грунтовую дорогу подняться. По дороге сподручней шагать, чем по шпалам. За дорогой сразу тайга начинается, по левую руку, если к глубинке идти, а по правую — на обочинах сосны стоят. Когда передний конвоир и первая пятерка зеков поднимется на дорогу и свернет сразу за деревья, конвоирам, что по бокам и сзади идут, передних не видеть. На этом месте сегодня ночью трое надумали бежать. Один сексот наш, Гребцов, и двое других, Абрамов и Винокуров. Гребцов доложил нам и сам на этап не пойдет. Винокуров и Абрамов — мужики отчаянные, большесрочники. Они кирпичи припрятут и прутья железные. План у них такой. Когда колонна свернет за деревья, они подбегут к конвоирам, на ходу в голову бросят им кирпичи, а потом пришибут их прутьями. Автоматы в руки — и стрельбу по боковым конвоирам откроют. Перестреляют их — и в тайгу. На этом месте дороги их будет ждать засада, все с автоматами и с фонарями. Передний конвой тоже упрежден. Как выйдут они на дорогу, сразу в сторону отскочат, чтоб кирпичи в них не попали, и закричат: «Нападение! Огонь». По ком стрелять, конвой знает. Я сказал им, что первые три пятерки участвуют в побеге. Конвоиры от злости дрожат. Этих восьмерых обязательно ухлопают. Я их в лицо начальнику конвоя незаметно показал.

— Умно ты придумал, — похвалил Орлов. «Не такой он и чурбан... В житейских делах разбирается неплохо».

— Дело привычное, товарищ генерал-майор. Я себе руку на этом набил. Тут меня сам министр не переплунет.

— А в темноте охрана не ошибется?

— У всех фонари есть. Высветлят лица. Рассердившись по пять пуль всадят.

— А если заключенные успеют лечь?

— Лягут — поднимут их, не встанут — в затылок всадят. Бежали и стрелять пришлось.

— Как я понял, могут пристрелить не восемь, а пятнадцать зеков.

— Кашу маслом не испортишь. Излишек в каждом деле бывает. Доски стругают — стружка в отход идет.

— Но те семь внеплановые.

— Ради пользы дела можно. Да и говорил я конвоирам, кто бежать удумал. Убьют лишних — во всякой работе брак случается. Где пьют, там и льют, товарищ генерал-майор.

— За бесцельную трату рабочей силы нас тоже не похвалят. Вплоть до выговора за такие дела наказывают. Однако, если надо — значит надо. Производственная необходимость... А как ты решил с Игорем? Тоже в побег?

— Ни Боже упаси, товарищ генерал-майор. Останься я с Осокиным, Игорь как свидетель нужен. С вами — не простите вы за него. Без вас, сам если бы действовать стал, опять же Игорь нужен, чтоб показание на вас дал. У меня голова на плечах есть. Игоря я сегодня за зону вывел. Сказал, что вы сами приехать должны и приказ такой дали за зону ему идти. Он было заартачился. Я пригрозил, что с наручниками выведу, и добавил: «Сам бы я не осмелился, но хозяин распоряжился. Не в моей власти перечить ему. Не пойдете, силком выволокем, а утром жалуйтесь хозяину».

— Почему же он не позвонил ко мне?

— Я его на вахту не пустил. На ваш приказ сослался.

— Где же он сейчас?

— В моем доме спокойно спит.

— Рядом с женой?

— Уехала она на прошлой неделе. «Не жизнь — говорит, — в этой глубинке, а каторга. Людей не видишь. Платье новое сошьешь, а показать некому». Ведьма — одно слово.

— Навсегда?

— Вернется к маю. С жиру она бесится. Другие жены впроголодь живут. Сестра ей из деревни писала, что в прошлом

году бабы в плуг запрягались вместо лошадей. А она сыта, одета, сыр в масле купается, еще и показать себя хочет.

— В зону Игорь не вернется?

— Двое надзирателей с ним вроде бы за компанию сидят. Часовым на вышках я дал строгий приказ: кто бы ни подошел ночью к вахте, главврач, не главврач — стрелять без разговоров. Они и сами без пароля никого не подпустят. Правило караульной службы Игорь знает, на рожон ночью не полезет.

— А если все же он рискнет?

— Я наказал надзирателям, тем что вместе с Игорем сидят, глаз с него не спускать. По нужде и то проводят его. «Забушует, — сказал я им, — свяжите, но не троньте и пальцем. Башкой своей ответите, если пожалуется мне, что помяли его». Они ребята здоровые, но смирные. Драться не любят, телята. А полезет Игорь — в два счета скрутят его.

«Успею ли я приехать?.. Позвонить по селектору? Весь лагерь услышит — верная петля на шее. С Игорем двое не справятся... В драке они могут убить его... Смирные-то они смирные, а спуску Игорю не дадут».

— Во сколько заключенных начнут собирать на этап?

— Часа в три ночи. Пока выведут, время-то как раз тютельница в тютельница.

— Игорь не услышит, когда поведут на этап?

— Никак нет, товарищ генерал-майор. В зоне все тихо спокойно пройдет, без сучка и задоринки.

— А стрельбу?

— Тогда уж поздно на помощь бежать. Игорь — мужик умный, все сам поймет. Вот только доложили мне, перед тем, как за зону его вывести, Игорь друзей собирал. О чем говорил с ними — не знаю. Сексоты прошляпили, не донесли.

— И как они повели себя?

— Кто?

— Те, кого собирал Игорь.

— Тихо и мирно разошлись по своим местам и никакого недовольства не проявили. За ними следят. Мне самому некогда было хорошенько расспросить, я сюда торопился.

— Поговорю с Осокиным и поеду с тобой в больницу. Приедем, скажу, что устал. Ты пригласишь меня к себе отдохнуть.

— Тарабанит, полуношник, — сказала тетя Оля, без стука входя в комнату, — пустить, аль от ворот поворот дать?

— Впустите. И, пожалуйста, на время заведите в свою комнату майора и лейтенанта. Пусть они недолго у вас посидят.

— Чтоб ко мне ночью мужики бродячие, сексоты ваши, в комнату перлись? Страм-то какой! Завтра же уйду от такой пакости.

— Не сердчайте, тетя Оля. Я их вскоре позову. Я вам на именины такой сюрприз преподнесу.

— Не задаривайте меня, Леонид Фадеевич, сюрпризами. Двенадцатый год у вас живу, по разным местам с вами мыкалась. А чтоб мужиков, да еще и сексотов, в комнату к себе... Уйду на ночь глядя.

— Тетя Оля! Я вас прошу. Честное слово, первый и последний раз.

— Ладно уж. Не кончатся добром ваши ночные посиделки. Пошли ко мне. У меня на стене икона висит. Зубоскалить аль расспрашивать про икону начнешь, не разгневайся, батюшка, выгоню. И того башибузука, который в коридоре мерзнет, тоже забрать?

— И его возьмите. Полковника приведите ко мне. А Пирата спустите с цепи.

— Экая маята ночная! Кобелю бедному и тому покоя нет. То привязывай, то отпускай. Ладно уж, приведу еще одного прощелыгу. А больше, хоть ворота разобьют, не пущу никого.

...Ну, Осокин, каков ты будешь сегодня... Все козыри у меня на руках... Из горла вырву все, что сумел собрать против меня. Только бы не затянулся визит... Поезд долго задерживать опасно: пойдут толки, пересуды, возникнут подозрения. В три часа ночи начнут собирать на этап... Эти люди мне не нужны... пусть будет так, как задумал Зотов... Я избавлюсь от лишних языков, а со временем обезврежу Зотова и Дашкова. У Осокина жало сегодня вырву. А пока... Что ж, кажется, он идет...

ПОЛКОВНИК ОСОКИН

— Шинель-то снимите, — услышал Орлов голос тети Оли. — Повесь ее по-людски. Пошто в руки-то мне сунешь? Стара я, чтоб ухаживать за тобой, как за дитем малым.

— Разрешите войти, товарищ генерал-майор?

— Герасим Петрович! К чему такая официальность? Мы с тобой не в управлении, а дома. Садись, дорогой. — Орлов радужно улыбнулся, гостеприимным жестом указывая на кресло. «Забыл, дьявол его побери!» — мысленно выругался Орлов, цепким взглядом ощупывая невыразительное лицо полковника. — Минуточку поскучай один. Я скажу тете Оле, чтоб не потревожила нас, пока мы беседуем. — Орлов вышел, плотно притворив за собой дверь. В полутемном коридоре он лицом к лицу столкнулся со старой домработницей. — Тетя Оля! — прошептал он, — услышите звонок в своей комнате, сами не заходите, скажите, чтоб немедленно шел Зотов.

— Это какой Зотов?

— Т-с-с, — Орлов приложил палец к губам. — В фуфайке. Скажите ему, если я спрошу о главвраче, пусть отвечает «убит по ошибке», приняли за беглеца. И заключенный Седугин умер от болезни. Поняли? — тетя Оля неохотно кивнула головой. — И еще одна просьба: достаньте в моей комнате китель, сапоги и брюки, старые. Целы они?

— Куда им задеваться? Не торгую штанами твоими, ба-тушка.

— Отдайте одежду Зотову.

— Это еще зачем?

— Пусть переоденется.

— При мне? — возмутилась тетя Оля.

— Выйдите из комнаты. Я не прошу, а требую, — глаза Орлова сверкнули.

— Пусть хоть дом подожжет.

— Я требую, — шепотом повторил Орлов. — Второй раз позвоню — лейтенанта посылайте.

— Пособлю им, — проворчала тетя Оля, поворачиваясь спиной к Орлову.

— Не подведете?

— Слово мое крепко. Я не ваш сексот, — бурча что-то под нос, тетя Оля пошла в свою комнату. Орлов вернулся к Осокину.

— Теперь нас никто не потревожит, — заговорил хозяин, с удобством усаживаясь в кресло. — Не желаешь ли коньячку, Герасим Петрович?

— Глоточек можно.

— Великолепная штука. Армянский! Один я не пью. А в такой поздний час кто ко мне наведается? — Орлов бросил беглый взгляд на пустой стол. Бутылку и посуду он предусмотрительно спрятал и ничто не указывало на то, что за несколько минут до прихода Осокина хозяин выпивал с Зотовым. — И лимончик найдется. Сами почистим, по-холостячки. Люблю я эти бокалы. Старинная работа, — говорил Орлов, ловко и сноровисто разрезая очищенный лимон тоненькими дольками. Осокин, словно невзначай, взглянул в пепельницу. Его внимание привлекли три окурка. Он хорошо изучил привычки хозяина. Орлов обычно выкуривал чуть больше половины папиросы, а эти окурки кто-то, конечно же, не генерал, искурил до самых мундштуков. Обслуживаемые мундштуки, а хозяин не любил мусолить папиросы во рту, не оставляли сомнений, что недавно у Орлова сидел поздний гость. Мундштуки «Казбека» даже на взгляд казались мокрыми. Несомненно, гость сидел за этим столом и, судя по количеству окурков, больше часа. Хозяин поймал взгляд полковника. «Первый блин комом... Как же я не догадался убрать пепельницу», — с досадой рассуждал Орлов, разливая коньяк.

— Выпьем за нашу плодотворную совместную службу, — напыщенно провозгласил Орлов. — И за дружбу! За мужскую настоящую дружбу!

— За дружбу с удовольствием, — согласился Осокин. Пригубив коньяк, он поставил бокал на место.

— Э-э-э! Так не годится, Герасим Петрович, — энергично запротестовал Орлов. — На Руси за дружбу до дна пьют. Не

оставляй в чаше зла на хозяина. Вот как учили наши предки.

— Так было в старину, — засмеялся Осокин. — А по правилам хорошего тона коньяк из бокалов не пьют.

— Что нам эти правила! Мы с тобой воспитывались не в институте благородных девиц. Оба — чистокровные пролетарии. Пей до дна — и вся тут правда.

— Тогда уж и вы со мной за компанию осушите свой бокальчик. По русскому обычаю хозяин первый пьет, чтобы гость не сомневался.

— С превеликим удовольствием, Герасим Петрович! — Орлов чокнулся с Осокиным и залпом выпил свой бокал. Полковник неохотно последовал его примеру.

— Хороший коньяк, Леонид Фадеевич. Прямо огонь по жилам побежал.

— Вы лимончиком закусывайте. Две дольки пососешь — и трезвый как стеклышко.

— Спасибо, Леонид Фадеевич. Но делу время, а потехе — час. Вы упомянули о звонке ОТТУДА. — Осокин многозначительно указал пальцем на потолок.

— Все обсудим, Герасим Петрович. До утра у нас время еще есть. Пока пригубим по второму бокальчику. — «Полковник не умеет пить. От коньяка его развезет. Проклятые почки! Как бы они о себе знать не дали... Голова у меня ясная. Выпьем еще, я объясню ему тайну пепельницы».

Спаивает, хитрец! Знает, подлец, что после второго бокала я буду не в форме. Отказаться? Заподозрит. Он и бутылку коньяка проглотит не поморщившись. А я не научился пить не пьянея... недостаток мой... — сокрушался Осокин, не решаясь поставить бокал на стол.

— Я бы с удовольствием, Леонид Фадеевич. В таком приятном обществе не грех и лишние сто грамм выпить. Но желудок у меня... Врачи подозревают язву.

— Вы меньше их слушайте! Следовать их советам, так и дышать тоже вредно. Вдохнул раз — и сотни тысяч злодейских микробов в организм ввел. А вот мы с вами дышим и ничего, живем. У вас желудок, у меня почки. Выпьем за их здоровье и благополучие, — Орлов игриво усмехнулся и, не спуская глаз с Осокина, осушил свой бокал. Полковник поморщился, но выпил.

— Вот и хорошо. Мысль ясна. Сердце работает как новенький мотор. Тело бодрое. Так легче и о деле поговорить. Я не хотел вам сообщать подробности по телефону... Но... ко мне не звонили.

— Зачем же вы меня вызвали? — насторожился Осокин.

— Специальный курьер ОТТУДА был.

— Где же он?

— Я не имею права расспрашивать, куда он уходит. Мы с ним разговаривали больше часа.

— Если это тайна...

— Какие могут быть секреты от начальника секретной части!

— Касается меня?

— К сожалению, тебя, Герасим Петрович. Посторонним лицам стал известен мой шифр. Не худо бы вместе обсудить, каким путем просочились эти сведения.

— Я бы сам хотел поговорить с курьером. — «Продали... Кто же? Зотов? Не успел бы добраться... да и не посмеет...»

— Я сам просил его зайти к вам. Но... — Орлов развел руками. — Он не нашел нужным выполнить мою просьбу. Я не смею приказывать людям ОТТУДА, даже если он в чине лейтенанта. Но если бы только мой шифр! А то... Страшно даже подумать!.. Его! — На слове «его» Орлов сделал многозначительное ударение.

— Чудовищно! Невероятно! — обескураженно воскликнул Осокин, решительно отодвигая пустой бокал.

— Утечка секретной информации всем нам грозит большими неприятностями. Но в первую очередь вам, полковник Осокин! Выпейте. Это вас приободрит. Так сказать, поднимет тонус.

— Не буду.

— Вольному воля.

— Разрешите удалиться, товарищ генерал-майор. Я немедленно начну расследование.

— Поздно, полковник.

— Как... поздно?! — Осокин со страхом и тревогой взглянул на Орлова. Мысли путались после выпитого коньяка. Он не мог собрать их воедино, сосредоточиться, именно сейчас, в самый опасный момент.

— Ночь. Темно, — пояснил Орлов. — За такую ответственную работу лучше всего браться со свежей головой.

— Ради выяснения истины я готов...

— Ни к чему вы не готовы, гражданин Осокин.

— Как прикажете понимать ваше обращение ко мне? Почему «гражданин Осокин», а не товарищ полковник?

— Вы опоздали, гражданин Осокин. Вчера вы были для меня уважаемый товарищ, собрат по оружию, с которым мы вместе шли к одной светлой цели, а сегодня...

— Я требую объяснений!

— Не вам их требовать! Вам разрешено просить. Или возвращайтесь пока домой. Я не смею вас дольше задерживать. Передайте привет супруге. И не забудьте напомнить ей, чтоб она собрала вам необходимые вещи. Я полагаю, что в первые дни следствия вам, учитывая ваши прежние заслуги, разрешат поселиться в одиночной камере с относительными удобствами.

Погиб! — в ужасе подумал Осокин. — Может быть, очередная провокация? Следовало отказаться от коньяка... А вдруг он подсыпал в него? Он пил сам... В своем доме не посмеет. Хозяин — не майор, а я — не Гвоздецкий. Глупости! Ну как лучше всего говорить? Возмущаться? Попытаться свести к шуткам? Молчать? Встать и оскорбленно уйти. Уйти, ничего не узнав? Курьер... Маловероятно... Не сидит ли кто в соседней комнате? Может, подслушивают? В прошлом году сигнализацию у хозяина устанавливал мой человек. Из других комнат ничего не услышишь. Лучше всего...

— Вы, конечно, шутите, товарищ генерал-майор. И все же я считаю своим долгом предупредить вас о неуместности подобных шуток. Если они повторятся...

— А если вы в таком тоне скажете еще одно слово, я вышину вас за дверь.

— Зачем же так сразу? Между друзьями возможны размолвки, но эксцессы... Я не ожидал от вас. Вы человек воспитанный.

— Я вас позвал не для разговора о воспитании. Когда в последний раз вы были в больнице?

— В какой больнице? — Осокин сделал недоумевающее лицо. «Продал Зотов? Или донесли сексоты Орлова?»

— Больница у нас одна.

— К своему врачу я обращаюсь каждую неделю. Мне не понятно, почему вы так обеспокоены состоянием моего здоровья? И какая связь между моим желудком и вашим шифром? Путать работу с личными делами? Это... выше моего разума. — Осокин огорченно вздохнул и со скорбным недоумением посмотрел на хозяина.

Как держится, старый иезуит! Полковник — не Зотов. Не помогли два бокала коньяка... Трезвеет на глазах. Я тебя прижму, как ужа вилами, — мысленно пригрозил Орлов.

— Я говорю о четвертой лагерьной больнице.

— Дайте припомнить. — «Кажется, узнал... Но что? И сколько? Запираться полностью нельзя. Провергать?» — Сегодня у нас девятое апреля, вторник...

— Уже десятое... Среда, — поправил Орлов.

— Да-да. Я приехал в больницу в прошлый понедельник. Следовательно, первого апреля. Уехал во вторник вечером.

— Фамилия Седугин вам ничего не говорит?

— Се-ду-гин... Что-то знакомое... А-а-а, мы вместе с вами ходатайствовали о смягчении его наказания. Он провинился? Неужели мы ошиблись?

— Прочтите, гражданин Осокин, сочинение на вольную тему. И попробуйте догадаться, кем оно написано. — Орлов протянул полковнику одно из донесений Седугина. Не притрагиваясь к бумаге, Осокин быстро пробежал глазами написанное на одной стороне листа и будничным голосом попросил:

— Переверните, пожалуйста, товарищ генерал-майор. Такую пакость стыдно брать в руки. — Орлов с усмешкой натянул перчатки.

— Боюсь руки запачкать. Очень уж грязный пасквиль, — с брезгливой миной на лице пояснил Орлов.

Эта бумага ничего не доказывает. Кто ее писал? Седугин? А при чем здесь я?

— Догадались, кто автор записки?

— Неужели Седугин?! — возмущенно спросил Осокин. — Кто бы мог на него подумать? И откуда он узнал о шифре?

— Об этом следует спросить вас.

— Меня?

— Да, вас, гражданин Осокин.

— Вы подозреваете меня? Но простите, товарищ генерал-майор. Я в равной степени имею смелость в том же заподозрить и вас. К тому же, не составит особого труда добиться от Седугина признания, кто продиктовал ему текст доноса, и навряд ли он укажет на меня. О Седугине я знаю от майора Зотова. С ним лично я никогда не разговаривал.

— Так-так, Осокин. А теперь прочтите дубликат записки Седугина и не пытайтесь порвать его или проглотить. — Орлов вынул из кармана револьвер и положил его перед собой. — Когда-то я брал призы за отличную стрельбу. Да и теперь не совсем разучился попадать в цель. В двух шагах не промахнусь. Кстати, предохранитель снят.

— Смотря по какой мишени будете бить, товарищ генерал-майор. — Осокин двусмысленно улыбнулся.

— А хотя бы и в тебя. Порвать документ ты не успеешь. В рот сунешь — зубы вышибу и обвиню в нападении. Порванное легко склеить и прочесть. А отпечатки пальцев всегда отпечатки пальцев. — Осокин внимательно осмотрел бумагу и вытер рукавом лоб. «Раскусил, пес! — ликовал Орлов. — Рукавом вытирается, как Зотов».

— Я не вижу разницы между этими двумя бумажками. Обе написаны одним почерком. Стоило ли вынимать оружие?

— Приглядишься хорошенько, что написано внизу.

— А-а-а... мой почерк... Да-а, печальное недоразумение. Вы, я надеюсь, не исключаете, что я мог случайно обронить листок бумажки и неизвестный злоумышленник, а им мог оказаться кто угодно, в том числе и вы, написал на этой бумаге донос. Можно и так истолковать, товарищ генерал-майор.

«Не сдается наглец!» — негодовал Орлов.

— Прочти на закуску вот это, — сказал Орлов, протягивая Осокину чистосердечное признание Зотова. На какую-то долю секунды, забыв об осторожности, Осокин взял в руки донос Седугина, написанный на простой бумаге. «Изменила ему выдержка! — торжествовал Орлов. — Держись, Осокин, сюрпризы еще не исчерпаны».

— Майор Зотов и лейтенант Дашков наглые клеветники. Они незаслуженно опорочили меня. И это называется служивцы?

— Вас оклеветали? Жаль мне вас, Осокин, — насмешливо протянул Орлов, пряча в карман прочтенные Осокиным бумаги. — Возможно, Зотов и Дашков немецкие шпионы? Или японские? У нас в лагере работают японцы. Они бы вполне могли связаться с ними.

— Не исключено, товарищ генерал-майор. Мы живем в кольце врагов. От них любой пакости жди, — с совершенно серьезным видом ответил Осокин.

— Уж этот мне мировой империализм! К самому полковнику Осокину щупальцы протянул. Вы наблюдательны, но вам изменила выдержка: пить меньше надо. Желудок у вас... Подайте ваш бокал. — Осокин, пожав плечами, протянул Орлову бокал. — Красивый рисунок. Вы не находите?

— Недурственный... Разрешите полюбопытствовать, когда же мне изменила выдержка? Может, поделитесь своим богатым опытом?

— А отчего же и не поделиться? — Орлов зевнул и сладко потянулся. — Время позднее... Но для милого дружка и сережка из ушка. Вы обратили внимание на пепельницу. Да, я не куриваю папиросу до мундштука. Похвальная наблюдательность. Но вы не взглянули на бокал. Сверху он покрыт тонким слоем специального состава. Какого? — я думаю, называть не обязательно.

— И?..

— ...отпечаток ваших пальцев остался на втором заявлении Седугина. Первую бумагу у вас выкрали. А вторую? Как она попала к вам в руки?

— Шантаж! Я сумею доказать...

— Ничего вы не сумеете...

— Вы подсунули мне!

— Я? Это клевета! Майор Зотов подтвердит, что вы в его присутствии диктовали Седугину текст второй записки.

— Он не посмеет!

— Еще и как посмеет! И лейтенант Дашков тоже. Два вполне благонадежных свидетеля.

— Ну, это еще как сказать. И кроме того, не забывайте об Игоре...

— А какие у вас доказательства? Несостоявшийся донос Ру-
саковой, написанный рукой Зотова. Безыконникова? Она мер-
тва...

— Лучший свидетель — сам Игорь.

— Я подумал и об этом. Игоря Николаевича нет в живых...

— Как... «нет в живых»?!

— Случайно приняли за беглеца и пристрелили, — спокой-
но пояснил Орлов, нажимая кнопку.

— Неправда! Вы не могли им пожертвовать! — Дверь, ти-
хо скрипнув, открылась. На пороге, за спиной у Осокина, вы-
росла фигура Зотова.

СДЕЛКА

— Не верите мне, спросите майора Зотова о судьбе глав-
врача. Он как начальник больницы подтвердит или опроверг-
нет мои слова.

— Я готов хоть сейчас...

— Я рад вашей готовности, гражданин Осокин Майор Зо-
тов! — возвысил голос Орлов.

— Я вас слушаю, товарищ генерал-майор, — гаркнул Зо-
тов, молодежато щелкая каблуками. Осокин побледнел. Он
медленно повернул голову и в упор поглядел на Зотова. Майор,
делая вид, что не замечает полковника, преданно ел глазами
хозяина.

— Доложите, какие происшествия имели место в вверен-
ной вам больнице за вчерашний день.

— Никаких особых происшествий не случилось, товарищ
генерал-майор. — Осокин облегченно вздохнул. — Двое заклю-
ченных умерли от болезни и одного убили по ошибке.

— Кого?

— Я вам докладывал, товарищ генерал-майор.

— Повторите.

— Главврача больницы. Его приняли за беглеца и шлеп-
нули.

- Когда? — равнодушно спросил Орлов.
- Вчера вечером, перед тем, как мне ехать к вам, — сказал Зотов, входя во вкус предложенной Орловым игры.
- Когда вы передали мне эту бамагу? Подойдите ближе, майор Зотов.
- Сегодня ночью, товарищ генерал-майор.
- Какого числа она написана?
- Второго апреля одна тысяча девятьсот сорок шестого года.
- Кто писал?
- Заключение Седугин.
- Он сам?
- Откуда бы ему знать...
- Отвечайте на вопрос!
- Полковник Осокин говорил, а Седугин писал.
- Держал ли это письмо в руках кто-либо кроме вас?
- Так точно, товарищ генерал-майор. Седугин держал его. Помер он вчера вечером от болезни. И полковник Осокин брал его своими руками и отдал мне.
- Вы не заметили, майор Зотов, были ли перчатки на руках гражданина Осокина?
- Никак нет. Был бы в перчатках он, я бы говорить не стал. Какая польза. А теперь след остался. Мы это учили. Не одному мне отвечать...
- Кто кроме вас слышал, что Осокин диктовал Седугину?
- Лейтенант Дашков.
- А кто видел, когда Осокин отдавал вам это письмо?
- Тоже Дашков.
- Это заявление писали вы?
- Не один, товарищ генерал-майор, вместе с лейтенантом Дашковым.
- Что вас побудило?
- Раскаялся! Чистосердечное признание.
- Гражданин Осокин запугивал вас?
- Еще и как. Про Малявина говорил и про дело Зозули. С головой выдать обещал.
- Известно ли вам, гражданин Осокин, кто санкционировал прекратить следствие по делу Малявина?
- Известно, — прохрипел полковник.

— И вы осмелились запугивать честного незапятнанного товарища? А знаете ли вы, что при расследовании причин смерти Зозули тень упадет на лагерную администрацию и нам строжайше запрещено касаться этого дела.

— Знаю.

— Вы знаете больше, Осокин. Оба приказа исходят не от меня. В них заинтересованы люди, отвечающие за все места заключения. Выдача таких секретов приравнивается к измене Родине. Вы понимаете это?

— Понимаю... — заплетаящимся языком подтвердил полковник.

— Понимаете и все же делаете? Вы играете на руку классовому врагу. Вы предаете первое в мире рабоче-крестьянское государство, оплот мирового пролетариата. Майор Зотов! Вы подтверждаете все, что написано здесь? — спросил Орлов, снова нажимая на тайную кнопку звонка.

— Так мне ничего не будет за Малявина? И за Зозулю тоже? — обрадованно воскликнул Зотов. — Все как ни на есть подтверждаю. Любому следователю хоть сейчас готов дать показания. Я этого гада прижму, хоть он и полковник.

— Выбирайте выражения, Зотов. Входите, лейтенант.

— По вашему приказанию, товарищ генерал-майор...

— Вольно. Скажите, лейтенант Дашков... — начал Орлов.

— Не надо! — взмолился Осокин. — Прикажите им уйти. Мы с вами культурные люди...

— Пока оставьте нас. Будет нужно, я вас позову, — приказал Орлов. Зотов и Дашков вышли. — Ну-с, полковник, чем вы меня порадуете?

— Вы пожертвовали Игорем? — со страхом и невольным восхищением в голосе спросил Осокин.

— Ради светлого будущего человечества я готов пожертвовать и... вами. Любая жертва на благо отчизны чересчур ничтожна. К делу, Осокин.

— Такая твердость характера! Я восхищен! — полковник лгисто заглянул в глаза хозяина.

— Без дифирамбов. Я от них устал. Каким материалом вы располагаете?

— Кое-что есть. Но мне бы хотелось заранее обговорить некоторые условия нашего будущего соглашения.

— Никаких условий.

— Это не деловой разговор. Какая мне разница — капитулировать в вашем кабинете или в беседе со следователем? Где гарантия, что я выиграю от преждевременного отступления?

— Это звучит по-другому. Но вы, полковник, еще, наверно, не полностью осознали свою вину.

— То есть?

— Разобью по пунктам. Пункт первый. Малявин. Вы угрожали майору Зотову...

— От угроз до исполнения — пропасть.

— Не перебивайте! Или разговор у нас не получится.

— Слушаюсь!

— Я знаю, что ваша угроза повисла бы в воздухе. Сколько-нибудь разумный человек, а майор Зотов, к сожалению, к такому не относится, сразу бы догадался, что вы не приведете свою угрозу в исполнение. Но вы разгласили государственную тайну...

— И все же я вас осмелюсь перебить. Какую тайну? Кому? Зотову? Но он и без меня был прекрасно уведомлен о подоплеке дела Малявина.

— Дашкову, полковник.

— Но я не догадывался, что у этого болвана Зотова хватит хитрости...

— Еще раз перебьете меня, и разговор окончен. Молчите и слушайте. Вы не предвидели вмешательства Дашкова? Говорите. Разрешаю.

— Так точно.

— Незнание закона не освобождает от наказания. Любую ошибку, вольную или невольную, карают без пощады. Никому нет дела, о чем вы догадывались, о чем нет. Важен результат, а не причина. Пока вы с помощью Агапова сводите счеты со мной, на это посмотрят как на сравнительно безобидную драчку сослуживцев. Хотя и за это порой больно наказывают. Везде и всюду друг друга подсиживают и грызутся. В ученой среде это выливается в спор о лженауке. Но и там обвиненных в приверженности к ложному учению не щадят. С ними расправляются скоро и сурово. Их отдают на перевоспитание к нам. Когда царапаются писаки, или наши маляры, имеющие наглость называть себя художниками, исход известен. Победенных — к

нам, победителей — поближе к кормушке и к недолгой славе. Министерская драка тоже зачастую оканчивается в наших заведениях. Но если между собой спорим мы сами, то чаще всего наш спор кончается несчастным случаем. Гораздо реже прощением за прошлые заслуги и, как исключение, лагпунктом. Все дело ведут келейно, без огласки. Жена Цезаря выше подозрений. Если соль будет несоленой, то кто же посолит саму соль? А если нас объявят виноватыми, то кто же тогда прав? Мы — меч, беспощадный и разящий. Какой воин добровольно сломает свой меч? Полетело сто невинных голов — мечу все равно, а бойцу честь и слава. За какое он дело воевал — это мало кого интересует. Но если кто из наших попытается запачкать меч, притупить его — пощады не жди. Вы знаете, кем были санкционированы действия Малявина. Если бы Дашков рассказал местным жителям правду? Или они поверят, что скорее всего, или, в лучшем случае, поползут слухи, подозрения, и беглецы безнаказанно уйдут из лагерей. Охотники не захотят помогать нам. От угрозы выдать Малявина и до полного разглашения тайны иностранцам — один шаг. И мы с вами, и там наверху прекрасно знаем, чем живут начальники лагпунктов. Они пьяницы, воры, взяточники, развратники. Но они выполняют, как и мы с вами, высокую волю. И пока они работают хорошо, мы прощаем им все. Мне бы с большим трудом простили даже Игоря, окажись я и в самом деле его родственник. Но за дело Малявина и мне, не задумываясь, снесут голову, если оно станет известно посторонним. Пункт второй, мартовское дело. Понимаю, что вы хотите возразить. Зотов не догадался, о чем идет речь. Но он может случайно встретиться с теми, кто выполнял мартовский приказ, и они проболтаются по пьянке, что в марте сорок пятого года им довелось исполнять это грандиозное дело. Зотов привык работать кустарно. Такой размах его испугает или заинтересует. Он болтлив и не преминет поделиться секретом с собутыльниками. И как круги по воде поплывут слухи, догадки... Кто-нибудь докопается до правды и перебросит ее через забор. Там с удовольствием подхватят и зашумят во весь голос. Их сюда не упрячешь.

— Объявим очередной клеветой.

— Объявить-то объявим. А докажем ли?

— Наши люди привыкли верить всему.

— Наши — да, но они...

— Какое нам дело до гнусных ставленников мирового...

— Мы с вами не на собрании, Осокин. Нам бы и не было дела, если бы за границей жили одни наши враги. А там есть немало сочувствующих, друзей, верующих в нашу справедливость. Не оттолкнет ли их такой слух?

— Назовем их отщепенцами...

— Предателями, холуями, лакеями мировой буржуазии, — подхватил Орлов, — но этих людей не вернешь. Мы проиграем в мировом масштабе. А за это поплатится головой Осокин, Орлов, Агапов, даже кой-кто повыше. Пункт третий. Донос на КЛ/17. Да знаете ли вы, кто он такой?!

— Там сидят не глупцы. Никто не поверит...

— Положим, так. Но могут рассудить иначе. Я или вы играем против самого министра. Если министр так истолкует ваш донос, то неужели вы думаете, что вместе с моей головой не полетела бы и ваша? Но теперь полностью доказано, что виновны вы. Зотову и Дашкову отступать некуда. Вас не пощадят. Ваши прошлые заслуги — плевок. Какими же доказательствами располагали вы против меня? Сожительница вора и лесбиянка Русакова — чрезвычайно ценная свидетельница. Мертвая Безыконникова и безвременно почивший Седугин — это ли не грозные обвинители?! Я не узнаю вас, Осокин. Как вы могли связаться с такой мишурой?! В худшем случае с доносом Безыконниковой следовало действовать самому.

— Не мог, Леонид Фадеевич. Вы разрешите вас так называть?

— Разрешаю.

— Если бы обо всем донес я сам... Вас в последнюю минуту могли бы предупредить, и с Игорем случилось бы прискорбное недоразумение, как вчера... Главного свидетеля обвинения нет. На эту шваль и мерзость, вроде Безыконниковой, никто не обратит внимания. И Агапов, заметая следы, выдаст меня вам. Другое дело сигнал от заключенного. Успели мы допросить Игоря — ваша карта бита, не успели — у вас нет никаких доказательств против меня. Покойные Русакова и Безыконникова и ныне живущая Васильева почтили бы в Бозе. Майор Зотов был бы вынужден молчать. Фактов против меня никаких, и я с похвальной характеристикой, подписанной вами, перешел бы

работать в другое управление лагеря. Вы, возможно, догадались бы, что это моих рук дело, но не пойман — не вор, а за клевету на сослуживца по головке не погладят.

— И с такой мизерной сволочью как Безыконникова вы вступили в игру?

— Кто не рискует...

— Как говорят воры, кто рано встал, у того и сапоги?

— Хотя бы и так.

— Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле. Я сам иногда прикидываюсь дурачком из сказки, но не со всеми и не всегда. С Безыконниковой собственную игру мог начать майор Зотов, но не вы. За вашей спиной Агапов. Честно выкладывайте козыри на стол.

— Где гарантии?

— Наш общий интерес.

— Разъясните.

— Допустим, я выдам вас. А зачем? Даром чирей не вскочит. А я уж тем более даром делать ничего не буду. Похож я на филантропа?

— Маловато.

— А на фанатика, готового в огонь и в воду?

— Совсем нет.

— Так какого же дьявола я вас выдам? Вас арестуют, а что получу за это я? Смертельную ненависть Агапова и... конец карьеры. Он и так ненавидит меня, а после случая с вами — съест. В лучшем случае не повысят в звании еще пять лет. И не видать мне министерства до полной пенсии. Мне надоело тянуть ляжку в таких вонючих дырках, как наша. Я хочу в центр, а скандалистов туда не берут. Выгодно б было вас продать, я бы вас продал, полковник. И опасался бы только одного, как бы не продешевить. Не выгодно мне ваше устранение — значит волос не упадет с вашей головы.

— Слово даете?

— Зачем шутить, Герасим Петрович? Кто из нас верит всерьез слову сослуживца? За гривенник наше честное слово не купят, на помойку выброси — мусорщики не возьмут. Слово у меня одно — не продам, потому что невыгодно.

— Какая же мне выгода отдавать вам документы?

— Прямая. Есть у вас камень за пазухой, не обессудьте — ударю первый. Отдали его, пусть лежит, пока у вас руки зачесутся. Игоря в живых нет, равно как и у вас нет неопровержимых доказательств.

— А если есть?

— Вы бы давно пустили их в ход. Откажетесь — ваше дело. Утром я свяжусь с центром. Мне — неприятности, вам — петля.

— Зачем же я вам отдам последнее оружие? Не попытаетесь ли вы им воспользоваться?

— То же самое я могу спросить и вас. Датированные документы живут недолго. Если я их сейчас не предам гласности, то через год или раньше не простят, что я их не использовал вовремя. Ваши же бумаги будут в цене и через многие годы. Пустив их в ход, вы не уберете меня, но запачкаете. Невесело ожидать удара, зная, что нечем ответить. Пустые руки хуже копья Дон Кихота. А рыцари печального образа нынче не в моде. Разговор затянулся, полковник. Или выкладываете все, что имеете, или...

— Кто поручится, что, отдав вам все, я не подвергнусь нападению... бандитов?

— Не пойте Лазаря. Несчастный случай с Зотовым — одно, а с вами или со мной — другое. Каждый из нас в тайнике держит все компрометирующие материалы против того, кому выгодна моя или ваша смерть. Случилось что со мной, эти материалы переключают в центр. Также поступите и вы.

— Какая польза мертвому, что убийца поплатится своей жизнью?

— Не кривляйтесь, как сексот. Пользы никакой. Но это служит гарантией, что мы не перегрызем друг другу глотки. Убийца, будь он кто угодно, крепко подумает, стоит ли убивать, если он заранее уверен в наказании. Если ты весь мир завоеешь, а жизнь потеряешь, нужен ли тебе, мертвому, мир? И нужно ли мстить, если получишь за это пулю в лоб? Мы, люди деловые, трезвые, убираем с дороги только тогда, когда нам выгодно. Вы отдадите документы и мы с вами будем одинаково опасаться друг друга. Я — чтоб вы меня не запачкали, вы — чтоб я на вас не донес. Сейчас выиграю я. Через некоторое время вы навредите мне. И вполне естественно, что я хочу себя обезопасить. Вам ждать можно, а мне нет. Или я начинаю игру

немедленно, или — документы на стол. Даю три минуты на размышление.

— Я отдам вам документы... Вы не поверите мне, потребуете новых. И вдруг у меня их не окажется?

— Я это предусмотрел. Вы оставите свой автограф на тех документах, что отдадите мне. Другие документы вы не пустите в ход, боясь ответных действий с моей стороны.

Проиграл... Хозяин прав... Если я отдам ему фотографии и письмо Игоря, как жаль, что оно без адреса... он не использует их против меня. Несчастный случай? Побойтесь. А если не отдам? Он не отступит. — Осокин со скрытой ненавистью посмотрел на полусонное лицо Орлова. — Притворяется, что дремлет... Он меня с собой потащит наверняка... К осени перейду в другое управление... Не стоило бы ввязываться... А что сказать Агапову о письме и фотографиях? Без Игоря они ему не нужны... Скажу, что уничтожил. Он поверит, поблагодарит за разумное решение. Большую ставку я проиграл. Выиграю ли я в следующий раз? Старею... Мне пятьдесят четыре и все полковничек... Когда же получу генерала? Проклятое невезение... Три минуты истекают... Нечего томить себя и его...

— Время прошло. Где документы?

— Я не доверяю их сейфу: туда можете заглянуть и вы. Слепок ключа от моего сейфа для вас не проблема.

— Значит?..

— Я их ношу с собой. — Полковник вынул из бокового кармана кителя конверт, туго набитый бумагами и фотографиями. Он молча отдал его Орлову. Хозяин зевнул, прикрывая ладонью рот, и словно нехотя разложил содержимое конверта на столе.

Фотография... Я сижу в кабинете Игоря... Когда же это было? Кажется, в тридцать шестом... За год до ареста... Ничего страшного... Откуда я мог знать, что пришел на прием к будущему врагу народа? А это что за фото? — Орлов перевернул фотографию. — Тысяча девятьсот девятый год... Игорю исполнилось четыре, мне — девять. — Орлов внимательно прочел надпись: «Дружите, милые мальчики. Люблю вас обоих. Мама». Ниже стояла приписка. Орлов узнал руку отца Игоря: «Эта фотография изготовлена и вручена мне во вторник двадцать первого июля тысяча девятьсот девятого года в столице Россий-

ской Империи Санкт-Петербурге, куда я впервые привез своих сыновей Игоря и Леву. Преподаватель Екатеринославской мужской гимназии Николай Павлович Треухов». — Удача, необыкновенная удача! Дядя упорно звал меня в детстве Лево́й. Какое отношение имею я, Леонид Фадеевич, к какому-то Льву Николаевичу. Цена такой улики — грош. Внешнее сходство? Мало ли кто на кого похож в детстве? Ни одна экспертиза не установит тождества личности. Письмо. «Здравствуй! Пишу по пути. Я — лекарь, а ты — опричник. И разговаривать больше не о чем. Спас ты меня в прошлый раз — спасибо. А в мою личную жизнь больше не вмешивайся».

— Адрес к письму? — потребовал Орлов.

— Был бы адрес, зачем бы мы связывались со всякой дрянью.

Полковник не врет. С адресом им не нужны сексоты и суки... Донос Зотова... написан, конечно, под диктовку Осокина... Он стоил жизни Русаковой... Записки... доносы... Снова записки и опять доносы... С этой мелочью разберусь завтра...

— Подпишите эти бумаги, полковник. — Осокин нервно и быстро писал по несколько слов на бумагах и фотографиях и, не смотря, возвращал их хозяину. Орлов внимательно прочел надписи Осокина, сложил бумаги, небрежно сунул их в карман, налил по полному бокалу коньяку и, довольно улыбаясь, сказал: — Выпьем перед расставанием за счастливое окончание дела. — «Даты проставлены. Прекрасно... Теперь Осокин не отвертится», — с удовлетворением подумал Орлов.

— Мне трудно, Леонид Фадеевич.

— Не обижайте меня, Герасим Петрович. Посошок на дорогу. — Полковник молча выпил, поднялся и, тяжело шаркая ногами, пошел к выходу.

— До свидания, Леонид Фадеевич, — буркнул Осокин у двери.

— Желаю вам удачи, Герасим Петрович.

— Спасибо, — с отвращением выдавил полковник.

— Славно мы вечерок провели. Вы почаще заглядывайте на огонек. В дружеской беседе мы незаметно скоротали ночь. Уйдете вы, и я сразу же баиньки, — ворковал хозяин, помогая гостю одеться. Во дворе цепью загремел Пират. Осокин и тетя Оля вышли. Орлов зашел в комнату тети Оли.

ПРИКАЗ

— Дашков! Ступай вслед за полковником. Доведи его домой.

— Есть довести домой.

— Если полковник заблудится и нечаянно зайдет в чужой дом, доложи мне, а лучше прямо подойди к нему и скажи, что он в темноте ошибся домом.

— А если хулиганы к нему пристанут?

— Никаких хулиганов и бандитов, Дашков. Полковник должен в целости и сохранности дойти домой. Выполняй.

— Не ушел бы, пока мы говорим.

— Догонишь

Дашков козырнул и вышел. Орлов, зайдя в свою комнату, снял телефонную трубку и негромко сказал:

— Это я. Дрезина ждет? Хорошо. Охрану немедленно к моему дому. Полковника Осокина до утра с центром не связывать. Запрещаю ему разговаривать по селектору. Повторите приказ. Спокойной ночи, товарищ Буряк. — «Буряк мой человек... Он не подведет... А вдруг и Осокина? Не должно быть... Поговорю с Зотовым», — подумал Орлов, вызывая звонком майора.

— Что прикажете, товарищ...

— Иди к моей дрезине. Она стоит рядом с девятой пересылкой. Пока я не приду, не подходи. Увидишь меня, подойдешь и попросишь, чтоб я подвез. Не вздумай устроить мне еще одну пакость.

— Я за вас жизнь положу!

— О работе в управлении не мечтаешь?

— Не дай Бог, товарищ генерал-майор. Тут не мою голову надо иметь. На командировке все ясно — того сактировать, того в побег или в карцер, чтоб повесился сам... А тут — страшное дело...

— А ты думал, у нас легкий хлеб? Не рвись, Зотов, наверх и доживешь до пенсии. Больше не фокусничай. Да, чуть было не забыл... С Игорем справишься?

— Шутите, товарищ...

— Не до шуток, Зотов.

— Совсем его?

— Совсем.

— А вы не накажете?

— Опять поглупел ты. К маю подполковника дам.

— С радостью, товарищ генерал-майор. Игорь мне самому в печенках сидит. А когда?

— Сегодня ночью.

— Мне бы сподручнее на лошади до больницы добраться.

— На какой лошади?

— Я сюда на своей прискакал.

— Где она?

— Оставил у знакомого. У него я и переоделся.

«Следы... следы...» — со злобой подумал Орлов.

— Лошадь пока оставь у знакомого. Завтра незаметно заберешь ее.

— Не доверяете?

— Дурак ты. Не верил бы — не выпустил бы. Знакомый спросит, где переоделся, а что ты ему скажешь? У меня? Идти по поселку в зековской фуфайке? Могут задержать. Торопись. Моя охрана вот-вот придет.

— Спешу, товарищ генерал-майор. — Зотов вышел.

Орлов, оставшись один, задумался. Как быть с Игорем? Оставить? Еще не поздно отменить приказ. Вечный топор над головой. Я обезвредил Осокина. Надолго ли? Агапов разлутуется. Без Игоря я подсижу Агапова, сшибу Осокина. Я сказал ему правду. Надоело до чертиков ходить в начальниках управления. Наверху работа беспокойней, там не такие олухи, но... Тоня... Ей тридцать два позавчера исполнилось... Молодая женщина... надоеет ей в глубинке... Можно и помоложе выбрать, но люблю ее... Люблю? К чему обманывать себя... Ублажает она меня в постели... Животик атласный... Губки пухленькие... А грудь! Мало сил... к другой азарт такой не проснется. В Москве ей легче сойтись с молодым. Почки у меня... Никуда она не

уйдет: от хорошей жизни плохой не ищут... Мне самому хочется настоящего почета. Здесь я как захудалый бог, на Зотова похож, а в министерство приеду — перед каждой пигалицей тянусь. Может, я на самый верх выйду. У хозяина голова поменьше моей, а он хозяин. Я тоже хозяин, только для Зотовых... А что меня ждет? Персональная пенсия, собственный домик... и жена, не чаящая моей скорой кончины... она и в еду подсыпать не постесняется... здесь многому научилась... Не подсыпет... я собрал на нее неплохой материалчик... всю поднаготную знаю. Почувствую что — скажу ей: «Ну, моя дорогая супруга, не вздумай полюбить другого или устроить мне преждевременные похороны. И ты, и папа, и мама — все на Север загремят». У меня против дорогого тестя кое-что есть... Поднакоплю побольше — и на цепь ее, как Пирата... А Игорь? Когда благая цель — благие и средства. Жаль мне его. Вот кого, пожалуй, я по-настоящему люблю. Нелегкая у меня жизнь. Кошмары? Замученный и убитый в побеге? Несчастные случаи? Пусть мучается тот, кто изобрел все это. А я рядовой исполнитель. Может, спасу Игоря? Приеду, поговорю с ним. Он скрывать своих мыслей не умеет. Даст слово, что будет молчать на допросе, от слова Игорь не отступится, подержу его сколько возможно. Подержу... Это все равно, что заряженный пистолет ко лбу приставить, нажать на курок и думать: а вдруг не выстрелит? Умрет Игорь не от моих рук. Мало ли что я сказал Зотову? Мог бы и отказаться. Жутко... Пойду на компромисс: не станет Игоря — отменю этап, подарю ему Ивлеву и прочих... Зачем они мне нужны? Пусть живут до конца срока, если выживут... Игорь бы и сам одобрил такой шаг... Он у меня рыцарь... не то что я, дерьмо! Сколько мы таких Игорей погубили! И за что?!

— Охрана пришла, Леонид Фадеевич, — сказала тетя Оля, неслышно входя в комнату.

— Не сердчайте на меня за беспокойство.

— Скоро ли вас ждать?

— Утром вернусь, часам к восьми. Управлюсь — и домой.

БЛИЗИТСЯ НОЧЬ

— Верны ли ваши сведения, Игорь Николаевич?

— Уж куда точнее, Любовь Антоновна. Васильева плакала, когда рассказывала мне, а она притворяться не умеет. Седугин успел записку передать через Илюшу. Со второй задержали его дружка сержанта Миронова. Ануфриев, вы знаете его, молодой лейтенант, копию этапного списка показал мне. Сегодня майор ходил по баракам с начальником конвоя Буслаевым. Слышал я о Буслаеве. Зверь. Мастер по несчастным случаям. Многих бежать заставил. Когда мимо вас проходили, Зотов толкнул его локтем в бок, а Буслаев головой кивнул, запомнил мол. Память у него на лица лошадиная. Один раз увидит мельком и через десять лет в темноте узнает.

— Возможно, это касается только меня?

— На одного заключенного полагается два конвоира, а не двенадцать.

— А вдруг провокация?

— Дай Бог, Любовь Антоновна. С охраной ссориться никто не намерен. Люди разошлись по своим местам. Утром посмеемся над ночными страхами, поругаете меня за паникерство и заживем мирно. Но наше начальство — народ деловой. Устраивать такой грандиозный спектакль, с арестом Седугина, с покаянием Васильевой, с передачей мне списков, с тайным отбором неугодных лиц, с выводом меня за зону... И ради чего? Развлекаются? Дорогая комедия. В управлении ее не одобрят. При всем том играют со мной. Я могу и пожаловаться... Какая цель у них? Беспцельно они и пальцем не шевельнут.

— Они хотят, я говорю предположительно, получше узнать...

— Моих друзей? Они их очень хорошо изучили. Игра не стоит свеч... Кто бы мог подумать на Красноженову?.. Скромная мешчанка, подозрительных разговоров с заключенными не заводила, а сексот со стажем. Вокруг пальца Лиду обвела... Пора идти, Любовь Антоновна.

— А если вы останетесь?

— Рад бы в рай, да грехи не пускают. Майор пригрозил вывести с наручниками. На приказ Орлова сослался. Зотов врать не станет. Трус он. Я попытаюсь уговорить Орлова отменить этап. Не получится, услышу тревогу, в зону напролом пойду. Поставлю его перед фактом: или со мной рассчитаться, или этап отменить.

— Пожалейте себя.

— Галочек много.

— Каких галочек?

— А тех самых, которые ставят перед фамилией того, кто обязательно побежит, хочет он этого или не хочет.

— Нельзя ли без подъема, Игорь Николаевич? Три человека жизнью рискуют.

— Сумею убедить Орлова — они побоями отделаются. По лагерным понятиям это самое легкое наказание. Без подъема Орлов не пустит меня в зону.

— А вы уверены, что он там?

— Сейчас нет, попозже приедет. Майор не затеет на свой риск.

— А если?

— Я почему-то уверен, что нет. Ошибся я — подъема не будет. А если прав? Уйдет мирно этап, я только выстрелы услышу. Бежать поздно и не к кому. Я пойду.

— До свидания, — Любовь Антоновна вымученно улыбнулась, протянула к Игорю Николаевичу руки и крепко, по матерински поцеловала его. — Благослови вас Бог, Игорь. Завидую я вам. Почему не на меня удар обрушился? Ступайте. Или, может, останетесь?

— Все решено. Прощайте. Вспоминайте изредка на досуге своего непутового студента. Последний экзамен я сдам на отлично, профессор. Не подведу вас...

— Последний... — глухо повторила Любовь Антоновна. — Не ходи, Игорь. Никто... никто, — старый доктор подавила рыдание, — не хочет твоего... экзамена... Меня бы туда... Меня!

— Не плачьте. Все кончится хорошо. — Игорь Николаевич порывисто обнял Любовь Антоновну и быстрым шагом вышел из комнаты.

В землянке собрались все. У печки присела Рита. Рядом с ней стоял Андрей. Тимофей Егорович сидел на краю самодельной табуретки. Катя лежала на топчане. Елена Артемьевна, она открыла дверь Любове Антоновне, неуклюже топталась на месте. Первым заговорил Тимофей Егорович.

— Зря поставили коптилку на окно. Им все видно из темноты.

— Уберу я ее, — предложил Андрей и, не дожидаясь согласия остальных, снял с окна чадящий каганец.

— Сядьте, Елена Артемьевна.

— Постою.

— Дело вам говорит доктор. На ногах-то чего попусту маяться? Ждать до утра придется, — сказала Катя, не поднимая головы с подушки.

— Больше ждала, до утра и на ногах побуду, — ответила Елена Артемьевна.

— Поволокнут нас нынче. Не минули мы Глафириных рук.

— Ты, Катя, — Кассандра.

— Не слыхала я о такой, Елена Артемьевна. Кто она?

— Это миф — вроде сказки. Кассандру полюбил Аполлон. Она не ответила на его любовь и с тех пор знала будущее, предупредила о гибели Трои, ее родного города, но ей не верили.

— И погибла та Троя?

— Сожгли ее и Кассандру в плен взяли. Потом убили ее вместе с царем Агамемноном... в бане...

— И никакая я не Кассандра ваша. Не любил меня никто. И не в бане, а на дороге помру, а то и тут. От пули бы легче. А так вот кровь выхаркивать — замаялась я.

— Как ты о Красноженовой догадалась?

— По лицу, Любовь Антоновна. Я говорила, а вы не слушали... После драки кулаками не машут. Судьбу на коне не объедешь, а уж ногами никак не обойдешь.

— Тебя не тронут, Катя.

— Нешто я за себя, Любовь Антоновна? Кобелям своим не помщу, а самой-то сладость от жизни какая? Горькая она, как полынь. Напилась я вдоволь.

— Вы, Елена Артемьевна, лягте вместе с Ритой, Тимофей Егорович — на Лидин топчан, Андрей — на мой, а я посижу. Не спится мне... люблю у печки ночью погреться.

— Тимофей Егорович как хочет, а я, Любовь Антоновна, не лягу, — возразил Андрей. — Рано еще спать. Мы с Ритой кипяточку попьем.

— У меня чай малиновый есть, — оживилась Рита. — Игорь Николаевич целую пачку подарил мне.

— Не побрезгуете — у меня хлеба возьмите, — предложила Катя. — Не лезет в горло кусок.

— А у меня леденцы. Большой из посылки угостил.

— Леденцы? — глаза Риты радостно блеснули. — Я любила их маленькой. Папка с получки всегда приносил. Только вы их оставьте себе.

— Не по зубам они мне, — Любовь Антоновна обнажила бледные десны. «Бедные дети, — думала она, с жалостью глядя на Андрея и Риту. — Много ли им нужно? Попили чай, поговорили... полюбятся втихомолку — и счастливы. Я не сумела отговорить Игоря Николаевича. Лучше бы Андрею не знать об этапе...» «Я вам спасибо за это не сказал бы», — вспомнила Любовь Антоновна слова Андрея.

— Вы ничего не слышали о Федоре Матвеевиче?

— Слышала, Елена Артемьевна, — угрюмо ответила Любовь Антоновна.

— Где он теперь? — спросила Рита.

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Скажите, — попросила Рита.

«Она все равно узнает... Лучше от меня...» — решила Любовь Антоновна.

— Его нет.

— Убили?! — глаза Риты наполнились слезами.

— Сам погиб... на лесоповале...

— Неправда! Подстроили! — гневно крикнула Рита.

Рита переживет меня... ее не тронут... она должна привыкнуть... К чему? К убийствам?! Да, к убийствам, доктор. Иначе она не выживет. Рита видела похороны Клавы... тяжелый груз... Не сломится ли? Кто защитит ее без нас? Скажу...

— О Федоре Матвеевиче сегодня днем мне рассказал один больной. Он был с ним до последней минуты, — заговорила

Любовь Антоновна. В землянке наступила тишина. Все жадно ловили каждое слово доктора. Андрей не видел Федора Матвеевича, но он много слышал о нем от Риты. Катя с трудом подавила кашель. — Когда выписывали Федора Матвеевича, Игорь Николаевич и вольный врач, какой-то мальчишка, он специально приезжал в больницу якобы как ревизор, дали заключение, что Федор Матвеевич нетрудоспособен. Его привезли на семьсот десятую и первое время не трогали. В марте Федора Матвеевича переосвидетельствовал так называемый врач семьсот десятой. Вы, Елена Артемьевна, и ты, Рита, наверно, слышали об этом лекпеме, — последнее слово Любовь Антоновна произнесла с брезгливым отвращением. — О нем рассказывала Васильева, его вспоминала и я. Бывший ветеринар, потом вышибала в пивной. В пьяной драке он убил сапожника, а ныне зовется врачом. Он дал заключение, что Федор Матвеевич пригоден к тяжелому физическому труду. Не успели Федора Матвеевича послать на лесоповал, как неизвестно за какие провинности на общие работы пригнали коменданта и нарядчика семьсот десятой. Оба — бывшие воры. Их, конечно же, направили в одну бригаду с Федором Матвеевичем. Перед тем как валить дерево, обычно кричат «Бойся!» Нарядчик и комендант с вечера подпилили высокую сосну и... забыли о ней. Федора Матвеевича «пожалели», его определили рубить сучья. Утром бригадир, тоже бывший вор, приказал ему обрубить сучья только у тех деревьев, которые спилит комендант и нарядчик. «Старик ты, — сказал бригадир, — дам я тебе работу полегче. За этими двумя обрубишь сучья и отдохай». Некому было предупредить его. Федор Матвеевич не отказался, пошел. Эти два подлеца толкнули подпиленное дерево, а сами отбежали. Будь бы он поопытнее, не растеряйся, может и успел бы увернуться. Не успел... На месте застыл... придавило его...

— Асю убили... и его не спасла... — прошептала Рита, судорожно стискивая маленькие кулачки.

— Ася... — застонал Тимофей Егорович, — дочка моя... Тебя-то зачем? — старый капитан больше не произнес ни слова.

— Не плачь, Рита. Я им!.. — Андрей скрипнул зубами. «Ничего я им не сделаю... — с горьким отчаянием подумал

он, — у них оружие... их много... А у меня? Только нож. — Андрей осторожно ощупал деревянную рукоятку. — Хорошо, что я не послушал Игоря Николаевича и взял у каптера нож... Придут — буду драться... за Риту... за всех. С голыми руками не отобьешься... Меня в разведке научили, с любым справлюсь... лишь бы ее не взяли...»

— Не надрывайтесь, Тимофей Егорович. Всех не переведут. Останется кто-либо, — заговорила Катя, приподнимаясь с топчана. — Отольются им наши слезы. Бог весть когда, но отольются.

— Ужасно... — Елена Артемьевна потухшим взглядом окинула собравшихся. — Будет ли конец всему этому?..

— Кого вы спрашиваете? Меня? Я не доживу до конца. Их? — Любовь Антоновна указала на Риту и Андрея. — Они не сумеют ответить вам... Дети... Федора Матвеевича? Он уже ничего не скажет... Катю? Она свое слово сказала: поздно, но оплатят. Верю в это, иначе страшно жить и... даже умирать. Пока дышу, надеюсь... Вода закипела, Андрюша. Засыпь чаю. С конфетами поьем... Слиплись они.

Андрей, дуя и обжигаясь, прихлебывал малиновый чай, украдкой поглядывая на разноцветные леденцы .

— Возьми, а то и я не буду, — сказала Рита, протягивая Андрею светло-зеленый леденец.

— Не девчонка я, сладкого терпеть не могу, — наотрез отказался Андрей. — Что ж вы сами, Любовь Антоновна, не пьете?

— Спасибо. Я только что напилась.

— А вы, — спросила Рита, протягивая леденцы Тимофею Егоровичу. — Попробуйте, они вкусные.

— Не могу, родная... Ася тоже угощала меня... добрая была девочка... конфетами...

— Елена Артемьевна! Катя! Возьмите хоть вы! Зачем мне одной?

— Не можется мне... но чаю с конфетами похлебаю. От горяченького на душе потеплеет... Конфеткой во рту посласу. — Рита с готовностью положила леденцы на Катин топчан. Катя взяла один леденец и потянулась к горячей алюминиевой кружке.

По крыше землянки застучали первые капли весеннего дождя. За окном сгущалась темнота. На землю опускалась холодная ночь. В глазах Любови Антоновны, она знала больше жителей землянки, что ждет их впереди, затаилось тревожное ожидание. Грозное будущее, оно несло боль и страх, разлуку и смерть, еще не пришло. Но с каждой минутой подкрадывалось все ближе и ближе, протягивало невидимые щупальцы к притихшим взволнованным людям.

АСАН

— Ты не слышал, Винокуров, пойдет сегодня ночью этап или брех очередной? — спросил черноволосый широкоплечий крепыш, протягивая своему соседу тускло тлеющий фитиль. Винокуров громко чихнул, глубоко затынулся, лизнул языком толстую бумагу самокрутки и сладко зажмурился.

— Дерет! Крепкий самосад! Курнешь, Асан? — Винокуров осоловело взглянул на черноволосого крепыша.

— Я некурящий, — напомнил Асан. — Ты про этап скажи.

— Что за привычка человека по фамилии называть? — недовольно проговорил Винокуров. — Дежурные орут «Винокуров», и ты, как попка, повторяешь.

— Извини, Валера. Я привык в армии по фамилии называть. Меня там тоже по имени редко звали. Аметов и Аметов.

— Ты не похож на татарина, — задумчиво проговорил Валерий, стряхивая пепел. — По-русски говоришь чисто, на лицо белый, глаза коричневые.

— Мы, крымские, все разные. До войны я одну девчонку знал, на нее и не скажешь, что наша. Глаза голубые, волосы рыжие, лицо в веснушках.

— Почему бы это так? — удивился Винокуров.

— В Крыму жили многие народы: итальянцы из Генуи, греки, турки, половцы, они еще три тысячи лет назад кочевали на Украине и в Крыму, фракийцы. Крымские татары —

конгломерат, собрание разных народов. Они живут в Крыму больше тысячи лет. Их предки, кипчаки, хазары, алны, эти пришли с Кавказа, жили там еще раньше. Потом пришли армяне, часть с цыганами смешалась, их так и зовут крымскими цыганами, а другие с сельджуками, поэтому крымские татары такие разные на вид.

— Аланы, сельджуки, — задумчиво повторил Винокуров. — Я впервые слышу о таких народах. Разве крымские и казанские татары не одно и то же? Я считал, что вы все пришли с Батыем.

— У нас и язык несхожий, и обычаи разные. Мы в Крыму десять веков прожили. Там наша родина.

— Откуда ты это знаешь? У вас, наверно, в Крыму по-другому учили. Нам в школе про Крым так много не рассказывали.

— У меня отец историю преподавал. Я с детства любил читать книги про Крым. Я с русскими рос, потому и говорю так хорошо по-русски. Отец у меня добровольно на фронт ушел. Я на второй день войны заявление в военкомат подал, чтоб в армию взяли. При немцах мать осталась с маленьким братишкой Сервером, он на шестнадцать лет моложе меня. В городе жить было трудно, она уехала в деревню к сестре. В мае сорок четвертого я выписался из госпиталя и вдвоем с товарищем махнули домой.

— Он тоже крымский?

— Русский. Илюша. Дома никого не застали мы. Вечером встретил родственника, он подсказал мне, где мать, и я ее вскоре нашел. Три дня пожили мы с Илюшей. В тот день, когда мы приехали, объявили сбор вещей и денег в помощь фронту. У матери дома пусто, проела она во время оккупации все, что от отца осталось. Люди несли последнее. Почти у каждого на фронте родные, а матери дать нечего. Были у меня часы трофейные, берег я их. Неловко мне стало, продал часы, деньги матери отдал и велел отнести в сельсовет. Молодых ребят переписали и сказали, что забирают в армию. Я встретил паренька одного и говорю ему: «Теперь и вам повоевать достанется». А он мне: «Ну хуже тебя повоеюем. Орденов и медалей побольше твоего привезу. Я злой на немцев, они у меня отца и сестренку убили». «Ты сперва, — говорю ему, — по-

лучи награду, а потом хвастайся». Поговорили и разошлись. Позже узнал я, что не в армию ребят взяли, а угнали работать на шахты. Девчонок одних оставили. Я так понимаю: сделано было для того, чтобы крымских татар поменьше рождалось. Наши девчата строгие. Городские пойдут за других замуж, а сельские только за своих. Не будет за кого, до старости одна просидит.

— Тебя дома и арестовали?

— Ты слушай, не перебивай. На третий день вечером, как я домой приехал, в село вошла воинская часть. Молодые, сагаи, фронта и не нюхали. Я спросил их откуда, куда. Они жмутся, не отвечают. Какое мое дело, думаю. Были бы фронтовики, расспросил бы, где воевали, может знают кого, а с салажатами о чем говорить. Утром меня разбудила мать. Я смотрю — бледная стоит, вся дрожит. Спросонья не пойму, в чем дело. Она плачет и твердит одно: «Угоняют». «Кого угоняют? Куда?» — спрашиваю я. «Командир приходил, когда ты спал, и велел собраться и уходить из дома. Изменниками нас назвал, предателями». Я к матери: «Ты у немцев служила? Изменница? Говори!» Она затряслась и ко мне: «У каких немцев? Вы с отцом воюете, а я с немцами буду?» И по лицу меня. В детстве не била, а тут... Я смолчал. Что скажешь — мать. Права она. Обидел я ее. В голову мысли дурацкие лезут: может, думаю, это не красноармейцы, а немцы переодетые. Минут через десять зашел лейтенант и приказал: «Выходи живее. Тридцать минут прошло». Мать в слезы. «Куда гоните? Мужа на войне убили, сын раненый вернулся... Часы отдал...» «Какие часы», — спрашивает лейтенант. «У немцев отнял, — отвечает мать. — Он их продал и деньги в сельсовет внес на пользу армии». Лейтенант рассмеялся: «Хорошо, что вы деньги заранее отдали. За ваши же деньги и погоним вас, куда Макар телят гонял». Я — к лейтенанту: «Документы, — кричу, — покажи!» Он на меня уставился и как заорет: «Смирно! Ты чего здесь делаешь? Предателям помогаешь?» «Сам ты фашистский прихвостень, — кричу ему. — Это моя мать, братишка! Ему пять лет всего. Он тоже предатель?! Тебе мать про часы говорила. Трофейные они! Товарищ мне их подарил! Убило его... Я бы их ни за какие деньги не продал, а ты говоришь — эти деньги на нашу ссылку потратят. Ты — фашист!»

«Молчать! — заорал лейтенант. — Ты крымский?» «Да, я крымский». «Где ордена украл?» Тут двое красноармейцев заскочили. «Взять его», — приказал лейтенант. «Кого взять? Салаги вы! На фронт с фрицами воевать идите!» Лейтенант — к Илюше: «Ты тоже крымский?» «Русский я», — говорит Илюша. «Чего же за изменников заступаешься? Под трибунал захотел?» — спрашивает лейтенант. А Илюша ему: «Ты, лейтенант, меня на бога не бери. Полицаев вешай, я тебе сам помогу. У меня брата староста выдал, а полицейские повесили его. Я фашистов зубами грызть буду. Старост! Полицаев! За брата! А этих людей не трожь! С Асаном я воевал, в госпитале валялся...» «Взять их!» — закричал лейтенант. Солдаты — к нам. Илюша дал одному, тот на ногах не устоял. Лейтенант выхватил тетешник, второй солдат автомат с предохранителя снял. Позвали еще человек пять, скрутили нам руки и повели в сельсовет. Мама за мной выскочила. Лейтенант ее в грудь толкнул. Упала она. Я бросился к ней. На меня трое насели. Не дали проститься... увели нас... Иду, а вокруг такое творится... Дети кричат, женщины плачут. На мужиков, кто слово скажет, прикладами замахиваются. Собаки воют, с цепей рвутся. Скотина ревет... Ночью убежал я.

— А Илья! Бросил товарища? — в голосе Валерия прозвучали осуждение и злоба.

— Звал я его. Мы вдвоем решетку выломали. Один бы я с ней не справился.

— Почему же не ушел он?

— Илья мне так сказал: «Разберутся, отпустят нас, а этим салагам попадет. Не верю я, чтоб приказали им такое вытворять. Враги народа работают. Разоблачат их, мы с тобой свидетелями пойдем». «Без нас свидетелей хватит, — говорю ему. — Вся деревня видела». «Не пойду. Не за это я воевал», — сказал Илья и остался. Я тоже сомневался вначале, думал, кто-то от себя орудует. Но вспомнил мать, Сервера и решил: пока разберутся, время пройдет. Как они без меня проживут? Догоню, помогу им.

— Догнал?

— Через два месяца нашел мать. Ночью к ней прокрался. Мать жила в сарае. Сервер заболел дорогой и умер. Мать рассказывала — в дороге умирали старики, дети и те, кто по-

слабей здоровьем. Продуктов с собой за полчаса много не соберешь... этапом везли почти месяц... кормили плохо, воды не хватало. Сперва мало умирали — держались. Дней за пять перед тем как в Казахстан въехать, в каждом вагоне были мертвецы. По три по четыре дня их прятали в вагонах, хотели, чтоб по-мусульмански их схоронили. Мертвые лежали рядом с живыми... В Казахстане стали отдавать покойников. Когда приехали на место, местные жители говорить первое время с нашими не хотели. Одна старая узбечка подошла к моей матери и сказала: «Из? — это они так удивляются. — Вы люди, как люди, а нам рассказывали, что вы убиваете всех и кровь пьете». Перед тем, как привезли наших, колхозникам говорили, что мы при немцах отрубали пленным руки и ноги, живых людей в колодезь бросали и в землю закапывали. Встретили крымских хуже врагов. По кишлаку пройти нельзя. У местных, почти у каждого, родной или друг с фронта не вернулся, а им сказали, что мы все как один сражались за фашистов. Мать или отец, у которых сын погиб, или мальчишка даже, если у него брата старшего на фронте убили, на части готовы были разорвать нас. Пацаны и те наших ребят продажными шкурами дразнили. Где что случится, местные кричат: «Крымские виноваты». Косятся на нас, как на зверей. Я переоделся в старую гражданскую одежду и до зимы прятался в том кишлаке, где мать жила. За пять километров каждый месяц на перепись ходили. Осенью дожди пошли, холодно, и все равно всех на перепись гонят.

— Взяли бы да не ходили.

— Не пойдешь отмечаться — побег, пятнадцать лет и сюда. Зимой целыми семьями вымирали. Жить негде, одежда порвалась, на хлеб не заработаешь. Осенью что посеешь? А на другую работу не принимали. Мыла нет и мыться негде. От грязи и голода вши развелись... Тиф... Как мухи мерли... В нашем кишлаке молодых ребят не осталось: кого на шахту, кого арестовали за побег, кто умер, кому удалось — убежал. Могилу вырыть некому было... Выкопают неглубокую яму, наложат в нее штабелями мертвецов, а ночью шакалы разроют и гложут трупы... Иногда и днем смотришь — нога или рука из могилы торчит... Присыпать землей сил не хватало. Идет человек, упал и умер. Маленьких жалко... худые, синие, все

время есть просят... Маму я схоронил в декабре... и сразу поехал в Москву.

— Чего ты там забыл?

— Правду хотел найти. Не верил, что там все знают.

— Помогли тебе?

— Посадили. Побег с места ссылки... антисоветская пропаганда, это за то, что я о мертвых говорил, и двадцать пять дали.

— Дела-а-а, — протянул Винокуров. — Сколько тебе еще осталось?

— Двадцать три с хвостиком.

— В шестьдесят девятом на свободу пойдешь... Долговато ждать... Ты какого года?

— Двадцать третьего.

— На волю выскочишь, сорок шесть стукнет... Заживешь... Бабы не нужно, а захочешь, старушку подыщешь, пей чай с сахаром, ешь хлеб вволю и живи на раздолье.

— Я с тобой как с человеком, а ты смеешься, — обиделся Асан.

— Утешать тебя? Не маленький. Захочешь до конца срока сидеть, так оно у будет. Не захочешь... — Валерий выразительно взглянул на Асана и загадочно усмехнулся.

— Кому сидеть интересно? — заговорил Асан после недолгого молчания. — Как уйдешь отсюда? Куда? Где жить без документов?

— Ты меня про этап спрашивал. Я не ответил, а ты не запомнил.

— Не сказал — твое дело...

— Мое-то мое, а может и твое...

— Меня сегодня не возьмут. Я Игоря спрашивал.

— Игорь всего не знает. А ты бы пошел на этап?

— В больнице лучше. Тут баланда гуще, картошку моют, капуста попадается, в тепле спим.

— Ну и живи себе, пока не выгоняют... Сегодня ночью пойдут этап. Захотел бы, и тебя бы взяли. А так еще недельку перебьешься в больнице.

— За неделю потеплеет... Ты про свободу заговорил... Кончай.

— А не забоишься?

— Чего бояться мне?

Винокуров дернул за руку Асана и тихо прошептал:

— Выйди из барака немного погодя. Разговор есть. — И громко добавил: — До ветру схожу. Благодать тут: уборную построили, парашей не воняет. Житуха! — Винокуров перелез через спящего рядом соседа.

«Зачем он позвал меня, — раздумывал Асан. — Что-то сказать хочет... в бараке побоялся... сексоты... Выйду. Не ждет — вернусь».

Дверь, тихо скрипнув, закрылась за Асаном. В темноте кто-то осторожно взял его за руку. Асан рванулся.

— Это я... — «Винокуров», узнал Асан. — Сегодня ночью мы идем в побег. Имешь желание, топай с нами. Я тебя давно наметил. Кирюха не соглашался.

— Сколько вас?

— Трое должны идти. Один подвернул ногу. Вдвоем нам не справиться. Решай.

«У Винокурова двадцать пять... Его все ребята уважают. Он не сексот... Но почему же он выбрал меня?» — словно подслушав мысли Асана, Валерий сказал:

— У тебя никого нет. Убьют — плакать некому. Живым приведут, отлупят и полтора года добавят: больше четвертака не дают. Только если сорвется у нас, в зону не вернут, на месте положат.

— Меня сегодня не возьмут на этап.

— За это не беспокойся. Пойдешь вместо нашего третьего.

— Как?

— Очень просто. Назовешь его фамилию, имя, год рождения. Из больницы никто под чужой фамилией не уходит в глубинку, каждому охота побыть тут лишний день.

— А если меня узнают на вахте?

— Пару оплеух подкинут и в карцер до следующего этапа. Никто не узнает тебя. Ты на татарина не похож, с дежурными не скандалил. А к фотокарточке кто приглядывается ночью? Уходил бы этап на сельхозкомандировку, тогда бы в оба глядели. А в глубинку — кому нужно рассматривать? Случая не было, чтоб кто в глубинку за чужого уходил, — вполголоса говорил Валерий, настороженно прислушиваясь к каждому звуку.

— Из вагона уйдем?

— Зачем бы нам третий, если б из вагона? С дороги. Согласен?

— Сам давно об этом думал. Не с кем было.

— Хлеб у нас есть на троих. Два ножа, три прута и на каждого по кирпичу.

— А кирпичи зачем?

— Для переднего конвоя. С набегу кирпичами стукнем и ножами добьем. А там автоматы в руки, остальной конвой положим и кто куда. Другие захотят — разбегутся, побоятся — вернуться в зону.

— Нам не дадут уйти. Схватят... в тайге заблудимся...

— Я знаю дорогу. Тут неподалеку речушка. Вброд перейдем — собаку собьем со следа.

— У тебя карта есть?

— Бывал я в этих местах.

— Здесь до войны тайга была.

— Я топографом работал. Место для будущей трассы искали... как раз здесь, где она сейчас проходит. Меня и на фронт отсюда забрали. У меня глаз цепкий, выведу, куда нужно.

— Прямо говоришь со мной, Валерий... А вдруг я на вахту побегу?

— Теперь я тебе полностью верю. Был бы сексотом, не стал бы таких вопросов задавать.

— А сразу?

— Я о тебе ребят расспрашивал. Все говорят, что ты парень надежный. Сегодня ты рассказывал мне о себе. У тебя мать погибла, брат... К дежурным не побежишь. Только заранее говорю: сорвется...

— Сам понимаю. Дай подумать. Через час отвечу.

— Думай, Асан. Только пока этап не уйдет, самому лучшему другу ни слова.

— Не успею я ни с кем поговорить. Спят все.

— Я так, между прочим. Кто-то идет сюда... Заметил нас... — Асан скорее угадал, чем услышал, последние слова Валерия. — Махнем хлеб на табачок! — нарочито громко продолжал Винокуров. — Ты некурящий, хорошо даю. — «Какой хлеб, — недоумевал Асан. — Где у меня табак?»

— Жмешь курево? — Винокуров звучно сплюнул.

— Мало даешь! Добавь пайку! — потребовал Асан, только теперь поняв игру Винокурова.

— Это ты? — окликнул Асана знакомый голос.

— Илюша? Чего ты так поздно?

— Тебя ищу, Асан.

— Я спать пойду, — предусмотрительно сказал Валерий.
— Надумаешь — скажи.

— Ты ко мне в палату редко заходил.

— Не обижайся, Асан. Нельзя было.

— Дела, Илюша? Занят? Котелок баланды и то потихоньку передавал, чтоб никто не видел. Думаешь, я не заметил? Стыдишься меня? Крымские — сволочи все? — с обидой спрашивал Асан.

— Дурак ты. Дал бы я тебе за такие слова!

— Драться ты можешь...

— погоди маленько. Не кипятись, как холодный самовар, — оборвал Илюша Асана. — Драться я умею не с тобой. Сам видел, с кем дерусь. Не подходил, за тебя боялся. В прошлом году в нашем корпусе Цветков лежал, я его до войны знал. Червонец у него...

— Повезло ему, — вздохнул Асан, — в пятьдесят четвертом освободится.

— Да-а, повезло... Ему самосуд устроили на третьей известковой — и в больницу. Я с ним целыми ночами в палате просиживал. Сексоты донесли дежурным, что мы с ним по петушкам корешуем — его ночью на этап. Без Игоря, сам майор отправил. А Цветков только-только на ноги встал. Поэтому я и к тебе не подходил.

— За меня боялся? Почему ж тебя самого не трогают? Кулаков твоих испугались?

— Что ж я, по-твоему, сексот?

— Стал бы я с сексотом разговаривать. Сам скажи.

— Меня Игорь держит. Помогаю я ему.

— Начальник больницы выше Игоря.

— Не связывается он с Игорем. Почему — сам не знаю. Я хотел завтра попросить Игоря, чтобы тебя в больничной столовке оставили работать.

— Он бы оставил?

— Обязательно... Вечером Игоря за зону вызвали. Ночью пойдет этап.

— А тебе-то что до этапа?

— Я тоже ухожу... Меня в побег наметили.

— Как... в побег?..

— Пристрелят, а потом скажут — бежал.

— Что ж делать? Может, я помогу?

— За этим пришел к тебе. Когда начнут собирать на этап, я спрячусь на чердаке.

— Дежурные с собаками, всю зону обыщут, а найдут тебя.

— Знаю. Мы хотим ударить подъем.

— Ты?

— Другой. Его надо прикрыть. Рельса висит у самой вахты. Он два-три раза стукнет, дежурные выскочат и скрутят его. Будет возле того человека пара ребят крепких в помощь...

— Как они помогут ему?

— Встанем возле вахты по обе стороны дверей. Дежурный выскочит, ты слева, а я справа, подкинем ему и хватит. По вахте стрелять с вышек не станут. Пока справятся с нами, минут пять-десять пройдет.

— Все равно возьмут всех.

— В том-то и дело, что Игорь услышит шум и в зону вернется. Он никого из нас не выписывал.

— А Игорь не мог не уходить за зону?

— Вызвали его. Какой-то приезжий начальник заболел.

— Как я узнаю, когда идти?

— Возле вахты будочка стоит. Ты спрячься за ней, подождешь часов до трех ночи.

— А если тебя раньше к вахте приведут?

— С меня не начнут. Сперва других возьмут.

— До скорого, Илья.

— Иди в барак. Заметят вместе — все пропало. Жди возле будки. — Илья крепко пожал Асану руку и бесшумно растаял в темноте.

ОЖИДАНИЕ

— Долго вы намерены играть со мною в прятки?

— Так это ж не мы, Игорь Николаевич. Майор приказал. Он вытворяет, а я в ответе. — Надзиратель растерянно и виновато посмотрел на Игоря Николаевича. Под пристальным взглядом главврача он смущенно отвернулся и машинально сжал огромные кулаки.

— Кулаки у вас, сержант Коновалов... Внушительные... Как у Митьки из «Князя Серебряного», — усмехнулся Игорь Николаевич, скользнув взглядом по длинным мускулистым рукам надзирателя.

— Видел я князя. Он ростом поменьше меня будет.

— Вы о ком, сержант?

— О Шурике Князе, о ком же еще? Он на двести четвертой нарядчиком вкальвает. А вот Серебряного и Митьку не упомяну. Они кто, воры или просто зеки? Неужто с меня вымахали?

— Митьку в глубинку угнали, — невозмутимо ответил Игорь Николаевич. — Он, пожалуй, покрупнее вас и в плечах пошире... Когда вернется майор?

— Так нешто он нам говорит? Все скрытно делает. Сказал глаз с вас не спускать, мы и сидим. Я с вами разговоры веду, хоть спать страсть охота, а он дрыхнет, как барин. — Коновалов кивком головы указал на спящего надзирателя. — Вернется майор, он ему мозги вправит за свою постель.

— Я, пожалуй, в зону вернусь, — как можно равнодушнее сказал Игорь Николаевич, спокойно вставая со стула.

— Никак не можно, — запротестовал сержант, суетливо вскакивая на ноги.

— Почему же нельзя, Коновалов? Я — бесконвойник. Не убегу. А уйду — не твоя забота.

— Это самое... майор не велел. «Стереги его», — сказал, ни шагу значит.

— Меня пока не законвоировали, сержант. Вы что-то путаете. — «Ловушка. От них я не уйду... Приказали не впускать меня в зону... Лешка, Лешка... продал ты меня... Сидеть и ждать подъем? Ну, услышу я... А что сделаю? Они скрутят мне руки... Зря погибнут люди... Как я мог так ошибиться... Увидеть бы его... Дорого ты мне заплатишь, Леонид. Дорого? А чем? Угрызениями совести? Она у него есть?»

— Не путаю я, Игорь Николаевич. Не велено вас пускать в зону, вот и все.

— До какого же часа не велено?

— Пока майор не вернется. Сам бы рад в казарму, время-то уж не раннее.

— Раз приказано, ничего не поделаешь... Хорошо бы нам вместе, сержант, пока спит ваш напарник, прогуляться в больницу. Там у меня три штучки с белыми головками припрятаны. Нетронутые... И закуску бы сообразили. Царскую...

— Не могу я, — взмолился Коновалов, жадно облизывая губы. — Сам бы рад с устатку стаканчик пропустить. Напарник продаст, — шепотом добавил надзиратель.

— Волков бояться — в лес не ходить. А мы с тобой в тайге живем. Мне позарез нужно в зону.

— Зачем вам так зона понадобилась?

— А если я встану и уйду? Пристрелишь? — Игорь Николаевич, сам не замечая этого, перешел на ты.

— Не велено стрелять. Скрутим. В зону-то зачем? — нетерпеливо переспросил сержант.

— При напарнике говорить опасно. — Игорь Николаевич тоже перешел на шепот. — Выведи меня во двор. Там потолкуем.

— А как напарник спохватится?

— Что ж, мне и по нужде выйти нельзя?

— Оно-то, конечно, можно. Только я его наперед разбудить должен.

— Был должен, да долг отдал. Разве ты все упомянешь? Прогодаешь, сержант.

— И так и быть, Игорь Николаевич. Выйдем. Только без этого самого баловства.

— С тобой не побалуешься, сержант. Любому охоту отобьешь.

Коновалов самодовольно усмехнулся, вытянулся во весь рост, он почти на целую голову был выше Игоря Николаевича, и неуклюже, на цыпочках, а половницы все же предательски закрипели, пошел к выходу.

— Говори, Игорь. По делу. На пустое времени нет, — вполголоса заторопил Коновалов, едва они вышли из дома.

— Меня, наверно, на этап погонят...

— То не наша работа. Как начальство велит, так оно и будет. Ты дело рассказывай.

— В зоне у меня осталось золотое кольцо. Тяжелое. Дорогое. И еще кой-какие вещички. Проведешь в зону, пока твой ефрейтор спит, все поделим пополам. А еще лучше, отдам все тебе, ты продашь и передашь мне, что я скажу. — «Кольцо я ему отдам... Как хорошо, что Любовь Антоновна сохранила его... Без Орлова подъем не нужен. Спаси хотя бы Шигидина... Я сказал сержанту о других вещах... Какие? Костюм и сапоги? Отдам...»

— Да как я вас через вахту проведу? — сержант нерешительно почесал затылок. — И много ли пользы в одном кольце?

— В обиде не оставлю, Коновалов... — «Лишь бы не раздумал... Мнется... Солгать! Да!» — У меня еще золотишко есть.

— Откуда?

— Спрашиваешь. Я столько лет старшим лепилом проработал... К рукам у меня немало прилипло. Я с каждого политического брал. Думаешь, задаром их в больницу клал? За это меня и на этап отправляют: майор рассерчал, что я делился с ним нечестно и пожаловался на меня.

— Ядрена вошь! — удивленно воскликнул сержант. — Мы-то полагали, что ты из сочувствия фашистам помогаешь. А оно вон как на поверку вышло...

— Нашел сочувствующего! Я без денег шагу не ступлю. Пойдем, сержант.

— Майору доложат... И вахта... Как провести вас? Обскажите, где заначка, я мигом один слетаю.

— А меня на кого оставишь?

— Не уйдете вы. Сколько лет без конвоя.

— Тогда я главврачом был. Золотишко собирал по капельке. Килограммчика полтора наскреб, да и деньжонок не меньше. Честно поделим...

— А как я доложу на вас?

— Невыгодно, Коновалов. Донесешь, у тебя все отнимут. В зоне со мной не поделишься, я скажу майору, опять же ни при чем останешься. Нам прямая выгода крепко друг за дружку держаться.

— Кила полтора, ты говоришь? И деньжата? Верно ли?

— Какая мне польза тебя обманывать? Не на волю прошусь — в зону. Совру — не выиграю, а бока ты мне наломаешь.

— Оно-то и так. Майору донесут. А деньжищ-то, деньжищ-то сколько! Мне этой осенью демобилизация выходит. С пустыми руками ехать домой несподручно. Мать бедно живет. Хлеб — по карточкам, картохи — и той вволю не поешь. А с деньгами бы я прожил голодные годы... Дальше — облегчение выйдет. С майором худо...

— Не съест же он тебя.

— Под суд отдаст.

— За что? Ты же не в побег меня отпускаешь. На губу на пять суток посадят и все.

— Рыжье дербанете? И гроши? Без меня? — злобно прошипел ефрейтор, неожиданно вынырнув из темноты. — Я все слышал. Притворился, что спал, а вы и поверили мне. За каждым шагом вашим слежу. Попался, Коновалов! Я с тебя, суки, живьем не слезу!

— Не шуми, Васька! Зашибу. — Но в голосе сержанта Игорь Николаевич уловил растерянность и страх.

— Я тебе не Васька! Ефрейтор Блудов Василий Карпович, вот кто я! С врагами народа снюхался, сержант Коновалов? На место Седугина захотел? Отправим!

Что за человек Блудов? — лихорадочно раздумывал Игорь Николаевич. — Фанатик? Готов предать кого угодно? Но почему же он говорит шепотом? Почему не угрожает оружием?

— Вы не горячитесь, ефрейтор. Вредно для здоровья. Это я вам как врач говорю.

— Молчать, фашист! — приказал ефрейтор.

Ого! Я смеюсь ему в глаза, а он не повышает голос. — У Игоря Николаевича затеплилась надежда. — Ждет дележки? Можно и поделиться... Я не скупой. — Ты, ефрейтор, парень деловой! Стоит ли попусту поднимать шум? Я согласен, мы поступили нечестно, хотели поделиться на двоих. Кому большой кусок не по вкусу? Я же годы копил рыжье и гроши. На глубинку за взятки иду. Вот и придумал, что на двоих.

— Подохнешь ты на глубинке... Мертвяку рыжье без дела, — прорычал Блудов.

— Живой о живом думает. Бабушка надвое сказала — либо дождик, либо снег, либо сдохну, либо нет, — перефразировав известную поговорку, Игорь Николаевич украдкой вытер со лба пот. Дождь перестал, но, как это обычно бывает в сибирской тайге, заметно похолодало.

— Ты и меня подкупить хочешь? — с вызовом спросил Васька, сглатывая обильную слюну.

— Все берут, ефрейтор. Такой куш до конца жизни тебе не обломится. На каждого грамм по шестьсот рыжья попадет. И грошей кусков по пятьдесят.

— Без тебя найдем, Игорь, — неуверенно возразил Блудов.

— Всю зону с собаками перероете и не найдете, — отрубил Игорь Николаевич.

— Не такие заначки находили, — не сдавался ефрейтор.

— А тебе какая польза от находки? Самому искать не позволят, придется уведомить майора. Найдете с его помощью, узнают другие. В лучшем случае поделитесь. Майор хапнет себе дай боже, а вам оставит — кот заплакал.

— Он, жадюга, не поделит по-честному, — охотно согласился Блудов.

— Ограбит он вас, а вам слезы сиротские достанутся, — посочувствовал Игорь Николаевич.

— Можно и на майора стукнуть куда следует. За мягкое место возьмут и его, — задумчиво сказал ефрейтор.

— Это так, но вам с сержантом польза маленькая. Отнимут рыжье — и вас всех, как соучастников, на глубинку угонят. Ну, допустим, майор настолько честный, что все мое золото и деньги сдаст в пользу государства...

— Кто?! Майор?! — Блудов сплюнул. — Не смейся, Игорь! Он за копейку удавится. За полтора килограмма рыжья бабу

свою под хор Пятницкого пустит. Отдаст он государству! Разевай пасть шире!

— Выходит дело, что только ты один неподкупный? — Игорь Николаевич усмехнулся. — Вернемся в дом и разговор окончим. Было бы предложено...

— Кто же от добра нос воротит? — горестно спросил Коновалов.

— Ты, сержант, так думаешь, а ефрейтор подвигом нас удивить захотел.

— Какой там подвиг?! — Блулов сердито выругался. — Подвиг! Мне что ль рыжья неохота. Нельзя... Майор...

— Сержант не боится, а ты как девица красная, испугался. Трусишка ты, ефрейтор.

— Тебе хорошо говорить, Игорь. Сержанта на губу, а меня — в зону. Два червонца припаяют.

— Почему же такая разница?

— Почему? Почему? — огрызнулся Блулов. — Зад у меня запачкан, вот почему. Майор знает за мной много.

— За один раз майор не рассердится, — попытался успокоить Игорь Николаевич оробевшего ефрейтора.

— Майор послал меня за сержантом следить, — признался Блулов. — Сказал так: «Коновалов — теленок. Упущение какое будет с твоей стороны, послабление дашь Игорю, на себя пеняй. Коновалова на губу, а тебя — в глубинку». Угонит он меня. У-у-у, сука! Им одним воровать можно. А я не смей и крошки занюханной взять. Где же справедливость?! Еще о равноправии говорят!

Как же его уговорить? — мучительно раздумывал Игорь Николаевич. — Картина ясна: Блулов где-то проворовался... Майор держит его на привязи... Только ли проворовался? Может, анекдот слышал и не донес вовремя. Но золото... Неужели он и впрямь так запуган? Почему же майор не послал двух сексотов? Не нашел? Скорее всего, Коновалова за кулаки, а Блулова как своего человека приставили ко мне. От сержанта не вырвешься: и сила, и глаза. Научился работать майор...»

— Идешь, ефрейтор?

— Два червонца ломаются...

— И рыжье... Подумай, ефрейтор!

— И думать не буду. Говори, где рыжье притырил? Не скажешь — продам тебя и сержанта, — пригрозил Блудов.

— Ах, так... — медленно протянул Игорь Николаевич. «Мне они ничего не сделают... Леонид предал... Все кончено... Надо выручить хотя бы этого Митьку. Сожрет его Блудов...»

— Говори, гад! Обоим крышка!

— Не грози, ефрейтор! Майору скажу...

— Дурак ты, Игорь! Он тебе грамма рыжья не оставит. Сгнить мне на этом месте! Курвой последней буду! — забожился ефрейтор.

— Я ему не о рыжье скажу... Про тебя.

— Что ты про меня знаешь? — взорвался ефрейтор. — Нинка Скворешня стукнула тебе?

— Стукнула, — машинально подтвердил Игорь Николаевич, еще не понимая, о чем говорит ефрейтор.

— Что огулял я ее на чердаке? Да? Майору донесли об этом. И добровольно она.

— Ты же припугнул глубинкой. Сказал, что убьют воровки, — проговорил Игорь Николаевич, хорошо знавший, как и с помощью чего надзиратели получают «добровольное» согласие заключенных женщин.

— Ну и грозил. Пускай не верит. Не я же убивать собирался. Всех вас на одной веревке перевешать! У-у-у, морда! — ефрейтор потряс кулаками перед лицом Игоря Николаевича.

— Убери руки! — спокойно посоветовал Игорь Николаевич. — А то вдруг не отправят меня на этап, наплачешься, ефрейтор.

— Но-но! Шкура фашистская! Кончилось твое время! Признавайся, где рыжье!

— Я о тебе майору скажу. И такое, что не поздоровится.

— О водяре? Что я вагон с водкой раскурочил? Ты думаешь, майор не пронюхал? Он беседовал со мной. У нас таких телят, как сержант, мало. В глубинку кого охранять посылают? Проворовался в армии, начальничек кричит: «Или тюряга, или надзирателем в глубинку». Мы тут почти все с запачканными задами. Сам знаешь, Игорь. Не первый год в лагере.

— Я-то знаю, — согласился Игорь Николаевич. — А вот ты не догадываешься, о чем я майору скажу. И как только таких дураков в сексоты берут?

— Говори! Пристрелю!

— Спрячь свой пугач, ефрейтор. На мне обожжешься. Ты еще не догадываешься, чей я человек.

— Сразу бы сказал, — присмирел ефрейтор, пряча в карман пистолет. — Я ж так... шутя... Попугать хотел. Никогда бы не подумал, что ты тоже сексот.

— Бери выше. Я сексот, да не вашего вшивого майора. Чувствуешь, чем пахнет?

— Бреешь ты, Игорь. Зачем бы...

— На этап меня брали? Без тебя разберутся, ефрейтор, зачем. А рыжьем я точно пополам хотел поделиться. Он больше возьмет.

— Кто он? — робко спросил ефрейтор.

— Не твоего ума дело.

— Я все равно стукну. В управление ксиву пошло. До Москвы дойду. Вызовут тебя, нажмут, расколешься. Лучше нам раздербанить.

— Отведи в зону, там и поделимся.

— Если бы у меня только Нинка и водка... Похуже есть... Пропадет рыжье. Отдай нам! Другом по гроб буду! Чтб меня...

— Не божись, ефрейтор. Не верю. А на сержанта и заикнуться не смей.

— Так я тебя и послушал! Забздел, лепило? — с наглым торжеством спросил Блудов. — Я ваш разговор от слова до слова выложу.

— А я скажу, что говорил с тобой. Ты обещал сводить меня в зону, а сержант не разрешил.

— Как я? — опешил Блудов. — Кто тебе веру даст?

— И мне поверят, и ему. Запомните хорошенько, сержант Коновалов. Ефрейтор Блудов согласился отвести меня в зону, а я пообещал отдать ему половину своего золота.

— Есть запомнить, Игорь Николаевич! — радостно гаркнул сержант. «Меня выручает, — понял Коновалов. — А еще контрик... Вот поди разберись...»

— Ты против товарища? — голос ефрейтора плаксиво дрогнул. — С фашистами на бздюмяру? Я на тебя стукну.

— О чем донесешь-то? — спокойно спросил Коновалов. — Я в ваши дела не вмешиваюсь. Девочек не похаблю, от зеков не беру.

— За что же тебя такого голубка в глубинку послали слушать? — ядовито спросил ефрейтор.

— За то и послали, что ростом с телеграфный столб вымахал. И за исполнительность мою. Что скажет командир, то и выполняю. От себя ни-ни. Я впервой соблазн поймел на деньги, — простодушно признался сержант.

— Ты слышал, лепило? — радостно закричал ефрейтор. — Сержант в сознанку вошел, что он на гроши клонул.

— Ничего я не слышал, — спокойно отпарировал Игорь Николаевич. — Ты со мной в зону хотел идти, это я хорошо помню.

— Я скажу, что сержант тебе антисоветчину пер.

— Какую такую антисоветчину? — возмутился Коновалов, наступая на ефрейтора. Игорь Николаевич незаметно взял за руку сержанта и заговорил:

— Я и так враг народа. У меня двадцать пять. За анекдоты не добавят, тем более не я их рассказывал. А тебе влепят, ефрейтор.

— За что?

— За язык. Ты признался мне в своих преступлениях.

— Не докажешь!

— Откуда бы мне знать о водке. Ты сказал. Положено надзирателю рассказывать о себе? Не положено. И анекдоты ты рассказывал. Не бойся, сержант, я много разных анекдотов знаю, на то я и контрик. Подтвердишь, Коновалов, что ефрейтор агитировал нас против власти?

— Зачем же не подтвердить? Уж кто топит тебя, лучше его самого как щенка мордой в лужу ткнуть, — рассудительно заметил сержант.

— Не шкродничай, пес, не шкродничай, — подхватил Игорь Николаевич.

— За что же меня, Игорек, — взвыл Блудов. — И ты, сержант, на друзей нахалку шьешь.

— Кот шкродливый твой друг, — сказал Коновалов.

— Пойдем в зону, ефрейтор. С рыжьем от любого откупишься, — настойчиво предложил Игорь Николаевич.

— Не могу-у-у, — простонал Блудов. — Если бы не то дело...

— Какое?

— Не скажу, лепило, больше на крючок не подцепишь. Я о вас промолчу, вы на меня не наговаривайте, — заискивающе попросил Блудов.

— Посмотрим на твоё поведение, — смягчился Игорь Николаевич. — У тебя часы светящиеся... Из солдатского жалованья купил?

— Не за твои деньги, — грубо отрезал Блудов, но тут же спохватился. — Я б тебе и часы на память оставил, если б ты про значку сказал. До последнего грамма рыжье сберегу, как с братом родным поделюсь...

— Мы с тобой родные братья, — продекламировал Игорь Николаевич.

— Братья мы с тобой, — угодливо подхватил Блудов.

— Ты наелся, а я голодный, — продолжил Игорь Николаевич. Ефрейтор замялся. — В горле застряло?

— Забыл, — пробормотал ефрейтор.

— Каждый день Айда-пошел перекликается с каптером этим стихом. А ты не слышал? Знаешь ты его... Кончай, ефрейтор, — подбодрил Игорь Николаевич растерявшегося надзирателя.

— Ну и хрен с тобой, — упавшим голосом закончил Блудов.

— Вот такие-то мы с тобой и братья... Ты наелся, а я голодный, ну и черт с тобой. Не дашь ты мне и крошки, ефрейтор. Я мужик битый. Пойдем со мной в зону, долю получишь. Сколько настукнуло на твоих?

— Десять минут четвертого, — ответил Блудов, поднося руку к лицу.

БРАТЯ

Опоздал, — ужаснулся Игорь Николаевич. — В зоне уже собирают на этап. Сбить с ног ефрейтора? С Коноваловым не справлюсь... Через вахту не пропустят... с вышки пристрелят...

Если бы прорваться... Но как? Как?! Мысль Игоря Николаевича билась в липкой паутине, сотканной — кем? искала и не находила ответа на мучительные вопросы, сверлящие мозг. Для чего я жил? Чтоб погубить людей? Но разве я мог угадать? За что ж такой конец?! Ефрейтор не пойдет... Много, наверно, натворил... Фонари... один... другой... третий... Толпой идут... Майору такой эскорт не положен... Лешка?! Да, он... Господи... Согласится же он со мной... Поменяюсь... Вместо этапа — я...

— Осторожнее, товарищ генерал-майор. Ямка. Не оступись, — донесся подобострастный голос Зотова.

— Не упаду, — покровительственно басил Орлов. Охрана шла молча.

— В дом, Игорь Николаевич. Хозяин, — испуганно прошептал ефрейтор. Первым в комнату вошел Коновалов. Он подкрутил лампу и вытянулся во весь свой немалый рост возле двери. Блудов встал на полшага впереди сержанта, с таким расчетом, чтоб попасть на глаза Орлову, едва он переступит порог.

— Здравия желаю... — преданно и радостно заорал ефрейтор, когда открылась дверь. В комнату вошел Зотов. — Товарищ майор, — тихим голосом, в нем слышалось недовольство и разочарование — стоило ли тянуться перед своим начальником, — скороговоркой пробормотал Блудов.

— Накурители, хоть топор вешай! Кровать помяли, — набросился Зотов на подчиненных.

— Воюешь, майор? — усталым скрипучим голосом спросил Орлов, заходя в комнату.

— Здравия желаю!.. — метнулся Блудов к хозяину. Орлов небрежно махнул рукой.

— Вольно, ефрейтор. Не кричи.

— Виноват, товарищ, — начал было Блудов, но Орлов вновь перебил его.

— Исправляйся, ефрейтор, — назидательно заметил хозяин. — У меня в боку колет, майор. Врача бы вызвать. А-а! Тут у тебя гостит главврач! Идите, — Орлов кивком головы проводил надзирателей. — А ты, майор, останься.

— Я вас слушаю, товарищ генерал-майор. — Зотов как-то странно поглядел на Игоря Николаевича. Так смотрит волк на загнанного оленя, без злобы и хищного блеска в глазах, а, на-

против, добродушно и даже благожелательно, предвкушая сытный обед. Пока олень уходит, волк ненавидит его всем волчьим сердцем, боится копыт и рогов. Но в ту минуту, когда олень обессилел, можно и обласкать его плотоядным взглядом и даже полюбить на какое-то время, как любит гурман горячий, прямо с огня бифштекс с кровинкой.

— Выйди к охране, Зотов, — распорядился Орлов. — К дому близко никого не допускать. Подчиненные не должны знать, чем болен их начальник.

— Будет исполнено, товарищ генерал-майор! — Зотов козырнул и, круто повернувшись на месте, пошел к выходу, твердо печатая шаг.

— Да смотри, случайно замечу кого у дверей... — пригрозил Орлов.

— Никого не заметите, товарищ генерал-майор. — Зотов постоял еще несколько секунд, ожидая, не последует ли другого приказа, и, не дождавшись, вышел из комнаты.

— Здравствуй, Игорь. — Орлов протянул руку. Игорь Николаевич неподвижно стоял на месте. Жилистая рука генерала повисла в воздухе. Орлов, сделав вид, что не замечает враждебного взгляда брата, кряхтя опустился на стул. — Как у тебя дела, Игорь? Ты набылся, а я... я рад тебя видеть... «Наверно, в последний раз», — мысленно добавил Орлов.

— Разрешите доложить, гражданин...

— Не надо, Игорь, — Орлов поморщился. — Зотов мой мужик. Охраняет нас отменно. Подпустит кого близко к дому, головой рассчитается. Говори прямо, что тебя тревожит.

— Сегодня ночью идет этап. Двадцать девять человек. Восемьрых я не выписывал. По чьему приказу их отправляют в глубинку?

— Ты с ходу терзаешь меня. Не дал войти — и об этапе. Не по-родственному это, Игорь, — Орлов натянуто улыбнулся. — Лучше расскажи о себе...

— Некогда...

— Ты хорошо осведомлен, Игорь. Тебе не следует знать, сколько, когда и кто уходит на этап.

— Как видишь, знаю... К сожалению... Теперь мне все ясно.

— Что ж тебе стало ясно?

- Что затея с этапом — не самостоятельность Зотова, а твоя приказ.
- Допустим...
- Восемь галочек в этапном списке проставлено по твоему распоряжению?
- У тебя свой штат... Хитрить не стану. Этап выдумал Зотов. Без меня. Я узнал об этом часа два назад.
- И одобрил?
- Да, Игорь. Но откуда ты мог узнать?
- Я не предаю людей, даже если они твои подчиненные.
- Мне и не нужны фамилии. Утром разберусь сам. Об этапе слышали многие надзиратели, но список видели только трое. Я спрашивал Зотова, кто был допущен к списку.
- Этого человека ты...
- Накажу. Впрочем, это тебя не касается. Тебе ли беспокоиться о судьбе опричника? Ведь так ты называл меня?
- Не забыл. Я назвал тебя опричником...
- В письме, — подсказал Орлов.
- Врешь. В последний раз на свободе, когда мы разговаривали с тобой...
- А вот это письмо не помнишь откуда? — спросил Орлов, разворачивая бумагу, переданную Осокиным.
- Мой почерк, — озадаченно проговорил Игорь Николаевич. — Я не отправлял тебе это письмо. Дай-ка вспомнить... Недели за три до ареста я написал его и забыл порвать. Как оно попало к тебе? Арестовали Лиллю? Где она? — Игорь Николаевич со страхом взглянул на Орлова.
- Успокойся, Игорь. Лиля жива и здорова. Как же к ним могло попасть письмо — вслух подумал Орлов.
- К кому это «к ним»? — не понял Игорь Николаевич.
- Наверх. К моим врагам, — раздраженно объяснил Орлов.
- Новый взрыв грызни?
- Она никогда не прекращалась... Где ты хранил эту фотографию?
- Вот эту? — повторил Игорь Николаевич, внимательно рассматривая карточку. — Дома... Лилля здесь или у другого хозяина? Отвечай, Леша!
- Даю тебе слово, Игорь, ее не арестовали.

— Я знаю цену вашим словам.

— Скуратову верить нельзя? — криво усмехнулся Орлов.
— Я разговариваю с тобой, а не с начальством. Тебе я не вру. Лиля на свободе. Ее потревожили в тридцать седьмом, сразу после твоего ареста. Она отреклась от тебя и больше ее никто не тронул. Вот и верь женщинам...

— Лилия права. Хватит меня одного. Я знаю, как писали эти гнусные пасквили отречения. Отмени этап, Леонид. Или отправляй меня. С галочкой.

— Без моего приказа этап не уйдет. На сегодня я его отменил.

— Обмануть меня не удастся, Леша. Если ты и впрямь отменил приказ, разреши мне вернуться в зону.

— Кончим разговор — вернешься. Скажу прямо: все зависит от того, как мы его кончим.

— Не мешкай, Леонид.

— Ты говорил Лиле или кому-либо из знакомых... обо мне?
— Орлов в упор посмотрел на Игоря Николаевича.

— Лиле — никогда.

— А друзьям?

— До того, как встретился с тобой, рассказывал многим, что ты, вероятно, погиб. Я не верил, что ты бросил меня...

— Не по своей воле, Игорь... В восемнадцатом меня арестовали как бродягу. Я им наврал об отце, хотя его почти не помню. Мне поверили и зачислили в красногвардейский отряд. Я... Зачем повторять...

— Ты донес на своего товарища, его насильно взяли в отряд. Он пытался вернуться домой, поделился своими мыслями с тобой, ты с командиром отряда... и его расстреляли. После этого ты пошел служить в особое подразделение.

— Я сам рассказал тебе эту историю и ты меня укоряешь? Нечестно, Игорь. Я хотел жить. О тебе я не забывал. Через полгода вернулся в город. Я искал тебя и не нашел.

— Лучше бы мы с тобой не встретились. Я горевал бы о брате... О честном мальчишке... А сегодня? Кто ты?

— Многое от меня не зависит. Поздно сожалеть, Игорь. Записка и фотография попали куда не следует. Ответ мне на последний вопрос и наш разговор окончен. Если тебе на допросе пригрозят арестом Лили и Димки, ты выдашь меня? Я —

Малюта, Лиля — жена, Димка — сын. Ты их любишь, а меня... только терпишь. — Наступило долгое молчание.

— Как тебе ответить, Леонид? Соврать? Я не умею и не хочу. Сказать правду, а поверишь ли ты ей? Тебя приучили лгать, изворачиваться, доносить... Где уж поверить тебе простой человеческой правде?

— Тебе я поверю, Игорь. Не все люди такие, как... я и мои... товарищи, — при последнем слове Орлова передернуло.

— С другими ты не знаком.

— Знаю я и других.

— Откуда?

— Они не подадут мне руку... как сегодня ты. Предпочтут мое заведение беседе с таким, как я. Но я читал сотни дел и не понаслышке знаю, как добиваются чистосердечного признания. Я бы и десятой доли не вынес того, что вытерпели они. Эти люди поплатились не только своей жизнью, но и близкими. Они не оговорили ни одного человека, и даже себя. Я — подлец, но не дурак, все понимаю.

— И служишь?

— Некуда уйти. И не отпустят меня живого. Ответ на вопрос.

— Трудно. Обычные методы вашего сыска я выдержу, но если вспомнят Димку и Лилю... — голос Игоря Николаевича дрогнул.

— Тогда?

— Не знаю, Леонид. Я не герой. С собой распорядиться — одно, ими — другое. Посуди сам. Кто они и кто ты? Защищать тебя? А зачем? Хуже тебя не прищлот, лучше — тоже. Все вы одинаковые.

— Что ж ты предлагаешь? Решай, брат.

— Меня обязательно вызовут туда?

— Почти обязательно, Игорь. У них накопилось много материала. Не упустят случая посчитаться со мной.

— Клаву Русакову тоже?..

— Да... Тебе-то что за дело до какой-то проститутки? Фу, о какой мелочи ты думаешь!

— Не смей оскорблять человека! — голос Игоря Николаевича зазвенел. — Вы убили ее.

— Отчасти мы, хоть я к этому руку не приложил. В другое время она бы к нам не попала. Я — ассенизатор... кто-то нагадит, а я убираю чужое дерьмо. Они с чистыми руками, как Борис Годунов, а я — Малюта. Грязно... тошно... Не будем ковыряться в язвах. Отвечай, Игорь.

— Ты круто ставишь вопрос. Я на него ответил. Если хочешь — разъясню. С собой я жертвую, не ради тебя, а ради того малого, что мне удалось сделать с твоей помощью... Но сделал ли я что-нибудь хорошее?

— А больница?

— Люди здесь отдыхают... И все же больница — палка о двух концах. Хорошо здесь заключенным, они начинают думать так: не везде такие скоты, как в глубинке. Часто приезжает начальник управления, и надзиратели хвосты поджали. И все же больница помогает людям. Какой ценой, знать не обязательно... А цена очень большая... На тебя и на твоих хозяев больница надевает ореол святости: вы — безгрешны, виноваты те, кто на местах. На Зотовых вам наплевать. Когда кончится вся эта трагедия, Зотовых и надзирателей люди не осудят — слишком их много. Сошлются на тяжелые времена, поругают мелких подлецов, скажут, что народ у нас такой, что сами мы виноваты, и в доказательство вспомнят больницу. Взял ее генерал Орлов в свои руки, и все делалось по закону. Больница оправдает вас завтра и спасет людей сегодня. Кто останется в выигрыше, кто проиграет, не будем гадать. Но из зерна будущего не испечешь хлеб настоящего, а он нужен сегодня, сейчас, сию минуту. Ты дал мне ломоть хлеба, и я, как умел, поделил его среди голодных. За это я заплачу своей жизнью. Мера за меру, Леонид. Но платить за тебя женой, сыном — не жди, Орлов. Твоя жизнь дешевле.

— Я не ждал от тебя другого ответа. Что бы ты сделал на моем месте? Подскажи.

— Тебя начинает мучить совесть?

— Начинает... Откуда ты знаешь, что начинает? Может быть, и раньше...

— Не лги, Лешка... Мы говорим с тобой в последний раз. Лгать мертвому — трусость. Я считал тебя смелее.

— И бессовестнее?

— Нет, Леонид. Ты был безнаказан и угрызения совести не мучили тебя. Пока умирали знакомые тебе люди, ты оставался спокойным. Но вот появилась необходимость убить меня... тебе это неприятно...

— За что же... так, Игорек, «неприятно»? — глухим надтреснутым голосом повторил Орлов.

— Прости, Леонид. Тебе... больно. У тебя кончилась безнаказанность.

— Но как поступить с тобой? Скажи!

— Ты хочешь, чтоб я сам себе вынес приговор? Я его вынес. Меня убьют, и пусть тебя это не терзает. Я даже не заставляю тебя отдавать приказ. Завтра ты меня законвоируешь, и я с горя войду в запретную зону.

— Могут... по ногам...

— Исключено. Меня ненавидит надзиратель Айда-пошел, я не давал ему спирту. А самое главное, запретил тайно лечить его сифилис. Он заразился в вензоне. Его перевели дежурить на вышку. Завтра днем его дежурство. Я не просто войду в запретную зону... Я полезу к нему на вышку. Ему не останется ничего другого, как прострелить мне голову, что он сделает с несомненным удовольствием и не пожалеет пуль. Можно и петлю... Это детали... Но даром я тебе не достанусь. Я требую в обмен за себя сегодняшний этап.

— У тебя... хватит сил?

— До завтра ты ничем не рискуешь, а утром увидишь сам. Отменяй этап.

— Но я же отменил...

— Совсем отменяй. Эти люди должны остаться жить. Дай мне слово!

— Даю, Игорек... Лилу и сына не тронут... Я испытывал тебя... У меня в руках против моих шефов кое-что есть. Хватит, чтоб защитить Лилу и Димку. Ты будешь жить. Но... с одним условием.

— С каким?

— Я отказываюсь от своего слова: этап сегодня уйдет.

— Зачем тебе нужны старухи? Девушка? Молодые ребята? Умирающий капитан? Хватит меня одного.

— Они не нужны мне и поэтому побегут. Если бы ты не проболтался Ивлевой... Она могла сказать другим.

— Ты врешь, Ленка! Ивлева тебе не страшна. Ее не за-
пугают и ей не поверят.

— Зачем же мне врать? — неуверенно спросил Орлов.

— Сейчас, а не раньше, ты испытываешь меня. Поменяю
ли я свою жизнь на восемь человек или устою. Вы ошиблись,
гражданин Орлов. Не поменяю!

— Для чего мне это?

— Ты хотел доказать мне: «Ты, Игорь, такой же, как я.
Пришла смерть — откупаешься чужими жизнями. Меня тоже
заставили, а ты говорил, что я опричник. Будь же опричником
и ты. Тогда не упрекнешь меня». Вот что ты думал. Так или
нет?

— Да... Для этого я и приехал, — губы Орлова дрогнули.
Гримаса боли исказила побледневшее лицо.

— Тебе мало моей смерти? Хотел растоптать меня? Пре-
вратить в такое же животное, как и ты сам?

— Игорь!

— Я больше не скажу ни слова. Отмени этап — и я завтра
умру. Хочешь — сегодня, но отмени.

— Я не в силах, Игорь. Я отдам тебе Ивлеву и всю землянку.
Я дал команду Зотову, чтоб их оставили в больнице, кроме
Седугина. Он писал на меня донос.

— Его заставили.

— Мне от этого не легче. Седугин — тоже зверь. Он погу-
бил Русакову.

— Осокин, а не он. Люди полковника обманули его.

— Кто дороже для заключенных? Ты или Седугин? Ты
многим можешь, а он?

— За зло не покупают добро. Не та цена, Леонид. Отменяй
полностью этап. Если в тебе что-то осталось от человека — сде-
лай это. Ты не обманешь мертвого.

— Я не соврну тебе, Игорь. Сегодня я хотел покончить с
тобой. Сейчас раздумал. Но этап уйдет. В этом виноват только
я. Так надо. Ты освободишься, Игорь... Мы вместе уедем в де-
ревню... будем ловить рыбу... ходить за грибами... ведь ты у ме-
ня один... Люблю я тебя... Не зверь я... Я больной человек...
Живую душу возле себя хочу чувствовать... Тебя!

Бом! Бом! Бом! Бом! Над тайгой неслись частые гүлкие
удары, похожие на колокольный звон.

— Подъем?! — густые брови Орлова удивленно поползли вверх.

— Уходит этап! Гибнут люди! — крикнул Игорь Николаевич, порывисто вскакивая на ноги.

НАБАТ

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! Тревожным набатом гремело железо, и в голосе его, надрывном и печальном, Игорь Николаевич услышал последнюю мольбу о помощи.

— Откуда ты знаешь? — растерянно спросил Орлов.

— Я сам велел ударить подъем. Ты соврал мне? Перед смертью?

— Да, соврал.

— Спаси их!

— Они уйдут!

— И я вместе с ними. Прочь с дороги, Орлов!

— Куда ты, Игорь?! Тебя убьют!

— Знаю! Прочь с дороги!

— Тебе нельзя выходить, Игорь! Я велел Зотову...

— Убить меня?

— Велел и отменяю! От-ме-няю! Но этап уйдет! Свидетели мне не нужны! — Орлов кричал. Лицо его вздулось и побагровело.

— Вместе со мной! — Игорь Николаевич бросился к двери.

— Остановись! Ты не дойдешь до зоны! Зотов застрелит тебя!

— Спасибо... брат! Прочь!

— На верную смерть никто не пойдет! Даже ты! Я предупредил тебя, Игорь!

— Будь ты проклят, Каин! — Игорь Николаевич отшвырнул Орлова. Дверь с грохотом захлопнулась за ним. Почти минуту Орлов стоял у выхода, не смея поднять головы. Мысли бежали и рвались, а он беспомощно озирался вокруг, словно искал ответа здесь, в этой комнате. Игорь... Зачем я это сде-

лал?! Зачем?! Мне не нужны свидетели? Они не опасны... У меня проснулась совесть? Кончилась безнаказанность? Мы — братья... Игорь дорог мне... Нужен! Зачем? Отдохнуть! Увидеть другого человека, чистого, хорошего... не такого, как я сам. Но зачем он ушел?! Я же предупредил его! Умереть вместе с ними? Считает себя виноватым и платит жизнью... Да, только так... Он ничего не сделает... И пошел... Чего хотел я? Да-да, точно... Я хотел доказать, что он уйдет... побоится... Агапов не даст ходу документам... он обезврежен... Мы полетим вместе... Игорь должен жить! Он не смел уходить! Не смел! Я думал, у него не хватит сил... Но он ушел! Ушел! Почему я обманул его? Я думал, он побушует и успокоится... останется со мной... Не остался... Я — убийца Игоря... Да! Рыбалка... Агапов... Он может много напакостить... Игорь — человек... Иго-рек... А я? Я?! Мразь! К черту все! Вернуть! Отменить! — Орлов выбежал на крыльцо.

— Майор Зотов! Ко мне! — окрик генерала, гүлкий и отчаянный, слился с одиноким выстрелом. Он прогрохотал близко, совсем рядом.

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ! — стонал и надрывался одинокий затерянный звук. Он рвался на простор, к людям, но, ударившись о толщу вековых деревьев, глож и умирал в их чаще.

ПОДЪЕМ

— Сколько времени? — спросил Андрей, поудобнее усаживаясь у печки.

— За полночь уже... Все спят, одни мы с тобой сумерничаем. — Рита устало зевнула, прикрывая ладошкой рот.

— Скорей бы утро... Пройдет ночь спокойно, меня здесь еще месяца на два оставят.

— Тебе не страшно?

— Боязно, Рита. Тебя жалко... Митю... Если бы его в вольную больницу направили... Там сактируют — и на свободу. Мне

и самому не хочется с дежурными связываться. Мама старенькая... может, и найду ее... Тебя бы дождался...

Рита покраснела.

— Ты любил в речке купаться?

— Еще и как! Мы пацанами бычков ловили руками.

— Как это руками? Без удочки?

— Очень просто. У берегов много камней, а под ними дыры сквозные, там бычки живут. Нырнешь под воду, руками закроешь оба выхода, бычок почувствует, что свежая вода не проходит, и прямо в ладонь головой ткнется. За жабры его и на берег. Принесу домой с полсотни, дома праздник. Они жареные вкусные... Весело на речке! Жалко, что редко бывал: то газеты разносишь, то в очереди стоишь, то сарай чужой чистишь. Зато в свободный день до темна из воды не вылазил.

— Меня папка одну на речку не пускал, боялся, что я утону. В выходной мы целыми днями там пропадали. Здесь летом дни длинные, а зимой короткие. Солнышко покажется и спрячется сразу. Я когда маленькой была, увижу, что солнце за тучу уходит, песенку ему пела: «Солнышко родное, мое ты дорогое, свети-свети сильнее, нам будет веселее». Пропоешь раз десять, оно один глазок покажет. Я раньше думала, что все живое: земля, солнце, звезды... А здесь как в могиле: небо и то мертвым кажется. Скорее бы выйти отсюда.

Андрей не успел ответить Рите: кто-то легонько постучался в окно.

— По нашу душу пришли, — тихо сказала Катя.

— Ты не спала?

— Уснешь тут... Дверь-то не открывай, Андрюша. Поперва спроси, за каким лядом шумят. — Андрей прильнул к окну. Темно. Пусто.

«У дверей притаились... Дежурные...» Андрей почувствовал, что у него похолодели кончики пальцев. По телу пробежала дрожь. И почему-то в эту минуту он вспомнил Митю. В ту ночь Андрей впервые полз по переднему краю. До оврага оставалось совсем немного. Доползти бы, и он надежно прикроет разведчиков от снарядов и пуль. Лишь бы не заметили. Над полем взвилась ракета. Ее ослепительный мертвящий свет выхватил из темноты занесенную снегом равнину и слившихся с землей бойцов в белых халатах. Охваченный страхом, Андрей пытался

вскочить. Бежать к оврагу, бежать, не думая ни о чем, лишь бы его спасительная глубина прикрыла от раскаленных осколков и сеющих смерть пуль. На его плечо легла сильная рука Мити: «Не метушись, дура, — прошептал Шигидин, — себя и всех зазря погубишь... не углядели они нас». Страх не проходил, но Андрей принудил себя еще плотнее прижаться к земле. В первую минуту в нем вспыхнула неприязнь и глухая вражда к Мите: «Жди пули в затылок, а овраг так близко». И только позднее он понял, что Шигидин спас его от верной гибели. Ракета с шипением погасла. Из немецких окопов слышались короткие очереди автоматов, но, как видно, стреляли просто так, на всякий случай, чтобы разогнать усталость и страх. Но сейчас не было рядом Мити. Некому прикрикнуть и остановить. Ему выпало решать самому, как быть, что делать. Ужас перед тем, что может случиться, захлестывал Андрея. Он был один. Женщины и Вериков не в счет. Много ли они сумеют помочь ему?.. И все же Андрей ощущал в себе силы, более могучие, чем в ту памятную ночь. В последнюю минуту на помощь придет Митя. Но самое главное, тогда он боялся только за себя, не успев понять, что рискует жизнью товарищей, ведь в разведке он был впервые, а сейчас он знал, и знал твердо, что дрогнет он — и на его глазах выволокут из землянки Риту... А Любовь Антоновна? Сколько ночей она провела у его постели! А Вериков... Капитан не колеблясь пошел в вензону, пошел, чтобы спасти его, Андрея, и Риту. Сколько судеб переплелось в один сложный клубок! И он, мальчишка, встал у порога, встал, как последний заслон, преграждая путь мутному и грозному потоку, готовому смести все на своем пути, смести и уничтожить то, что было дорого ему. И если он останется жив, отделается побоями или сломанной рукой, а они погибнут, сумеет ли Андрей Петров жить после этого? «Пакость любую сотворить нехитро, — вспомнил он слова Обедняка. — Девчонку слепую и ту понасильничать можно, а жить-то как после похабства такого?» Он, Андрей, один. Нет! не один! Рядом с ним Митя, Илюша, есть Рита, Игорь Николаевич... И страх отступил.

— Кто там? — негромко спросил Андрей.

— Я. — «Лида», узнал Андрей. — Пусти в землянку.

— Утром приходи.

— Пусти, Андриюша, я одна. Честное слово, одна, — тороп-

ливо, взახлеб уговаривала Лида. — «Врет! Была б одна, не стала бы сразу говорить об этом».

— Спят все.

— Что мне, двери ломать?! — с вызовом спросила Лида.

— Сломай, а потом открою.

— Пусти! — настойчиво потребовала Лида.

— Уходи. Не мешай спать.

— Любовь Антоновна! — громко закричала Лида. — Велите Петрову открыть. Больной Найденов из седьмого корпуса помирает.

— Найденов? — встревоженно спросила Любовь Антоновна.

— Не верьте, доктор! Врет! Я не открою до утра, — громко, так, чтоб слышали те, кто стоял за дверью, сказал Андрей.

— Помрет же Найденов, — захныкала Лида.

— Пропустите меня! — потребовала Любовь Антоновна. Андрей не шелохнулся.

— Никуда вы не пойдете.

— Но я обязана.

— За углом спрятались дежурные. Они подослали Лиду, — стоял на своем Андрей.

— Ты видел их? — усомнилась Любовь Антоновна.

— Видел, — уверенно сказал Андрей. «А вдруг я ошибся?»

— Петров! Ты почему режим нарушаешь? Кто тебе велел ночевать в женской землянке? — голос дежурного, грубый и властный, не оставил никакого сомнения, что за дверью притаилась засада.

— Выходи сию минуту, в карцер посажу.

— Утром выйду, — пообещал Андрей.

— Доктор Ивлева! — возвысил голос надзиратель. — Мы требуем, чтоб вы освободили землянку от посторонних.

— Я отказываюсь выполнить ваше требование.

— Как ты смеешь! — заорал надзиратель. — На штрафняк пошлем! В БУР!

— Не отвечайте ему, — посоветовала Катя. — Ночь ведь, — громко продолжала она. — Приходи засветло, обскажешь все.

— Молчи, тубик, пока дыхало последнее не отшиб!

— Ты глотку-то свою луженую не разевай шире сапога, — одернула Катя дежурного, подходя к окну.

— Замолкни, тварюга! — гундосил обозленный надзиратель.

— Сам помолчи, букет! — взъерилась Катя.

— Какой я тебе букет?!

— Знамо дело — букет, гнилоносый! Каких только болезней в вензоне не нацеплял! И текет у тебя, и гниет, что как поймайка тухлая, и в болячках весь, злыдня вонючая. Не лошадь и не жеребец, а конь сухостойный. Тебя и на конюшню близко не пустят: кобыл попортишь, а лошадей чертма. Не мужик, а заразы букет, — кричала расходившаяся Катя. Еще никто из жителей землянки на слышал, чтобы она говорила с такой неприкрытой циничной грубостью.

— Катя! Катя! Здесь девушка!

— Не до того, Любовь Антоновна! — отмахнулась Катя.

— Выйди сюда, падаль! Я тебе покажу «букет»! — лютовал надзиратель.

— Отойди с псарней своей подале! Выйду я, попробую, что от мужика у тебя осталось. Не дури, по-честному отходи. Мы за вами из окошка следим. Я чахоткой обдарю тебя, а то букет-то неполный. Али уж сгнил совсем и с бабой в одиночку не управись? — Нагнувшись к Любови Антоновне, Катя прошептала: — Может, взъерятся барбосы, меня одну возьмут. Пока со мной управятся, время пройдет. А там, глядишь, Игорь подоспеет. С умыслом задорю его. Шуму-то они ночью не любят. Прогляньте в окошко, чтоб отошли! Я все ваше стадо поганое ублажу! — закричала Катя. — Согласие даешь, букет? Аль мало тебе пришибленному?

— Болдина! — заорал второй надзиратель. — Отбивную сделаем! Попадись только!

— Я и сама выйду! Покорябаю ваши хари подлючие. Вложатся псы, не дай Бог, — прошептала Катя, — на мне одной отоспятся. Все не так крепко на вас обозлились будут. Вы не подавайте голос, Любовь Антоновна. Не бесите их, они без того ополоумели.

— Двери взломаем! — закричал Айда-пошел, молчавший до этой минуты.

— Отойдите от землянки, — предложил Тимофей Егорович. — Я открою сам. Кто останется у входа — пожалеет. Дверь низкая, чтоб войти, голову нагнуть надо, а у меня топор, — при

последних словах капитан подошел ко второму окну, наглухо забитому досками, приподнял подоконник и прямо из стены, внутри она была пустая, достал топор. — На кухне позаимствовал. Спрятал, пока вас никого не было, одна Катя видела, — тихо пояснил он, поймав тревожный взгляд Елены Артемьевны. — Вот он! — Тимофей Егорович поднес топор к окну. — На окнах решетки, в дверь полезете, не одного посеку. Отходите подальше, побеседуйте.

— Выбрось топор! — потребовал надзиратель. — Знаешь, что ломится за нападение на охрану?

— Как не знать, гражданин начальник! Расстрел. Сейчас стрелять будешь, или обождешь немного? По-доброму отходите. Выскочу, не одному башку сшибу, вперед чем меня возьмете.

«Я думал, что я один, — устыдился Андрей. — Катя не побоялась их... Зачем он хочет открыть дверь?»

— Выломают дверь, мы одного-двух прибьем, а они никого не пощадят. В свалке порешат всех. При открытых дверях под топор голову не подставят. Ты становись сюда, — капитан указал на забитое досками окно, — а я здесь постою.

— Тут стекла.

— Решетка задержит. Расцарапают до крови, а с ног не собьют. Держись, Андрюша. Сунется кто один — успокоим, а тогда знак подавай Шигидину. Отходите все! — скомандовал капитан. — Не вздумайте дурить! Головы запасные на земле не валяются.

— Петров! Отними топор у Верикова, — уговаривал надзиратель. — Тебя на этап не возьмут. Ты — малосрочник. За фашистов вступишься — под лагерный суд пойдешь!

— Не пугай, начальник!

— Ты солдатом был. За кого мазу держишь? За фашистов? — спросил Айда-пошел.

— За людей! — коротко ответил Андрей.

— Так люди нарядчиками работают! А ты врагам продался!

— Я не научился еще у вас торговать собой.

— Тебя расконвоировать хотели! На свободу скоро!

— Мне под конвоем безопасней. Не украдет никто.

— Рано смеешься, Петров! Поплачешь!

— Вы моих слез не увидите!

— Тебя вылечили тут!

— Не вы, в врачи!

— Поговорим мы еще с тобой! — Андрей промолчал. — Ломай двери! Не до утра же торговаться с ними! — заторопился Айда-пошел.

— Не терпится — суй голову первый, — осадил его второй надзиратель. — На словах торопыга ты, а на деле...

— Пошто стрелять в зоне не велят? Слабинку спустили им, они и богуют, — плачущим голосом орал Айда-пошел.

— Отойдем-ка мы пока... и ты с нами, Васильева, айда пошла. Зашибут тебя чумовые эти. Мы тебя охраняем. Правду ведь пишут — «моя милиция меня бережет».

Андрей наблюдал за дежурными из окна. Прихватив с собой Лиду, они отошли ко второму каторжному корпусу. Левою рукой Андрей снял крючок, коленом толкнул дверь и молниеносным движением выхватил из кармана нож. В ту же секунду до его слуха долетело знакомое слово — команда «фас!»

— Собака! — успел крикнуть Андрей. Длинное мускулистое тело метнулось к открытой двери. Оскаленная пасть, мощная грудь, вздыбившаяся густая шерсть и горящие злобой глаза. Бесшумный прыжок. Десятые доли секунды решали все. Какое-то крохотные сантиметры отделяли собачью морду от беззащитного горла Риты. Она стояла возле порога, а он, Андрей, не заметил и не успел сказать ей, чтобы она отошла подальше. Капитан застыл с поднятым над головой топором. Теперь исход схватки решали не секунды, нет, а неуловимые терции. Через ничтожную долю секунды Андрей опоздает. И Рита с перекушенным горлом упадет на пол. Лагерная собака, если она спущена с поводка, не хватает человека, а рвет, даже когда он и не пытается сопротивляться. Неточное движение, промах — и собачьи клыки со свирепой ненасытной жадностью вопьются в тело. Тот, кто спускал собаку, надеялся парализовать жителей землянки и, пока они придут в себя, ворваться и вытащить всех до одного и пинками погнать к вахте, а там, за зоной, конвой окончит то, что начали они. Но и собашник, и надзиратели не знали, да и не могли знать, кто для Андрея Рита. Они и не догадывались, что три года назад Андрей один на один сунул голый незащищенный кулак в пасть немецкой овчарки и мертвой хват-

кой свободной руки сломал горло знаменитой, трижды медаленосной суки. Они не подозревали, какая неукротимая сила пробуждается в этом простодушном пареньке в те редкие в его жизни мгновения, когда он защищал тех, кто был ему дорог. Андрей стоял сбоку, а Рита преграждала собаке дорогу. Пса еще щенком научили ненавидеть лютой злобой заключенных, без устали рвать податливые хрящи и мясо, жадно слизывая горячую дразнящую кровь, с наслаждением вдыхая сладкий запах израненной, подышающей человеческой плоти. Андрей ударил собаку ножом. Широкое лезвие ножа, отточенное как бритва, по самую рукоятку вонзились в позвоночник чуть ниже короткой собачьей шеи. Пес взвыл и, еще не поняв, что рана смертельна, вцепился в последнем отчаянном порыве в жилистую руку Андрея. Верность хозяину, он помнил его, когда еще был пушистым комочком, безрассудная ярость, могучие зубы, сокрушавшие кости медведя, ими его изредка баловал хозяин, дали собаке силы сдавить руку Андрея и прокусить ее. Но рука не рванулась, оставляя клочки мяса и кожи, хотя теплая человеческая кровь жгучей радостью обласкала шершавый язык собаки. Кулак не давал сомкнуть пасть, а пальцы впились в язык и рванули его. Затрепетав всем телом, пес припал к земле. Не теряя ни секунды, Андрей поднял тяжелую собачью тушу и швырнул ее за дверь к ногам надзирателей.

— Назад! — закричал он, размахивая ножом. Надзиратели в страхе попятились.

— Доски тащи! Доски! — вопил собашник. Он упал на колени и со стоном, похожим на рычание раненого зверя, обнял окровавленную морду пса. — Мертвый! Убили! — с неподдельным горем причитал он, словно перед ним лежала не собака, отдававшая мяса многих заключенных, а любимый ребенок, убитый кровожадным злодеем. — Стрелять их всех! Вешать! Сынка моего убили! Сынок! Сынок! — вопил собашник, целуя холодные губы пса. — Досками сшибем их! Под топор не ползем!

«Пора...» — подумал Андрей.

— Скоро утро, Митя-а! Утро-о! — во всю силу закричал Андрей. Голос его, звонкий и раскатистый, донесся до вахты, ворвался в палаты, его услышали часовые на вышках, но никто не ответил ему.

— Скоро утро, Митя! Утро! — чуть помедлив, повторил условный крик Андрей!

БОМ! БОМ! БОМ!

— Тревога! — закричал Айда-пошел. — Айда на вахту! — надзиратели, а вслед за ними и собашник, крепко прижимая к груди пса, побежали в сторону вахты. Впопыхах они забыли о Лиде. Она стояла одна, прислонившись к дощатой стене длинного барака. У нее не хватило силы уйти. Куда бежать? К дежурным? А кто ее там ждет? В палату? Но больные вышвырнут ее. В землянку, к людям, которых она предала, предала за то что они спасли ее от надругательства, делились с ней последним куском хлеба? Закрыв лицо руками, она плакала навзрыд. Только теперь Лида поняла, как она провинилась перед старым доктором и перед теми, кто всегда приходил ей на помощь.

— Не плачь, Лида, зайди к нам, — позвала Любовь Антоновна. — Они пригрозили тебе?

— Заставили, — всхлипнула Лида.

— Ни в жисть! — закричала Катя. — Поперва меня уничтожите, а потом ее запустите.

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

— Держится Митя! — воскликнул Андрей. — Охраняйте дверь, Тимофей Егорович, а я на крышу.

— Что ты придумал?

— У меня сильный голос. С крыши землянки далеко слышно. На вышках всполошатся, откроют стрельбу.

— Не смей! — Любовь Антоновна схватила Андрея за руку.

— В темноте не попадут. По зоне стрелять не разрешено.

— Им все можно, Андрей, — сказал Тимофей Егорович.

Андрей рывком освободил руку и шагнул за порог. Взбежать по пологой крыше землянки было делом одной минуты.

БОМ! БОМ! БОМ!

— Вставайте все! — закричал Андрей. — Ломайте двери!

БОМ! БОМ! БОМ!

— Вышибайте окна! Врачей убивают! Сегодня! Охрана! Расстреляет! Весь этап! — где-то далеко, или это только показалось Андрею, прозвучал одинокий выстрел.

— Вы слышите?! Стреляют! Встаньте! Спасите людей! Завтра пристрелят и вас! — Рядом, с соседней вышки, грохнул вы-

стрел, а чуть дальше прогремела автоматная очередь. Часовые ударили в рельсы. Из второго корпуса послышался нарастающий гул многих голосов и удары чем-то тяжелым в запертую дверь. Шум рос и грозной мощной волной катился по зоне.

— Убийцы!

— Насильники!

— Изверги! — кричали со всех сторон. Замелькали фонари охранников, они растерянно металась по зоне, и снова выстрелы один за другим. Пули со свистом летели над головой Андрея. С соседней вышки били прицельно по Андрею.

«Поднялись люди... Это Игорь... Убьют меня... — промелькнула мысль, но Андрей тут же отогнал ее. — Наверяд ли долго продержусь... — Страх исчез. — Я не раб! Ненавижу их! Ненавижу!»

— Стреляйте, сволочи! Нас много!

— Прекратить шум! — надрывались надзиратели, но их голоса тонули в грохоте криков и выстрелов. А голос Андрея рвался, как птица. Долго она тосковала в клетке, а сейчас перед ней вольное небо и желанный простор. Ей нет дела, что внизу поднял ружье охотник, что палец его лежит на курке. Перед ней плывущие облака, такие же свободные, как и она сама, и чтоб слиться с ними, ощутить всем телом их прохладную свежесть, взмахнуть крыльями без страха поранить их о железные прутья клетки, ради этой минуты можно и умереть. Умереть свободной: Не об этом ли мечтает птица и раб? Умереть и спасти любимую — это ли не высшее счастье, лучезарное и светлое, как солнце.

— Стреляйте в меня! Убивайте, бандиты! — Дзинь! Дзинь! Дзинь! тонко и жалобно пели пули над головой Андрея.

— За Асю! — из землянки выбежал Тимофей Егорович. Метнулась чья-то тень. Айда-пошел, он незаметно подкрадывался к Андрею, увидев капитана, со всех ног бросился бежать.

— За Асю! — кричал капитан, огромными прыжками настигая охранника.

— Спаси-и-те-е! Уби-ва-ют! — истошным голосом завыл Айда-пошел. Петляя как заяц, он мчался в сторону вахты. Расстояние между капитаном и надзирателем сокращалось с каждой секундой. Когда Тимофей Егорович занес топор над его головой, Айда-пошел бросился под ноги капитана. Тимофей Его-

рович споткнулся, топор вырвался из его рук и сам он тяжело с разбега упал на землю.

— Закройте дверь! — крикнул Андрей.

Айда-пошел вскочил на ноги и нагнулся к топору.

— Зарезу! — голос Андрея, наполненный силой безудержного гнева, хлестнул, как удар кнута. Надзиратель, уже не мечтая о мести, галопом умчался к вахте. Андрей подбежал к капитану, помог ему подняться, и они вместе, Тимофей Егорович шел медленно, прихрамывая на правую ногу, вернулись в землянку.

БОМ! БОМ! звук замер. Кричали заключенные, беспорядочно перезванивались и стреляли часовые, но возле вахты наступила тишина. К землянке бежали дежурные. Андрей, сжав в руках топор, встал у двери. Зловещий отблеск яркого огня, в костер кто-то подбросил дров, осветил лица бегущих охранников и вырвал из темноты неподвижную фигуру Андрея и топор, готовый опуститься на голову того, кто первый переступит порог землянки. Из широко открытых глоток надзирателей вырывался рев. Как стая диких собак, они мчались к Андрею. В их глазах застыло одно желание — бить и бить беспощадно.

— Не успел Игорь, — простонала Любовь Антоновна.

— Закройте за мной дверь! — приказал Андрей, выскакивая из землянки. «Зайдут сзади... В землянке перебьют всех... там драться нельзя... Задержу, сколько смогу... Опоздал Игорь...» Мысли неслись вихрем, но еще быстрее бежали надзиратели, охватывая Андрея кольцом.

В эту ночь Шигидин не прилег. После разговора с Андреем он долго и бесцельно бродил по зоне, вспоминая то необычную просьбу друга, то далекие, ушедшие в прошлое, предвоенные годы. Каждый шаг отдавался болью в усталом теле, но сидеть одному в темноте, сидеть и напряженно ждать сигнала Андрея было ему не под силу. До отбоя ему изредка попадались больные. Дважды мимо него прошли надзиратели. Но никто из них не остановил Митю. Уже далеко за полночь, теперь он старался поближе держаться к вахте, Митя вплотную столкнулся с начальником режима капитаном Ремизовым. Капитан вздрогнул

от неожиданности, но, узнав Митю, благодушно усмехнулся и беспечно махнул рукой. Лицо Мити, освещенное отблеском ко-стра, было равнодушным и бессмысленным.

— Шпионишь в пользу контриков? — весело спросил Ремизов и, весьма довольный своей шуткой, отрывисто заржал. — Одна надежда у них на тебя. Помогай им! — Вдоволь насмеявшись, капитан ткнул горящий окурок в лоб Мити и заспешил по своим делам. Митя с трудом сдержал стон. Он чувствовал жгучую боль, ему хотелось крикнуть, ударить развеселившегося начальника... Зашуми я, — подумал он, — поймут, что в себя пришел... К вахте не пройду... Андрюха, Андрюха... Бить подъем... Это потяжелее, чем за языком идти... Оттудова я ворочался... А тут кто знает, доживешь ли до утра. Немцы не сожгли избу... не убили моих... домой вернулся... Кабы знать, что так свидимся с нею... Она лежит небось со своим кобелем, — Шигидин и в мыслях не называл свою бывшую жену по имени, — рассопливились оба... визжат... Дочку, страмники, не стыдятся... Мальчонку извели. Что им кровинка моя?.. Сучка и та за щенка кобеля загрызет. А моя-то жеребцу своему скормит девчонку и глазом не поведет... Для нее собирал колоски... жрала... Подъем ударю... С пользой бы! А там и помирать можно... Кому я такой нужен? Дочку не повидаю... четыре годка не дотяну... Хотя бы кого из них, — Митя с ненавистью поглядел на вахту, — зашибли нынче ночью... Зверюга не знущается, как Падло надо мной... Они видели... смеялись... Помню я... Падло меня носом в страмное место ткал... а майор сидел и гоготал... Пошто теперича окурком в лоб ткнул?! Думает, не чую я боли... полоумный... У нас в селе над Аришкой дурочкой последний мальчонка так не изгалялся... И что за судьба мне выпала? В тридцать третьем наголодался вволю... опух... Потом на трудодни палочки одни ставили... За весь год заработаешь мешок зерна и картохи и живи, как знаешь... Кабы не огородишко и скотинка, вволю хлеба не поел бы... Женился на ней... Красивая она! С лица воды не пить... На заработки в город пошел... Гоняли, как последнего бродяжку: «Шабашник, — кричат, — рвач!» Зато халву в избу приносил... сладкая она... Ей платье шерстяное справил... кофту, юбку... Чисто городскую начальницу разодел... Никто из наших баб таких нарядов и не видел... С темна и до темна топор и рубанок в руках... Ни воскресений

тебе, ни праздников... «Руки у тебя, Шигидин, золотые! Твои бы вещи в музей! Загляденье! К ним притронуться боязно». Хвалили меня хозяева... А мне-то одна радость от работы: ребяташкам сластей, ей наряды справлю... А сам поем, чем хозяин накормит... Сколько я был наслышан от хозяев слов разных... Начальники, те в один голос долдонили: «Мы — слуги народа». А кто же народ? Я? Какой же это я хозяин? Хозяину на кухне соберут, что похуже, а слуги трескают в обе щеки разносолы разные. Ты гни спину, хозяин, а мы, слуги, и тебе косточку кинем. Не видел я на фронте слуг этих. Все мы, хозяева, под пули лезли, а они языком в тылу чесали, складами заведовали, сладким куском обжирались, песенки для нас, вахлаков, пели, чтоб веселей помирать нам. Я колоски собирал... сгниют же они... Меня — сюда... Им баранов тушами из села возили. Нажрутса до блевотины и визжат: «Трудности, товарищи, терпите!» А сами-то терпели, ироды окаянные? Мне после фронта заработать никак было... животом маялся... Накормили меня за то, что башкой своей дурной в пекло полез! Кобель-то суки моей со слугами ручкался, для них последний кус из села тасил. Сколько народу тут зазря пропадает. Выстроим дорогу, а они скажут: «Наша заслуга, мы строили». Андрюша за даром в эту кашу не полезет. Как бы хоть раз увидеть, чтоб начальнику морду кто измочалил. Бить бы его без всякого снисхождения, носом в дерьмо тыкать, покуда не захлебнется. Автомат бы теперича в руки... покровсал бы я их... Шумят где-то... Никак в землянке... Началось... Сюда, за хлеборезку спрячусь... Ай побегать, подмогнуть Андрюшке... Молодой он... Без соображения... Не велел... Затихли вроде... Опять шумнули... Никак воеет кто? Собашник... пса его, видать, зашибли... Сынок кличет кобеля! Стыдобушки в помине нет...

— Утро скоро, Митя! Утро! — Андрюша кричит... Незадача-то какая! Ни с какого бока не подойду к вахте... Встал как столб капитан и не отходит... Илошка подмогнет... Не пробиться мне одному... Он где-то тут сидит, поблизости... Побежал капитан... По-сурьезному Андрюха с ними действует.

— Утро скоро, Митя! Утро! — Самое время... Не даром бы только затоптали меня... Помощь бы дать Андрюшке... Нюрку.. не увижу...

Митя, не таясь, он знал, что сейчас надзирателям не до него, подошел к обрубку рельса, вынул из-за пазухи короткую железную палку, припрятанную с вечера, и с размаха ударил по рельсу.

БОМ! БОМ! БОМ! — гулко застонало железо. Он бил часто и сильно, а слух его, натренированный и чуткий, как у всех опытных разведчиков, улавливал посторонние звуки. Кто-то бежит... — Митя обернулся и увидел Илюшу и какого-то незнакомого паренька. — На помощь мне... Прикроют... Из дверей вахты выскочил надзиратель.

— Что ты делаешь, суматик?! — заорал он. На голову дежурного обрушился тяжелый кулак Илюши. Он зашатался, но устоял на ногах. — Нападение! На помощь! — завопил он. Второй удар — и надзиратель упал на землю.

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

— Спину защищай мне, Асан! Спину! — услышал Митя крик Илюши. Из вахты один за другим выскакивали надзиратели. Глухие удары, стон, ругательства и откуда-то издалека, наверно, из второго барака, доносились громкие выкрики и проклятия. Часовые на вышках открыли стрельбу. Они не попадал били по рельсам. Закричал Андрей, но Митя не расслышал его слов. Топот шагов, тяжелых и многочисленных.

Держись, паря! Дадим им жару напоследок!

БОМ! перед глазами Мити вспыхнуло лицо председателя, потное, жирное, ухмыляющееся, и Мите почудилось, что прут его хлестнул по ненавистой морде. Улыбка погасла. Любовник жены зашелся в беззвучном крике и растаял в черном тумане.

БОМ! Сухощавое и ехидное лицо прокурора. Оно залилось кровью, всхлипнуло и пропало.

БОМ! Перекошенная морда Падлы Григорича. Хрустнул низкий лоб, щеки затряслись как незастывший студень и тоже провалились в черную пустоту.

БОМ! Выплыло лицо судьи. Глаза брезгливо смотрят на Митю, а тонкие губы бесстрастно произносят слова: «Именем Российской...»

БОМ! И уже не лицо видит Митя, а кровавое месиво. Руки судьи, они только сейчас держали приговор, повисли и судо-

рожно задергались. Трепещущие пальцы выбивали беззвучную дробь, а тело, бесцветное и рыхлое, расплзлось и исчезло. Все существо Мити заливала отчаянная решимость и горькая радость обреченного. Не было ни страха, а чего ему бояться, когда все решено? ни раскаяния: хорошо умирает он, не под палками сук и надзирателей, ни мольбы о помощи, откуда ждать ее, ни зависти к тем, кто останется жить, а зачем ему лишнее мучиться, ни сожаления — горькая чаша выпита и стоит ли жалеть мутный осадок, ни злобы, он платил сполна за свои мучения: платил, как умел и мог.

Илюша боялся одного: удара сзади. Надзиратели и раньше предпочитали не связываться с ним, а сейчас, когда Илюша поставил на карту жизнь, — упадет, они затопчут его или убьют на этапе, — дежурные робко толпились вокруг, кричали и бестолково махали руками, забыв о приемах, которым ежедневно обучали их. Удар! и надзиратель, взыв от боли, отлетел шага на три в сторону. Еще удар — и хрустнула чья-то переносица.

— Расстреляют, дурак!

— Прекрати, Ненчашев!

— Кендюхи отшибём! — грозили надзиратели, благоразумно стараясь держаться подальше от могучих кулаков Илюши. Один из них сунулся к Асану и, получив пинок ногою в живот, согнулся пополам. Железный прут в руках Асана со свистом рассекал воздух. Дежурные оробели. За долгие годы службы они еще ни разу не встречали такого яростного сопротивления. Сколько они помнили, никто из заключенных не осмеливался вступить с ними в драку. Довольно было одного грозного окрика или даже появления надзирателя, и люди, глухо ворча, уступали им. А сегодня, словно забыв, что ожидает непокорных, дрались эти двое, бил подъем сумасшедший, не отступали защитники землянки, взламывали дверь ка-торжники второго корпуса.

Айда-пошел, не разбирая дороги, улепетывал к вахте. Увидев толпящихся в нерешительности надзирателей, он с опаской остановился и бочком, бочком попятился назад. Его маленькие рысьи глаза приметили красные половинки кирпичей, ими выкладывали дорожку перед запретной зоной. Он воровато нагнулся и взял в каждую руку по кирпичу. «Пульну в

того, что с прутом... Промажу — убегу... Он башки моим кирюхам проутюжит. — На губах Айда-пошел расплылась шкодливая улыбка. — А то, как спиртягу глушить — сами, а мне бороду шьют, а башку бздят подставить. Пусть он их пощупает прутом. А попаду, да еще собью его, до усмерти майор напойт». Мальчишкой он любил сшибать камнями доверчивых голубей. Они, мирно воркуя, подпускали его к себе, а он, ласково повторяя гуль-гуль, подкрадывался поближе и в упор бил мирную птицу. Айда-пошел прицелился. Медленным, заученным движением отвел руку и с силой выбросил ее вперед. Недаром он поднаторел в искусстве убийства беззащитных голубей. Глухой удар по голове. Асан пошатнулся, хотел крикнуть, предупредить Илюшу... упал. Один из дежурных подскочил к Ненашеву сзади. Свинчатка обрушилась на затылок Илюши. Митя видел только обрубок рельса, он мерно раскачивался перед его глазами, и слышал звонкий набат, зовущий на помощь. Теперь, когда его не защищал никто, к нему бросились четверо дежурных. Они сшибли его с ног. Один из надзирателей выхватил прут из рук поверженного солдата и с размаху бил им по спине, по ногам, по голове, довольно ухая после каждого удара.

Охранники, поднятые по тревоге, спешили на помощь своим сослуживцам. Наспех одетые, многие из них не успели даже подвернуть портянки и застегнуться, они бежали к больнице, подгоняемые нетерпеливыми возгласами лейтенанта. У стены их задержал оклик часового:

— Стой! Кто идет?

— Свои! — находит ответил лейтенант.

— Шесть! — крикнул часовой.

— Пять! — отозвался лейтенант. На сегодняшнюю ночь паролем была цифра одиннадцать. Счет сошелся, да и часовой узнал голос лейтенанта.

— Проходите! — разрешил часовой. Злые и заспанные надзиратели (какого черта потревожили среди ночи!) толпой ворвались в зону.

— Товарищ лейтенант! — закричал Айда-пошел, едва увидев пополнение, — пошлите людей к землянке и ко второму каторжному, они там двери выбили.

— Десять человек остаться у второго! Десять — к землянке! Окружить! Не выпускать! Бить! За мной! — приказал лейтенант, и лавина надзирателей покатила к землянке. На их пути стоял второй каторжный корпус. Еще не добежав до него, дежурные увидели, что у дверей столпились каторжники. Вооруженные досками, кирпичами, палками, они стояли плотно, плечом к плечу, и каждый из них, зная, что ждет его, приготовился к последнему бою. На милость победителей, а надзиратели победят, в этом не сомневался ни один каторжник, не надеялся никто. Многие каторжники еле стояли на ногах. Они шатались от слабости. У некоторых были забинтованы головы, сквозь марлю проступала сочащаяся кровь, это были те, кто поступил с разных лагпунктов после сучьих самосудов. Один из каторжников прижимал к груди сломанную руку, другой поднял над собой костыль.

— Умрем, друзья! Не пропустим убийц! — закричал калека, потрясая костылем.

— Умрем! Умрем! — грозно подхватила толпа изувеченных и больных. Надзиратели замедлили бег. Шаг. Второй. Третий. И уже все дежурные во главе с лейтенантом затоптались на месте, с опаской поглядывая на толпу, преградившую им путь. Каторжники ждали нападения охраны, ждали и не отступали ни на шаг. Их лица, непреклонные и решительные, освещенные пламенем костров, не обещали ничего доброго тому, кто первый приблизится к ним.

— За мной! — заорал лейтенант. Но никто из дежурных не спешил выполнить команду храброго офицера.

ЗАПОЗДАЛОЕ РАСКАЯНИЕ

— Майор Зотов! Ко мне! — вторично закричал Орлов. Звук выстрела стоял в его ушах. Но Орлов еще не терял надежды, что Зотов промахнулся. «Может, он не в Игоря стрелял? А в кого? Охрана дурила? При мне не посмеют... Да где ж этот идиот? Оглох мерзавец!»

— Я вас слушаю! — Зотов вытянулся.

— По ком стрелял?

— Не усмотрел в темноте, товарищ генерал-майор. — Орлов не видел лица Зотова, но по его голосу догадался, что майор угодливо и подобострастно улыбается. — Бежал кто-то.

— Игорь? — прошептал Орлов.

— Кажись он...

— Убил?

— Упал... Может, в темноте и промашку дал.

— Раненого немедленно в дом. Возьми в помощь охрану. Двоих пошли за врачами. Осторожно неси. Умрет — голову сниму.

— Да я... — пролепетал испуганный майор.

— Поживее! Бегом, — сохраняя внешнее спокойствие, распорядился Орлов. Зотов сорвался с места и опрометью бросился выполнять приказание хозяина.

Пойти самому? Проследить?.. Майор знает... Но охрана... Вдруг они добьют Игоря... Как медленно тянется время... часы что ли остановились! Идут... Зачем я приказал нести Игоря сюда? В больницу бы... Далеко... нет носилок... На моей шинели? Невозможно — козырь Осокину. Какой же вы подлец, генерал-майор Орлов! Все взвешиваешь... А на каких весах? Дрожишь, как премудрый пискарь... Жил дрожал, умирал дрожал, и в могиле со страхом трясется... Что они тянут время? Их только за смертью посылать! За смертью?! Может, Игорь...

— Сюда! Сюда! Не оступись, медведь! Экая досада, — причитал майор, — обмишулился в темноте: думал беглец, а это главврач. — Едва сдерживая себя, чтоб не ударить исполнительного служаку, Орлов вслед за Зотовым и лейтенантом из охраны, они несли Игоря Николаевича, вошел в комнату.

— За врачом послал? — на ходу спросил Орлов.

— Двое убегло. Как велели, товарищ...

— Всем освободить помещение! — приказал Орлов, когда раненого или убитого Игоря Николаевича положили на кровать. Увидев, что майор медлит, Орлов закричал срывающимся голосом: — Тебе особая команда нужна?!

— Я если помочь что... Кажись, жив он...

— Бинты, йод есть?

— Только в больнице, товарищ генерал...

— Убирайся! — Орлов осторожно, на цыпочках, словно боясь разбудить спящего, подошел к кровати. — Игорь, — тихо позвал он.

БОМ! БОМ! БОМ! БОМ!

Игорь Николаевич дышал тяжело, со свистом. Орлов, второпях отрывая пуговицы, расстегнул набухшую от крови рубашку. Куда он ранен?.. Наверно, в спину... Точно... Навылет... Слава Богу, кажется, ниже сердца. Кровью истекает... И никто из моих остолопов не умеет делать перевязку...

— Игорь! — громче позвал Орлов.

БОМ! БОМ! БОМ! — раненый с трудом приоткрыл глаза.

— Игорек! Потерпи!.. Придут врачи... Спасут... Прости меня!.. — бессвязно лепетал Орлов. Губы раненого что-то беззвучно шептали, он силился выговорить какое-то слово и не мог. — Воды? Нет? Чего же, Игорь?

— Этап... — прошептал Игорь Николаевич.

— Отменить этап?

— Да... И никого... не трогать... или... я... не приму... помощь... — каждое слово давалось Игорю Николаевичу с трудом. Он собрал остаток сил и вложил их в эти несколько, быть может, последних слов в своей жизни.

— Все исполно! — через несколько секунд Орлов уже был за дверью. — Зотов!

— Я вас... — Орлов, не дав договорить майору, схватил его за руку и с силой увлек в комнату.

— Беги в зону сам. Отменить этап! Не трогать ни одного человека! За каждый синяк на теле заключенного — под суд! — Орлов говорил громко, с тревогой глядя на Игоря, слышит ли он, а если слышит, поверил ли ему, хотя сейчас, впервые за многие годы службы, генерал-майор вполне искренно защищал жизнь заключенных и приказ его не таил никакой скрытой угрозы.

— Как прикажете вас понимать? — опешил Зотов.

— В буквальном смысле! — рявкнул Орлов.

— Если зеки дрались...

— Не трогать! Я сам разберусь! Скажи дежурным, что за побои под суд. Это мой приказ!

— Слушаюсь! — майор на секунду заколебался. Ему показалось невероятным, что сам хозяин грозит судом за избивание заключенных. Но многолетняя привычка выполнять приказы не рассуждая взяла верх.

— Беги! Кто из конвоиров не подчинится, разрешаю применить силу и оружие. Всех докторов сюда! Медикаменты! Инструменты! Даю десять минут.

— Ивлеву... — выдохнул Игорь.

— Ивлеву сюда! — подхватил Орлов. — Без нее не возвращаться! — майор исчез. — Мы одни, Игорь. Скажи мне, не говори, если трудно, ты меня прощаешь?

— Если... никого... не убили...

— Зачем ты позвал Ивлеву?

— Она расскажет, что натворили...

— Я позову солдат, порвем простыни, перевяжем, как сумеем... Может, остановим кровь... К утру пришло лекарства, любое, какое скажут врачи. У тебя в больнице много опытных хирургов.

— Без Ивлевой... помощь... не нужна...

— Ну почему же?! Почему?! Она — терапевт! Тебе нужен хирург!

— Мне... нужно... знать... живы ли люди... Иначе... я... — Игорь Николаевич замолчал. Голова его бессильно склонилась на бок, щеки залила восковая желтизна, и только едва слышное дыхание говорило, что жизнь еще теплится в этом могучем теле. Но с каждой секундой дыхание становилось слабее и тише. Веки дрогнули и плотно прикрыли глаза.

— Игорь! Игорь! — со слезами позвал Орлов. Но лишь гнетущее безмолвие, более страшное, чем грохот близких выстрелов, было ответом на его запоздалый призыв.

Зотов, неотступно глядя себе под ноги, трусил к зоне. Широкие в поясе брюки, они некогда облегали объемистое брюшко Орлова, упрямо сползали вниз, они не желали держаться на поджаром животе майора и ежеминутно грозили упасть. Вспотевшему от натуги Зотову приходилось одной рукой придерживать трижды проклятые штаны этого откормленного боро-

ва, а поэтому он не мог быстро бежать, хоть и торопился изо всех сил. В доме хозяина он не посмел сказать, что брюки ему широки, а выйдя от Орлова, он стянул их тонкой бичевой, случайно найденной в кармане фуфайки. Под кителем, да еще ночью, веревку не видно, но сейчас, в самую нужную минуту, спасительная бичева лопнула, а брюки, словно обиженные тем, что их посмел натянуть захудалый майор, вновь и вновь пытались расстаться с тщедушным телом фальшивого хозяина.

БОМ! БОМ! — и все смолкло.

Кто дал подъем? Проклятые брюки! Чтоб тебе сдохнуть, харя твоя е... — Перед глазами Зотова всплыло лицо Орлова. — В БУР за подъем! В побег! — неистовствовал Зотов, рукавом кителя вытирая мокрый лоб. — Пошлешь их!.. Ни одного синяка... Взбесился хозяин! «Силу и оружие...» За зеков! Хуже скотов нас считает! Ну и денек! На гражданку бы... Доски грузить легче! Зека не тронь! Молиться на них? Халтурят все! Веревки гнилые! Жулики! Руку в карман суну... из кармана сподручнее держать их... Он нажрал брюхо, а я терпи... Сам велел начисто! Теперь спасай... Головой ответишь! Он затопчет, бугаюга! С костями слопают! Давно не бегал... Все из-за нее исхудал... Жена называется! Пилит, пилит! Разведусь! В зону ее загоню! А что как самого в зону? Я много знаю о хозяине... Они свои, дотолкуются псы, а на мне отоспятся...

— Стой! Кто идет?

— Свои! Майор!

— Три! — прокричал часовой.

Какой же пароль сегодня?! Забыл, мать честная! Десять или одиннадцать? Будь они все неладны!

— Семь, — наугад ответил майор.

— Ложись! — приказал часовой. — Стрелять буду!

— Ошибся я! — плачущим голосом взмолился майор. — Восемь! Одиннадцать! Одиннадцать сегодня! Не узнаешь меня, Сазонов?

— Проходи! — смилостивился часовой.

У самой вахты человек пять надзирателей топтали ногами троих заключенных, неподвижно лежавших на земле.

— Отставить! — заревел майор, явно подражая разгневанному хозяину.

-- Так они же подъем вдарили, — попытался объяснить один из дежурных.

— Под суд отдам за избиеение заключенных!

— За зеков под суд?! — возмущился надзиратель.

— Молчать! Не разговаривать! Все за мной! — надзиратели, ничего не понимая, последовали за майором. У второго барака сгрудились надзиратели, а чуть поодаль — толпа больных, вооруженных чем попало.

— Вперед! — горланил лейтенант, но охранники не трогались с места.

— Лейтенант! Ко мне!

— Товарищ майор! Заключенные...

— Вижу! — перебил Зотов лейтенанта. — Уведи всех надзирателей!

— Но заключенные...

— Не твое дело, лейтенант! Всем надзирателям разойтись по местам! За неподчинение я применю силу и оружие — это приказ начальника управления лагеря. Заключенным вернуться в барак! Сегодня этап не пойдет.

— Вы не имеете права! Зеки угрожали нам! — лейтенант рванулся к Зотову.

— Приказ командира не обсуждается! Повторяю: начальник управления генерал-майор Орлов за зоной. Я действую по его приказанию. С ним объяснитесь, лейтенант! Всем надзирателям разойтись! — Дежурные с видимой охотой выполнили приказ Зотова. Каторжники расступились и пропустили майора к землянке. Увидев Андрея с топором в руках, Зотов хотел прикрикнуть на него, но, вспомнив, зачем пришел, прикусил язык.

— Доктор Ивлева! Прошу вас выйти! — майор был твердо уверен, что она в землянке.

— Не выходите, Любовь Антоновна! — Андрей прыгнул с крыши и прислонился спиной к двери. Он преграждал дорогу и тем, кто попытается ворваться в землянку, и тем, кто захотел бы выйти оттуда.

— Брось топор, Петров! — приказал Зотов. Андрей вместо ответа еще крепче сжал в руках топорище. Приказать взять его? Порубит... Охрана ворвется, покалечит всю землянку... Хо-

зьян не простит... Уговорю... скажу об Игоре, — решил Зотов.

— Ивлева! Главврача поранили за зоной. Несчастный случай. Он зовет вас.

— Пусти меня, Катя! — раздался из землянки громкий требовательный голос Любви Антоновны.

— Обдурят изверги!

— Не баламуть, Болдина. Я распустил надзирателей. Никто близко не прячется. Спросите у Петрова. Я стою один. — Майор развел руками, желая показать, что возле него никого нет. Брюки, лишившись поддержки, медленно поползли вниз. Увлеченный переговорами, Зотов не заметил, какую предательскую шутку сыграли с ним хозяйские штаны, а когда спохватился, было уже поздно. Как назло, оторвалась верхняя пуговица и все увидели грязные кальсоны, натянутые на худые ноги майора. Из-под лопнувшей левой штанины кальсон нахально выглядывала нога начальника больницы, поросшая густыми рыжими волосами. Сперва кто-то хихикнул, потом громко рассмеялись каторжники, а через минуту злорадный смех загрохотал над зоной. Майор метнулся в сторону гогочущей толпы и, запутавшись в брюках, упал. Он лежал на земле, нелепо дрыгая ногами, разъяренно рыча и ругаясь. Смеялись жители землянки, улыбнулся даже Андрей, а Катя заодно кричала:

— Кальсоны держи! Не потеряй! Казенные они! — под общий хохот майор поднялся, кой-как привел себя в порядок, сунул руки в карманы кителя, пальцы Зотова намертво вцепились в брючный пояс, и жалобно заговорил:

— Пошли, Ивлева, хозяин требует. Помирает Игорь Николаевич. Кровью истечет, ты одна в ответе будешь.

— Отойди, Андрей! — решительно потребовала Любовь Антоновна, открывая дверь.

— Куда же вы?

— Зовут, Андрей.

— Они обманут... не ходите.

— Пропусти! — Андрей шагнул в сторону. У него не хватило сил противиться старому доктору. Любовь Антоновна скорым шагом подошла к Зотову.

— Молодец, Ивлева! — похвалил майор. — Собирай врачей. И разные там лекарства бери и эти самые инструменты. Выле-

чишь Игоря — особый паек назначу, под завязку жирами кормить буду.

— Поторопитесь, гражданин начальник, — оборвала Любовь Антоновна расщедрившегося майора.

У ПОСТЕЛИ ИГОРЯ

Сержант и старший лейтенант из охраны Орлова, порвав простыни, перевязывали Игоря Николаевича. Кровь обильно текла из сквозной раны.

— Не получается, товарищ генерал-майор, — с виноватым видом доложил старший лейтенант. — Если бы в ногу или в руку ранило его, тогда бы можно. Мы бинтуем, а кровь так и течет. Поворачивать раненого надо умеючи, а нас не обучали такому.

— Он жив?

— Не могу знать, товарищ генерал-майор. Только если кровь течет, значит жив, из мертвого не станет хлестать.

— Оставьте его в покое до прихода врачей.

— И чего о нем заботиться? — удивленно развел руками старший лейтенант. — Заключенных врачей в лагере, что собак нерезаных. Свистните — сто штук на его место прибегут. — Орлов скрипнул зубами. Старший лейтенант съежился под его яростным взглядом. Не понимая, почему рассердился хозяин и что плохого сказал он, офицер исполнительный и преданный своему генералу.

— Вы свободны. Оставьте меня одного.

— Есть оставить вас одного, товарищ генерал-майор. А этого лепилу тоже вытащить на улицу? На предмет вашего спокойствия.

— Не трожьте его, старший лейтенант, — теряя терпение, закричал Орлов. Увидав, что лицо офицера удивленно вытянулось, генерал поспешил пояснить вспышку непонятого охране гнева. — Почки расшалились. Я только поэтому и за врачами послал. Иди им навстречу и поторопи.

— Есть поторопить! — лицо старшего лейтенанта просветлело. — «Заболел хозяин... а я-то голову ломал, чего он бесится? Он еще в дороге жаловался, а мне невдомек», — раздумывал лейтенант, покидая вместе с сержантом дом Зотова.

Кровь течет, значит жив, — вспомнил Орлов слова старшего лейтенанта, напряженно вглядываясь в осунувшееся лицо Игоря. — Жив? Откуда ему знать? Какую ошибку я допустил! Не тронет меня Агапов. Я мог бы сам поговорить с ним. Шансы полететь у нас одинаковые. Министр подозрителен, дурацкую выходку с шифром он принял бы как выпад против себя... Не похоже это на работу Агапова... Скорее Осокин... Перемудрил полковник... Умный мужик, а в самодеятельность ударился, как Зотов. Какой же я балбес! Обвел вокруг пальца Зотова... ну, эту скотину обмануть не трудно... Обезопасил Осокина... Выиграл и... перестраховался... Домоклов меч? Не то. Буду искренен сам с собой... Я знал, что Игорь рыцарь, знал и до конца не верил в такое благородство. Не должен был он идти. Что делать? Я отменил этап... Заключенные несомненно наломали дров... Теперь попробуй убереги их... Игорь умрет вместе с ними... Сейчас я не сомневаюсь... А раньше? Все же надеялся, что хоть какая-то червоточинка в нем есть. Ну почему, почему я к нему так привязан?! А кто у меня, кроме него?! Кто?! Осокин? Зотов? Охрана? Жена?! Первая донесет на меня. Тетя Оля? Божий одуванчик... Узнала бы она всю правду, в глаза бы плюнула и ушла. Верит, что мы с врагами воюем... и ей забили голову. Я сам скоро поверю всему. Все к черту! Лишь бы спасти Игоря. Пусть как угодно поступят со мной, ни одного на этап не отправлю. А если кто из них взял топор или нож? В другой лагерь переведу, к тому же Герасимову. Черкну несколько слов — и на сельхозкомандировку их. Не это главное... Спасти бы Игорька. Как он был привязан ко мне в детстве! Все-все рассказывал мне. От отца утаивал, от матери, а со мной делился. Сколько я искал его! Встретились... Я, как последний идиот, пригрозил ему и получил оплеуху... «Опричник»... Помирились бы мы... Ничего человеческого у меня не осталось... Нашел, кому отдать Игорька! Зотову... Такая мразь и Игорь... Не идут врачи... у них заварушка в зоне... Сумеет ли Зотов привести их? Игорю необходимо кровь влить. Хорошо, я догадался этот аппарат для переливания крови прислать в больницу. А крови-то

все равно нет. Где возьмешь? У Игоря третья группа... он как-то сказал мне невзначай... У меня первая... кажется, она годна для всех... Охранники и слушать не захотят... Голову потеряю, если заикнусь: для зека, контрика, а ведь Игорь в их глазах фашист, кровь отдать? Сто доносов в один день напишут. Не удержусь я, если кровь свою отдам — прямая улика против меня. Случая такого не было, чтобы генерал-майор отдал свою кровь заключенному, расценят как вражеский выпад. А заключенные? Игорь для них столько сделал! Неужели они не помогут ему? Как знать... Многие его считают сексотом, моим любимчиком, проходимцем... Но землянка? И они не согласятся? Люди себялюбивы: нужен им Игорь, они перед ним на задних лапках ходят, не нужен — наплюют на него... А те, кто подъем ударил? Ну, им хоть самим кровь вливай: охрана поработала с ними... Ивлева? Она отдаст. Сестра Игоря, такая же, как он. Много ли крови у старухи? И подойдет ли ее группа? Утром прислать из управленческой больницы? Не успею. Игоря следовало бы сразу в зону... А донесли бы его? И все я... Есть ли предел моей подлости? Раскаиваюсь? Скорее жалею себя, боюсь одиночества... Сил нет... Шумят... Отойду от кровати... — Орлов машинально пошарил по карманам, ища зажигалку и папиросы, но, взглянув на Игоря, он тут же подавил в себе желание закурить.

— Разрешите доложить, товарищ генерал-майор! Врачи по вашему приказанию прибыли, — отрапортовал Зотов.

— Заведи их сюда! — Первая вошла Любовь Антоновна. Она обвела взглядом комнату, глаза ее скользнули по лицу Орлова как по пустому месту. Увидев Игоря Николаевича, она склонилась над ним.

— Вам подать стул, доктор?

— Молчите! — приказала она. Любовь Антоновна встала на колени, нежно прижалась щекой к груди Игоря, чуть выше крохотной ранки, из которой обильно струилась кровь. — Стетоскопа нет.

— Чего нет? Пульса? — глухим, изменившимся голосом спросил Орлов.

— Медицинской трубки, — пояснила Любовь Антоновна. — Прикажите впустить врачей и удалите посторонних.

— Пусть зайдут. Уведите охрану, майор. — Врачи окружи-

ли Игоря Николаевича. Орлов со страхом и надеждой смотрел на Любовь Антоновну. Прошла долгая томительная минута.

— Травматический шок. Большая потеря крови. Пульс аритмичный. Необходимо операционное вмешательство, физиологический раствор и кровь. Не меньше одного литра. Яков Абрамович! — Любовь Антоновна повернулась к пожилому лысому мужчине, одетому в поношенную фуфайку и ватные брюки. — Больной не транспортабелен. Считаете ли вы возможным, — но Орлов перебил ее:

— Я просил привести врача! Хирурга!

— Это лучший хирург. Профессор. Он прибыл со вчерашним этапом.

— Понятно, Ивлева. Делайте, что найдете нужным. Но инфекция...

— Да, у меня грязные руки... До вчерашнего дня я рыл канавы и убирал отхожие места. — Яков Абрамович виновато взглянул на потрескавшиеся черные ладони. — Можно промыть спиртом... если не жалко...

— Я буду вашим ассистентом. Доверяете?

— Конечно, конечно, доктор Ивлева! Хорошо бы напоить больного... И физиологический раствор, и кровь... — в глазах хирурга мелькнула мольба: послушают ли его?

— Вы больны, Яков Абрамович. Как донор не пригодны. Нас двое. Может быть, у кого-нибудь из нас совпадет группа крови. Следует немедленно проверить совместимость.

— Нас трое, — негромко сказал Орлов.

— Кто же третий? — растерянно спросила Любовь Антоновна.

— Я. Если об этом не узнает охрана, — тихо добавил Орлов. Яков Абрамович от неожиданности чуть не выпустил бутылку со спиртом, а молодая женщина врач удивленно ойкнула и с опаской посмотрела на Орлова, в своем ли уме генерал. — У главврача третья группа. У меня первая. Я знаю из его личного дела, — неловко солгал Орлов.

— И у меня третья! — радостно воскликнула Любовь Антоновна. — Берите у меня! А вы, Галина Алексеевна, — Любовь Антоновна повернулась к молодой женщине, — возвращайтесь в зону и объявите в каторжном бараке и... в землянке, — помед-

лив, добавила она, — что необходима кровь. Распорядитесь, гражданин начальник.

— Сию минуту, Ивлева. — Орлов вызвал старшего лейтенанта и Зотова. — Старший лейтенант! Отведите доктора в зону, не отходите от нее ни на шаг, она возьмет кровь у заключенных или приведет их сюда. Если заключенных будет много, от моего имени потребуйте охрану.

— Есть! — Старший лейтенант и Галина Алексеевна вышли.

— А ты, майор, отгони надзирателей за пятьдесят метров от дома. Я сам лично отвечаю за сохранность заключенных. — Майор нерешительно крикнул. — Не понял?!

— Понять-то понял, да не положено, — робко заикнулся Зотов.

— Не рассуждать! Выполнять!

— Есть не рассуждать и выполнять! — повторил Зотов и, тяжело вздохнув, покинул комнату.

ПРОЩАНИЕ, НО НЕ КОНЕЦ

— Как вы сегодня себя чувствуете?

— Благодарю вас. Вашими молитвами... — Игорь Николаевич улыбнулся и вопросительно посмотрел на Любовь Антонову. — Вы хотели мне что-то сказать?

— Да, то есть нет, — смутилась Любовь Антоновна.

— Пожалуйста, не скрывайте от меня ничего. За две недели после ранения я окреп. Выслушаю все, даже самое неприятное.

— С вами пришел проститься Андрей. Сегодня его отправляют на этап...

— Я это знал.

— И не смогли помешать?

— Орлов объяснил мне, да я сам понимаю. Мне придется проваляться еще месяца два...

— Но пока я временно главврач...

— Именно временно. Охрана не боится вас. Они не простят Петрову. Орлов — не бог, за всем не уследит. Я не успею под-

няться — и мы потеряем Андрея. Выстрел в затылок — и его отнесут в запретную зону... Или суки... Вопреки вам в больницу приняли четверых. Мало ли вариантов, чтоб избавиться от человека.

— Вам вредно много говорить... Все же я вынуждена вас спросить, что ждет Андрея? Ненашева? Шигидина?

— Шигидина — иркутская психбольница, Ненашева — другой лагерь...

— А Петрова?

— Хозяин твердо пообещал мне, и он на этот раз не обманет, — Игорь Николаевич устало закрыл глаза, — извините, слабость, головокружение.

— Я после зайду...

— Кончим разговор сейчас. Хозяин сказал, что замать дело Петрова невозможно: нападение на охрану... топор...

— И как же накажут Андрея? Он будет жить или умрет, как Аметов?

— Полагаю, оставят в живых. Его в наручниках отправят в центральный изолятор. Там дело незаметно замнут. Орлов передаст Андрея своему другу в Марлаг. В деле проставят небольшую приписку...

— На общие работы?

— Да, но в сельхозкомандировку. Там заключенные сыты, приносят с работы картошку и еще кое-что. Охрана — не строгая. Через год Петрова расконвоируют. Вот и все, что удалось мне добиться от хозяина.

— Он не обманет?

— Ручаться не могу, но не должен... Как Елена Артемьевна? Что с Тимофеем Егоровичем? А Катя? И ваша любимица?

— Кто?

— Рита, конечно.

— Она тоскует. Переживает... Бойтся за Андрея. Вчера сказала мне такую глупость...

— Что же еще она выдумала?

— Просит отправить ее на этап вместе с Андреем.

— Невозможно. Женщины и мужчины вместе только на пересылке и в больнице. На сельхозкомандировке не было и не будет ни одного политического... А как остальные?

— Катя очень плоха... Боюсь, не доживет до осени... Елена Артемьевна прихварывает, но держится. Тимофей Егорович...
— Любовь Антоновна запнулась.

— Ну-ну... не щадите меня. И, пожалуйста, не смотрите на меня, как на маленького ребенка. Он... умер?

— Жив... пока... Все решится на этой неделе.

— Надежда есть?

— Почти никакой...

— Еще один уходит... А Шигидин?

— Состояние тяжелое, но, кажется, выкарабкается. Сотрясение мозга третьей степени. Сделала пункцию... Спинальная жидкость окрашена кровью... Ненашев не вызывает у меня опасения: у него могучий организм, победит.

— Печальные вести... Дорого досталась нам та ночь...

— А куда отправили Васильеву? Этап уходил ночью. Меня не оповестили о конечном пункте.

— Точно не знаю. Но, по-моему, Орлов на нее сердит...

— За что же? Она предупредила вас?

— Но она же толкнула Зотова к самостоятельности, а результаты... Результаты вы видели сами...

— Мстить девчонке? Ее обманули...

— Орлов был непреклонен. Он сказал, что место Васильевой в глубинке, и пообещал, что пока он начальник лагеря, не выпустит ее оттуда. Я боюсь, что Орлов пойдет и дальше...

— Попытка к побегу?

— БУР месяцев на шесть...

— И ничего нельзя было изменить?

— Не желая меня волновать, Орлов пообещал бы отправить ее на сельхоз, но тайком все равно отправил бы в БУР.

— А Петров?

— С Андреем он поступит так, как сказал. Андрей помешал расправиться с вами и только поэтому я остался жив. К тому же, как это ни странно, Орлов уважает смелых людей и не мстит им. По этой же причине он обязательно отправит в больницу Шигидина. Кажется, все выяснили... Зовите Андрея...

— Он ждет в коридоре и караулит, чтоб нас не подслушали. Я утомляю вас...

— Договаривайте, Любовь Антоновна.

— Как поступят с каторжниками из второго корпуса? И с Седугиным...

— Оставлять их в больнице нельзя. В нашем лагере — тоже. Орлов отправит их к своему дружку...

— Что их ждет?

— Каторжников — на общие работы. Седугина — бытовая зона. Позовите Андрея.

— Андриюша! — крикнула Любовь Антоновна, приоткрывая дверь.

— Здравствуй, герой, — улыбнулся Игорь Николаевич, увидев Андрея. — Присаживайся.

— Я постою. Сегодня меня на этап. Я пришел вам сказать большое спасибо. Для меня никто, никто столько не сделал...

— Ну хватит! — грубовато перебил Игорь Николаевич.

— У меня к вам просьба... Большая... Последняя...

— Смогу — исполню.

— Поберегите Риту. Меня убьют. Но она... она...

— Мальчишка! — сердито прикрикнул Игорь Николаевич.

— Не волнуйтесь... Я не хотел... Я виноват, — смущенно и растерянно заговорил Андрей.

— Слушай меня! Не перебивай! Тебя никто не убьет. Отправят в другой лагерь на сельхозкомандировку. И больше поглупому в петлю не лезь. Один с суками не справишься. Придешь на место, организуй вокруг себя ребят, крепких, надежных, честных. В драку не лезьте как молоденькие петушки. А разгуляются суки — осадите их, чтоб их в больницу положили, а не вас. На сельхозе сук не жалуют, они там не нужны. О Рите не беспокойся. Пока я здесь, я о ней позабочусь. Мы с тобой теперь кровные родственники, — пошутил Игорь Николаевич.

— Как так? — удивился Андрей.

— У тебя брали четыреста грамм крови?

— Брали. В ту ночь.

— А кому влили? Мне.

— Так мне же повезло, Игорь Николаевич, что у нас с вами одна группа крови. Когда врач сказала, что вам кровь нужна, знаете, какая очередь выстроилась? Переругались все. Я чуть не подрался с одним каторжником, он вперед меня хотел... Умный какой! — с возмущением закончил Андрей. Игорь Николаевич притянул к себе Андрея и крепко расцеловал его в щеки.

— Ступай! И помни, что я тебе сказал. И вы идите, Любовь Антоновна. Проводите Андрея...

У вахты собрались заключенные. Катя, опираясь на плечо Риты, всматривалась в лица тех, кого отправляли на этап. Любовь Антоновна и Елена Артемьевна, исхудалые, старенькие, стояли как два полусохших деревца, а руки их переплелись как тонкие упавшие ветви. Со стороны нельзя было понять, то ли прощаются они, то ли взяли за руки, как малые дети.

— Ведут, — сказала Катя. Рита оглянулась. Между двумя надзирателями шел Андрей. Его руки были закованы в простые наручники. Он все время оборачивался, кого-то искал глазами. Увидев Риту, Андрей улыбнулся и кивнул ей головой.

— Андрюша! — закричала Рита и рванулась к нему.

— Назад! Осади! — прикрикнул надзиратель и замахнулся на девушку кулаком.

— Не смей ее трогать! — Глаза Андрея сверкнули, а закованные руки взметнулись вверх.

— Я те дам «не смей»! — пригрозил надзиратель и ткнул Андрея в спину.

— Я запрещаю бить заключенных! — Любовь Антоновна вплотную подошла к надзирателю.

— Потихе, лепила! Сама на штрафняк угодишь!

— Гражданин начальник лагпункта! Прикажете прекратить! — потребовала Любовь Антоновна. Майор, он только сейчас зашел в зону, поморщился, но, очевидно вспомнив о хозяине, процедил сквозь зубы:

— Сержант Козин, не трогайте заключенных.

Андрея подвели к воротам. Вот сейчас они распахнутся, и он навсегда уйдет из жизни Риты. «Андрюша... Милый... — думала Рита, глотая слезы, — мне хорошо... За меня заступится Любовь Антоновна... А за тебя кто?! Куда они тебя? Любовь Антоновна говорит — на сельхоз... А может и нет? В БУР? Лишь бы не убили... Ладно, пусть мы не встретимся, пусть я тебя больше не увижу, но живи... Ты у меня один... Пусть лучше меня в БУР, к воровкам... Не троньте Андрюшу... Господи! Ведь есть ты! Тебе молюсь я, — Рита взглянула в голубое безоблачное небо. — Ты добрый! Заступись за Андрюшу! А если там никого нет? Тогда зачем же я его встретила? Зачем?! Чтобы его кувалдой, как Клаву? Не будет этого! Люци же они! Не

отнимайте у меня последнее! Не отнимайте!» — беззвучно молила Рита.

— Петров!

— Я!

— Выходи! — Андрей пошел к воротам. Не доходя, он оглянулся еще раз.

— Прощай, Андриюша! — закричала Рита.

— До свидания, Рита! Мы еще увидимся! — Андрей вновь поднял закованные руки и призывно взмахнул ими над головой. — Жди меня, Рита! Жди!

— Андриюша-а-а! — крик Риты слился с голосом надзирателя.

— За зону выходи! — Как в полусне Рита смотрела на уходящих заключенных. Вот еще раз она увидела Андрея, он, не обращая внимания на конвой, повернулся лицом к больнице. Тяжелые ворота захлопнулись. Рита, не стыдясь слез, плакала громко, навзрыд.

Перед Ритой лежал длинный печальный путь. Еще долго будет брести она по тернистой дороге лагерной жизни. День — шаг, день — шаг. До конца срока оставалось восемь лет десять месяцев и семнадцать дней. Три тысячи двести двадцать шесть дней-шагов. И на каждом шаге-дне ее ждут неожиданные ухабы и рытвины, глубокие пропасти и острые камни. Пройдет ли она этот путь или упадет, не сделав и ста шагов, — об этом не знала ни Рита, ни Любовь Антоновна, ни лагерная охрана.

Ташкент.

СОДЕРЖАНИЕ

Том II.

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Глава 1. ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ	9
Первые шаги	11
Тайна Игоря	28
За восемь лет до встречи	34
Кому разрешено болеть?	40
Лекарство для охранников	45
Разные судьбы	49
Мысли и сон	58
Пробуждение	64
Глава 2. ВЕНЗОНА	71
Вечернее дежурство	73
Похищение	80
Васек и Пузырь	83
Неисполненное поручение	94
На вахте	106
Беспокойная ночь	109
Глава 3. КЛАВА	121
Андрей и Рита	123
Плата за песню	135
Тимофей Егорович	138
Клава и Седугин	150
Игра	157
Встреча с другом	171
Застольная беседа	174
Зотов и Осокин	181

Волк	198
На чердаке	202
Буров	211
Прощай, Клава	215
Просьба Риты	221
Выговор за неудачу	227
Похороны	230
Глава 4. НЕРАВНЫЙ БОЙ	237
Неравный бой	237
Катя	239
Прогулка по зоне . . . . . , , .	245
Шигидин	251
В шестом корпусе	225
Орлов	261
Ночные визиты	265
Полковник Осокин	299
Сделка	307
Приказ	317
Близится ночь	320
Асан	326
Ожидание	336
Братья	345
Набат	354
Подъем	355
Запоздалое раскаяние	371
У постели Игоря	378
Прощание, но не конец	382

Imprimerie de l'Île-de-France - 94600 Choisy-le-Roi
